

НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ

ІНСТИТУТ ІСТОРІЇ УКРАЇНИ

ЦЕНТР ДОСЛІДЖЕНЬ З ІСТОРІЇ КИЇВСЬКОЇ РУСИ

Рекомендовано до друку вченою радою Інституту історії України
НАН України

У разі передруку матеріалів узгодження з видавцями обов'язкове

Висловлюємо подяку «Фонду катедр українознавства» за підтримку видання

<http://history.org.ua/index.php?urlcrnt=JournALL/select.php&seriaName=ruthenica>

Адреса редакції: 01001, м. Київ, вул. Грушевського, 4
e-mail: tolochko@hotmail.com; wlr@i.com.ua
Факс: +380 (44) 279-63-62

Свідоцтво про державну реєстрацію
Серія КВ № 6937 від 04.02.2003 р.
ISSN 1995-0276

© Ruthenica, 2010
©Автори статей

RUTHENICA

TOM IX

Наукові редактори
Володимир Ричка, Олексій Толочко

2010
КИЇВ

Зміст

Игорь Данилевский «Сии 4 лѣта»: когда они наступили?	7
Петр Толочко «Емше, влачаху поверзше ужи за ноги»	17
Сергей Цыб Когда Владимир Мономах стал киевским князем?	23
Вадим Майко Тмутаракань и Восточный Крым. Основные этапы этнокультурных связей	37
Юрий Писаренко Книга — больше, чем книга (Два случая ритуального уничтожения книг)	49
Феликс Шабульдо «Семеновы люди»: их территория и роль в политических отношениях между Крымом и Литвой на исходе XV века	57
Денис Ёлшин, Глеб Ивакин Церковь Рождества Богородицы Десятинная митрополита Петра Могилы (история, археология, изобразительные источники)	74

ДИСКУСІЇ

Тимур Бобровский Бреши в корпусе (заметки о монографии В.В. Корниенко «Корпус графіті Софії Київської»)	110
---	-----

ЗАМІТКИ

«Святошина печать» (Федор Андрощук), 131; Фрагмент *Повести временных лет* в *Троицком Мериле праведном* (Алексей Толочко), 137; Из биографии Яня Вышатича (Вадим Аристов), 141; «Троян» *Слова*

о полку *Игоре* (Вадим Ставиский), 144; «Буй – Роман» (Володимир Ричка), 149; К тексту описания новгородского пожара 1217 г. (Александр Страхов), 153; Поговорка Изяслава Мстиславича (Алексей Толочко), 158; Десятинна церква — новини сезону 2010 року (Гліб Івакін, Віталій Козюба, Олексій Комар, Ганна Марченко), 160

ПУБЛІКАЦІЇ

Тимур Бобровский

Древнерусская надпись-дипинто из Ближних пещер

Киево-Печерской лавры 166

РЕЦЕНЗІЇ

«Тайны Русского каганата» и другие проблемы научной графомании (заметки по поводу работ Е.С. Галкиной) (Алексей Комар), 185; Бибиков М.В. BYZANTINOROSSICA. Свод византийских свидетельств о Руси. Нарративные памятники. Т. II. М. (Олександр Филипчук), 196; Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Траектории традиции. Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI — начала XIII века. М., 2010, (Олексій Толочко), 208

ОГЛЯДИ 217

СКРОЧЕННЯ 232

Игорь Данилевский

«Сии 4 лѣта»: когда они наступили?¹

Уже при первом своем обращении к *Повести временных лет*, готовясь в 1890 г. к пробной лекции на заседании историко-филологического факультета Московского университета, А.А. Шахматов обратил внимание на то, что «ряд соображений указывают на 1118 г. как на год составления свода». Причем «вторая часть свода [после 1074 г.] составлена из разнообразных источников». Сводчик, составивший ее, «был человеком очень начитанным: он знаком с *Хронографом* Иоанна Малалы, с некоторыми сочинениями Иоанна Златоуста, Ипполита, папы римского и ссылается на Мефодия Патарского». «За четыре года до составления свода, — продолжает А.А. Шахматов, — он ездил в Новгород и Ладогу, и слышался там чудесных рассказов о югре, самояди и других северных народах, которые он внес в свой свод, подтверждая подлинность рассказов ссылкой на новгородца Гюряту Роговича, на ладожского посадника Павла и на всех ладожан»².

Эта тема была развита в последующих сочинениях А.А. Шахматова и стала одним из важнейших аргументов в пользу существования «третьей» редакции *Повести временных лет*. Так, в 1909 г. знаменитый исследователь писал:

Сильвестровская редакция ПВЛ не дошла до нас в первоначальном виде. В 1117 г. она подверглась переработке и дополнениям, впрочем, незначительным. Вторая редакция ПВЛ, как мы называем эту переработку, составлена тем лицом, которое говорит о себе под 1096 г., приводя свой диалог с Гюрятой Роговичем, новгородцем, и под 1114 г. (по Ипатьевской), сообщая о своем посещении Ладоги»³.

Основания для отождествления собеседника Гюряты Роговича с путешественником в Ладогу и автором второй (или третьей, если первоначальный текст

---

1 Индивидуальный исследовательский проект № 10-01-0150 «Историческая реконструкция: между реальностью и текстом» выполнен при поддержке Программы «Научный фонд ГУ-ВШЭ».

2 Шахматов А.А. О сочинениях преподобного Нестора: Первая пробная лекция на заседании историко-филологического факультета Московского университета 1 марта 1890 г. Шахматов А.А. *История русского летописания*. Т. 1: *Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды*. Кн. 2: *Раннее русское летописание XI–XII вв.* СПб., 2003, 471.

3 Шахматов А.А. Предисловие к Начальному Киевскому своду и Несторова летопись. *Там же*, 404.

Повести считать ее первой редакцией) редакции — а заодно и ее датировки 1117/1118 годом — были изложены А.А. Шахматовым еще в 1904 г.:

Что вторая редакция составлена именно в 1118 г., видим из следующих данных... Во-первых, под 1096 г. находим... рассказ летописца о беседе его с новгородцем Гюрятой Роговичем... Связь этого рассказа с беседой летописца с посадником ладожским и ладожанами, изложенной в Ипатьевском и Хлебниковском списках под 1114 г., очевидна, сходны самые предметы бесед и самые приемы их изложения (диалог, заканчивающийся ссылкой на византийские литературные памятники). Из летописной статьи 1114 г. видно, что летописец — южанин по происхождению — посетил⁴ Ладогу в год обновления ее укреплений...; следовательно, имеем основание относить беседу того же летописца с новгородцем Роговичем к тому же 1114 г. А отсюда заключаем, что летописец составил свой труд в 1117 или 1118 г., ибо летописная статья о Роговиче начинается словами: «се же хоцю сказати, яже слышахъ прежде сихъ 4 лѣтъ, яже сказа ми Гюрята Роговичъ Новгородецъ»⁵.

Позднее А.А. Шахматов уточнил и развил эти основания:

Мы предположили..., что вторая редакция ПВЛ была доведена до 1117 г.; вероятно, она составлена в то же время. Составитель второй редакции говорит о себе под 1114 г., в этом году он был в Ладоге. Ладожане рассказывали ему разные чудеса о полуночных странах... «Сему же ми есть послух, — прибавляет летописец, — посадникъ Павелъ Ладожскый и вси Ладожане». Далее летописец, предвидя возможность того, что рассказ его не встретит веры, приводит ряд выписок из Хронографа, где изложены различные чудесные происшествия. Мне этот рассказ летописца — составителя второй редакции ПВЛ — представляется вполне однородным с теми отрывками, где летописец — а согласно предыдущему, это был именно составитель второй редакции ПВЛ — предлагает вниманию читателя рассказ новгородца Гюряты Роговича; в обоих рассказах сообщается о югре и самоеди и полуночных странах; в обоих рассказах приводятся имена собеседников летописца, от которых они слышали чудесные сообщения; в обоих рассказах сказывается вместе с тем начитанный человек, знакомый с греческими хронографами и апокрифами.

Из всего этого следовал категорический вывод: «Решительно ничто не может помешать нам отождествить авторов летописного рассказа 1114 г. и отмеченного выше отрывка в летописной статье 1096 г.».

Сообщая о рассказе Гюряты Роговича, — продолжает рассуждать А.А. Шахматов, — летописец отмечает, что он слышал его четыре года тому назад; следовательно, летописец за четыре года до составления свода, а именно второй редакции ПВЛ, общался с новгородцем Роговичем; но как видно из летописной статьи 1114 г., летописец посетил новгородский север именно в 1114 г., следова-

4 В издании, очевидно, ошибочно: «поместил».

5 Шахматов А.А. Сказание о призвании варягов. Шахматов А.А. *История русского летописания*, 200.

тельно, за три или четыре года до работы его над составлением летописного свода, ибо свод этот, доведенный... до 1117 г., был составлен им в 1117 г.

Итак, — заключает А.А. Шахматов, — допустив, что сообщение о рассказе новгородца Гюряты Роговича принадлежит перу составителя второй редакции ПВЛ, мы получаем еще новое указание на то, что эта редакция составлена именно в 1117 г. Слова «Сеже хоцю сказати, яже слышах прежде сих 4 лет», сопоставленные с рассказом летописца о посещении им Ладоги, ведут к определенному хронологическому моменту — 1117 г.⁶

Из всех этих рассуждений следует, что оснований считать собеседника Гюряты и путешественника в Ладогу и Новгород одним и тем же лицом (а заодно и признать его создателем последней редакции *Повести временных лет*) всего два: 1) сходные предметы бесед и 2) сходные приемы изложения. Основания, прямо скажем, малонадежные. Единственным сходством «предмета» бесед является то, что и в одном, и в другом случаях речь идет о югре и самояди. Что же до приемов изложения... Можно ли доказать, что во всех прочих случаях они иные? К тому же, если при первом упоминании идет прямая ссылка на пророчество Мефодия Патарского, то во втором приводятся цитаты из *Хроник* Георгия Амартола и Иоанна Малалы (как считал В.М. Истрин, из какого-то хронографа, в котором обе хроники были соединены⁷). Доказать, что знаток *Откровения* Мефодия и читатель *Хроник* — один и тот же человек, боюсь, не представляется возможным.

Нет никаких указаний и на то, что беседа с Гюрятой происходила в Новгороде; напротив, тот называется «новгородцем». Это косвенно свидетельствует, что встреча с ним происходит за пределами «северной столицы».

Тем не менее, из проведенного отождествления был сделан вывод: поскольку при изложении беседы с Гюрятой Роговичем летописец отмечает, что она происходила якобы в 1114 г., отсчет должен производиться вовсе не от 1096 г., под которым сообщение о встрече летописца с Гюрятой записано в *Повести*, а от даты последнего редактирования *Повести временных лет*. Тогда-то мы и получим искомую дату завершения работы над *Повестью*: 1117 или 1118 г. Добавлю дату, априори известную А.А. Шахматову: в первой же работе, посвященной начальному древнерусскому летописанию, которая была опубликована в 1897 г., в 4-м номере *Журнала министерства народного просвещения*, именно так он уверенно датировал последнюю редакцию *Повести временных лет*⁸. Мало того, там же он обратил внимание на срок княжения Владимира Мономаха в хронологическом расчете, помещенном во «второй» редакции *Повести* под 6360 г.: 4 года.

6 Шахматов А.А. Несторова летопись: Материалы к летописям, читанные на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета в 1913/14 учебном году. Шахматов А.А. *История русского летописания*, 510–511.

7 Истрин В.М. *Очерки истории древнерусской литературы домосковского периода: XI–XIII вв.* М., 2003, 117.

8 Шахматов А.А. Хронология древнейших русских летописных сводов. Шахматов А.А. *История русского летописания*, 5.

В этом указании на число лет княжения Владимира Мономаха, — писал выдающийся исследователь, — я вижу доказательство того, что вторая редакция ПВЛ составлена в 1117–1118 гг., т.е. в четвертый год Мономахова княжения, вступившего на великокняжеский стол в 1113 г. Тем большее значение придаю этому доказательству теперь, когда вижу, что это указание является в хронологической таблице именно второй, а не первой редакции. Я слишком уклонился бы от прямой своей задачи, если бы привел теперь же ряд других данных, приводящих к тому же заключению, что вторая редакция ПВЛ составлена в 1117–1118 гг.⁹

Несмотря на то, что такая логическая конструкция даже при первом взгляде представляется избыточной, большинство последователей А.А. Шахматова с ней согласилось. Мало того, она была признана одним из важнейших аргументов в пользу существования редакции *Повести временных лет* в 1118 г.¹⁰

Одним из первых усомнился в такой аргументации В.М. Истрин, справедливо указав, что выражение «преже сихъ 4 лѣтъ» вполне можно отнести к году, под которым и приводится сообщение о беседе с Гюрятой. Он также обратил внимание на ряд допущений А.А. Шахматова, на которых базировалась датировка редакции *Повести временных лет* 1118 г., при том, что они не являлись необходимыми:

Против этого можно сделать такие возражения: 1) Внутренней связи между упомянутыми известиями нет никакой; единственная связь — это упоминание в том и другом Югры и Самояди, что несколько не удивительно: и в Ладоге, и в Новгороде одинаково хорошо знали и Югру, и Самоядь. Самые же рассказы совершенно различны: один говорит о каменном дожде, другой — о народах. Не может считаться необходимой связью обоих рассказов и то, что оба подтверждаются выписками из письменных источников: в летописи неоднократно встречаются такие подтверждения, и оба автора могли, каждый сам по себе, сделать по такому добавлению. 2) Нет необходимости отождествлять обоих летописцев, и ни откуда не следует, чтобы летописец 1096 г. был в Новгороде: он слышал рассказ новгородца Гюряты, но он мог его слышать и в Киеве; если сравнивать это известие с сообщением 1114 г., то скорее следует думать именно так: летописец 1114 г. подчеркивает, что он был в Ладоге, и ссылается на всех ладожан, а летописец 1096 г. просто говорит, что он слышал приводимое им известие от новгородца. Поэтому, — считал В.М. Истрин, — из упомянутых сообщений нельзя выводить заключение о составлении редакции «Повести» в 1118 году¹¹.

Его сомнения поддержал и развил Л. Мюллер:

9 Шахматов А.А. Хронология древнейших русских летописных сводов, 17.

10 Скажем, вскользь, как о само собой разумеющемся, упоминает этот аргумент А.Н. Насонов в фундаментальном труде по истории древнерусского летописания: «Можно..., вслед за А.А. Шахматовым, полагать, основываясь на сопоставлении известных 1096 и 1114 гг., что рассказ Гюряты Роговича вставлен под 1096 г., при редактировании в 1118 г.» (Насонов А.Н. *История русского летописания XI — начала XVIII в.: Очерки и исследования*. М., 1969, 61).

11 Истрин В.М. Замечания о начале русского летописания: По поводу исследований А.А. Шахматова в области древнерусской летописи (окончание). *Известия II Отделения Российской академии наук*. Т. 27. Л., 1922, 225–226.

Если летописец и сообщает под 1096 г., что четыремя годами ранее («преже сих 4 лѣт») он слышал от новгородца Гюряты Роговича диковинные рассказы о северных землях, то мы не можем сделать из этого вывод, что это случилось во время его поездки в Ладугу, о которой он вскользь упоминает в статье под 1114 г. Но также возможно, что он мог встретить Гюряту Роговича в Киеве, куда, конечно же, нередко прибывали посольства из Новгорода. Но даже если предположить, что летописец видел Гюряту в Новгороде и разговаривал с ним там, то откуда мы знаем, что это случилось в том же году, когда он был в Ладозе? Разве невозможно предположить, что он находился на севере три года или десять лет? Так же, как в 1114 г., он мог беседовать с Гюрятой в 1111 г., и тогда из указания «преже сих 4 лѣт» мы не можем сделать вывод, что данный рассказ должен был быть записан в 1118 г., он точно так же мог быть записан в 1115 г. И, кроме того, мы видели уже, что даже год 1114 никоим образом не может рассматриваться как достоверная дата поездки летописца в Ладугу. Итак, здесь неопределенность на неопределенности: мы не знаем, когда и как долго находился летописец на севере Руси, мы точно не знаем, когда и даже не знаем, где он беседовал с Гюрятой Роговичем, и потому летописные рассказы под 1096 г. и 1114 г., изложенные от первого лица, мало что дают нам для датировки работы летописца и вовсе не могут служить доказательством существования редакции ПВЛ 1118 г.¹²

Несколько позже эту точку зрения повторил А.Л. Никитин — без ссылки на предшественников (напротив, он даже утверждал, будто Л. Мюллер «не отвел и даже не упомянул одного, самого важного, на наш взгляд, аргумента великого ученого [А.А. Шахматова], а именно того самого отсчета «преже сих 4 лет» не от 1096, а от 1114 г.»¹³).

Во всяком случае, ясно: упоминание четырех лет в рассказе о том, как летописец беседовал с Гюрятой Роговичем о народах, заточенных за горами на севере, не может использоваться для датировки последней редакции *Повести временных лет*.

Но в таком случае возникает закономерный вопрос: а что это, собственно, за четыре года, о которых пишет летописец? Причем, пишет вполне определенно: «сии 4 лѣта». Очевидно, и ему, и читателю, на которого рассчитан текст, было совершенно ясно, о чем именно идет речь.

Зато это не ясно нам. Замечу попутно, что все оппоненты А.А. Шахматова сконцентрировали все свое внимание только на критике — но не на раскрытии смысла загадочных «четырёх лет». Речь шла только о том, от какого именно года следует отсчитывать этот срок.

Соглашаясь со «скептиками», нельзя не отметить и еще одного момента, не замеченного, кажется, никем, кроме самого А.А. Шахматова: признание предла-

12 Мюллер Л. *Понять Россию: Историко-культурные исследования*. Сост. Л.И. Сазонова, автор. пер. с нем. Под общ. ред. А.Б. Григорьева и Л.И. Сазоновой. М., 2000, 170–171.

13 Никитин А.Л. *Основания русской истории: Мифологемы и факты*. М., 2001, 28. При этом А.Л. Никитин якобы цитирует М.Х. Алешковского. Однако такого высказывания — как и других цитат того же автора, приводимых А.Л. Никитиным, — в указанной работе (Алешковский М.Х. *Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси*. М., 1971, 34–49) найти не удалось.

гаемого им истолкования выражения «преже сихъ 4 лѣтъ» порождает неустрашимое противоречие:

В обоих отрывках [«первый, сообщающий о приходе половцев, торков, печенегов и торкменов, и второй, сообщающий о приходе других полунощных народов»] повторяются одинаковые фразы, доказывающие пользование Откровением Мефодия Патарского, но в первом отрывке народы, «заклепанные» Александром Македонским, представлены уже вышедшими из заточения, это — торкмены, печенеги, торки и половцы, между тем, как во втором отрывке югра рассказывает о каком-то народе, заточенном в горах, откуда он не может высвободиться, — этот народ и отождествляется с «заклепанными» Александром Македонским народами, но они еще не высвободились из заточения¹⁴.

Единственным выходом для А.А. Шахматова было признание того, что эти «отрывки» принадлежат разным авторам.

Между тем, автор анализируемого летописного текста дает, как представляется, вполне четкие разъяснения. Чтобы напомнить их, приведем полностью интересующий нас фрагмент.

Половцы, напавшие на Печерский монастырь — «безбожьнии сынове Измаилеви, пущении на казнь хрестьяномъ». И далее:

Ищъли бо суть си ѿ пустына Нитривьскыа . межю востокомъ и сѣверо^а . ищъли же суть ихъ колѣнъ . д̄ . Торгъмени . и Печенѣзи . Торци . Половци . Мефодии же свѣдѣтельствуеть ѡ нихъ . ако . ӣ . колѣнъ пробѣгли суть . егда исѣче Гедешнь . да . ӣ . ихъ бѣжа в пустыню . а . д̄ . исѣче . [...] а Измаилъ роди . в̄ . сна̄ . ѿ ни^аже суть Торгмени и Печенѣзи . и Торци . и Кумани . рекше Половци . иже исходить ѿ пустынѣ . и по сихъ . ӣ . колѣнъ г Кончинѣ вѣка изидуть заклѣпении . в горѣ Александромъ . Македоньскымъ нечѣтъя члвкы¹⁵ .·: Се же хочю сказати иже слыша^х пре^же си^х . д̄ . лѣ^т . иже сказа ми Гюрата Роговичъ . Новгородецъ . гла сице ако посла^х штрокъ свои в Печеру люди иже суть дань дающе Новгороду . и пришедшо штроку моему к ни^а . и ѿтуду иде въ Югру . Югра же людьесть азъкъ нѣмъ . и сѣдаты с Самоадью на полунощны^х страна^х . Югр^а же рекоша штроку моему дивно мы находихо^а чюдо . *югоже нѣ есмы слышали пре^же си^х лѣ^т . се же третье лѣ^т поча быти.* [выделено мною — И.Д.] суть горы заидуче [в] луку мора . имже высота ако до н̄бсе . и в гора^х тѣ^х кличъ великъ и говоръ . и сѣкутъ гору хоташе высѣчиса . и в горѣ тои просѣчено шконце мало и тудѣ молвать . и есть не разумѣти азъку ихъ . но кажють на желѣзо и помавають рукою просаще желѣза . и аще кто дастъ имъ ножъ ли . ли секиру . [и шни] дають скорою противу . есть же путь до горѣ тѣхъ непроходи^а пропастьми . снѣго^а и лѣсо^а . тѣмже не доходи^а ихъ всегда . есть же и подалъ на полунощи . мнѣ же рекшу к Гюратѣ си суть людье заклепении Александромъ Македоньскымъ цѣрмь . ако^ж сказаеть ѿ ни^х Мефодии папа Ри^искыи . [гла Александръ цѣр Макидоньскыи] и взиде на восточныа страны до мора наричемое Солнче мѣсто . и видѣ

14 Шахматов А.А. Несторова летопись: Материалы к лекциям, читанные на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета в 1913/14 учебном году. Шахматов А.А. *История русского летописания*, 510.

15 Далее в *Лаврентьевском* списке помещено *Поучение* Владимира Мономаха.

ту члѣвки нечѣтѣя . ѿ племѣне Нелфѣтова ихже нечѣтоту видѣвъ ѡадаху скверну
всаку . комары и мухы . коткы змиѣ . и мертвецъ не погрѣбаху . поадаху . и
женъскыа изворогы . и скоты вса нечѣтѣя . то видѣвъ Александръ оубоюса .
еда како [оумножать^с и] wskвернать землю . и [загна и^с на] полунощныа страны
и горы высокиа . [и] Бѹ повелѣвшю ступишася ш ни^х [горы великиа] . то-
мо не ступишася о ни^х горы на . вѣ . локоть . и ту створишася врата мѣдана . и
помазашася сунклито^с . и аще хотать wгне^с взати не възмогу^т [ни wгне^с могоуть]
ижеши . вещь бо сунклитова сица е ни Ѡгнь можеть вжеши него . ни желѣзо яго
приметь . в послѣднѣа же дѣни по си^с изиду^т . ѿ . колѣнъ ѿ пустына [С]тривъскыа
 . изиду^т и си сквернии азыкы таже су^т в гора^х полунощны^х по повелѣнью Бѹю .
Но мы на преднѣа взврати^сса . тако^ж бахо^с пре^ж глали¹⁶ .

При отказе же от признания точкой отсчета 4-х лет от 1117/1118 (или от 1096) г. отмеченное А.А. Шахматовым «противоречие» исчезает само собой: рассказ Гюряты Роговича объясняет *теперь* летописцу, что народы, пришедшие на Русь, и есть те самые «нечистые челоѣвки», о которых ему рассказывал отрок, вернувшийся от югры, и о которых предупреждал Мефодий Патарский. Другими словами, предсказание о пришествии «челоѣков», «заклепанных» Александром Македонским, свершилось.

Остается только ждать конца света, поскольку, согласно *Откровению* Мефодия Патарского, они вырвутся из заточения

въ послѣднѣа же дѣни на скончание мира — и от лица их смятутся челоѣцы и начнутъ бѣгати и крыгися в горах и в пещерах и во гробѣх измирати начнут. от страха их и не будет кому погребая их телесъ грешных и шедше бо челоѣцы от Сѣвера ясти начнутъ плоть челоѣческую и кровь пити аки воду и вся ясти начнутъ нечиста и гнусная змия и скорпия и иныа гады и звѣри всякия и мертвечину всякоу и заклати имуть младенцы и пекуще ясти и истлять землю и осквернять ю. и не будет терпящаго на неи *прорекуть вси людие въ 3 лета* [выделено мною — И.Д.] да иж и до Иеросалима, и послеть Господь Богъ архистратига своего Михаила и посечеть их ношю на оудоли Асафатовѣ¹⁷.

Собственно, в этом и кроется смысл «этих четырех лет». Любопытно, что прямое указание на такое понимание находим уже во второй фразе после их упоминания: «се же нынѣ третьѣе лѣто . поча быти»¹⁸ — фраза, на которую не обратил внимание ни А.А. Шахматов, ни его последователи, ни его противники.

Кажется, единственным, кто попытался истолковать это указание, был А.Ю. Карпов. Он отмечает:

Не исключено, что и указание на «третье лето», в течение которого Югре является злоеющее знамение, также несет эсхатологическую нагрузку. Летописец подчеркивает, что слышал рассказ Гюряты «преже сих 4 лет»; значит, со вре-

¹⁶ ПСРЛ 1: 234–236.

¹⁷ Откровение Мефодия Патарского. Мильков В.В. *Древнерусские апокрифы*. СПб., 1999, 676–677.

¹⁸ Так в *Ипат.* (ПСРЛ: 2, 225); ср. *Лавр.*: «се же третьѣе лѣт поча быти» (ПСРЛ 1:, 235).

мени начала расшатывания «северных врат» прошло уже 7 лет — а ведь, согласно «Откровению» Мефодия Пагарского и «Сказанию» Ипполита Римского, мир «седморичен»: и торжество измаильтян, и их поражение в войне с «греческим царем», и власть над миром Гога и Магога, и царствование антихриста должны продлиться кратное семи число лет или ровно семь лет¹⁹.

При том, что в целом такое понимание не вызывает возражений, конкретные детали нуждаются, как мне представляется, в корректировке. Во-первых, «третье лето» явно входит в общий срок, прошедший с момента, когда летописец услышал рассказ Гюргы, и не должно плюсоваться к нему. Причина ошибки А.Ю. Карпова, видимо, в том, что он старался «вписаться» в семилетие, присутствующее якобы у Мефодия Пагарского и Ипполита Римского. Между тем, как уже отмечалось, у Мефодия присутствуют именно три года. Да и народы нечистые вовсе не могут «расшатать» ворота Александра. Об этом прямо пишут и Мефодий, и летописец. К тому же у Ипполита Римского мы легко находим тот самый срок, который четко обозначен в *Повести временных лет*: три с половиной года.

В Геннадиевской Библии 1499 года *Новый завет* завершается расчетом лет до скончания мира. Это *Разрешение неизреченного откровения*²⁰, которое приписывается Ипполиту. После цитирования первых четырех стихов 20-й главы *Апокалипсиса* его автор приводит рассуждение, завершающееся указанием: «И тако отрѣшится сатана по праведному суду Божию и прельститъ миръ до реченнаго ему врѣмени, еже три и пол-лѣта, и потом будетъ конецъ»²¹.

Предсказание о «нечистых человеках» летописец слышал от Гюргы четыре года назад — и вот уже третье лето, как предсказания начинают сбываться...

Действительно, если мы просмотрим летописные записи за четыре года, предшествующие статье 6604 г., обилие дурных предзнаменований потрясает. Собственно, едва ли не весь текст летописи за этот период — начиная со статьи 6600 г. («Предивно бы^с [чюдо] Полотьскѣ въ мечтѣ [...]») — представляет собой перечень дурных примет. Здесь мы найдем и знамения в солнце, и падение с неба некоего змея, и землетрясение, и появление «волхвов», и налеты саранчи,

19 Карпов А.Ю. Эсхатологические ожидания в Киевской Руси конца XI – начала XII в. *Отечественная история*, 2002. № 2, 11.

20 Ср.: «И знаю о таком человеке (только не знаю — в теле, или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать» (2 Кор. 12, 3–4). Ср. также: «И слышал я, как муж в льняной одежде, находившийся над водами реки, подняв правую и левую руку к небу, клялся Живущим вовеки, что к концу времени и времен и полувремени, и по совершенном низложении силы народа святого, все это совершится. Я слышал это, но не понял, и потому сказал: “господин мой! что же после этого будет?” И отвечал он: “иди, Даниил; ибо сокрыты и запечатаны слова сии до последнего времени. Многие очистятся, убелятся и переплавлены будут в искушении; нечестивые же будут поступать нечестиво, и не уразумеет сего никто из нечестивых, а мудрые уразумеют. Со времени прекращения ежедневной жертвы и поставления мерзости запустения пройдет тысяча двести девяносто дней [т.е. три с половиной года. — И.Д.]. Блажен, кто ожидает и достигнет тысячи трехсот тридцати пяти дней. А ты иди к твоему концу и упокойся, и восстанешь для получения твоего жребия в конце дней» (Дан. 12, 7–13).

21 Геннадиевская Библия 1499 года. Л. 901 об. (*Библия 1499 года и Библия в Синодальном переводе: С иллюстрациями. В десяти томах*). М., 1992. Т. 8, 508.

и моровые поветрия, и, естественно, «нахождения» иноплеменников. При этом здесь же мы находим и довольно пространные рассуждения о казнях Божиих²². Не случайно именно с 1093–1096 гг. А.А. Шахматов связывал создание *Начального свода*.

Любопытно отметить и еще одну деталь: статья 6601 (1093) года начинается с упоминания индикта («индикта . а̄ . лѣто») ²³.

До этого индиктный счет упоминался только в статьях, повествующих о начале правления Михаила III, о кончине и перенесении мощей Феодосия Печерского, а также в договоре Святослава с греками.

После же этого мы встречаем указание на индикт в конце тех самых трех с половиной лет. Статья 6604 (1096) года кончается уникальным указанием: «се же бы̄^с исходащю лѣту . ѿ̄с̄ . х̄ . д̄ . индикта . д̄ . на полы :·»²⁴, написанным кинноварью²⁴. Оба указания индиктов образуют своеобразную рамку «четырех (по включительному счету) лет».

Еще две индиктовых датировки завершают *Повесть временных лет* по *Лаврентьевскому* списку: в статье 6615 (1107) г. (завершается она, кстати, сообщением о землетрясении: земля «трасеса земла . пре^а зорами в но^ш») ²⁵; указание на такую несколько странную деталь получает объяснение при обращении к апокрифическим сочинениям — в одном из рассказов о телесном воскресении подчеркивалось: «Какоже труба вострубить *пред зорями* — мертвии во Христе воскреснуть...»²⁶) и в знаменитой приписке Сильвестра, ориентированной на 9 индикт (кстати, появления в «последние дни» безбожных Измаильтян, а также следующих за ними народов Гог и Магог, по тому же Мефодию Патарскому, должно было случиться именно «в первый месяц девятого индикта»²⁷).

В таком контексте, на наш взгляд, упоминание «сих 4 лет» в пересказе разговора летописца с Гюрятой Роговичем практически полностью утрачивает значе-

22 Именно с 90-ми гг. XI в. связывал А.С. Орешников создание *Поучения о казнях Божиих* (Орешников А.С. К истории Начального летописного свода: О составителе и времени составления «Поучения о казнях Божиих». *Труды Московского государственного историко-архивного института*. М., 1961. Т. 1: Труды СНО: История СССР, специальные исторические дисциплины. Под ред. С.О. Шмидта, 481–487).

23 *ПСРЛ* 1: 216.

24 *ПСРЛ* 1: 241. Уникальность его, в частности, заключается в том, что это единственное упоминание *половины* индикта во всем древнерусском летописании. Появление такого указания можно объяснить лишь необходимостью точно отмерить три с половиной года, на которые, согласно пророчеству Даниила, будет отпущен сатана в последние времена, и которые упоминаются Ипполитом Римским в только что процитированном *Разрешении неизреченного откровения*.

25 *ПСРЛ* 1: 283 (из *Радз.*)

26 Вопросы Иоанна Богослова Аврааму на горе Елеонской. Порфирьев И.Я. *Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях, по рукописям Соловецкой библиотеки*. СПб., 1890, 325.

27 В связи с этим уместно вспомнить отмеченное В.К. Зиборовым стремление летописцев сопроводить завершение своего труда указанием индикта текущего года («Совпадения индиктов с этапами летописной работы нельзя назвать случайными. С XII по XV в. в разных городах Руси (Новгород, Владимир, Ростов, Кострома, Суздаль, Москва) летописцы используют один и тот же прием: отмечают окончание своей работы тем, что в записи последнего года ставят индикт». См.: Зиборов В.М. *О летописи Нестора: Основной летописный свод в русском летописании XI в.* СПб., 1995, 37).

ние аргумента, который может использоваться при установлении даты создания очередной редакции *Повести временных лет*, зато приобретает вполне ясный эсхатологический смысл, еще раз подтверждая гипотезу об общей ориентации древнерусского летописания на «последние времена»²⁸.

Государственный университет —
Высшая школа экономики, Москва

---

28 Подробнее см.: Данилевский И.Н. *Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов*. М., 2004.

Петр Толочко

«Емше, влачаху поверзше ужи за ноги»

Хорошо известен эпизод *Киевской летописи*, описывающий драматическую смерть в 1147 г. князя Игоря Ольговича от рук восставших киевлян. Это странное повествование идеологически и по стилю заметно отличается от окружающего летописного текста и составлено церковным лицом в жанре житийного сказания.

Содержательно оно подчинено идее прославления черниговского князя, как нового мученика, пострадавшего за веру и «люди своя». Угадывая замысел киевлян, Игорь, по словам летописца, желал себе мученической смерти:

и размъшлаше . въ ср̑ци своемъ . тако толикы стр̑ти и различнаа см̑рти на праведники находили соуть . и како ст̑ии пр̑рци ап̑ли съ м̑н̑кы в̑нцаша^б и по Г̑д̑ крови своя прольаша . и како ст̑ии с̑щенном̑н̑ци пр̑п̑бнии ѿ̑ци многыа напасти . и горкыа моукы . и различныа см̑рти приаша [...] ихже м̑лтвами Г̑и причти ма избраномъ твоємъ стад̑ . съ десными ма в̑цями [...] се ны̑ аще кровь мою прольють то м̑н̑къ боудоу Г̑оу моемоу¹

Совершенно очевидно, что святость Игоря будет моделироваться повествователем по типу «страстотерпцев», принявших муки, аналогичные страстям Христовым. Особенностью смертной расправы над Игорем явилось и то, что совершилась она не столько над князем, сколько над благочестивым монахом, человеком божьим, о чем толпе напоминал сам Игорь:

в зако(но)престоупници врази всеа правды Х̑ви ѿметьници . почто ѿко разбоиника . хошете ма оубити . аще кр̑тъ ц̑ловал̑ есте ко мн̑ рекоуще ѿко им̑ти ма соб̑ к̑земъ . ны̑ оуже и всего того не поманоуль быхъ . зане сподобиль ма Б̑ . мнискыи чинь въсприати²

Увещевания Игоря не произвели на толпу никакого впечатления. «Лоукавыи же неч̑тивыи сборъ, – как пишет летописец, – ѿко зв̑рье сверьпии» набросился на Игоря. На паперти церкви святого Федора убийцы разодрали на нем монашескую одежду и повели из монастыря. На Мстиславлем дворе, где Игоря пытался

---

1 ПСРЛ 2: 350.

2 ПСРЛ 2: 351.

укрыть Владимир Мстиславич, он был вновь достигнут преследователями. Почти бездыханного и нагого его привязали веревкой за ноги и протянули от Мстислава двора, через площадь Бабин торжок, на княж-двор, где и прикончили:

и поверзыше оужемъ за ногы . оуворозиша . и ѣще живоу соущоу емоу рѣгающеса
цѣрскомо и сѣеномѣ тѣлоу . и волокоша и съ Мьстиславла двора чересь Бабинь
торжекъ на кнѣж дворъ и тоу прикончаша и³

После этого тело Игоря отвезли на подольское Торговище (что равнозначно выволакиванию за город) и там подвергли поруганию: «и повергоша пороуганью . незаконнии несъмьслении . всѣтпленнии щцима . своима»⁴.

Таковы ли были действительные детали происшедшего, сказать трудно, тем более, что, как увидим ниже, у эпизода имеется прямой литературный источник.

Но история эта имела продолжение.

В 1156 г. киевскую кафедру занял митрополит Константин, присланный из Константинополя со специальным заданием ликвидации «Климовой схизмы». Среди крутых мер, предпринятых новым митрополитом, было анафематствование Изяслава Мстиславича, патрона Клима и косвенного виновника убийства Игоря Ольговича. Через три года, когда киевским князем стал Мстислав Изяславич, митрополит Константин, опасаясь возмездия, бежал в Чернигов, где князем был брат Игоря — Святослав Ольгович, а епископом — грек Антоний, пришедший из Константинополя, по-видимому, вместе с Константином.

Константин так и умер в Чернигове. Его завещание было примечательным: он приказал не предавать свое тело обычному погребению, но, привязав веревкой за ноги, выволочь за пределы города и бросить на съедение псам:

быѣ же и смѣрть яго сица . яко ѡмираючи ему призва к собѣ епѣпа Черниговского
. Антонья . заклать и глѣ сице . яко по ѡмертвии моеѣ не погребешь тѣла моего.
но ѡжемъ поверзше за нозѣ мои . извлечѣте ма из града . и поверзѣте ма псомѣ .
на расхѣтанье⁵

В литературе уже указывалось, что обе смерти – Игоря и Константина – связаны между собой, причем завещание митрополита апеллирует к мученичеству князя-монаха⁶. Тем не менее, в недавней статье⁷ Анна Литвина и Федор Успенский отвергли такое предположение, объяснив необычное завещание митрополита Константина известной (преимущественно в восточной церкви) практикой крайней аскезы, поношения останков и отказа от погребения. Авторы посетовали, что А.П. Толочко не нашел нужных источников, которые могли бы служить

3 ПСРЛ 2: 352–353.

4 ПСРЛ 2: 353.

5 ПСРЛ 1: 349.

6 Толочко О. Смерть митрополита Константина. До розуміння давньоруської моделі святості. *Mediaevalia Ucrainica*, 2, 1993, 30–48

7 Литвина А., Успенский Ф. Что стоит за отказом митрополита Константина от христианского погребения в 1159 г.? *Ruthenica*, VIII, 2009, 9–31.

непосредственным образцом для поступка митрополита, да к тому же некорректно трактовал смерть митрополита Константина как попытку повторения «страстотерпства». К сожалению, названным авторам также не удалось найти непосредственный источник для летописного описания поступка Константина. Между тем, такой источник имеется и решает спор, скорее, в пользу мнения А.П. Толочко.

Первым епископом Херсонеса Таврического (Херсона) был некий Василий, направленный из Иерусалима для обращения города «в шестнадцатый год правления Диоклетиана». Василий проповедовал и совершил несколько чудес, что навлекло на него гнев язычников и иудеев. Разъяренной толпой он был убит. Его останки были похоронены вне пределов города, а впоследствии над ними был возведен мавзолей, недавно, как кажется, позитивно идентифицированный археологически⁸. В *Прологе* известно краткое житие Василия и первых херсонских епископов, помещенное под 7 марта⁹.

Именно здесь находим точную текстуальную параллель как к смерти митрополита Константина, так и предшествующему убийству Игоря Ольговича:

невѣрнн же разгнѣвашесе. емше владоху поверзше оужн за ногъ. и влаучнмь оумръ¹⁰

Создание *Пролога* теперь датируют 60-ми гг. XII в.¹¹, то есть вскорости после смерти Константина. Было бы соблазнительно предположить, что, натолкнувшись в этом, еще новом, сборнике житий на подходящий агиографический эпизод, решили заимствовать его для описания киевских событий 1147 г. и черниговских 1159 г. Однако многие детали летописных описаний с несомненностью указывают, что в формировании их литературного облика принимало участие и пространное житие херсонских епископов.

Славянский текст *Жития херсонских святых* известен в двух переводах: первый входит в состав *Супрасльской рукописи* XI в. и был неоднократно опубликован. Второй перевод известен по *Четьим минеям* митрополита Макария XVI в. Несмотря на значительную хронологическую дистанцию, оба перевода относят к довольно раннему времени и связывают с Преславской школой перевода¹². Тексты обеих версий, впрочем, весьма близки, достигая порой буквального сходства. Именно в пространном житии находим многие мотивы, ставшие продуктивными для летописи.

Епископ Василий подвергался нападкам и избиениям от жителей Херсона, что и заставило его удалиться из города: града того мѣжн. рннѣша сѧ на оуко-

8 См.: Сорочан С.Б., Крупа Т.М. Мартирий св. Василия в византийском Херсоне. *Археологічні дослідження в Україні в 2004–2005 рр.* К., Запоріжжя, 2006, 329–334.

9 См.: Сергей, арх. *Полный месяцеслов Востока.* Т. 2. *Святой восток.* М., 1876, 72–73 втор. паг.

10 Цит. по изданию: Лавров П. *Жития херсонских святых в греко-славянской письменности* [Памятники христианского Херсонеса, вып. 2]. М., 1911, 169.

11 См.: Лосева О.В. *Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII — первой трети XV веков.* М., 2009, 23–128.

12 См.: Чернышева М.И. Замечания о языке славянской версии «Жития херсонских святых». *Очерки истории христианского Херсонеса [Херсонес христианский]*, вып. 1]. СПб., 2009, 118–138.

рнзны и быеннѣ. не послоушашште его. отъ нечюувствѣнѣ одрѣждашта нх прѣльстн. тѣмже стѣн епѣ въ сѣкровнѣ мѣстѣ сѣда въ пештерѣ прѣбывааше¹³. После чуда с воскресением сына некоего вельможи гнев горожан достиг предела: они пришли в пещеру к святому, выволокли его, повязали за ноги веревкой и влчили по городу пока, наконец, святой не умер. Тело же его выволокли через городские ворота и выбросили на съедение зверям:

ѣакоже рнзѣвнѣтн еаннѣ. и на оубон стѣаго дрѣзнѣтн. и прншѣдѣше въ пештерѣ ндеже жнтнѣ нмѣаше стѣн епѣ. и обрѣтше его и поврѣзѣше и за нозѣ. владѣахѣ и по гостннцоу градѣночюумоу. прншѣдѣше же на то мѣсто. ндеже нзына крѣстѣанн стѣлпѣ поставнша. жнвотвораштнн крѣстѣ нмѣштѣ на себѣ. самѣ тѣ стѣн епѣ отѣдастѣ дшѣ. тѣло же вѣкѣше внѣ вратѣ слышаштннхѣ са нѣра. нзвѣкѣше. поврѣгоша псомѣ на ѣдѣ¹⁴.

Святость останков была удостоверена чудесными знаменами: тело епископа не просто оказалось цело, но звери даже приходили сторожить его, а над телом замечен был чудесный свет:

Лежаштоу же ѣмоу на многы дѣнн. промысломѣ бжнѣмѣ. не оставѣнѣштннмѣ и по сѣмрѣтн стѣаго его тѣла. вѣкѣшнѣ прнсѣдѣаше оу тѣла на сѣблюденѣ ѣмѣ. звѣздѣ свѣтѣлѣ снажштн на мѣстѣ томѣ ндеже лежаше¹⁵.

Распознав несомненные признаки святости, «еллины» уверовали и похоронили тело Василия:

тѣгда нже тѣмѣ прѣстѣимѣ мѣжемѣ хѣовн вѣровавѣшнн. належаштааго радн страха. отъ множества еаннѣ. погребоша ноштнѣ стѣнѣ его тѣло. внѣ стѣнѣ на западѣ града. ванзѣ тожде стѣнѣ¹⁶.

Параллель со смертью митрополита Константина в Чернигове явная и становится еще более очевидной, если принять во внимание ту более пространную версию его жития (сохраненную в *Московском летописном своде конца XV века*), что стала основой для сжатого пересказа в *Лаврентьевской летописи*:

по умертвнн моемѣ [завещал митрополит — П.Т.] не погребите тѣла моего, но повергѣше его на землю и поцѣплѣше ужемѣ за нозѣ и извлекѣше изъ града, поверзите на ономѣ мѣстѣ”, имя нарекѣ ему, “псомѣ на расхыщение”. Диви же ся тому много князь и епископѣ. Та же створи епископѣ повелѣннѣо ему, и поверже на уреченном мѣстѣ тѣло его; народи же вси дивнѣшѣя о смерти его. И лежа внѣ града тѣло его три дни; и по томѣ же Святославѣ князь о вещи сеи страхомѣ велиемѣ и ужастѣю одержимѣ бѣ, и убоявѣся суда Божѣя, и повелѣ въ третѣи день взѣти

13 Цит. по изданию: Лавров П. *Жития херсонских святых в греко-славянской письменности*, 160.

14 Лавров П. *Жития херсонских святых в греко-славянской письменности*, 161.

15 Лавров П. *Жития херсонских святых в греко-славянской письменности*, 161

16 Лавров П. *Жития херсонских святых в греко-славянской письменности*, 161

тѣло его и повелѣ нести въ градъ с великою честью; не прикосну же ся е въ ты и дни ничто же к тѣлу тому, но цѣло и невредимо бысть ничимъ же; и внесше и въ градъ, положиша у святаго Спаса, идѣ же Игорь лежитъ Ярославичъ, в теремци¹⁷.

При всей очевидности сходства мотивов и ситуаций, оставляющих мало сомнений в том, что они заимствованны из *Жития херсонских святых*, буквальных текстуальных параллелей ни версия *Супрасльскаго сборника*, ни *Макаръевских Четых Минеи* не дают. Напротив, буквальное совпадение (ср.: Игорь: «поверзше оужемъ за ногы»; Константин: «Ѹжемъ поверзше за нозѣ мои»; *Пролог*: повръзше оужн за нозѣ. н влаучнмъ ; *Супр.*: н повръзше н за нозѣ. влаучахъ; *Четы Минеи*: н свзавше ем8 нозн влаучнша) обнаруживается в проложном житии херсонских мучеников, где, однако, отсутствуют все важные эпизоды.

Создается впечатление, что автор/авторы житийных повестей об Игоре и Константине, зная содержание *Жития херсонских святых*, не пользовались славянским текстом. Можно высказать предположение, что основой для составления летописных эпизодов послужил греческий текст *Жития херсонских святых*¹⁸.

Это предположение не выглядит совершенно беспочвенным. Митрополит Константин не случайно бежал в Чернигов. Кроме политической защиты, там он обрел и сподвижника – епископа Антония, грека, пришедшего на Русь вместе с Константином. Таким образом, в Чернигове в 1159 г. образовался оппозиционный Киеву церковный кружок, состоявший из значительного числа греческого по происхождению клира. Есть основание полагать, что он и озаботился прославлением Игоря Ольговича, как первого местночтимого святого. Это определенно соответствовало желанию черниговского князя Святослава Ольговича, который еще в 1150 г. перенес останки брата из Киева и захоронил их в особо устроенной гробнице у Святого Спаса: «В то же верема Сѣославъ Ѡлговичъ . перенесе мощи брата своего Игоря . ѿ сѣго Семена ис Копырева конца . в Черниговъ . и положиша оу сѣго Сѣса в теремѣ»¹⁹.

Трудно со всей точностью утверждать когда именно, но несомненно в этом кругу «черниговских греков» с подсказки епископа Антония и в укоризну киевским властям, были созданы *Житие* Игоря и апеллирующее к нему *Житие* митрополита Константина. Оба текста восходят к *Житию херсонских святых* и уподобляют летописных персонажей мученику Василию. Характерно, что между князем-иноком и митрополитом как бы разделены эпизоды мученичества и чудес Василия.

Вряд ли следует сомневаться в том, что сказание о мученической кончине Игоря Ольговича создавалось как обоснование его святости. Как известно, для провозглашения человека святым требовалось, чтобы после смерти он творил

17 *ПСРЛ* 25: 66–67.

18 Модальность здесь необходима, так как «известный науке сохранившийся греческий текст к «Житию херсонских святых» сильно отличается от того, который послужил оригиналом для славянского перевода» (Чернышева М.И. Замечания о языке славянской версии «Жития херсонских святых», 118).

19 *ПСРЛ* 2: 408.

чудеса. В случае с Игорем имело место и это. Когда его тело было положено в церкви св. Михаила, что на Подоле, то «на тоу ночь Бѣ проави над ни^м знамение велико . зажоша^ѣ свѣчѣ вси над ни^м въ . цркви тои». Новгородцы, которым принадлежала церковь, рассказали об этом митрополиту, но он «запрѣти да никомоу же не повѣдать но повелѣ потаити такоую блѣть Боу явлешю над ни^м»²⁰. Кроме того, как утверждает летописец, быстро возникло убеждение в целительной силе мощей Игоря: «члвци же блговѣрнии . приходаще взимахоу ѿ крове его и ѿ прикова соушаго на немъ . на тѣлѣ его . на спѣние себе . и на исцѣление»²¹.

Трудно судить, когда установилось почитание Игоря. Память Игоря и Константина отмечается 5 июня, следовательно приурочена к дню перенесения мощей Игоря из Киева в Чернигов в 1150 г. При том, что ее содержат только поздние минеи и месяцесловы, трудно сомневаться в домонгольском происхождении совместного почитания святых²².

В заключение попытаемся ответить на естественный вопрос, когда это черниговское *Житие* Игоря оказалось в *Киевской летописи*? Сколько-нибудь убедительных данных для этого, разумеется, нет. И, тем не менее, вряд ли будет большой натяжкой, если предположить, что это могло случиться или во время великого киевского княжения Святослава Всеволодовича, являвшегося внучатым племянником Игоря Ольговича и имевшего своего летописца, или при составлении *Киевского летописного свода* 1198–1200 гг. летописцем Моисеем. Что это в принципе было возможным свидетельствует некролог черниговскому князю Всеволоду Святославичу, вставленный Моисеем в свой свод из *Черниговской летописи* и украшенный его характерным дополнением: «давѣ вбщии долгъ . емоу же нѣ^ѣ оубѣжати всакомоу роженомоу»²³. В свое время к аналогичному выводу приходил и М.Д. Приселков, считавший, что *Киевский свод* 1200 г. широко использовал черниговский летописец Игоря Святославича, который узнается по записям, уделяющим внимание семейным делам этого князя²⁴.

Інститут археології НАН України

20 ПСРЛ 2: 354.

21 ПСРЛ 2: 353.

22 Сергей, арх. *Полный месяцеслов Востока. Т. 2. Святой восток*, 149 первой. паг. Голубинский Е.Е. *История канонизации святых в русской церкви*. Изд. 2-е. М., 1903, 58. прим. 4.; О том, когда произошло церковное прославление Константина в источниках сведений нет. Исходя же из того, что летописное описание обстоятельств его погребения почти в точности повторяет житийный рассказ о погребении священномученика херсонеского Василия, а также принимая во внимание, что день памяти Константина соединен с днем памяти Игоря Ольговича, можно предполагать, что случилось это еще в древнерусское время. Нетронутость тела Константина определенно была воспринята современниками как чудо. Видимо, и другие чудеса, описанные в летописном своде XV в., были придуманы тогда же.

23 ПСРЛ 2: 692.

24 Приселков М.Д. *История русского летописания XI–XIV вв.* Л., 1940, 49.

Сергей Цыб

Когда Владимир Мономах стал киевским князем?

Личность Владимира Всеволодовича Мономаха всегда воспринималось учеными как одна из самых значительных фигур истории Киевской Руси. Нет необходимости перечислять все научные и популярные публикации, оценивающие заслуги князя в борьбе с половцами, в консолидации русских земель, в разработке нового законодательства и т. д. Созданное и усвоенное нами представление о величии этой исторической персоны требует самого внимательного знакомства со всеми эпизодами его жизни. Мы предлагаем здесь рассмотрение одного из этих эпизодов, может быть, самого важного в биографии князя, — начала его княжения в Киеве.

Привычным и даже «хрестоматийным» стало мнение о том, что Владимир Всеволодович стал киевским князем в 1113 г. Эта дата присутствует во всех школьных и университетских учебниках последних полутора столетий, во всех популярных и научных сочинениях этого времени (опять же не стоит оформлять библиографический список всех изданий, где указана эта дата). Если кто-то из читателей этой статьи укажет хотя бы одну оригинальную хронологическую версию вокняжения Мономаха в Киеве, то автор будет благодарен ему за это историографическое открытие.

Основанием для появления «хрестоматийной» даты стала статья 6621 г. *Повести временных лет*, которая и рассказывает о начале киевского княжения Владимира Всеволодовича. Считается, что на этом участке *Повести* ее первоначальный текст точнее передают списки Ипатьевской редакции, а северо-восточные списки (*Лаврентьевский*, *Радзивиловский*, *Московско-Академический* и др.) отражают позднюю (конец XII в.) обработку текста начала этого столетия. А.А. Шахматов объяснял это тем, что вторая (Лаврентьевская, 1116 г.) редакция *Повести* заканчивалась описанием событий 6618 г., после чего начинался текст Ипатьевской редакции (1118 г.); позже, в конце XII в., он был обработан владимиристо-суздальскими редакторами, причем, обработка заключалась и в частичном соединении редакций 1116 и 1118 гг. *Ипатьевская* же летопись лучше сохранила оригинальный текст редакции 1118 г.¹ Другими словами, мы можем считать первоначальным рассказ ипатьевских списков о начале княжения Владимира в Киеве в 6621 г.

---

1 Шахматов А.А. *Повесть временных лет*. Т. 1: *Вводная часть, текст, примечания*. Пг., 1916.

Статья начинается с известия, содержащего несомненную опорную дату: «Бѣ знаменье въ слнці . въ .а. (1) часть . дне <...> мѣа . марта . въ .ѳі. (19) днь.»², что подразумевало солнечное затмение 19 марта 1113 г. и, следовательно, 6621 номер года был константинопольским (от сотворения мира до рождества Христова 5509–5508 лет) и имел сентябрьский или мартовский календарный стиль. Полагаясь на это, все исследователи без каких-либо сомнений также трактовали хронологию этой годовой статьи и прочих известий, поскольку она начиналась с весенних событий, то объявляли все ее показания мартовскими (март 1113 г. — февраль 1114 г.)³. Очевидно, однако, что такой взгляд был упрощенным и поэтому весьма неточным. Так, сразу понятно, что киевский князь Святополк Изяславич не мог умереть вскоре после этого затмения, в апреле 1113 г., как это показывает источник:

Се же бывають знаменья . не на добро [...] тако се древле во дни на Внтихковы быша знаменья въ Ерѣмѣ [...] якоже бысть знаменье въ слнцѣ . проявлаше Сѣополчно смѣрть [...] преставился благовѣрныи князь Михайль зовемыи Сѣополкъ . мѣа априла . въ .сі. (16) днь⁴

На это указывает окончание предыдущей летописной статьи Ипатьевского списка (6620 г.), где сообщается о назначении нового игумена Киево-Печерского монастыря взамен ушедшему на черниговскую епископию Феоктисту:

Сему же тако бывышю . и братьи суци безъ игумена . совокупившимса братьи . всѣи . и нарекоша в собѣ игумена Прохора попина . и възвестиша митрополиту . и князю Стополку ѿ немь . и повелѣ князь митрополиту поставити с радостью . и поставленъ бѣ недѣлѣ масленоѣ в четвергъ . мѣа феврала . въ .ѳ. (9) днь и тако внидоша в постъ . братья и со игуменомъ⁵

Давно уже было отмечено, что показание «недѣлѣ масленоѣ в четвергъ мѣа феврала . въ .ѳ. (9) днь» является дефектным, так как такое сочетание пасхально-юлианских элементов было в 1111 г. от Р.Х., а этот год никак не увязывается с окончанием летописного 6620 г. Все исследователи поэтому утверждали, что 6620 г. *Повести* — мартовский (март 1112 г. — февраль 1113 г.), значит уместной должна быть такая конъектура текста: *В неделю (т.е. в воскресенье) Масленой седмицы, месяца февраля в 9 день*⁶. Действительно, в 1113 г. день 9 февраля был

2 ПСРЛ 2: 274.

3 Мельников [Печерский] П.И. Солнечные затмения, виденные в России до XVI столетия. *Отечественные записки*. Т. XXII. 1842, 56; Погодин М.П. *Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. 4: Период удельный, 1054 — 1240*. М., 1850, 136; Степанов Н.В. К вопросу о календаре Лаврентьевской летописи. *ЧОИДР*. 1910. Кн. 4 (235), 13; Степанов Н.В. Календарно-хронологические факторы Ипатьевской летописи до XIII века. *ИОРЯС*. Т. XX. Кн. 2. 1915, 30–31; Свяцкий Д.О. Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. *ИОРЯС*. Т. XX. Кн. 1. 1915, 105.

4 ПСРЛ 2: 274, 275, прим. «а».

5 ПСРЛ 2: 274.

6 Погодин М.П. *Исследования*, 108–109; Шахматов А.А. *Повесть временных лет*, 345–346, 393, 402; Степанов Н.В. *Календарно-хронологические факторы*, 30, 39 и др.

воскресеньем, но — в чем и ошибались все предшественники! — не на Масленной (или Сыропустной) седмице, а на предшествовавшей ей Мясопустной седмице, тогда как Сыропустная неделя (воскресенье) была 16 февраля. Однако то, что поставление Прохора было все же в Сыропустное воскресенье, сомнений не вызывает, поскольку сразу вслед за ним в летописи идет речь о начале Великого поста, а такое возможно было только в 6620 г., который на одно обозначение отставал от мартовского константинопольского счета (март 1113 г. — февраль 1114 г.); с учетом того, что он был високосным (6620-й год по юлианскому 4-летнему циклу является високосным), получается, что 9 февраля 1114 г. было в пасхальном году воскресеньем Сыропустной седмицы.

Ранее мы предложили именовать этот календарный стиль «постмартовским» и выявили его частое применение в заключительной части *Повести временных лет*⁷. Этот вывод постепенно находит признание в кругу специалистов — знатоков исторической хронологии⁸. Иначе говоря, киевский князь Святополк Изяславич умер не ранее 9 февраля 1114 г., и это предположение позволяет нам заподозрить совмещение различных текстовых и хронологических слоев в статье 6621 г. ипатьевских списков *Повести временных лет*.

Такая догадка подтверждается текстом самой летописной статьи 6621 г., которая содержит несколько очевидных признаков редакционных изменений, и это ставит под сомнение вывод о ее хронологической цельности.

Первый след неудачного вмешательства редакторской руки мы наблюдаем сразу же после упомянутого астрономического известия: «Бѣ знаменьє въ слнѣци . въ .а. (1) часѣ . днѣ [...] мѣа . марта . въ .ѿ. (19) днѣ . а луны . въ .ѿ. (9) .к. (20)» [здесь и далее все вставки в текст и подчеркивания мои. — С.Ц.]. Уже летописцы-переписчики *Повести* выразили свои сомнения по поводу точности заключительной фразы данного сообщения. Владимиро-суздальские «списатели» конца XII — начала XIII вв. вообще ее выпустили (вслед за ними это сделали и новгородские летописцы), а поздние копировщики *Ипатьевской* летописи представили ее иначе: в *Хлебниковском* списке отсутствовала цифра ·к· (20), а в *Ермолаевском* списке непонятная фраза была заменена словами «а кругъ луны во ·ѿ· (9)»⁹. Лишь составитель *Густынской* летописи понял это сообщение так, что вслед за солнечным затмением через 10 дней было затмение лунное¹⁰.

Однако никакого лунного затмения не могло быть ни за 10 дней до солнечного «знаменья», ни через 10 дней после него; в 1113 г. лунное затмение приходи-

7 Цыб С.В. О хронологических показаниях летописной статьи 6620 года Ипатьевского списка. *Проблемы хронологии в археологии и истории*. Барнаул, 1991, 148–161; Цыб С.В. *Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет»*. Барнаул, 1995, 12–24, 79–81; Цыб С.В. *Хронология домонгольской Руси. Ч. 1: Киевский период*. Барнаул, 2003, 24.

8 Симонов Р.А. О календарном стиле статьи 6615 г. *Повести временных лет: Опыт компаративного анализа. Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании*. М., 1996, 332–334; Данилевский И.Н. Рец.: Цыб С.В. *Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет»*. Барнаул, 1995. *Вопросы истории*. 1997. № 5, 162–165; Каменцева Е.И. *Хронология*. М., 2003, 15; Ермолаев И.П., Ермолаев А.И. *Историческая хронология: Учебное пособие*. Казань, 2004, 172.

9 Ср.: *ПСРЛ* 1: 289–290; *ПСРЛ* 2: 247, прим. 56; Приложение, с. 22.

10 *ПСРЛ* 2. СПб., 1843. Прибавление, 289

лось на 4 марта, но было оно дневным, т.е. невидимым на Руси. Не могла цифра ·᠗· (9) обозначать и Круг Луны, поскольку в древнерусской письменности этот пасхальный термин, как справедливо отметил еще А.А. Шахматов, никогда не употреблялся отдельно от Кругов Солнца¹¹. Загадочное показание *Повести* не могло обозначать и последний, 29-й, день лунного месяца, когда только и происходят солнечные затмения (так считали Н.В. Степанов и И.Н. Данилевский¹²), поскольку в летописном тексте проставлено, все же, не число ·к᠗· (29), а нелепое сочетание цифр «въ ·᠗· (9) ·к· (20)». По всей видимости, первоначальную форму «лунного» сообщения из общего для *Ипатьевского* и *Хлебниковского* списков протографа — ·᠗· (9) — сохранил в неизменности второй из них (это подтверждается *Архивским* списком *Густынской* летописи: «Того же мѣсяца [марта] ·᠗· (9)»¹³). Переписчик же *Ипатьевского* списка, заметив нарушение в очередности календарных дат (сначала — 19 марта, затем — 9 марта), попытался неумело исправить второе число на 29. Очевидно, что «лунное» дополнение к известию о солнечном затмении появилось в результате непонятого пока для нас редакционного вмешательства в летописный текст, но сам факт наличия такого редактирования сомнений не вызывает.

Эта редакционная вставка отмечала, видимо, соединение внутри годовой статьи 6621 г. двух разных календарных вариантов константинопольской эры. Такое могло произойти по причине механического совмещения 6621 мартовского года (так датировалось «знаменьє въ слнці») и 6621 постмартовского года (рассказ о смерти Святополка, о восстании в Киеве и о прибытии туда Владимира); подобный способ составления хронологических комплексов — по тождеству годовых чисел без учета реального времени свершения событий — не раз отмечается на страницах *Повести временных лет*. В этом случае надо признать, что составление комплекса происходило много лет спустя после 1113–1114 гг., когда уже забылась истинная последовательность событий этих лет. Могло, однако, быть и так, что соединение разнотипных хронологических элементов появилось в результате целенаправленного стремления летописца-редактора связать воедино два одновременных события, одно из которых рассказывало о «знаменьи». В пользу такого предположения свидетельствуют, кажется, помещенные в качестве связки астрономического и некрологического известий рассуждения составителя статьи о том, что «бываютъ знаменья . не на добро» и что «знаменьє въ слнцѣ . проявляше Стополчю смѣрть», а также заимствованный из хронографа рассказ об аналогичном случае в Иерусалиме во времена правления Антиоха IV Эпифана. Подобный прием соединения «добрых» и «недобрых знамений» с историческими событиями неоднократно отмечается на страницах *Повести*: например, в статье 6572 (6573) г., где, кстати, также упоминается время «древле при Антишѣ . въ Ерлѣмѣ» и «нахождение Антишхово [...] на Ерлѣмѣ», в

11 Шахматов А.А. *Повесть временных лет*, 393.

12 Степанов Н.В. *Календарно-хронологические факторы*, 30–31; Данилевский И.Н. Нерешенные вопросы хронологии русского летописания. *Вспомогательные исторические дисциплины*. Вып. XV. Л., 1984, 66.

13 *ПСРЛ* 2. СПб., 1843. Прибавление, 289, прим. «а».

статье 6610 г., где совмещены три «знаменья» «на нбси», «оу лунѣ» и «в слнцѣ», выдуманные летописцем для объяснения причин удачливости похода русских на половцев в следующем году¹⁴ и, что самое показательное, в статье 6623 г., где «знаменье» искусственно соединено с описанием смерти Олега Святославича.

Последнее из только что названных событий в списках Ипатьевской редакции датировано так: «В лѣтѣ ·ѣѣ· х̄ кг (6623) [...] в се же лѣтѣ престависа Олегъ Святославличъ . мѣа августа въ .а. (1) днь а во вторыи . погребень быѣ оу стго Спса»¹⁵. Северо-восточные списки передают его дважды: «В лѣтѣ ·ѣѣ· х̄ кг (6623) [...] в том же лѣтѣ престависа Улець Стославичъ въ ·ӣ· (18) [в Лаврентьевском списке «·ӣ·»(8)] днь авгѣ мѣа [...] В лѣтѣ ·ѣѣ· х̄ кг (6624) [...] в то же лѣтѣ престависа Улець Стославичъ»¹⁶. Из сравнения календарных дат — 2 и 18 августа¹⁷ — становится ясно, что первоначальная дата погребения черниговского князя была записана в постмартовском календарном стиле с указанием даты пасхального календаря (примерно: *В лето 6623, месяца августа во 2-й день, в среду 11-й седмицы по Пятидесятнице*), которая затем в текстах Лаврентьевской редакции была пересчитана для 6623 мартовского года, в котором среда на одиннадцатой недели после Пятидесятницы приходилась на 18 августа. Только так, и никак иначе, можно объяснить появление в летописных текстах двух противоречивых дат погребения князя (2 и 18 августа). Кроме того, в северо-восточные списки вошла и другая запись (мартовский стиль) о смерти Олега (6624 г.). Получается, что знаменитый Гориславич умер 1 августа 1116 г. (6623 постмартовский и 6624 мартовский годы), похоронен был на следующий день, но этому известию в ипатьевской статье 6623 г. летописец намеренно предварил сообщение о солнечном затмении 23 июля 1115 г. («в се же лѣтѣ быѣ знамение . погибе слнцѣ и быѣ яко мѣѣ»¹⁸). Это совмещение хронологических элементов полностью соответствует ситуации 6621 г., где постмартовскому известию о смерти Святополка Изяславича (1114 г.) предшествует сообщение о солнечном затмении 1113 г.

Начало киевского княжения Владимира Мономаха в 1114 г. подтверждается несколькими относительными показаниями. Хронологический перечень *Повести временных лет* говорит о том, что «ѡ смрти Ярослави до смрти Стополчи лѣтъ ·ѣѣ· (60)»¹⁹; в этом случае, от «твердой» даты смерти Ярослава Мудрого (1054 г.)²⁰ до смерти его внука Святополка Изяславича (1114 г.) будет насчитываться как раз 60 лет.

В.Н. Татищев указал, что Святополк родился в 6558 г. (по представлениям историка, в 1050 г.), а умер в 64-летнем возрасте, что опять же заставляет относить смерть князя к 1114 г. В другой редакции *Истории российской* рождение Свято-

14 ПСРЛ 1: 164–165, 276; ПСРЛ 2: 153–154, 251–252.

15 ПСРЛ 2: 282.

16 ПСРЛ 1: 290, прим. 28, 291.

17 В Лаврентьевской летописи явный пропуск десятого числа, поэтому вместо цифры ·ӣ· (18) осталась цифра ·ӣ· (8).

18 ПСРЛ 2: 282; Святский Д.О. *Астрономические явления в русских летописях*, 106.

19 ПСРЛ 1: 18; ПСРЛ 2: 13.

20 Цыб С.В. *Хронология домонгольской Руси*, 108–111, 122.

полка помещается, правда, годом ранее (6557 г.), но здесь, очевидно, проявилась неточность арифметических подсчетов историка, так как в его распоряжении не было летописей, рассказывающих о времени рождения князя. Правильность первого расчета В.Н. Татищева подтверждает старший извод *Новгородской первой* летописи, где в статье 6558 г. говорится: «Родися Святополкъ»²¹.

Наконец, русское продолжение *Летописца вскоре* из *Новгородской Кормчей*, которое было кратким «конспектом» какой-то владими́ро-ростовской летописи конца 70-х гг. XIII в.²², сообщает: «Въ ·в̄·е (2-е) лѣто княжения сего [Владими́ра Мономаха] пренесень Борисъ и Глѣбъ, от Адама лѣт ·҃҃҃҃҃· (6623)»²³; поскольку, перенос святых мощей предельно точно датируется 1115 г. (6623 летописный год и 8 индикт²⁴), первым летом княжения Владимира будет 1114 г.

У нас появляются серьезные сомнения и в точности календарных дат летописного рассказа о смене киевских князей в 6621 г. Если Святополк Изяславич умер «мѣа апрѣла · въ ·с̄. (16) днѣ · за Вышегородомъ», тогда последующие события («привезоша и в лодыи Киеву и спрятавшѣ тело его · и възложиша на санѣ · и плакавшѣа по немъ боцаре и дружина его вса [...] и положиша въ цркви стго Михаила») никак не могли быть раньше даты «наоутриа же · въ семы на ·. (10) днѣ», когда, по летописному рассказу, покойный князь уже находился в земле. Тело умершего киевского властителя конечно же могли доставить из Вышгорода в Киев 16 апреля, но вряд ли это было в первой половине дня. Даже если предположить скорую транспортировку тела покойника, то и в этом случае подготовка его к неожиданному погребению не могла уместиться в короткий срок, тем более, что, по церковным законам, совершать погребальные церемонии после захода солнца было невозможно. Самый краткий промежуток времени между смертью и погребением князей отмечается только в дни Великого поста, но и он занимает суточный интервал. Например, именно так были организованы похороны мономаховаго отца, князя Всеволода Ярославича: «В лѣ ·҃҃҃҃· (6601) [...] Престависа великыи князь Всеволодъ [...] мѣа · апрѣла · въ ·г̄. (13) днѣ · а погребень бы ·д̄. (14) днѣ · Недѣли суши тогда стрѣнѣ · и дни сущю четвертку»²⁵. Примерно также проходили во время Великого поста и похороны деда Владимира Мономаха, князя Ярослава Владимировича Мудрого²⁶. В соответствии с этим возникает предположение, что похороны Святополка не могли состояться ни 16, ни 17 апреля, и вообще не могли происходить в апреле, потому как ни в 1113 г.,

21 *НПЛ*: 16; Татищев В.Н. *История российская*. Т. 2. М.; Л., 1963, 79; Т. 4. М.; Л., 1964, 179.

22 Это ясно из того, что последним владимирским князем здесь назван Дмитрий Александрович, который «нача вѣдати великое княжение» (в летописях — 6786 г.), а ростовским — Глеб Васильевич, умерший в том же 6786 г. Примечательно, что в списках свода 1305 г. около 6786 г. отмечается прекращение владими́ро-ростовских известий, что также указывает на существование какого-то летописного памятника конца 70-х гг. XIII в. (Лимонов Ю.А. *Летописание Владимиро-Суздальской Руси*. Л., 1967, 136–137; Муравьева Л.Л. *Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII — начала XV века*. М., 1983, 206).

23 Степанов Н.В. Летописец вскоре патриарха Никифора в Новгородской Кормчей. *ИОРЯС*. Т. XVII. Кн. 3. 1912, 317–318.

24 *ПСРЛ* 1: 290; *ПСРЛ* 2: 280.

25 *ПСРЛ* 1: 215–216; *ПСРЛ* 2: 207.

26 Цыб С.В. *Хронология домонгольской Руси*, 134–137.

ни в 1114 г. Великий пост не продолжался до этих календарных дат, поскольку Пасха в этих годах была, соответственно, 6 апреля и 29 марта. Вместе с этим, вполне возможно предполагать, что быстрые похороны Святополка Изяславича были связаны с великопостным временем.

Дальнейший рассказ *Ипатьевской* летописи о событиях в Киеве опять же вызывает сомнения в точности передаваемой здесь календарной последовательности событий. Если сразу же после похорон Святополка «наоутриа же . въ семы на .і. (10) днь <апреля...> Киане . послаша к Володимеру глгоше . поиде кнаже на столь штенъ», а приглашенный князь «сѣде Киевѣ в недѣлю»²⁷, то получается, что Владимир появился в Киеве 20 апреля, т. е. уже на четвертый день после собрания киевского вече. Этот интервал времени (17–20 апреля) выглядит совершенно неправдоподобным. Вряд ли киевское городское собрание могло быстро принять решение о приглашении Мономаха; точно также в короткие сроки не могло уместиться и следование киевского посольства в Переяславль, и его переговоры с Владимиром, и отказ князя прибыть в Киев. Источник передает нам неправдоподобно быстротечную версию этих событий, «укравшую» реальные хронологические ориентиры: «Въ семы на .і. (10) днь <апреля...> свѣт створиша Киане . послаша к Володимеру глгоше . поиде кнаже на столь штенъ . и дѣднь . се слышавъ Володимеръ . плакаса велми . и не поиде жала си». Сколько времени Владимир «плакаса велми», сколько времени он обдумывал свой отказ? Затем киевляне возвращались обратно домой, наблюдали ужасающие беспорядки в своем родном городе, еще раз совещались и опять следовали до Переяславля, где опять вели переговоры с князем и, наконец, убедили его стать их властителем. В конце концов, Владимир Всеволодович степенно и торжественно въезжал в Киев («с чстью великою»). Несмотря на всю условность наших рассуждений, понятно, что конкретные сроки всех упомянутых происшествий 1114 г. не могли уместиться в короткий пятидневный отрезок календаря (16–20 апреля).

Вероятнее всего, первоначальный рассказ о смене киевских князей, происшедшей в дни Великого поста 1114 г. (9 февраля — 28 марта), не содержал точных юлианских календарных чисел и все его сообщения датировались в относительной форме. Дошедший до нас текст сохранил два остаточных проявления этой формы: киевские события «наоутриа» после похорон Святополка; прибытие Владимира в Киев «в недѣлю». По всей видимости, в этом тексте была, все же, одна юлианская дата «въ семы на .і. (10) днь», подразумевавшая, однако, календарное число февраля или марта, но не апреля. Подобная форма записи календарных дат, когда в юлианских числах единицы отрывались от десятков, и при этом как те, так и другие нередко изображались не цифрами, а словами, в *Ипатьевском* списке отмечается только с 6621 г. по 6636 г. включительно²⁸, т. е. границы ее распо-

27 ПСРЛ 2: 275, 276.

28 6621 г. — «въ семы на .і. (10) днь», «мѣа сѣмѣабра . въ .д. (4) на десать днь», «мѣа сѣмѣабра . въ .а. (1) на десать днь», «деваносто лѣтъ и два»; 6625 г. — «сѣмѣабра въ двадесать шестыи»; 6629 г. — «мѣа генвара . въ смынадесать»; 6632 г. — «августа въ .а. (1) на десать днь»; 6635 г. — «мѣа июла въ первыи на десать»; 6636 г. — «мѣа августа . въ первыи на десать»

жения в летописном тексте приблизительно совпадают с границами компактного размещения постмартовских хронологических элементов²⁹.

В тот момент, когда этот рассказ, относимый к 6621 г. постмартовского календарного стиля (март 1114 г. — февраль 1115 г.), соединился с известиями 6621 мартовского года (март 1113 г. — февраль 1114 г.), в том числе и с известием о солнечном затмении 19 марта 1113 г., относительные показания были пополнены юлианской датой (смерть Святополка — «мѣа априла. въ .sī. (16) днѣ»), которая появилась на основании двух редакционных соображений: во-первых, она должна была предшествовать «постмартовскому» рассказу о совещании киевлян по поводу призвания Владимира Мономаха («въ семы на .ī. (10) днѣ <февраля или марта>»); во-вторых, она должна была последовать за датой солнечного затмения («мѣа . марта . въ .ōī. (19) днѣ»), чтобы не нарушать календарную последовательность известий, вошедших в состав скомпилированной статьи. Именно поэтому первоначальное название месяца (февраль или март), сопровождавшее юлианское число 17, было заменено на апрель, а смерть и похороны Святополка совершенно неправдоподобно перенесены на день раньше киевского веча. Те же самые соображения привели и к появлению начальной даты рассказа о смене князей, задавшей направление всей остальной его хронологии: «По семь бо приспѣ праздникъ пасхы . и празьноваша . и по праздниѣ разболиса князь...»³⁰. Этим и объясняется факт того, что искусственная, возникшая в ходе позднейшего редактирования дата смерти Святополка Изяславича содержит название месяца апрель, а в первоначальной, но подвергнувшейся искажению дате собрания киевлян название месяца было потеряно. В отредактированном виде рассказ приобрел драматическую динамику, но потерял историко-хронологическую достоверность.

Северо-восточные редакторы конца XII — начала XIII вв., передающие, несомненно, вторичный по сравнению с ипатьевским рассказ об этих событиях, внесли свою лепту в «уточнение» его календарных показаний. Искусственно увеличивая на одно годовое значение номерá летописных статей (эта искусственность уже давно и неоднократно отмечалась исследователями³¹), в статье

днѣ». Подобная форма встречается и в показаниях летописного переложения Иоанна Малалы в статье 6622 г. — «семь тысящъ и ū (400) семьдесятъ днѣи ꙗко бытии лѣтома . двемадесѣтма», «двою бо на десѣтъ мѣо» (ПСРЛ 2: 274–292).

29 Правда, ни в *Хлебниковском*, ни в других списках этой редакции *Повести*, такая форма записи юлианских дат не наблюдается, но мы, все же, не склонны относить ее появление ко времени создания *Ипатьевского* списка. Так, стандартные юлианские формы *Хлебниковского* и *Погодинского* списков выглядят вторичными по отношению к ипатьевским датирующим записям: например, в статье 6621 г. первые две «необычные» ипатьевские даты (см. прим. 28) передаются юлианскими числами («въ .зі. (17) днѣ», «въ .дї. (14) днѣ»), а третья выпущена, причем, пробел является очевидным: «Мѣа сѣнтѣбря въ [?] днѣ» (ПСРЛ 2: 275, прим. 31, 276, прим. 70, 74).

30 ПСРЛ 2: 275.

31 Беляев И.Д. Русские летописи по Лаврентьевскому списку с 1111 по 1189 год. *Временник императорского Московского Общества истории и древностей российских*. 1849. Кн. 2, 3; Погодин М.П. *Исследования*, 34–35, 109, 118. В XX в., правда, этот хронологический сдвиг пробовали объяснить разницей между мартовскими, якобы, ипатьевскими и ультрамартовскими лаврентьевскими годами (Степанов Н.В. *Календарно-хронологические факторы*, 31–33, 49; Степанов Н.В. *К вопросу о календаре*, 12–13; Бережков Н.Г. *Хронология русского*

6622 г. (соответствует 6621 г. Ипатьевской редакции) они сначала скопировали ошибочную календарную дату смерти Святополка («мѣа̄ апрѣ̄ въ ·ѣ̄ (16) днь»), а затем заменили неопределенную ипатьевскую дату прихода Мономаха в Киев («в недѣлю») на конкретное юлианское показание, вычисленное по правилам мартовского календарного стиля, в результате чего появилась такая дата: «Того мѣа̄ [апреля] ·к̄ · (20) вниде Володимеръ в Киевъ · в нѣлю»³². На этом завершилась летописная модификация изучаемой даты. Научная историография зафиксировала и объявила непререкаемой ту версию начала киевского княжения Мономаха, которая отражала разные этапы искажения первоначального хронологического показания: 1113 номер года был вычислен по дате солнечного затмения, вторичной в комплексе летописной статьи 6621 г. *Ипатьевской* летописи, а календарное число 20 апреля — по юлианскому показанию, появившемуся несколькими десятилетиями позже в северо-восточных летописях.

Этим, однако, не исчерпываются признаки хронологического редактирования статьи 6621 г. *Повести*, показывающие ее неоднородный состав, что подтверждает наши предыдущие выводы. Мы выяснили, что после мартовского известия о солнечном затмении следует датированный постмартовским стилем рассказ о смерти Святополка и вокняжении в Киеве Владимира Мономаха, изложенный в поздней редакционной обработке. Единую с ним цепь повествования составляют последующие известия о походе Владимира и Олега к Выру, о разделе уделов между сыновьями Мономаха и о смерти игуменьи Лазарева монастыря 14 сентября, следовательно, их также можно признать постмартовскими. Правда, формально они представляют собой краткие годовые записи и этим принципиально отличаются от подробного рассказа о смене князей на киевском столе; по всей видимости, в первоначальном «постмартовском» тексте было краткое сообщение о начале мономахового княжения, которое в момент соединения постмартовского и мартовского слоев было заменено подробным рассказом.

Затем, однако, в статье наблюдается хронологический сбой в виде нарушения календарной последовательности дат: после даты 14 сентября говорится о свадьбе Романа Владимировича 11 сентября³³, что указывает на еще одну вставку в текст статьи 6621 г. Впервые ее отметил М.Х. Алешковский, затем А.Г. Кузьмин отнес к ней три последовательных известия: свадьба Романа 11 сентября, закладка церкви св. Николы в Новгороде и вокняжение Ярополка Владимиро-

---

летописания. М., 1963, 45). Несомненно, все же, что увеличенные годы северо-восточных летописей появлялись механическим путем. Так, поход русских князей на половцев, датированный в *Ипатьевском* списке 6618 постмартовским и 6619 мартовским годами, в суздальских списках упомянут трижды — 6618 г. (копия ипатьевского года), 6619 и 6620 гг. (увеличение ипатьевских годов). В 6621 г. северо-восточных летописей (соответствует 6620 постмартовскому году ипатьевской редакции) пишется: «Ходи Ярославъ снѣ Стополчъ · на Ятѣвагы второе · и побѣди ѿ», но ни в одной летописи нет сведений о двух походах князя на ятвягов; 6621 г. получен увеличением 6620 г., но компилятор конца XII в. понял противоречие дат как указание на два события (*ПСРЛ* 1: 289; *ПСРЛ* 2: 260, 264–269, 273).

32 *ПСРЛ* 1: 290.

33 *ПСРЛ* 2: 276–277.

вича в Переяславле-Русском³⁴. Действительно, эти сообщения ограничены, с одной стороны, уже названным календарным сбоем, а с другой — последним известием статьи 6621 г. о поставлении епископов Данилы и Никиты; в Ипатьевской редакции церковные сообщения не имеют календарных дат, но они восстанавливаются по *Лаврентьевской* летописи («поставиша Даниѣ епѣмъ мѣа генвѣ въ ·с̄· (6), на Крѣцнѣ Гнѣ [...] Том же лѣ поставиша Кирилла епѣмъ мѣа ноѣа · въ ·с̄· (5) днѣ»³⁵) и указывают на еще один хронологический сбой, т.к. предыдущее событие (появление Ярополка в Переяславле) не могло произойти раньше 16 марта 6622 г., когда в этом городе, как сообщает *Повесть*, умер предшественник Ярополка — его брат Святослав. Если признать, что все три вставных известия попали в текст *Повести* из одного источника и что там они входили в одну летописную статью (иначе почему в момент вставки они были отнесены к одному году?), тогда можно сделать очень важный вывод. В этом источнике использовался сентябрьский календарный стиль, на что указывает календарная последовательность заимствованных из него известий: свадьба Романа — 11 сентября, основание Никольской церкви — вероятнее всего 9 мая³⁶, вокняжение Ярополка — после 16 марта, т.е. возможно после 9 мая.

Итак, мы убеждаемся в том, что летописная статья 6621 г. *Ипатьевской* летописи, рассказывающая о начале княжения Владимира Мономаха в Киеве, была сложносоставной и поэтому содержала самые разнообразные хронологические элементы. Их расслоение показывает, что интересующее нас известие было первоначально датировано 6621 годом константинопольской эры и постмартовским календарным стилем (март 1114 г. — февраль 1115 г.). В соответствии с этим выводом получается, что киевский князь Святополк Изяславич умер и был похоронен в дни Великого поста 1114 г., который начинался 9 февраля; погребение князя не могло, однако, произойти позже 16 марта 1114 г., поскольку сбор киевлян для обсуждения вопроса о новом правителе состоялся, самое позднее, 17 марта (если, конечно, он не случился на месяц раньше). Приезд Владимира Мономаха в Киев произошел «в недѣлю», т. е. в один из воскресных дней зимне-весеннего межсезонья 1114 г.: 22 февраля, 1, 8 или 15 марта, если сбор горожан происходил 17 февраля; если же договоренность о приглашении нового князя была достигнута киевлянами 17 марта, тогда прибытие Владимира в столичный град можно датировать 22 марта (вряд ли возможно относить его к пасхальному

34 Алешковский М.Х. Первая редакция «Повести временных лет». *Археологический ежегодник за 1967 год*. М., 1969, 21, прим. 43; Алешковский М.Х. *Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси*. М., 1971, 19–20; Кузьмин А.Г. *Начальные этапы древнерусского летописания*. М., 1977, 73–74.

35 ПСРЛ I: 290.

36 П.А. Раппопорт установил, что «закладку церквей на Руси считали возможной производить лишь весной или летом и, во всяком случае, не в конце строительного сезона и не зимой», и тогда она часто происходила в памятные дни (Раппопорт П.А. Ориентация древнерусских церквей. *Краткие сообщения Института археологии*. Вып. 139: *Славяно-русская археология*. М., 1974, 43–48). Под эти условия подходит только один из дней поминовения св. Николая: 9 мая — перенесение его мощей из Мир в Бар.

воскресению 29 марта, поскольку такое примечательное совпадение не отмечают источники) или даже 5 или 12 числами апреля.

На первый взгляд кажется, что мартовские и апрельские даты являются предпочтительней февральских, поскольку древнерусские годы, имевшие весенние календарные стили (ультрмартовский, мартовский и, по аналогии с ними, постмартовский), по всеобщему и давно устоявшемуся мнению, начинались одновременно с началом марта. Однако еще Н.В. Степанов в свое время довольно убедительно обосновал вывод о том, что древнерусские весенние годы, по крайней мере, до XIV в., не имели стабильного календарного начала, т. е. день новогодия не был прочно связан с календарной датой 1 марта. По его мнению, древнерусский весенний новый год приходился на первую неделю Великого поста в случае раннего наступления весны (по другим его версиям, ранний вариант нового года совпадал со второй неделей поста или с полнолунием перед постом), а при позднем окончании зимы — на Вербное воскресенье³⁷. По нашему мнению, каждый древнерусский весенний год начинался одновременно с Великим постом³⁸. В любом случае, однако, допускается возможность февральского начала весеннего года, а это означает, что мы не можем датировать начало киевского княжения Владимира Мономаха отрезком времени более узким, чем вторая половина февраля — начало апреля 1114 г.

Еще одно наблюдение подтверждает наш вывод по поводу великопостной принадлежности смерти и похорон Святополка Изяславича, положивших начало той последовательной цепи событий, что закончились вступлением Владимира на киевский престол. *Повесть временных лет* указывает такую деталь церемонии погребения Святополка: «И плакашеса по немь боаре и дружина его вса . пѣвшѣ над нимь вбычныа пѣсни»³⁹. Аналогичная деталь отмечается и во время похорон Ярослава Мудрого: «Везоша къ Києву· поповѣ поюще вбычныа пѣсни»⁴⁰. Еще раз «обычные песни» упоминаются при описании погребения Всеволода Ярославича: «И собращаса еѣпи и· игумени· и черноризци· и попове· и боларе· и простии людье взявше тѣло єго со вбычными пѣни·»⁴¹. Два последних случая относятся ко времени Великого поста. Наконец, излагая обстоятельства захоронения Ростислава Всеволодовича, *Повесть* отмечает, что «сбращаса еѣпи и попове и черноризци· пѣсни вбычныа пѣвшѣ»⁴². Ростислав утонул в Стугне во время битвы с половцами 25 мая 6601 г., накануне праздника Вознесения Христова, после чего русские еще раз сразились с кочевниками у Халепа и затем заключили с ними мир⁴³; поиски тела утопленника на берегах Стугны, описанные в летописи, могли происходить только после заключения

37 Степанов Н.В. Единицы счета времени (до XIII века) по Лаврентьевской и 1-й Новгородской летописям. *ЧОИДР*. 1909. Кн. 4 (231), 1–74; Степанов Н.В. *К вопросу о календаре*, 1–40; Степанов Н.В. *Календарно-хронологические факторы*, 1–71

38 Цыб С.В. *Хронология домонгольской Руси*, 134–137.

39 *ПСРЛ* 2: 275.

40 *ПСРЛ* 1: 162; *ПСРЛ* 2: 150.

41 *ПСРЛ* 1: 217; *ПСРЛ* 2: 208.

42 *ПСРЛ* 1: 221; *ПСРЛ* 2: 212.

43 О хронологии этих событий см.: Цыб С.В. *Хронология домонгольской Руси*, 135, 231–239.

этого перемирия, и, значит, приходились уже, как и похороны молодого князя, на дни Петрова поста (13–28 июня 6601 или 1093 г.). Таким образом, все случаи «обычного» песнопения, упоминаемые в *Повести*, в том числе и при описании похорон Святополка в 1114 г., относятся ко времени постного ритуала.

Все прочие некрологические известия *Повести*, имевшие точные календарные даты и приходившиеся не «непостные» дни, не содержат такой детали, а в двух случаях особо подчеркивается «необычность» церковной службы: Изяслава Ярославича, погибшего 3 октября 6586 г., хоронили «съ пѣми [...] во плачѣ велицѣ», а во время похорон его сына Ярополка 5 декабря 6594 г. «митрополитъ Іѡаѡннѣ с черноризци· и с прозвутеры [...] великъ плачь створиша над нимъ· со плѣми и пѣнми»⁴⁴.

По мнению А.С. Львова, «обычные пѣсни» *Повести* означали языческий обычай оплакивания покойников, причем это мнение было основано только на том, что прилагательное «обычный» происходило от слова «обычай». Однако, само это существительное, по сведениям того же исследователя, не подразумевало дохристианских праздничных ритуалов и означало только традиционно установившийся порядок и правила поведения⁴⁵. Действительно, трудно представить киевских иереев, сопровождавших в 1054 г. гроб с телом Ярослава Мудрого из Вышгорода по пути в Киево-Софийский собор и при этом распевавших языческие «плачи». Еще труднее предположить, что в конце XI в., через 100 лет после установления христианства на Руси, «ієрѣи и игумени· и черноризци· и попове» с языческими песнопениями провожали в последний путь князя Всеволода Ярославича. Вероятнее всего, словосочетание «обычные песни» при описании похоронных церемоний указывало на отсутствие в церковной службе грандиозной торжественности. Вспомним, что на протяжении Великого поста чаще всего совершается литургия преждеосвященных даров св. Григория Двоеслова, которая уступает красочности и торжественности литургии Василия Великого и Иоанна Златоуста. Для константинопольской церкви в XI в. запрещение евхаристии в дни «четыредесятницы» (первые 40 дней Великого поста) стало уже «обычным» явлением; не случайно она отстаивала каноничность этого обряда в спорах с римской церковью⁴⁶. Для русских священников и монахов XI — начала XII в., еще только познававших тонкости церковной службы, это служебное правило было весьма актуальным, и поэтому они специально отмечали в своих записях преждеосвященную литургию.

С началом киевского княжения Владимира Всеволодовича наша историография традиционно связывает еще одно примечательное событие. Давним и устойчивым является мнение о том, что *Устав* Владимира Мономаха, вошедший в состав *Пространной* редакции *Русской правды*, появился «по горячим следам» восстания, сопровождавшего приезд князя в Киев. Повод к тому да-

44 ПСРЛ 1: 202, 206; ПСРЛ 2: 194, 198.

45 Львов А.С. *Лексика «Повести временных лет»*. М., 1975, 38, 40.

46 Лебедев А.П. *Очерки внутренней истории византийско-восточной церкви в IX, X и XI веках*. М., 1902, 375–377.

вала весьма неопределенная дата из заглавия *Устава*: «Володимер Всеволодович по Святополце созва дружину свою на Берестовемь»⁴⁷. Так, к примеру, еще Н.М. Карамзин писал, что этот документ Владимир принял «в начале своего правления», а С.М. Соловьев, вторя ему, утверждал: «В непосредственной связи с... обстоятельствами избрания Мономахова находится известие, что Владимир тотчас [?!] по вступлении на старший стол собрал мужей своих... и порешили ограничить росты»⁴⁸. В XX в. этот вывод приобрел непререкаемый авторитет, а М.Н. Тихомиров даже считал, что Мономах созвал «законодательное совещание» в Берестове еще накануне своего переезда из Переяславля в Киев⁴⁹. Понятно, что такие мнения являются умозрительными, потому как относительное хронологическое показание «по Святополце» не может иметь однозначного толкования.

Наша версия датирования *Устава* основывается на сопоставлении его заглавия с заглавием *Правды Ярославичей*, которая появилась в то время, «егда ся совокупилъ Изяславъ, Всеволод, Святославъ, Коснячъко, Перенѣгъ, Микифоръ Кыянинъ, Чюдинъ Микула»⁵⁰. Несомненно, что здесь отразилось соединение трех различных частей юго-восточного союза Ярославичей (киевской, черниговской и переяславской), заложенного еще в завещании их отца: «Изаславу Кысьвъ <...> а Стославу даю Черниговъ· а Всеволоду Переяславль»⁵¹. Рядом с князьями в заглавии *Правды Ярославичей* называются их дружинники, и этот момент очень важен для наших дальнейших рассуждений. Несомненно, что давние союзные традиции продолжали действовать и во времена внуков Ярослава. Их подтвердил Любечский съезд, определивший «вотчинный» статус только трех юго-восточных земель. Они нашли проявление и во время половецких походов начала XII в., в которых принимали участие объединенные дружины тех же трех княжеств. На них ссылался и Владимир Мономах в своем письме к Олегу Святославичу в 1096–1097 гг., призывая его вернуться к давним союзным обязательствам: «Тѣм бо путѣ шли дѣ<д>и ѿци наш<и>»⁵².

Заглавие *Устава* описывает следующие персоналии: «Володимер Всеволодовичъ [...] созва дружину свою на Берестовемь <... и> Иванка Чудиновича Олгова мужа». Можно объяснить, почему на Берестовском съезде не были представлены Изяславичи (киевская часть), потому как со смертью Святополка в этом ответвлении династии не осталось внуков Ярослава Мудрого. Владимир и его дружина представляли объединенную киево-переяславскую часть союза, а Олегов муж Иванко Чудинович олицетворял Черниговскую землю. Остается непонятным, почему здесь не присутствовал никто из черниговских Святосла-

47 *Российское законодательство X–XX вв.* Т. 1: *Законодательство Древней Руси*. М., 1984, 67.

48 Карамзин Н.М. *История государства российского*. Т. 2. М., 1991, 275, прим. 216; Соловьев С.М. *История России с древнейших времен*. Т. 2; Соловьев С.М. *Сочинения в 18-ти кн.* Кн.1. М., 1988, 390.

49 Тихомиров М.Н. *Крестыянские и городские восстания на Руси в XI–XIII вв.*; Тихомиров М.Н. *Древняя Русь*. М., 1975, 139–140.

50 *НПЛ*: 177.

51 *ПСРЛ* 1: 161; *ПСРЛ* 2: 150.

52 *ПСРЛ* 1: 254, прим. «о».

вичей и, в первую очередь, самый активный и влиятельный представитель этого княжеского клана — Олег?

Историки давали разное толкование этому факту, объясняя его либо высокомерием Олега, уязвленного якобы потерей киевского стола, либо тем, что «принять личное участие в совещании, проводимом в интересах низших слоев, было... выше сил Олега, и он послал вместо себя дружинника»⁵³. Примечательно, что никто из ученых не рассматривал причин отсутствия в Берестовом старшего Святославича, Давыда, потому как известная всем характеристика этой личности никогда не позволяла специалистам подозревать его активное участие в решении каких-либо важных социально-экономических проблем; таким образом, мы можем сосредоточиться на объяснении причин отсутствия Гориславича и попробовать обосновать на этом датировку появления *Устава*.

Очевидно, что присутствие в Берестове «Иванка Чудиновича Олгова мужа» указывает на принципиальное согласие черниговских князей с проведением и «повесткой» этого совещания, хотя сами они не могли присутствовать здесь. Например, совсем иначе вел себя тот же Олег в середине 90-х гг. XI в., упрямо не желая участвовать в каких-либо княжеских съездах и не делегируя на них своих представителей; примерно также он отказался от участия в Сутеньском походе 1107 г. По всей видимости, необычный состав черниговской «делегации» в Берестове указывал на то, что *Устав* был принят незадолго до кончины Гориславича, когда он был уже не способен совершить поездку на правый берег Днепра. Перед смертью князь, несомненно, продолжительно болел. Так, например, в походе на Минск, который состоялся в начале 1116 г., за полгода до его смерти, вместе с Мономахом и Давыдом принимали участие его сыновья, хотя в предыдущем походе на Полоцкую землю (февраль 1105 г.)⁵⁴ Олег проявил большую заинтересованность и участвовал в нем лично. Таким образом, самым вероятным временем составления *Устава* Владимира Мономаха является первая половина 1116 г.

Алтайский государственный университет

---

53 Вернадский Г.В. *История России: Киевская Русь*. М.; Тверь, 1996, 105.

54 Обо всех указанных здесь датах см.: Цыб С.В. *Хронология домонгольской Руси*, 304–305, 322–332.

Вадим Майко

Тмутаракань и Восточный Крым. Основные этапы этнокультурных связей

История Юго-Восточного и Восточного Крыма в период формирования и существования древнерусского протектората над Тмутараканью изучена крайне слабо¹.

Многолетние исследования Сугдеи показывают, что в середине X в. происходит резкая смена материальной культуры. На смену праболгарской (так называемый крымский вариант салтово-маяцкой культуры) приходит совершенно новая археологическая культура. Связанные с ней археологические памятники обнаружены только в городских центрах Сугдее и Боспоре. Сельских поселений второй половины X–XI вв. ни в Юго-Восточном Крыму, ни на Керченском полуострове, несмотря на широкомасштабные разведки и раскопки, пока не обнаружено². Сельские праболгарские поселения, в огромном количестве разбросанные по побережью и руслам рек, более не возрождаются. Жизнь продолжается только в городах. За прошедшие годы эта материальная культура изучена и опубликована достаточно полно³.

Вторым бесспорным археологическим фактом является то, что по основным критериям археологические комплексы Судака и Керчи практически идентичны опубликованным комплексам Таманского городища, где в это же время также происходит смена материальной культуры⁴. При том, что импортная амфорная тара интернациональна, состав керамического комплекса также оказывается схожим. Учитывая тенденции моды, много общего в наборе украшений. Соглашаясь с нивелирующим характером христианского погребального обряда, стоит отметить, что исследованные погребения обнаруживают близкие черты. Сходные моменты просматриваются также в приемах домостроительства и т.д.

---

1 Наиболее полно и обстоятельно историческая ситуация в этой части полуострова освещена в работах В.П. Степаненко: Степаненко В.П. К истории средневековой Таврики. *Византия и средневековый Крым*. Барнаул, 1992, 128–129; Степаненко В.П. К статусу Тмутаракани в 80–90-е гг. XI в. *МАИЭТ*. Вып. III. Симферополь, 1993, 254.

2 Пономарев Л.Ю. О населении Керченского полуострова во второй половине X–XIII вв. *Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре*. К., Судак, 2004, 164–169.

3 Среди обобщающих работ см.: Майко В.В. Сугдея во второй половине X — начале XI вв. *Сугдейский сборник*. К., Судак, 2004, 201–244; Герцен А.Г., Майко В.В. Хазары. *Крым сквозь тысячелетия*. Симферополь, 2004, 141–167.

4 Майко В.В. Хазаро-русско-византийские отношения в середине X в. и Крымская Хазария. *Великая «Скуфь»*. *Stratum*, № 5. СПб., Кишинев, Одесса, 2000, 236–261.

Все это позволяет ставить вопрос и об этнической близости носителей культуры. В общем, эту культуру нельзя назвать византийской, ромейской, — в ней присутствует множество элементов, отличающих ее от материальной культуры Константинополя и других крупных имперских городов. Это своеобразная провинциально-византийская культура, истоки которой, на мой взгляд, следует искать именно на Северном Кавказе. Просуществовала она без видимых изменений до начала XI в.

Источниковедческая база для реконструкции политической ситуации на территории Юго-Восточного Крыма во второй половине X — начале XI вв. намного скуднее. Сведения письменных источников разнообразны, но отрывочны. Все они детально проанализированы в литературе⁵. Так, комплекс документов так называемой еврейско-хазарской переписки позволил выдвинуть версию о времени и причинах появления в Юго-Восточном Крыму новой материальной культуры⁶. К сожалению, сведений о политической ситуации в рассматриваемом регионе во второй половине X в. они практически не содержат. Немногим больше конкретизирует ситуацию Константин Багрянородный. Ничего не говоря о населении Юго-Восточного Крыма, он упоминает о народе пачинакитов, соседствующих с областью Херсона⁷. Однако, степень археологического изучения городища Сугдеи второй половины X — начала XI вв., позволяет пока утверждать, что так называемые кочевнические элементы материальной культуры проявились здесь только в присутствии соответствующего вооружения, конского снаряжения, некоторых бытовых предметов и единичных, уникальных сосудов кочевнического облика. Совершенно очевидно, что поскольку все эти вещи не являются несомненными маркерами этничности, невозможно пока их сопоставить и с конкретным этносом номадов⁸. В то же время ни один письменный источник прямо не говорит о вхождении Юго-Восточного Крыма в состав

5 Историография работ огромна. Последний обобщающий анализ византийских и еврейско-хазарских письменных источников см.: Сорочан С.Б. *Византийский Херсон. Очерки истории и культуры*. Харьков, 2005, 1495–1585, там же и основная историография вопроса. Краткий анализ арабских и древнерусских источников см.: Новосельцев А.П. *Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа*. М., 1990.

6 Майко В.В. Хозари у Криму в другій половині X ст. *Археологія*. 1999, № 2, 40–49.

7 Константин Багрянородный. *Об управлении империей*. М., 1989, 37. По мнению С.А. Плетневой, вторгшиеся в конце IX в. в донские владения Хазарии печенеги только прошли по ним, обосновавшись много западнее. В собственно хазарских землях осталась лишь орда Вороталмат, использовавшая крымские степи в качестве сезонных кочевий. Возможно, это и есть т. н. «хазарские» печенеги письменных источников. Несмотря на это, в первой половине X в. устоявшийся в Хазарии порядок сохранялся до похода Святослава (Плетнева С.А. О заселении славянами Саркела-Белой Вежи. *Археология восточноевропейской лесостепи*. Вып. 14. *Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья*. Воронеж, 2000, 82). В другой работе С.А. Плетнева подробно публикует комплекс построек на территории городища Таматархи. В их заполнении, наряду с салтово-маяцкой, отмечен некоторый процент т.н. печенежской керамики. На основании этого говорится о возможном проживании в городе до похода Святослава печенегов, либо о ведении хозяйства в этом конкретном комплексе печенеженкой, взятой из кочевавшей поблизости от Таматархи орды (Плетнева С.А. Кочевники в Таматархе. *РА*. 2001, № 2, 105). Судя по всему, сходная ситуация прослеживается и в Сугдее.

8 Майко В.В. Кочевнические элементы городской культуры Сугдеи X–XI вв. Мода или неоднородность этноса. *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради*. Т. П. Коростень, 2008, 20–28.

Византии и тем более о массовом заселении этой части полуострова малоазийскими греками.

В решении вопроса о характере и степени византийского присутствия в Юго-Восточном Крыму и в Сугдее во второй половине X в. принципиальное значение имеет вопрос о времени возникновения и периоде существования в городе фемы. При этом необходимо учитывать, что появление в это время множества мелких фем было типичным для Византии. Так, согласно данным *Эскуриального Тактика* 971/975 гг., в империи наблюдается резкое увеличение численности стратигов, притом, преимущественно небольших фем и городов⁹. До второй половины X в. в Крыму существовала лишь одна византийская военно-административная единица – фема Херсона и Климатов или просто Херсона. В *Тактиконе*, опубликованном Н. Икономидисом и относящемся к 80-тым гг. X в., упоминается еще одна фема Таврики – фема Боспора¹⁰. Реальное ее существование подтверждается находками печатей Георгия Цулы. Согласно Скилице, его деятельность на Боспоре относится к началу XI в.¹¹ В этом же *Тактиконе* упоминается еще одна новая фема, основанная в то же время — морская фема Понта Эвксинского. Н. Икономидис предложил искать центр этой фемы на юго-западном побережье Черного моря. При этом исследователь указывал, что византийские военно-морские силы в IX–X вв. были организованы в особую фему Эгейского моря с центром в Абидосе. Этот флот призван был защищать столицу империи от возможных нападений арабов из регионов Восточного Средиземноморья. Флот же, размещенный на Эвксинском Понте, в середине 80-х гг. X в., судя по дате *Тактика* Эскуриальной рукописи, был предназначен для прикрытия византийской столицы с севера. В качестве этой морской фемы Понта Эвксинского Н. Икономидис склонен был видеть Боспор Фракийский, как наиболее подходящий порт в этой части побережья Черного моря. И.А. Баранов, а следом за ним и В.П. Степаненко, склонны локализовать центр этой фемы в Сугдее¹² и датировать ее возникновение периодом правления Иоанна Цимисхия, когда после падения Хазарского каганата и временного ослабления политической активности Руси в Причерноморье и на Балканах, Византийская империя получила благоприятный момент для расширения своих владений на всю территорию Крымского полуострова¹³. К сожалению, эта вполне логичная версия нуждается в дальнейшей

9 Степанова Е.В. К вопросу о Судакском архиве печатей. *Византия и Крым. Проблемы городской культуры*. Екатеринбург, 1995, 14; Бибииков М.В. Новые данные Тактика Икономидиса о Северном Причерноморье и русско-византийских отношениях. *Древнейшие государства на территории СССР*. М., 1976, 88.

10 Oikonomides N., *Les listes de preseaance Byzantines des IX et X siecles* (Paris, 1972), 268–269.

11 Georgius Cedrinus, *Joannis Scylitzae ope ab J.Bekkeri suppletus et emendatus*, I–II (Bonnae, 1838), 232.

12 Баранов И.А. *Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура)*. К., 1990, 154; Степаненко В.П. *К истории средневековой Таврики*, 128–129.

13 Степаненко В.П. *К статусу Тмутаракани*, 254. В пользу возникновения фемы в Сугдее не ранее 975 г. высказывается и В.И. Булгакова: Булгакова В.И. Сигиллографический комплекс порта Сугдеи (материалы подводных исследований 2004–2005 гг.). *Сугдейский сборник*. Т. III. К., Судак, 2008, 314. Не ранее третьей четверти X в., по мнению Н.А. Алексеенко, возникает и турмархия Готии, входившая в состав Херсонской фемы (Алексеенко Н.А. Византийская

аргументации. Таковой может быть комплекс моливдовулов, происходящий из подводных исследований в Судакской бухте. К счастью, он постоянно увеличивается. В настоящее время нам известно уже шесть печатей стратигов Сугдейской фемы. Во-первых, это четыре оттиснутые одной матрицей печати протоспафария и стратига земли Сугдеи Георгия¹⁴. Во-вторых, две также, вероятно, оттиснутые одной матрицей печати Иоанна — патрикия и стратига Сугдеи¹⁵. Несомненно, что типологически оба типа печатей близки по времени и датируются первой половиной XI в. Таким образом, о существовании фемы в Сугдее в третьей четверти X в. говорить пока нет оснований.

В настоящее время этим и исчерпываются археологические и сфрагистические источники. Сверх того возможна только историческая реконструкция. Она была предложена автором в нескольких работах. Подытожим ее основные моменты.

После похода в Крым в 941 г. хазарского полководца Песаха полностью исчезает праболгарская культура, а в юго-восточной части полуострова возникает новая городская, принесенная переселенцами с Северного Кавказа, частично, возможно, из Тмутаракани. До падения Хазарии в 965 г. местное население номинально подчинялось ставленнику каганата, что и нашло отражение в письме царя Иосифа и перечне хазарских городов. Занятая внутривосточными проблемами и событиями на Балканах, Византийская империя до поры и времени не вмешивалась в положение дел. Мешало этому и присутствие на полуострове части печенегов, занимавшихся активной посреднической деятельностью. При этом разгром Святославом хазарского войска, взятие ряда городов, поход «на ясы и косоги» мало коснулся Крымского полуострова и лишь только оборвал и без того не особо прочные связи местного населения с верхушкой Хазарского каганата. Присутствие русских дружин на Боспоре, захват и разгром ими города представляется маловероятным, во всяком случае это не нашло отражения ни в *Повести временных лет*, ни в византийских, ни в арабских источниках. Однако образование Тмутараканского княжества усилило центристские тенденции родственного населения по обоим берегам Керченского пролива. Логика событий подсказывает, что в начале 70-х гг. X в. Юго-Восточная Таврика пере-

---

администрация на Боспоре во второй половине X в. (по данным памятников сфрагистики) *МАИЭТ*. Т. II, ч. 2. Симферополь, 2006, 568). Основываясь на сфрагистических находках, ученый высказал предположение о существовании аналогичной турмархии в это же время и на Боспоре (Алексеев Н.А. Византийская администрация на Боспоре во второй половине X в., 564), так же, вероятно, входившей в состав Боспорской фемы. Находилась ли подобная турмархия в Сугдее, или она входила в состав турмархии Боспора, пока можно только гадать. Ясно другое, что все эти события связаны с усилением позиции Византии в Таврике после 971 г.

- 14 Степанова Е.В. К вопросу о Судакском архиве печатей, 13–15; Баранов И.А., Степанова Е.В. Церковная и военная администрация византийской Сугдеи. *Археология Крыма*, № 1. Симферополь, 1997, 83–87; Stepanova E., “New seals from Sudak,” *Studies in Byzantine Sigillography*, № 6 (Washington, 1999), 49–50. Четвертая печать этого стратига опубликована В.И. Булгаковой (Булгакова В.И. Сигиллографический комплекс порта Сугдеи, 315–316, № 30). По мнению автора, Георгий принадлежал к известному византийскому армянскому роду Муселе, потерявшему к середине XI в. свое былое могущество.
- 15 Степанова Е.В., Фарбей А.М. *Византийские свинцовые печати, найденные в Судак в 2005 г. Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре* Т. II. К., Судак, 2006, 303, № 2; Булгакова В.И. Сигиллографический комплекс порта Сугдеи, 314–315, № 29.

ходит под власть Византийской империи. Насколько прочной была эта власть и в какой форме осуществлялась, сказать трудно; находился ли на Боспоре или в Сугдее византийский чиновник, была ли создана фема – неизвестно.

После похода Владимира «на козары» 986/987 гг. и последующего взятия Херсонеса, ситуация для Юго-Восточного Крыма, в отличие от Тмутаракани, меняется незначительно. Этнической смены населения, как и в предшествующее время, не происходит. Однако, естественно, влияние Руси на Юго-Восточный Крым, номинально подчиненный Византии, особенно через Тмутараканское княжество, усиливается.

Вероятно, между Русью и Византией был заключен своеобразный кондоминиум. Местное население обязывалось не поддерживать ни одно из государств в случае военного противостояния. Это то активное, то пассивное противостояние двух крупнейших государств, занятых многочисленными внутренними и внешними проблемами, и позволяло местному населению балансировать между двумя силами, поддерживая видимость существования своеобразного реликта каганата — Крымской Хазарии. В этой политике активную моральную и экономическую поддержку, не без ведома Руси, оказывало и этнически близкое Тмутараканское княжество. Эта поддержка до середины 70-х гг. X в. была еще более ощутима, поскольку, согласно косвенным упоминаниям Константина Багрянородного, Тмутаракань в 940–950-х и, очевидно, до 980-х гг. представляется самостоятельным политическим образованием¹⁶, балансирующим в разные периоды между Русью, Хазарией и Византией¹⁷.

В начале XI в. политическая ситуация в Юго-Восточном Крыму и в Сугдее меняется. Номинальная зависимость Юго-Восточной Таврики от Византии во второй половине X в. не устраивала империю. Поводом для ликвидации сложившейся ситуации, с которой византийское государство в силу целого ряда субъективных и объективных причин вынуждено было мириться, послужило упомянутое византийским хронистом Иоанном Скилицей (и, соответственно, Кедриным) восстание 1015 г. под предводительством Георгия Цулы, и ответная экспедиция византийского флота в Крым в 1016 г.¹⁸

Это одно из немногих политических событий в истории Юго-Восточного Крыма начала XI в., отмеченное письменными источниками, заслуживает более пристального внимания. Относительно места восстания наиболее аргументированная точка зрения изложена в одной из последних работ В.П. Степаненко¹⁹. Обоснованно критикуя точку зрения о локализации восстания в Херсонесе, уче-

16 Константин Багрянородный. *Об управлении империей*, 170–171.

17 Галло А.В. Тмутараканские этюды. III. *Вестник ЛГУ*. Сер. 2, вып. 2, 21; Новосельцев А.П. *Хазарское государство*, 133

18 Joannis Scylitzae. *Synopsis Historiarum, Corpus Fontium Historiae Byzantinae*, vol. 5 (1973), 354; *Georgius Cedrinus*, 464. Вероятно, Георгий Кедрин был хорошо знаком с ситуацией, сложившейся в это время в Юго-Восточном Крыму. При проведении подводных археологических разведок в Судакской бухте была обнаружена его печать: Stepanova E., “New finds from Sudak,” *Studies in Byzantine Sigillography*, № 7 (Washington, 2003), 127.

19 Степаненко В.П. Цула и Херсон в российской историографии XIX–XX вв. *Россия и мир: панорама исторического развития*. Екатеринбург, 2008, 28–35.

ный отмечает невозможность отождествления «архонта Хазарии» источника со «сфрагистическим» стратигом Херсона Георгием Цулой. Напомним, что это историческое лицо известно нам, помимо единственного письменного источника, так же по находкам печатей, на которых он назван в одном случае – стратигом Херсона в ранге спафария, затем протоспафария, а, затем, в том же ранге стратигом Боспора²⁰ (последнее, однако, нуждается в дальнейших доказательствах). Но, в этой связи, совершенно прав В.П. Степаненко, утверждающий, что пока нет возможности датировать печати Георгия Цулы с точностью до одного года. С другой стороны, вполне можно согласиться с мнением исследователя, что, согласно Скилице, архонт – автономный или вассальный правитель государства, граничащего с Византией²¹.

По поводу этнического происхождения руководителя восстания Георгия Цулы можно констатировать лишь, что род Цул длительное время находился на службе Византии, что подтверждается целым рядом находок моливдовулов как второй половины X в., так и начала XI в.²² В историографии со времен М.И. Артамонова²³ преобладает точка зрения об их местном тюркском, возможном и хазарском²⁴, но, вероятно, не херсонском происхождении.

Различные интерпретации места восстания и должности руководителя приводят к различным суждениям о его причинах и сущности. Они детально рассмотрены в литературе²⁵, что избавляет от обзора мнений. Отметим лишь, что в последнее время все большее число авторов склоняется в пользу мысли, что это был разгром остатков Хазарского каганата в Крыму²⁶. Подобная точка зрения, основанная на указанном недвусмысленном упоминании в тексте Скилицы Хазарии и хазарского архонта Георгия Цулы, поддерживается рядом специалистов. Так, по мнению А.В. Гадло, мир, установленный между Русью и Византией после похода на Корсунь Владимира, был нарушен в 1015 г. именно этим восстанием. Цула, возможно, воспользовался династическим кризисом на Руси, вызванным смертью Владимира и последующей междоусобной войной²⁷. В это же время византийский император Василий II (976–1025 гг.) был занят войной в Болгарии. Однако восставшие просчитались, мятеж сильно обеспокоил имперскую администрацию. По верному замечанию М.Н. Богдановой²⁸, поддержанному и другими ис-

20 Соколова И.В. Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсоне. *Палестинский сборник. Византия и Восток*. Вып. 23 (86). 1971, 68–74; Соколова И.В. *Монеты и печати византийского Херсона*. Л. 1983, 164; Степаненко В.П. К истории средневековой Таврики, 126–127; Алексеенко Н.А. Новые находки моливдовулов рода Цулы из Херсонеса. *Древности*. Т. 2. Харьков, 1995, 85.

21 Алексеенко Н.А. Новые находки моливдовулов рода Цулы из Херсонеса, 29.

22 Соколова И.В. Печати Георгия Цулы, 68–74; Алексеенко Н.А. Новые находки моливдовулов рода Цулы из Херсонеса, 85.

23 Артамонов М.И. *История хазар*. Л., 1962, 436.

24 Степаненко В.П. Цула и Херсон в российской историографии, 32.

25 Степаненко В.П. Цула и Херсон в российской историографии, 28–35.

26 Более подробно эта точка зрения рассмотрена В.П. Степаненко: Степаненко В.П. К истории средневековой Таврики, 125–126; Степаненко В.П. Цула и Херсон в российской историографии, 34.

27 Гадло А.В. Тмутороканские этюды. II, 26.

28 Богданова Н.М. Херсон в X–XV вв. *Причерноморье в средние века*. М., 1991, 156.

следователями²⁹, флот был направлен в Черное море в то время, когда навигация там очень опасна. Только чрезвычайные обстоятельства заставили бы императора снарядить экспедицию в разгар зимы. Важность происшедших событий подчеркивает и незамедлительная реакция Руси. По вероятному мнению А.В. Гадло, легендарный поход Мстислава Тмутараканского на касогов является ни чем иным, как ответной реакцией на подчинение империей Юго-Восточного Крыма³⁰. Исходя из этого, автор датировал его не 1022 г., а 1016 или 1017 гг. Безусловно, нельзя прямо говорить о военном походе против Хазарского каганата, к этому времени уже не существовавшего. С другой стороны, Юго-Восточная Таврика, населенная жителями, исторически связанными с Тмутараканскими «козарами» и управляемая местной тюркской администрацией в лице Георгия Цулы, не была обычной провинцией византийской империи. Повторю, что, скорее всего, речь идет о представившейся возможности ликвидировать крепнувший и набирающий все большую самостоятельность и все менее зависимый от имперских чиновников реликт Хазарского каганата в юго-восточной части полуострова.

Близкая точка зрения на основании исторических параллелей в последнее время аргументировано изложена В.П. Степаненко. Ученый отмечает, что к началу XI в. Хазария располагалась в Крыму северо-восточнее территории фемы Херсон, возможно, гранича с ней и с турмархией Готия³¹. Исследователь соглашается с тем, что это было государственное образование (княжество), лимитроф, находившийся в контактах с византийской администрацией Херсона и постепенно поглощаемый империей³².

Для подавления мятежа, помимо византийского отряда, были привлечены русские воины, возглавлял которых Сфенг, названный в источнике братом киевского князя Владимира. Преобладающее мнение полагает его либо варяжским воеводой в дружине Мстислава Тмутараканского, либо командиром варяго-русского отряда на византийской службе³³, погруженного на суда и отправленного в Крым³⁴. О подробностях военных действий источник умалчивает, известно лишь, что поход оказался удачным для императора Василия II. Византийская власть на полуострове была восстановлена.

Как отразился на местном населении поход византийского флота, сказать сложно. К сожалению, определить верхнюю хронологическую дату археологической культуры Юго-Восточного Крыма затруднительно. За годы раскопок в жилых комплексах Сугдеи обнаружено несколько византийских монет второй половины X в. (например, анонимный фоллис класса А-II времени правления Иоанна Цимисхия). К сожалению, данный нумизматический материал позволяет констатировать лишь то, что памятники функционировали во второй половине X в.

---

29 Степаненко В.П. Цула и Херсон в российской историографии, 35.

30 Гадло А.В. Тмутараканские этюды. III, 26.

31 Степаненко В.П. Цула и Херсон в российской историографии, 35.

32 Степаненко В.П. Цула и Херсон в российской историографии, 35.

33 Гадло А.В. Восточный поход Святослава. К вопросу о начале Тмутараканского княжества. *Проблемы истории феодальной России*. Л., 1971, 26; Степаненко В.П. К статусу Тмутаракани, 258.

34 Степаненко В.П. Цула и Херсон в российской историографии, 35.

Кроме этого, интересную информацию содержат материалы раскопок Т.И. Макаровой на территории Боспора-Керчи. Напомним, что исследованный на этом участке квартал интересующего нас времени состоит из пяти домов, расчлененных улицами. Не вдаваясь в излишние проблемы датировки конкретного археологического материала, не исключено, что время гибели квартала датирует как археологический материал (в том числе и амфорный), так и данные нумизматики и стратиграфии. Сама исследовательница отмечает, что объекты гибнут в слое пожара с монетами, самая поздняя из которых может быть отнесена к началу XI в.³⁵ На мой взгляд, это разрушение может быть связано с подавлением византийско-русскими войсками восстания Цулы на Боспоре в 1015 г.

Подавление восстания было удобным поводом для Византийской империи, наконец, ликвидировать сложившуюся ситуацию и покончить с иллюзиями местного населения о возможности существования осколка хазарского государства в юго-восточной части полуострова. Вероятно, вскоре возникает и фема в Сугдее³⁶. Известные изменения на протяжении первой половины XI в. претерпевает и материальная культура. К концу этого столетия она полностью формируется как провинциально византийская. Наиболее ярко специфику археологических комплексов отражают работы в портовой части Судакской крепости, проведенные М.А. Фронджуло³⁷. К сожалению, это пока единственный и притом долговременный жилой комплекс Сугдеи, возникновение которого можно с уверенностью отнести к первой половине XI в. С другой стороны, сравнительно неплохо изучена топография некрополей, погребальный обряд этого периода, детально прослежены ремонтные фортификационные работы. Однако и в это время материальную культуру города нельзя признать однородной. Можно согласиться с тем, что присутствие в ней элементов костюма, украшений, даже конского снаряжения кочевников XI в., связано с влиянием моды и, по существу, малопригодно для этнических определений. Но кочевническая принадлежность элементов конской упряжи и некоторых специфических украшений, обнаруженных в плитовых погребениях Сугдеи³⁸, не вызывает сомнений. Несомненным номадским элементом материальной культуры является комплекс лепной кухонной керамики, обнаруженный в заполнении жилого дома в портовой части Сугдеи (раскопки М.А. Фронджуло 1965–1968 гг.)³⁹. Ближайшие аналогии ей присутствуют в кочевнических комплексах Саркела-Белой Вежи X–XI вв.⁴⁰, а также в подкурганных погребениях, оставленных печенегами⁴¹. Таким образом, есть все

---

35 Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи. *МАИЭТ*. Вып. VI. Симферополь, 1998, 363.

36 Степанова Е.В., Фарбей А.М. *Византийские свинцовые печати*, 304.

37 Джанов А.В., Майко В.В. Византия и кочевники в юго-восточной Таврике в XI–XII вв. *Херсонесский сборник*. Вып. IX. Севастополь, 1998, 160–181.

38 Майко В.В. Кочевнические элементы городской культуры Сугдеи, 23, рис. 2, 1, 10.

39 Джанов А.В., Майко В.В. Византия и кочевники в юго-восточной Таврике, 168.

40 Плетнева С.А. Керамика Саркела-Белой Вежи. *МИА*, № 75. 1959, 234, рис. 19: 10, 11, 16, 17.

41 Станко В.Н. Детское захоронение кочевника. *Записки Одесского археологического общества*. Т. 1. Одесса, 1960, 231, рис. 1: 1.

основания говорить о проживании в городе части кочевнического населения. Кем они были этнически — печенегами или узами-торками, сказать сложно.

С окончательным оформлением протектората над Тмутараканью при черниговских князьях со второй половины XI в. усиливается ее влияние на Юго-Восточный Крым. Материальная культура города этого времени изобилует разнообразными находками древнерусского происхождения⁴², иллюстрирующими самые разноплановые направления связей. Подобная тенденция ни до, ни после этого периода не прослеживается. Это – шиферные прясла, происходящие из заполнения жилых домов, хозяйственных помещений и культовых объектов; керамические яйца-писанки, обнаруженные в погребальном сооружении и в заполнении жилого дома; нательный ромбовидный крест-медальон из серого шифера, обнаруженный в погребении и имеющий прямые аналогии в русских древностях. Особо следует выделить уникальную пока для Юго-Восточного Крыма находку серебряной шестиконечной гривны киевского типа, использовавшейся, по мнению большинства специалистов, только для крупных государственных торговых операций⁴³. Обнаружена она была во время подводных исследований в Судакской бухте в 2006 г. и ее связь с деятельностью порта несомненна.

Другое направление тмутараканских связей Сугдеи иллюстрирует находка фрагмента ручки крупной амфоры. Этот тип импортных амфор редок в Крыму, хронологические рамки его существования до конца не ясны, но для середины X – середины XI вв. они характерны. Несмотря на то, что изделие опубликовано, повторим, что на фрагменте толстой линией прочерчены славянские буквы А (Аз) и Б (Буки). Вопрос о времени и причинах появления данного граффито в Сугдее насчитывает уже не одну работу⁴⁴. Тем не менее, совершенно ясно, что надпись может быть датирована не ранее начала XI в. В последнее время анализ славянских надписей на керамике, происходящих с территории Древней Руси и, прежде всего, Тмутаракани, был произведен А.А. Мединцевой и В.Н. Чхаидзе⁴⁵. Появление славянских надписей на керамике авторы связывают с просветительной деятельностью в Тмутаракани древнерусского монастыря. Возможно, эта деятельность распространилась и на Сугдею.

Особую группу находок составляют свинцовые печати тмутараканских князей, найденные во время подводных исследований в Судакской бухте. В настоящее время насчитывается три так называемые печати Олега-Михаила. На лицевой стороне представлен архангел Михаил в полный рост со скипетром в правой руке. На оборотной — греческая надпись *Господи помози Михаилу, архонту Матрахи, Зихии и всей Хазарии*⁴⁶. В литературе печать датируется вто-

---

42 Майко В.В. Давньоруські знахідки X–XIII ст. з південно-східного Криму. До питання про економічні та політичні контакти. *Дньєслово*. К., 2008, 311–321.

43 Янин В.Л. Русские денежные системы IX–XV вв. *Древняя Русь. Город, замок, село*. М., 1985, 365.

44 Последний раз фрагмент был опубликован в: Майко В.В. Давньоруські знахідки X–XIII ст., 313, рис. 1, 7. Там же и разбор историографии.

45 Мединцева А.А., Чхаидзе В.Н. Новая древнерусская надпись из Тмутаракани. *РА*. 2008, № 1, 101–102.

46 Одна из них опубликована и тщательно проанализирована Е.В. Степановой (Stepanova E.), “New Finds from Sudak,” *Studies in Byzantine Sigillography*, № 7, 127; Степанова Е.В. Печати из Судака

рой половиной XI в.⁴⁷ Аналогии этим моливдовулам хорошо известны, пока их насчитывается три, причем две происходят с территории Боспора⁴⁸. Проблема установления личности собственника печати является одной из наиболее дискуссионных на протяжении последних 60-ти лет. Суть ее, как известно, сводится к тому, кто был собственником печати — византийский чиновник или известный черниговский князь Олег Святославович, получивший при крещении имя Михаил. Этот, на первый взгляд, сфрагистический казус оказался сложной исторической проблемой, оказавшей влияние на дискуссию о сущности самого термина *архонт* и закономерно поставившей вопрос о том, когда Юго-Восточный и Восточный Крым входит в состав Византийской империи. Историография проблемы детально изложена в работах В.П. Степаненко и Е.В. Степановой⁴⁹. Согласно мнению исследователей, после 1083 г., когда Олег Святославович вернулся в Тмутаракань после четырехлетнего плена, влияние Византии на эти территории усилилось. В этом случае печать *Михаила архонта Матрахи, Зихии и всей Хазарии* можно расценивать, как печать князя, связанного с империей определенными вассальными обязательствами. Дополнительным аргументом в пользу «княжеской» атрибуции моливдовула является тот факт, что, согласно сфрагистическим исследованиям, ко времени появления печати Михаила, архонты, как государственные чиновники Византии, исчезают, а этот титул используется только для союзников или федератов империи⁵⁰. В качестве аналогии аргументировано приводится моливдовул Иоанна, *архонта Пачинакии*, одного из печенежских племен на территории Болгарии именно середины XI в.⁵¹ С другой стороны, хорошо известны печати древнерусских переяславских, черниговских, смоленских, волыньских князей середины XI — начала XII вв., где титул архонт не упоминается⁵², которые, разумеется, Византии не подчинялись.

Особое внимание следует обратить на находку печати еще одного тмутараканского князя Давида Игоревича (1081–1083 гг.), обнаруженную при проведении подводных исследований в Судакской бухте в 2004–2005 гг.⁵³ Это пока единственная печать указанного князя в Крыму. Согласно мнению исследователей, эту печать из Судака можно рассматривать в качестве прототипа для последующих печатей Давида Игоревича⁵⁴.

(к вопросу об интерпретации). *Сугдейский сборник*. Вып. II. К., Судак, 2005, 541, рис. 1, 8); другая В.И. Булгаковой (Булгакова В.И. Сигиллографический комплекс порта Сугдеи, 321, № 40). В этой же работе автор упоминает еще одну находку печати Михаила, происходящую из порта Сугдеи.

47 Stepanova E., “New finds from Sudak,” *Studies in Byzantine Sigillography*, № 7, 127.

48 К тмутараканским печатям Боспора второй половины XI в. можно добавить давно известную печать посадника Ратибора и, возможно, спорную печать Михаила Матарха (Степанова Е.В. Византийские печати, найденные в Керчи и на Таманском полуострове, из собрания Н.П. Лихачева. *МАИЭТ*. Т. XIII. Симферополь, 2007, 365).

49 Степанова Е.В. Печати из Судака, 542–545; Степаненко В.П. К статусу Тмутаракани, 254–263.

50 Степанова Е.В. Печати из Судака, 543.

51 Jordanov I., “Sceau d’archonte de Patzinakia du XIe siècle,” *Études balkaniques* (1992, no 2), 80–81; Степанова Е.В. Печати из Судака, 543.

52 Янин В.Л. *Актовые печати Древней Руси X–XV веков*. Т. I. М., 1970, 16–26.

53 Булгакова В.И. Сигиллографический комплекс порта Сугдеи, 320–321, № 39.

54 Булгакова В.И. Сигиллографический комплекс порта Сугдеи, 321.

Таким образом, все перечисленные выше древнерусские находки, а особенно уникальный по количеству и разнообразию комплекс печатей, позволяет ставить вопрос не только об экономических связях Юго-Восточного Крыма и Тмутаракани, но и об определенной политической зависимости этой территории полуострова от княжества. Возможно, именно с этими событиями связана попытка укрепить северо-восточные границы империи в Юго-Восточном Крыму. Вероятно тут, как и на Нижнем Дунае, расселяется часть печенегов, определенные группы которых поселяются и в городах, переходя к оседлости. В 1048–1054 гг. именно эти печенеги, следуя известиям *Судакского Синаксаря*, помогали жителям Сугдеи бороться против узов-торков. На мой взгляд, как раз для противостояния экспансии Тмутараканского княжества в 1059 г. фема Сугдеи была объединена с фемой Херсона, о чем свидетельствует известная надпись 1059 г. патрикия Льва Алиата⁵⁵. Очевидно, это был непродолжительный период наибольшего расцвета Тмутаракани, пришедшийся на середину — третью четверть XI в. В середине 80-х гг. этого столетия Византийская империя постепенно стала возвращать прежнее влияние как в Юго-Восточном и Восточном Крыму, так и на Тамани.

В заключение на основании археологических и сфрагистических источников можно попытаться наметить основные периоды формирования отношений между Тмутараканью и восточным регионом Таврики, и роль в этом Византийской империи. Первый период — середина X — начало 70-х гг. X в. — формирование культуры населения Юго-Восточного Крыма под влиянием и при непосредственном участии Тмутаракани; второй — 70–80-е гг. X в. — политическая зависимость от Византии; третий — конец 80-х гг. X в. — 1015 г. — номинальная зависимость от Византии, экономические связи с Тмутараканью усиливаются; четвертый — 1015 г. — середина XI в. — политическая зависимость от Византии усиливается, создание фемы; пятый — конец 50-х — начало 80-х гг. XI в. — значительное усиление связей с Тмутараканью, возможный протекторат последней над территорией Восточного Крыма; с середины 80-х гг. XI в. окончательное вхождение в состав Византийской империи.

Інститут археології НАН України

---

55 Латышев В.В. *Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России*. СПб., 1896, 16–18.

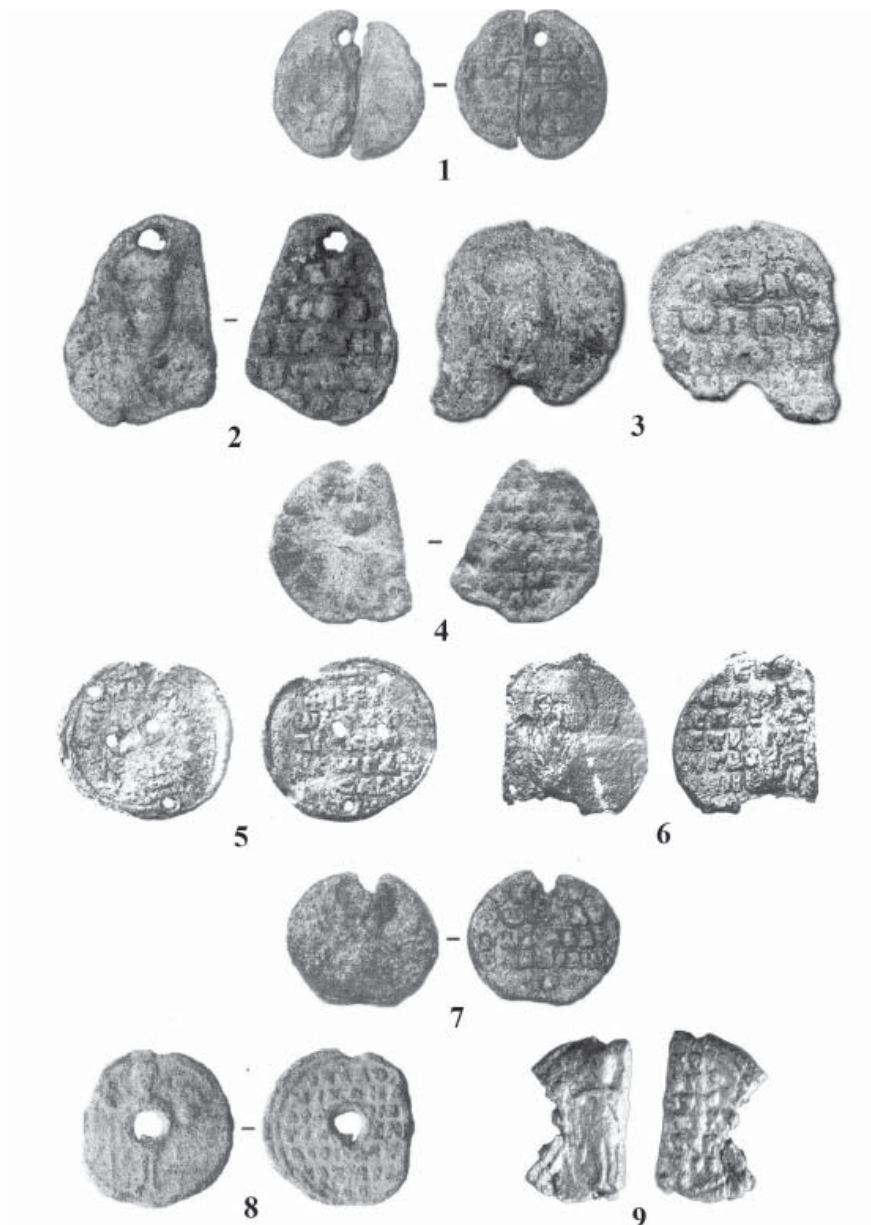

Рис. 1. Моливдовулы стратигов Сугдеи и тмутараканских князей
Олега-Михаила и Давида

1 — Иоанн протоспафарий и стратиг Сугдеи (?); 2, 3 — Иоанн примикий и стратиг Сугдеи;
4–6 — Георгий Муселе (?) протоспафарий и стратиг Сугдеи; 7 — Давид Игоревич; 8, 9 — Олег-
Михаил Святославич

Юрий Писаренко

**Книга — больше, чем книга
(Два случая ритуального уничтожения книг)**

Казалось бы, роль книги целиком определяется ее содержанием. Тем не менее, непрочитанная в силу обстоятельств книга, как некая «вещь в себе», подчас приобретает особый, практически сакральный смысл¹. Примером тому может служить легендарная «библиотека Ярослава Мудрого».

Особо знакова для людей ситуация уничтожения книг. Вспомним окутанное ореолом мистики — по существу, суицидальное — сожжение Н.В. Гоголем второго тома *Мертвых душ*. Смерть текста сопоставима со смертью самого человека: в обоих случаях осознанию непоправимости утраты противостоит смутная надежда на то, что «рукописи не горят». Что эта вера касается, в первую очередь, книг божественных, подтверждает упомянутое Константином Багрянородным «Чудо о несгораемом Евангелии»².

Темы трансцендентной природы сакральных текстов, независимой от степени их постижения, касается и «духовный стих» о *Голубиной книге*. О содержании этой гигантской книги, якобы объемлющем тайну устройства Вселенной, можно судить только гипотетически, поскольку «на руках держать книгу — не удержать, / Читать книгу — не прочести»³. Книга эта связана с потусторонним миром, не имеющим вполне точных координат: выпадая с небес, она, в то же время, — «глубинная», в чем видится не только ее связь с мудростью, но и, собственно, — подземностью. К тому же, признавая мир созданным из частей самого Бога («А и белой свет — от лица божья, / Со(л)нце праведно — от очей его...»⁴), этот «гроссбух» и сам, будто, уподобляется великану Пуруше... Очевидно, мотив божественной книги, в которой прописаны судьбы мира, был позаимствован духовным стихом из *Откровения* Иоанна Богослова и апокрифов⁵.

---

1 Очевидно, в наиболее полной мере такой «вещью в себе» становились изъятые из обращения по своей ветхости либо апокрифичности тексты, помещавшиеся евреями в т.н. генизы — хранилища при синагогах. После длительного «заточения» в генизах подобные материалы торжественно погребались — часто рядом с могилой мудреца. Древние евреи верили, что содержание истрепавшейся и спрятанной книги отлетает к небесам, как и душа умершего (Дойель Л. *Завещанное временем. Поиски памятников письменности*. М., 1980, 407–408).

2 Брайчевский М.Ю. *Утверждения христианства на Руси*. К., 1988, 51.

3 *Древние российские стихотворения, собранные Киршию Даниловым*. М., 1977, 210.

4 *Древние российские стихотворения, собранные Киршию Даниловым*, 211.

5 Калугин В.В. «Кънигы»: отношение древнерусских писателей к книге. *Древнерусская лите-*

Что касается ухода книг из жизни человека, то он случается не только по обыденным причинам. Книгу могут уничтожить, опасаясь ее идей, сжигая, словно еретика, либо, наоборот — принося в жертву, как наиболее ценное. Два последних случая — ритуальны, поскольку ставят перед собой задачи идеологические. И не всегда можно понять, о каком из них идет речь.

***

В ряде сборников русских былин встречается весьма своеобразный сюжет, воедино связывающий образы «туров-малых деточек», породившую их *турицу*, городскую стену и девицу-Богородицу. Сейчас сосредоточим внимание на описанных в этих былинах непонятных действиях с книгой.

Так, в одной из архангельских былин в записи А.Д. Григорьева туры рассказывают своей матери о том, что, пребывая на Руси, видели, как из башни городской стены

Выходила девица-душа красная,
Выносила она книга евангелиё
Да копала она книгу во сырую во землю,
Она плакала над книгою, уливаласе:
«Не бывать тебе, книга, да на святой Руси,
Не видать тебе, книга, свету белого,
Свету белого да сонця красного»⁶.

По утверждению же *турицы*,

Да не девица выходила, не красная, —
Выходила запрестольня Богородица;
Да не книгу копала да не евангельё, —
Да копала она веру христианьскую;
Она плакала над верой да уливаласе:
«Не бывать тебе, вера, да на святой Руси;
Не видать тебе, вера, свету белого ...»⁷.

Следы этого сюжета сохранились и в ряде других былин. Например, в записанной П.Н. Рыбниковым в Пудогге былине «Батыга и Василий Игнатъевич» туры видели, как

Выходила девица и слезно плакала,
На руках держит книгу свято евангелье,
А не только читает, а вдвоем плачет.

ратура: *Изображение общества*. М., 1991, 102–104.

6 *Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д.Григорьевым в 1899–1901 гг.* М., 1904. Т.1, 117 (№33).

7 *Архангельские былины*, 118.

По разъяснению *турицы*:

— А не девица выходила и слезно плакала,
— А плакала стена городовая,
А она сведала над Киевом незгодушку:
А наехал князь Батыга Батыгович...⁸.

Если у А.Д. Григорьева непонятно чем вызванное закапывание *Евангелия* сопровождается оплакиванием веры, то другие варианты, в которых книга не закапывается, а просто находится в руках или читается, связывают плач девицы-Богородицы-городовой стены с иноплеменным нашествием⁹.

Подтверждение тому, что первоначально речь шла именно о закапывании книги в связи с вражеским вторжением, нашлось совершенно неожиданно. Переказав приведенный былинный сюжет коллегам из сектора исследований Киевской Руси Института истории Украины НАНУ 16.03.2010, от сотрудницы сектора Екатерины Кириченко мы получили следующие интересные сведения. От своей бабушки Антонины Григорьевны Петровой наша коллега слышала такой рассказ. Во время Великой Отечественной войны, в 1943–44 гг., находясь в эвакуации в городке Александров Гай (ныне село) Саратовской обл., А.Г. Петрова стала свидетелем магического обряда: несколько местных женщин, с которыми была и жена офицера, взяв в библиотеке том трудов В.И. Ленина, закопали его в землю, сопровождая это действие какими-то заговорами. Вскоре после этого, по рассказу участниц, им было видение: по местной реке Большой Узень плыла лодка, управляемая двумя красноармейцами. В лодке стоял гигантского роста, с простертой вперед рукой, И.В. Сталин, который произнес: «Победа будет за нами!».

Этот обряд является поздней репликой отраженного в былине ритуала закапывания *Евангелия*, ввиду военной опасности. Очевидно, магическое предание земле *Евангелия* изначально понималось как мера, призванная защитить от врага, обеспечить победу. Если, согласно Симеону Солунскому, «Св. Евангелие является образом Иисуса Христа» (гл. 13 «О храме»)¹⁰, то, возможно, жертвование книги должно было означать реактуализацию божественной жертвы, дабы укрепить родную землю перед лицом катастрофы. При этом интересно, что об-

8 *Песни, собранные П.Н. Рыбниковым*. В 3-х т. М., 1910. Т.2, 410–411 (№ 161).

9 Еще один вариант былины «Василий Игнатъевич» из Поонежья, в котором туры рассказывают, что над *Евангелием* девица «сколько ни читает, а вдвое плачет», а турица отвечает: «Не душа та красна девица гуляла по стены, / А ходила та Мать Пресвята Богородица, / А плакала стена мать городовая, / По той ли по вере Христианския, — / Будет над Киев град погильбѣ: / Подымается Батыга сын Сергеевич ...» (*Песни, собранные П.Н. Рыбниковым*, 597–598 (№ 194). Ср. 683–684 (№ 209) — Пудожский уезд). См. также № 55 в изданных А.М. Листопадовым «Песнях донских казаков»: «Стояла там красна девица. / Во руках-то держит девица / Книгу незнакомую. / Сама плачет, красна девица, / Плачет, как река, как река льется: / «Вот придет-то на нас победушка, / Да на наш славный Киев, славный Киев-град!» (Цит. по: *Русские народные баллады*. Вступ. статья, подг. текста и примечания Д.М. Балашова. М., 1983, 145).

10 Вениамин, архиепископ. *Новая Скрижаль. Полное объяснение церковных служб, обрядов, молитвословий и предметов церковного обихода*. Первый русский перевод с 9-го издания К. К-го. СПб. (без года), 16.

раз девицы, в особенности – Богородицы, понимался как олицетворение Земли-территории¹¹, а сама Богородица выступала заступницей от врагов¹².

***

Следы еще одного магического обряда, где были погребены предварительно сожженные книги, встретились нам в 1994 г., во время раскопок Старокиевской экспедиции по ул. Большой Житомирской, 11. Несмотря на то, что данные об этой находке дважды были опубликованы Я.Е. Боровским и И.И. Мовчаном¹³, ее своеобразие по-прежнему вызывает ряд вопросов.

Речь идет о яме № 4 (раскоп 2), находившейся на возвышении, к востоку от могильника XII–XIII вв. Вся исследованная территория примыкала с юга к современной ул. Большой Житомирской, а в древнерусское время входила в границы «города Ярослава», вероятно, принадлежа к его северной оконечности.

Заполнение ямы № 4 начинало читаться на глубине 1,65 м от современной поверхности. По всему ее периметру тянулась полоса обожженной глины, а середина была заполнена серым суглинком. В плане объект имел форму, близкую к прямоугольнику со сторонами 1,4×0,9 м, и был ориентирован по линии север–юг. Глубина ямы составляла 0,4–0,5 м. Ее стенки полого спускались к неровному дну и были обожжены. На глубине около 0,35 м от уровня выявления объекта в заполнении начали встречаться древесные угольки, обугленные остатки прутьев, частично сгоревшая древесина, зола, фрагменты керамики XII в. По центру ямы было обнаружено нечто, напоминавшее остатки деревянного колышка, вбитого в дно под углом 50°. Его диаметр — 3 см, длина сохранившейся части — 8 см¹⁴ (см. рис. 1).

В северной части ямы было найдено множество бронзовых застёжек от книг, расположение которых говорило о том, что книги были помещены в яму в раскрытом виде. Состав обнаруженных деталей оправ проанализировал Я.Е. Боровский. Застёжки были двух типов: в виде миниатюрных «мечей» (12 целых и 8 фрагментов) и — лирообразные пряжки (2 целые и 3 фрагментированные). Застёжки-мечи по сходству и размерам разбивались на 5 пар, 2 — без пары. Парность застёжек, по мнению ученого, говорит о том, что сожженные книги имели их по две на обрезе переплета и книг было не менее семи (без учета имеющих фрагментов)¹⁵.

11 Топорков А.Л. Материалы по славянскому язычеству (культ Матери-сырой земли в дер. Присно). *Древнерусская литература. Источниковедение. Сб. научных трудов.* Л., 1984, 225–227.

12 Лихачев Д.С. «Пирогощая» «Слова о полку Игореве». Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978, 216–219.

13 Боровский Я.Е., Мовчан И.И. Книга на Руси (за археологичними знахідками). *Галич і Галицька земля. Збірник наукових праць.* К., Галич, 1998, 18–24; Боровський Я., Мовчан І. Книга в Києві (за археологичними знахідками). *Київський альбом. Исторический альманах, 2002 год.* К., 2002. Вып. 2, 55–60. См. также: Мовчан І.І., Боровський Я.Є., Климовський С.І., Писаренко Ю.Г. Звіт про археологічні дослідження Старокиївської експедиції по вул. Великій Житомирській, 11 у м. Києві в 1994 р. К., 1995. *Науковий архів Інституту археології НАНУ*, 28–32.

14 Возможно, речь шла о своеобразном «запечатывании» могилы.

15 Боровський Я.Є., Мовчан І. І. Книга на Русі, 20.

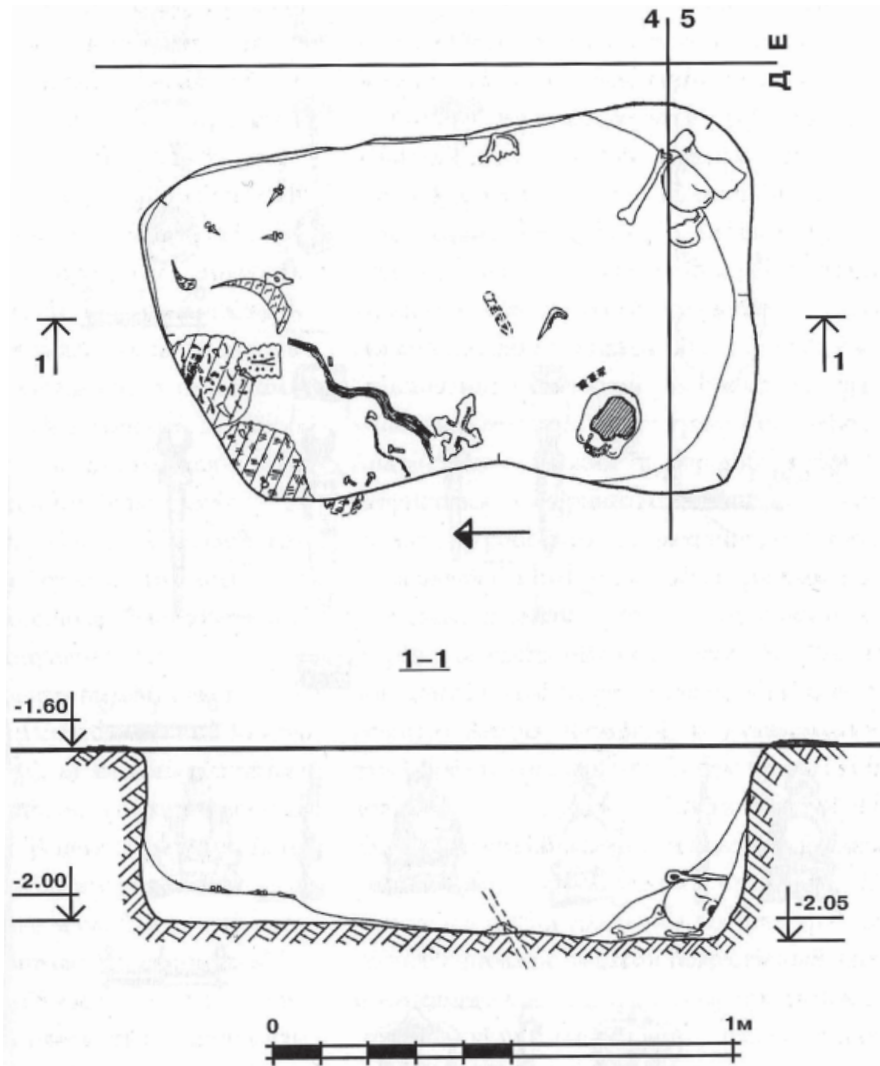

Рис. 1. Общий вид и разрез ямы с сожженными книгами.
Киев. Б. Житомирская, 11. Раскопки 1994 г.

В отдельных местах ямы было обнаружено 27 бронзовых декоративных гвоздей, различных по длине, форме и размерам головки. Был также найден медный посеребренный крест размерами 13,3×9,4 см при толщине 1 мм, который с помощью 8-ми гвоздиков, очевидно, крепился к переплету одной из книг. В специальных отверстиях на кресте сохранился один из гвоздиков длиной около 8 мм. Серебряное покрытие креста почти полностью было уничтожено огнем (рис. 2).

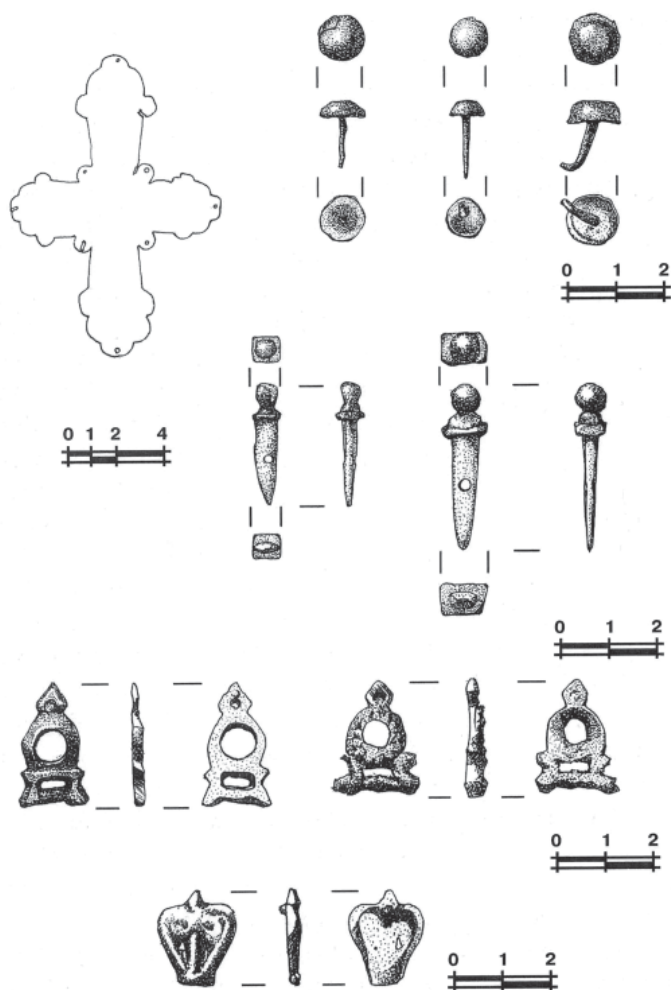

Рис. 2. Детали оформления книжных оправ
(по И. Мовчану и Я. Боровскому)

Ближе к центру ямы зафиксирован скелет птицы (очевидно, курицы) в анатомическом порядке. При расчистке были обнаружены даже небольшие камешки, которые находились у птицы в желудке. Обгорел только самый низ костей ног. Эти детали говорят о том, что птица — очевидно, в качестве жертвы — была положена в костер, когда он догорал, из-за чего внутренние кости не подверглись воздействию огня.

В этой же, центральной, части ямы был найден железный замок с прикипевшим к нему куском бронзы, а также фрагменты тлена кожи (толщиной 2–3 мм)

от оправы книги, куски сгоревшего дерева и пепел, возможно, от досок и пергаментных листов сгоревших книг. Был обнаружен и сохранившийся небольшой фрагмент доски от переплета, с двух сторон обтянутый кожей. Под ней отмечен серый тлен, возможно, от пергамента.

В 30 см к югу от креста лежал перевернутый человеческий череп. В юго-восточном углу ямы был найден еще один череп с последовательно положенными на него сверху ключом и топором (длина рабочей части топора 17,5 см, ширина лезвия 9,5 см). Под черепом встречен фрагмент стеклянной посуды желтого цвета с зелеными прозрачными нитями. Рядом с черепом находились кости ноги и таза человека, а также две челюсти. На одном из черепов сохранился последний шейный позвонок.

Можно согласиться с Я.Е. Боровским и И.И. Мовчаном в том, что яма № 4 содержала следы магического обряда. Сожжение книг относится, примерно, ко второй половине XII в., для которого зафиксирован новый всплеск язычества в городах и княжеско-боярских кругах¹⁶. В то же время далее авторы пытаются связать следы этого ритуала с известным летописным событием — низложением в 1169 г. ростовского епископа Федора. Последний, как известно, был направлен князем Андреем Боголюбским в Киев и здесь, по обвинению митрополита Константина в ереси, предан пыткам и казнен на Песьем острове¹⁷. Кроме того, согласно В.Н. Татищеву, «книги, писанные им, на торгу пред народом сожгли»¹⁸. Именно с учетом этого упоминания о торге авторы пытаются отнести исследованную раскопками территорию к некоему торгу поблизости Софийских ворот¹⁹. Хотя, в таком случае, сожжение книг в бойком людном месте вряд ли сопровождалось бы произведенным здесь же довольно тщательным погребением. Да и порядок этих действий представляется довольно странным: «Очевидно, после казни Федора и сожжения его книг на торгу и был устроен его единомышленниками обряд погребения. Недаром в яму с книгами была брошена птица, ведь Федора его противники, за защиту прадедовских обычаев, называли волхвом²⁰. Возможно, с острова Песьего, где был замучен «еретик», принесли его голову и топор, которым ее отрубили (в юго-восточном углу ямы на череп положен железный топор)»²¹. Согласно этой реконструкции событий, археологически исследованный объект (яма № 4) выглядит как результат некоего консенсуса между противниками и сторонниками Федора, которого, на самом деле, быть не могло. Кроме того, в яме зафиксированы останки, как минимум, двух людей (2 черепа), скорее всего происходящие с близлежащего кладбища. Кости мертвецов особо «могли скреплять» силу магического обряда.

---

16 Боровский Я.С., Мовчан И.И. Книга на Руси, 21. См.: Рыбаков Б.А. *Язычество Древней Руси*. М., 1987, 774–782.

17 *ПСРЛ* 2: 552–553.

18 Татищев В.Н. *История Российская*. Т. 3. М.-Л., 1964, 91; Татищев В.Н. *История Российская*. Т. 4, 276.

19 Боровский Я.С., Мовчан И.И. Книга на Руси, 21.

20 «Ини же волхва его глаголаху» (Патриаршая или Никоновская летопись — *ПСРЛ* 9: 239).

21 Боровский Я.С., Мовчан И.И. Книга на Руси, 22

Очевидно, типичную картину уничтожения «реформованных» книг, воспринимавшихся как еретические, дает история церковного раскола XVII в. В.В. Калугин приводит свидетельство *Сказки* соловецкого чернеца Васьяна Крюкова 1669 г., согласно которой местные ревнители старых обычаев

взяли в ружейной полате новоисправленныя книги, и вывезли за монастырь, и просекли пролубь, и на берегу склали огонь. А в тех книгах были Евангелии на- престолныя и с евангелисты сребренными и позолочены, и Апостолы, и Служебники, и Треоди, и иныя всякия богодухновенныя книги; евангелисты подрали. Да в тех же книгах были на листах напечатоны оброзы Божии в лицах: оброз Господа нашего Иисуса Христа, и пречистыя Богородицы, и Ивана Предтечи, и апостоли, и пророки, и многих святых. Те оне оброзы видирали ис книг, и драли, и на них плевали, и под наги метали, и топтали, и в пролубь потапили. А которой оброз к верху всплывет, и они копыи и бердуши в лица калоли и под лед подвадили, а достки пожгли.

При этом, как поясняет *Сказка* другого соловецкого старца, Исаяи Слепого, 1669 г.: «А оброзы, которыя в лицах напечатоны, — те-де кумиры»²².

Сравнивая с этим примером киевское сожжение книг XII в. из ямы № 4, можем констатировать, что в последнем случае вряд ли речь шла об уничтожении книг как таковом. Магический — далеко не христианский — антураж «погребения» — жертвенная птица, черепа, топор, замок и ключ — скорее говорит о том, что здесь с помощью уничтожения книг хотели добиться чего-то большего, преследовали какую-то сверхцель.

Возможно, этот случай и может быть сопоставлен с вышеприведенным закапыванием *Евангелия*, с той лишь разницей, что при раскопках, помимо предания земле, зафиксировано и сожжение — другая, известная славянам форма погребения. Такая языческая процедура могла быть, своего рода, актом отчаяния, вызванным чрезвычайной ситуацией, в которой христианские молитвы уже считались неэффективными. Это могла быть засуха, мор или война, когда богослужебные книги начинали восприниматься, как «глубинные» — больше, нежели текст. Можем предположить, что их предание огню и земле считалось вернейшим способом достижения потустороннего мира и воссоединения с Богом. В жертву приносилось лучшее.

Інститут філософії ім. Г.С. Сковороди НАН України

22 Цит. по: Калугин В.В. «Кънигы»: отношение древнерусских писателей к книге, 112.

«Семеновы люди»: их территория и роль в политических отношениях между Крымом и Литвой на исходе XV века

О «Семеновых людях» исследователям стало известно в конце 30-х гг. XIX в., когда были изданы первые документы из посольских книг *Литовской метрики*. О них, в частности, информировали некоторые акты «Сборника князя Оболенского №1»¹. Однако, это издание дипломатических актов, как и некоторые последующие², не способствовало изучению рассматриваемой проблемы, главным образом из-за неудовлетворительного уровня передачи древних текстов. Позитивные сдвиги в изучении проблемы «Семеновых людей» произошли на рубеже XIX–XX вв., когда на основе разработанных археографических правил началось систематическое издание актов *Литовской метрики*. Особую роль в этом сыграли изданный в 1881 г. специальный тематический сборник Казимира Пулаского³ и первая попытка фронтального издания 4-й и 5-й книг записей *Литовской метрики* в «Русской исторической библиотеке»⁴. Они впервые сделали доступными для исследователей документы дипломатической переписки между правителями Литвы и Крыма за 1479–1506 гг., в которой больше всего сохранилось известий о «Семеновых людях».

Первое такое известие датируется октябрем 1480 г., последнее — 1497 г. Рассмотрим их в хронологическом порядке, обращая внимание на обстоятельства их появления и значение для изучения проблемы.

(1) В ярлыке («присяжном листе») крымского хана Менгли Гирея от 15 октября 1480 г., доставленном в Литву его послом Байрашем, впервые указывалось: «Штожь отець мои Ажь Кгиреи, царь, князю Семену котории подавалъ люди, тые

---

1 Сборник князя Оболенского №1. Книга посольская Метрики Литовской. 1506. М., 1838.

2 Сборник Муханова. СПб., 1866; Малиновский А. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыме татарскими царями с 1462 по 1533 г. Сочинено из старинных книг и столпцов, хранящихся в Московской государственной коллегии иностранных дел архиве переводчиком Алексеем Малиновским 1793 года. ЗООИД. Т.5. Одесса, 1863, 178–419.

3 *Stosunki Polski z Tatarszczyzną od połowy wieku XV. T. 1: Stosunki z Mendli Girejem, chanem tatarów perekopskich (1469–1515). Akta i listy*. Wydał i szkicem historycznym poprzedził Kazimierz Pułaski (далее — К. Pułaski. *Stosunki...*). (Kraków–Warszawa), 1881.

4 Литовская Метрика. Отдел первый. Часть первая. Книга записей. Т.1. РИБ: 27. СПб., 1910. Новейшее издание: *Lietuvos Metrika. Knyga Nr.4 (1479–1491). Užrašymų knyga 4* (Vilnius, 2004) (далее — LM: 4).

люди мне бы отъдалъ»⁵. В этом послании к королю польскому и великому князю литовскому Казимиру IV Ягеллону хан Менгли Гирей (1468–1474, 1478–1515) сообщает, что Хаджи Гирей, его отец и крымский «царь» (1443–1444, 1449–1466), дал некогда некоему князю Семену неких «людей» и требует их вернуть. Ярлык был выдан уже после того, как в сентябре 1480 года государственный совет Крымского ханства, в соответствии с только что заключенным антилитовским союзным договором с Московским государством принял решение начать военные действия против Великого княжества Литовского и его союзника — Великой (Заволжской) Орды⁶. Большое войско во главе с Менгли Гиреем уже выступило в поход, но, встретив на своем пути литовское посольство князя Ивана Глинского, возвратилось в Крым⁷. Незамедлительно начались переговоры, в результате которых 15 октября прежний литовско-крымский договор о «дружбе» и союзе был подтвержден новой присягой хана, что и запечатлел рассматриваемый присяжный ярлык. Но именно в этом документе Менгли Гирей возвращение «Семеновых людей» под свою власть сделал главным условием соблюдения им верности только что подтвержденному литовско-крымскому союзу.

(2) Требование возвратить «Семеновых людей» было повторено в очередном ярлыке Менгли Гирея к Казимиру IV в таких словах: «Што жь цар, отець мой, князю Семену што дань людъ, ты король, братъ, мне, брату своему, отъдаси»⁸. Ярлык появился на свет в 1484 г. в связи с мирной миссией еще одного литовского посольства во главе с паном Петрашем и Зеньком, которые присягнули перед крымским ханом в верности своего сюзерена возобновленному договору о мире и союзе между Крымом и Литвой. В этом же послании Менгли Гирей заявил о своей согласии отдать сына в заложники для укрепления крымско-литовского союза, но реализацию этого условия опять же поставил в зависимость от возврата «Семеновых людей», а также оплаты строительства ханской крепости в низовьях Днепра.

(3) Ответ литовской стороны на требование крымского хана был дан спустя несколько лет, в королевском послании, датированном 22 августа 1486 г. В нем Казимир IV уклончиво заметил:

Такъжо што еси всказал к намъ и въ ярлыкохъ своихъ писал, напоминая насъ о людехъ, которихъ бы р[е]комо отець твои цар Ачь Кгирей далъ небощику князю Семену, и о помочь, ино и самому тебе о томъ, брату нашому, естъ ведомо, ижъ отець твои цар Ачь Кгирей с нами былъ в братстве и въ приязни, и въ правде твердои ажъ до своего живота, а намъ о томъ николи не напоминаль⁹.

5 LM: 4, 91–92, № 29.1.

6 Ярлык Менгли Гирея великому князю московскому Ивану III см.: *Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел*. Ч. V. М., 1894, 2. Док. № 4; также: Малиновский А. *Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыме татарскими царями с 1462 по 1533 год*, 368–369. Док. №3.

7 Kolankowski L., *Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów* (Warszawa, 1930), 341–343.

8 LM: 4, № 47.2.

9 LM: 4, 142, № 132.

(4) В 1497 г. сын Казимира IV, великий князь литовский Александр, наконец твердо и окончательно заявил:

А што пишешъ, што ся тычеть волости, што отец твои будет князю Семену дал, ино мы о томъ ничего не ведаемъ. Што отецъ нашъ держалъ и на чомъ пановал, то и мы, з Божеею помощью, держымъ отчину и дедину нашу, а чужого ничего не держымъ¹⁰.

В этом документе, как видим, «Семеновы люди» впервые сопоставлены с определенной территорией (волостью), а процитированные выше слова Александра Казимировича, по сути, означали окончательный отказ литовской стороны удовлетворить территориальные притязания правителя Крымского ханства.

(5) На отказ на свои домогательства Менгли Гирей незамедлительно ответил посольством Куямберды (1497) и еще одним ярлыком. В нем хан подтвердил прежнюю «просьбу» вернуть «люди», отданный его отцом «князю Семену в руже», мотивируя ее на этот раз тем, что возврат «Семеновых людей» позволит ему, мол, удовлетворить алчность крымских царевичей и знати, и тем самым предотвратит новые разорительные набеги на территорию Великого княжества Литовского.

И тежь [значится в ярлыке] какъ жо пишете, ижь просил есми от васъ люду, которы жо данъ князю Семену в руже напротивьку отъцу нашому, которы прислухал к Орде н(а)шои, и тотъ людъ видели есте в рукахъ отца вашого какъ бы свои. И мы тых людеи просимъ не для окрутенъства, але ижь быхмо могли досыт учинити сыномъ нашымъ и некоторымъ бояромъ нашымъ, бо ведаемъ, ижь в рукахъ нашихъ толко не маемъ, што быхмо могли тым досыть вчинити, котории бы вамъ не мели шкодити. Про то вы на того мыслите а на тых незабороняите, а на тьи наши две прозбе даите намъ отповед¹¹.

Следует особо отметить, что в этом документе впервые определенно говорится о подвластности «Семеновых людей» Крымскому ханству до того, как его правитель Хаджи Гирей «дал» их князю Семену.

После посольства Куямберды 1497 г. крымско-литовские дипломатические отношения были прерваны в связи с начавшимися регулярными нападениями крупных воинских соединений Крымского ханства на Великое княжество Литовское. Перерыв длился шесть лет. После его окончания в литовско-крымской дипломатической корреспонденции речь о «Семеновых людях» более не шла.

(6) Тем не менее в 1499 г. они снова были упомянуты, но на этот раз в ярлыке Менгли Гирея к московскому великому князю Ивану III, который тогда выступил посредником в переговорах о мире между Крымом и Литвой. Ярлык доставил в Москву ханский посол Ази-Халиль и в нем указывалось: «Нашіе Орды дан-

10 Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 5 (1427–1506). Užrašymų knyga 5 (Vilnius, 1993), 121, № 71.2; 132. (далее — LM: 5).

11 LM: 5, 122–123, 124. №72. 4.

щики отца моего князю Семену киевскому отданіе есть, коли Сеит Ахметя царя отвезли в Литовскую землю, — и тѣх ординских данщиков наших людей нам отдаст»¹². Это известие представляет особенную ценность: оно не только подтверждает факт даннической зависимости «Семеновых людей» от власти крымского хана и содержит хронологическую привязку, позволяющую датировать их последующую «передачу» Великому княжеству Литовскому, но и впервые достаточно точно называет их непосредственного реципиента — киевского князя Семена Александровича (Олельковича, 1454–1470). Не менее важным представляется также то обстоятельство, что тот же посол Ази-Халиль передал через Ивана III великому князю литовскому Александру Ягеллону требование Менгли Гирея вернуть под ханскую власть города Чернигово-Северщины и «верховские волости», ранее подконтрольные ханским даругам и регулярно платившие дань Орде¹³. Другими словами, в этом ярлыке впервые после длительного перерыва был поставлен вопрос о возобновлении уплаты регулярной дани с части украинских земель Великого княжества Литовского. Но и это требование было решительно отклонено правителем Литвы.

Как видим, «Семеновы люди» упомянуты в ярлыках хана Менгли Гирея четырежды: в двух, адресованных королю польскому и великому князю литовскому Казимиру IV, одном — его сыну Александру и наследнику великокняжеского трона в Литве, и еще в одном, написанном для великого князя московского Ивана III. Большинство ханских известий однотипны — они лишь фиксируют факт передачи «Семеновых людей» основателем Крымского ханства Хаджи Гиреем, как впоследствии выяснилось, «князю Семену киевскому» и содержат требование вернуть их под ханскую власть. Тем не менее, именно Менгли Гирей сообщил важные подробности, без которых изучение проблемы не представляется возможным. В частности, он дважды проговорился, информируя, что до передачи «Семеновых людей» киевскому князю они «прислухали к Орде нашей» и были «данщиками отца моего», то есть до своего переподчинения находились какое-то время под властью крымского хана Хаджи Гирея, и что эти «люди» были отданы киевскому Олельковичу, «коли Сеит Ахметя царя отвезли в Литовскую землю». То есть, Менгли Гирей соотнес переподчинение «Семеновых людей» с известным фактом разгрома зимой 1455/1456 гг. на Подолье и в Киеве, пленения и последующего заточения в Ковно (Каунасе) Сейид Ахмета, хана наиболее могущественной из восточноевропейских Орд¹⁴, которая в 40–50-х гг. XV в. господствовала в лесостепной и степной зонах Волжско-Днепровского междуречья.

Гораздо меньше информации можно почерпнуть из посланий в Крым литовских правителей. Но именно в «листе» великого князя литовского Александра

12 *Сб. РИО*: 41, 287.

13 *Сб. РИО*: 35, 290.

14 Об этом знаменательном эпизоде в истории крымско-литовско-польских отношений сообщает Ян Длугош (см.: Jana Długosza *Dziejów Polskich ksiąg dwanaście* (Kraków, 1868): V, 184, 201). Его изучали Л. Колянковский и Ф. Конечный (Kolankowski L., *Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów*, 241–243; Koneczny F., “Geneza uroszczeń Iwana III do Rusi Litewskiej,” *Ateneum Wileńskie* (Wilno, 1925–1926). R. III, 201, not. 2).

впервые под термином «Семеновы люди» подразумевается определенная, принадлежавшая им, территория.

Длительное время о «Семеновых людях» историкам не было известно ничего определенного и, тем более, доказательного. Думается, что причину этого следует искать в скудости информации источников по данному вопросу и в затрудненном доступе исследователей к актам *Литовской метрики* во второй половине XIX — начале XX вв. по причине растянувшегося на десятилетия издания ее посольских книг. Такую же роль сыграла также слабая источниковедческая изученность других документальных источников XV–XVI вв. и в целом истории политических взаимоотношений Великого княжества Литовского и Короны Польской с восточноевропейскими ханствами во второй половине XV века. Лишь в самом конце 1920-х гг. польские историки Феликс Конечный и Людвиг Колянковский, проанализировав все известные к тому времени сведения актовых источников о «Семеновых людях», сделали ряд выводов, вполне сохранивших свою научную ценность и поныне. Ими, в частности, было установлено: 1) употребляемый в актах термин «Семеновы люди» тождественен определенной территории («волости») ¹⁵; 2) передача крымским ханом Хаджи Гиреем этих «людей» под власть киевского князя Семена Александровича (Олельковича) напрямую связана с окончательным разгромом Орды Сеид-Ахмета и пленением ее хана в Киеве в начале 1455 г., а также с передачей Казимиром IV старшему Олельковичу уряда брацлавского наместника ¹⁶; 3) само требование Менгли Гирея вернуть под ханскую власть «Семеновых людей» было первым в ряду последующих территориальных претензий, предъявленных Крымским ханством Великому княжеству Литовскому в ходе их военно-политического противостояния в последнем двадцатилетии XV и в первых декадах XVI вв.

В частности, польские исследователи пришли к выводу, что требования Менгли Гирея вернуть под ханскую власть «Семеновых людей» были только частью

---

15 Kolankowski L., *Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów*, 240, 352. Koneczny F., „Geneza uroszczeń Iwana III do Rusi Litewskiej,” 240. Правда, Ф. Конечный вскоре поставил этот свой вывод под сомнение, утверждая, что «неизвестно, шла ли речь о каком-то пространстве земли или о какой-нибудь татарской дружине». См.: Koneczny F., *Litwa a Moskwa w latach 1449–1494* (Wilno, 1929), 177.

16 Говоря о дальнейшей судьбе остатков этой Орды, Л. Колянковский отметил, что «все они попали в руки Хаджи Гирея, «взявшего» тогда всю орду Сейид-Ахмета, которую всегда считал своим наследством. Определенная ее часть осталась, однако, на литовской окраине в пределах нового наместничества князя Семена. Были это те «Семеновы люди», о возврате которых впоследствии на протяжении многих лет энергично напоминал сын Хаджи, Менгли Гирей». Kolankowski L., *Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów*, 283. Вероятнее всего, польский король и великий князь литовский Казимир IV пожаловал Семену Олельковичу брацлавское наместничество во время сессии Виленского сейма, очевидно, в январе–феврале 1457 г., когда он, по свидетельству Я.Длугоша, «щедрыми пожалованиями» умиротворил оппозицию литовской знати во главе с Яном Гаштольдом, тестем киевского князя. Обрато в Польшу король выехал в начале марта 1457 г. См.: Długosz, *Opera omnia*, (Cracoviae, 1878): XIV, 240, 241; Любавский М. *Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства*. М., 1900, 122–123. Kolankowski L., *Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów*, 281–282; 291–292.

территориальных претензий Крымского ханства на земли Южной Руси и Подолье, уступленные золотоордынским ханом Токтамышем правителю Великого княжества Литовского Витовту в 1398 г. по специальному ярлыку. Пожалование Токтамышша Витовту подтвердил в 1461 г. своим ярлыком основатель Крымского ханства Хаджи Гирей, а в 1472 г. и сам Менгли Гирей¹⁷. Эти ханские подтвердительные документы лишали территориальные претензии Менгли Гирея к правительству Великого княжества Литовского каких-либо правовых оснований, и делали невозможным использование последних как легального повода для развязывания военных действий. «Поэтому, — подчеркивал Ф. Конечный, — не сразу пошла речь о господстве над всей Литовской Русью. Началась она с тех загадочных «Семеновых людей», с того дела, которое долго висело над литовско-перекопскими отношениями как средство, удобное для того, чтобы обернуть его против Литвы в случае необходимости»¹⁸.

В настоящее время выводы Ф. Конечного и Л. Колянковского нуждаются в определенной коррекции. Во-первых, следует сразу оговорить, что ордынское Подолье и Южная Русь отошли в 1362 г. к литовскому государству и его главе Ольгерду по ярлыку нелегитимного, но в то время фактического, правителя Золотой Орды князя Мамая. Укоренившееся в историографии мнение о том, что эти территории отошли к Литве по ярлыку золотоордынского хана Токтамышша, который тот выдал литовскому правителю Витовту в 1398 г., явно устарело. Прежде всего, оно не соответствует данным некоторых давно известных актов и нарративных источников, которые свидетельствуют о принадлежности Подолья и Южной Руси Великому княжеству Литовскому уже в 1395–1396 гг. Во-вторых, как представляется, именно овладение Крымским ханством большинством территорий, которые Золотая Орда утратила более чем столетие назад, и являлось стратегической целью предпринятых в 1480–1512 гг. по инициативе крымскотатарской феодальной элиты систематических опустошительных походов ханских войск на владения Литвы и Польши в украинских землях. Для правящей в Крыму династии Гиреев и поддерживавшей ее крымскотатарской элиты крымско-литовское военно-политическое противостояние было, в сущности, попыткой реализовать выдвинутые ими примерно в то же время претензии на историческое наследие Золотой Орды, в том числе территориальное.

К сожалению, в настоящее время наблюдения и выводы Ф. Конечного и Л. Колянковского относительно «Семеновых людей» остаются неизвестными большинству историков¹⁹, в частности, украинских²⁰. Этот достойный сожа-

17 Koneczny F., "Geneza uroszczeń Iwana III do Rusi Litewskiej," 199, 201, 203, 206; Kolankowski L., *Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów*, 319, 328.

18 Koneczny F., "Geneza uroszczeń Iwana III do Rusi Litewskiej," 240.

19 Исключение составляют, разумеется, польские историки, следующие традициям отечественной историографии. См., например: Tyszkiewicz J., *Tatarzy na Litwie i w Polsce*, (Warszawa, 1989), 139: «земля "Семеновых людей" находилась над Нижним Днепром».

20 В данном случае примером могут послужить работы украинских историков Я. Дашкевича и Е. Русинои, в которых термин «Семеновы люди» не воспринимается как обозначение значительной территории. См.: Дашкевич Я. Україна на межі між Сходом і Заходом (XIV–XVIII ст.) *ЗНТШ*. Т. ССХХІІ, Львів, 1991, 28–44; Русина О. *Україна під татарами і Литвою*. К., 1998, 151. Показательно, что проблема «Семеновых людей», имеющая все признаки политической, не

ления факт без сомнения является результатом восьмидесятилетнего перерыва в изучении данной проблемы и отсутствия глубокого научного интереса к ней у современных историков-медиевистов. Вот почему остаются все еще не выясненными конкретные обстоятельства инкорпорации территории «Семеновых людей» в состав Великого княжества Литовского и призабытыми непосредственно связанные с нею некоторые важные события политической жизни Великого княжества Литовского и его отношений с Польским королевством и Крымским ханством. В частности, до сих пор не решены такие вопросы, как локализация указанной территории, когда и в силу каких причин состоялась ее передача под власть киевского князя, был ли и каким образом оформлен этот акт на межгосударственном уровне. Рассмотрению преимущественно первого из указанных вопросов и посвящена настоящая статья.

Определить местонахождение территории «Семеновых людей» пытались еще Л. Колянковский и Ф. Конечный. С этой целью они привлекли сведения акта об «обводе», то есть демаркации южной границы Великого княжества Литовского, которую исполнил, как явствует из текста документа, Свирплов, черкасский наместник киевского князя Семена Оленьковича (1454–1470)²¹. Оба исследова-

---

значится и в новейшем исследовании. См.: Василенко В. *Політична історія Великого князівства Литовського (до 1569 р.) в східнослов'янських історіографіях XIX — першої третини XX ст.* Дніпропетровськ, 2006.

21 *Lietuvos Metrika (1540–1543). 12-oji Teismų bylų knyga. (XVI a. pabaigos kopija)* (Vilnius, 2007), 82. Dok.72 (далее — *LM*:12): «А на тые границы князь Семен Оленькович высылал наместника своего Свирплова, который от него Черкасы держалъ, и тот по тым местцомъ розеждчал, и по тым врочищамъ границы клал, як и з землею татарскою, так и з Бельмъ городом, так тежъ зъ землею Волосою». Оригинальный заголовок акта таков: «Граница князству Лим(о) вскому зъ землею татарскою Перекопскою, Очаковом, Бельмъ городом и землею Волосою». Он изначально не имеет даты, впервые издан в середине XIX в. См.: *АЗР*: 2, 361–362. Док. №199. Его издатели прочитали фамилию черкасского наместника как Свиридов и датировали акт 1540-ми годами, ибо он, согласно их примечанию, был найден среди документов того времени. Литовские издатели не предложили своей версии датировки. Копия этого документа конца XVIII в. в переводе на польский язык имеется в «Теках Нарушевича»; она датирована 1542 г. См.: *AGAD. Zespól: Teki Naruszewicza*. Т.6: Akta historyczne z lat 1530–1544. К.266–266v. В *Литовской метрике* предшествующий акту об «обводе» документ озаглавлен таким образом: «Такова наука короля, его милости, державцы вруцькому пану Крыштофу Кмитичу дана, о границахъ межы панствы короля, его милости, и землею Волосою, также Белогородом». См.: *LM*: 12, 81–82. Док.71. Его содержание указывает на прямую связь появления акта «обвода» со сбором в начале 1540-х гг. документальных свидетельств для польско-литовского посольства во главе с Бернардом Матеевским и Кшиштофом Кмитичем. Посольство должно было решить в Стамбуле территориальный спор между Портой и Краковом о пределах владений Великого княжества Литовского на юго-западе. Спор этот был инициирован турецкой стороной еще в конце 30-х гг. XVI в. и в начале шел вокруг вопроса об «очаковских границах», пересмотра которых добивалось Крымское ханство при дипломатическом содействии Османской империи, его созерена. Сам же «обвод» южных границ Великого княжества Литовского черкасским наместником Свирпловым следует датировать, скорее всего, весной–летом 1457 или, самое позднее, весной 1458 г. Нижней хронологической гранью здесь служит пожалование Казимиром IV Семену Оленьковичу брацлавского наместничества (см. выше прим. 16), а верхней — реализация киевским князем новых полномочий. Конкретно, 12 июня 1459 г. «на Прилуце, за Днепром» Семен Оленькович выдал своему слуге Иеремии Шашку жалованную грамоту на ряд имений, расположенных на северо-западной окраине Брацлавского повета по рекам Русаве и Каменице, левом притоке Днестра. В этой грамоте старший Оленькович титулуется себя князем «великого князства своего Киевского», но на самом деле, — это очевидно, — реализует

теля явно исходили из того факта, что данный акт несомненно зафиксировал определенные изменения на крымско-литовском пограничье после окончательного разгрома Орды Сеид-Ахмета зимой 1455/1456 гг. В виду важности обозначенных в нем очертаний южной границы Великого княжества Литовского для локализации территории «Семеновых людей» уместно будет процитировать соответствующий фрагмент документа полностью. Граница эта начиналась

от Марафы, речки, которая в поли в Дънестръ, и на низ Дънестромъ по половине Дънестра мимо Тегиню ажъ, где Дънестръ упаль в море, а оттоль устя Дънестрова лименом пошла граница мимо Очакова ажъ до устя Дънепрова. А Очаковъ на земли в(а)шей милости г(о)с(по)дарьской стоить. А от устя Дънепрова до Таваня, у Таваня перевозы были вашей милости г(о)с(по)дарьские наполю с перекопскимъ царемъ. А по той стороне Тавоня с Перекопскою землею граница вашей милости по Овечу воду и уверхъ Овечее воды, а от верховъ Овечое воды — уверхъ Сомора и уверхъ Ория ажъ до Донъца, а от Донъца — по Тихую сосну²².

Располагая актом «обвода» Свирплова и совершенно правильно увязывая его создание с политическими событиями конца 1450-х гг. в Украине и Литве, Л. Колянковский и Ф. Конечный, тем не менее, не имели возможности сопоставить данные этого документа со сведениями какого-нибудь другого подобного, но более раннего, источника, чтобы локализовать территорию «Семеновых людей», ибо историческая наука в то время таким источником не располагала. Вот почему высказанные ими мнения о местонахождении «Семеновых людей» являются не более, чем догадками²³. Этот вывод в еще большей мере касается историков младших поколений, как правило, опиравшихся в данном вопросе на мнение предшественников. Думается, что нерешенность вопроса о территории

полученные ранее права великокняжеского наместника Восточного Подолья (Брацлавщины). См.: Жалованная грамота князя Семена Александровича слуге своему Иеремии Шашку на различные именья. 1459 года, июня 12. *Грамоты великих князей литовских с 1390 по 1569 год*. Под ред. В. Антоновича и К. Козловского. К., 1868, 19. Док. № 9.

22 *ЛМ*:12, 82. *Док*.72, 82. Известны две реки с названием Овечья Вода, существовавшие ранее на Нижнеприднепровском Левобережье: первая из них — это левый приток Днепра ниже реки Конские Воды (совр. Конская); вторая — приток Самары, левого притока Днепра, ниже реки Бык. См.: *Словник гідронімів України*. К., 1979, 393; Стрижак О.С. *Назви річок Запоріжжя і Херсонщини (Нижньонаддніпряньське Лівобережжя)*. К., 1967, 59. Без сомнения, в акте «обвода» указана та Овечья Вода, которая впадала в Днепр ниже р. Конской и, следовательно, находилась ближе к устью Днепра. Упомянутые также в акте другие левые притоки Днепра идентифицируются следующим образом: «Сомора» — это, несомненно, Самара, «Орий» — Орель, «Донец» — Северский Донец.

23 Kolankowski L., *Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów*, 352–353: «Трудно определить точно места этих «Семеновых людей», — заметил Л. Колянковский, — скорее всего, каких-то остатков Сеид-Ахметовых улусов. Возможно, что они находились где-то возле Тавани или в полях у Овечьей Воды, но, похоже, их следует локализовать на Побережье, там, где вскоре возникнут Менгли Гиреевы очаковские «крепостцы». Ведь именно там понаставил в свое время по поручению князя Семена его черкасский староста новые пограничные знаки». В свою очередь Ф. Конечный предположил, что в актах с упоминанием о «Семеновых людях» «речь определено идет о некоей территории, занятой этими «людьми»; возможно, о какой-то части пограничного пояса Киевщины, поскольку пожалование касалось Семена Оленьковича Киевского». Koneczny F., «Geneza uroszczeń Iwana III do Rusi Litewskiej», 240.

«Семеновых людей» имела своим следствием не только преуменьшение оценки научной и политической значимости рассматриваемой проблемы в целом, но и сыграла роль одной из причин ее столь длительного забвения в историографии.

Украинский исследователь Федор Петрунь на исходе 1920-х гг., то есть одновременно с появлением разработок польских историков о «Семеновых людях», опубликовал первые результаты изучения им подтвердительных ярлыков крымских ханов на украинские земли²⁴. Сохранившийся комплекс их текстов он планировал издать в рамках программы регионального изучения истории Украины, которую разработала и осуществляла возглавляемая М. Грушевским Историческая секция Всеукраинской академии наук (ВУАН)²⁵. Исходя из источниковедческой оценки ярлыков М. Грушевским, Ф. Петрунь выделил в составе этих актов их традиционное «ядро» и внесенные в него позднейшие вставки, локализовал многие указанные в нем населенные пункты, высказал свое мнение о способе репродукции ярлыков, последовательности и датах их выдачи от Токтамыша до Менгли Гирея²⁶. Тем самым в научный оборот был введен новый ценный источник по истории политических взаимоотношений крупнейших государств Восточной Европы в позднее средневековье, содержащий историко-географический материал, которого не хватило Л. Колянковскому и Ф. Конечному для локализации территории «Семеновых людей».

Особое внимание Ф. Петрунь уделил исторической основе («ядру», «оси», по его определению) ярлыков — перечню территориальных комплексов и населенных пунктов Южной Руси и золотоордынского Подолья, пожалованных некогда ханами Литве, а также определению южной границы Великого княжества Литовского. В частности, исследователь сопоставил географическую номенклатуру перечня ярлыка Менгли Гирея от 2 июня 1507 г., как наиболее полного и «исправного» среди других подобных ярлыков, с топонимией актов XV, XVI и начала XVII вв., и, прежде всего, двух других также масштабных историко-географических источников, — созданного в окончательной редакции в 1396 г. летописного «Списка русских городов дальних и ближних» и так называемого «Списка городов Швидригайла», датируемого обычно 1432 г. Каждый из этих письменных памятников специфичен как исторический источник и содержит определенную информацию о южной границе Великого княжества Литовского, какой она была на момент их создания.

---

24 Петрунь Ф. Нове про татарську старовину Бозько-Дністрянського степу. *Східний світ*. Харків, 1926. №6, 155–175. Петрунь Ф. Степове Побужжя в господарським та військовим укладі українського пограниччя. Замітки до Броневського та Боплана. *Журнал научно-дослідницьких кафедр в Одесі*. Одеса, 1926. Т. 2, 91–103. Петрунь Ф. Ханські ярлики на українські землі (до питання про татарську Україну). *Східний світ*. Харків, 1928, №2, 170–187 (перезд.: *Східний світ*, К., 1993, №2, 133–143). Петрунь Ф. Східна межа Великого князівства Литовського в 30-х роках XV сторіччя. *Ювілейний збірник на пошану академіка М.С. Грушевського*. К., 1928, 165–168.

25 См.: ІР НБУВ. Ф. Х, №17952–17953. Петрунь Ф. Розшукування з поля мапографії по архівах і книгозшивах Москви, Ленінграда та Симферополя. *Україна*, К., 1929, №37, жовтень–листопад, 163–166.

26 Подробнее об этом см.: Шабульдо Ф. Про ярлик Мамая на землі України-Руси (постановка і спроба розв'язання проблеми). *Держави, суспільства, культури: Схід і Захід. Збірник на пошану Ярослава Пеленського*. Нью-Йорк, 2004, 1030, 1047–1048.

Наиболее древний слой этой информации содержится в текстах первых из сохранившихся ярлыков крымских ханов: Хаджи Гирея (22 сентября 1461 г.) и Менгли Гирея (1472 и 2 июля 1507 г.). Еще в начале XX в. благодаря специальным исследованиям Михаила Грушевского²⁷, Антони Прохаски²⁸ и самого Федора Петруня в историографии укоренилось мнение о том, что архетипом всех документов такого рода был ярлык, выданный в 1398 г. золотоордынским экс-ханом Токтамышем (1380–1395) великому князю литовскому Витовту Кейстутовичу (1392–1430). Оно было пересмотрено лишь в конце 1990-х гг. Современная и более аргументированная версия утверждает, что подобные акты правителей Крымского ханства восходят не к ярлыку золотоордынского хана Токтамыша, как утверждается в тексте некоторых из них, а к первому жалованному ярлыку такого рода всесильного временщика и узурпатора ханской власти в Золотой Орде темника Мамаю (1362 и 1366–1375). Этот ярлык Мамай выдал в самом конце 1362 г. своему союзнику великому князю литовскому Ольгерду (Альгирдасу, 1345–1377) от имени хана-марионетки Абдуллы (Авдули)²⁹. Надо полагать, что Мамаевым ярлыком были подведены итоги успешной для Великого княжества Литовского кампании против «Волжского» царства, правителями которого после прекращения династии потомков Бату-хана в начале 1360-х гг. стали царевичи-джучиды из Кок-Орды (восточной части Улуса Джучи). Кампания была осуществлена военными силами Великого княжества Литовского в союзе с Мамаевой Ордой летом–осенью того же года, ее непосредственным результатом стала передача под власть и в полную собственность правящей в Литве династии Гедиминовичей обширной территории Южной Руси вместе с большей частью Украины-Руси, а также золотоордынского Подолья. Последую-

-
- 27 Грушевський М. Ханський ярлик на руські землі, виданий в.кн. литовським. Грушевський М. *Історія України-Руси*: В 11 т., 12 кн. Репр. вид. Т.4. К., 1993, 85–87, 314–315; 457–462, прим. 20.
- 28 Prochaska A., “Z Witoldowych dziejów. Układ Witolda z Tochtamyszem 1397,” *Przegląd Historyczny*. 1912. Т. XIV, з. 3, 255–270.
- 29 Подробнее об антиордынской (антиджучидской) кампании ВКЛ 1362 г., ее результатах и последствиях см.: Шабульдо Ф. Возвращаясь к синеводской проблеме: о некоторых результатах и последствиях антиордынской кампании Великого княжества Литовского в 1362 г. *Славяне и их соседи. Сборник тезисов 17-й конференции памяти В.Д.Королюка: Славяне и кочевой мир. Средние века–раннее Новое время*. М., 1998, 145–146. Szabuldo F., “Czy istniał jarлык Mamaja na ziemie ukraińskie? (Próba postawienia problemu),” *Lituano-Slavica Posnaniensia. Studia Historica*. IX (Poznań, 2003), 153–172. (Переизд. на укр. яз.: Шабульдо Ф. Чи був ярлик Мамаю на українські землі (до постановки проблеми). *ЗНТШ*. Т. ССXLIII: *Праці історично-філософської секції*. Львів, 2002, 301–317; Шабульдо Ф. *Синеводська проблема у новітніх дослідженнях*. К., 2005, 100–122); Шабульдо Ф. Про ярлик Мамаю на землі України-Руси (постановка і спроба розв’язання проблеми), 1025–1059. Шабульдо Ф. Ярлыки крымских ханов на земли Южной Руси (Украины) XV–XVI вв. как исторический источник. *Восточная Европа в древности и средневековье. 17-е Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Паушто, 4-е Чтения памяти доктора исторических наук А.А. Зимина*. Москва, 19–22 апреля 2005 г., М., 2005, 285–288; Шабульдо Ф. Антиордыńska (антиджучидська) кампанія Великого князівства Литовського 1362. *Історія України. Енциклопедичний довідник*. К., 2008, 40–41. Šabuldo F.M., “Lietuvos ir Ordos kondominiumas ukrainos žemėse XIV a.,” *Lietuvos istorijos metraštis*. 2004 metai, 2 (Vilnius, 2005), 5–26. (Переизд. на укр. яз.: Кондомініум в українських землях XIV століття. *ЗНТШ*. Т. ССCLI: *Праці історично-філософської секції*. Львів, 2006, 7–22; на рус.: Кондоминатный статус украинских земель в XIV в.: от первых территориальных приобретений Польши и Литвы во владениях Золотой Орды до ярлыка Мамаю. *Balkanica Poznaniensia*, XIV (Poznań, 2007), 157–18).

щие ярлыки (как золотоордынских ханов из рода Токтамыша, так и правителей Крымского ханства) лишь подтверждали пожалование Мамай Ольгерду, копируя «слово в слово» перечень уступленных им территориальных комплексов и городов³⁰. Отсюда следует неопровержимый вывод: основная географическая информация сохранившихся ярлыков крымских ханов на Южную Русь и Подолье отражает исторические реалии осени 1362 г., в том числе и очертания возникших тогда рубежей Великого княжества Литовского на юге и юго-востоке³¹. Вставки, внесенные позже в географическую номенклатуру перечня ярлыков, касались главным образом наиболее восточной части Верхнего Дона и бассейна р. Ока, а также находившихся за пределами Великого княжества Литовского Великого Новгорода, Пскова и Рязани. Они не имеют прямого отношения к нашей теме и поэтому здесь не рассматриваются.

В результате своих исследований Ф. Петрунь пришел к выводу, что на крайнем востоке граница Великого княжества Литовского отсекала от ордынских владений пограничную с Рязанским княжеством Тулу (в середине XIV в. этот город вместе с округой составлял удел Тайдулы, жены хана Узбека) и территорию с «верховскими» городами, то есть расположенными в бассейне Оки и Верхнего Дона, — Берестей, Ретунь, Волконск, Спажск («Испаш»), Любутск,

30 К такому выводу пришел Ф.Е. Петрунь, изучив структуру перечня и «технологоию» воспроизводства текста интересующих нас крымских ярлыков. См.: Петрунь Ф. Ханські ярлики на українські землі (до питання про татарську Україну). *Східний світ*. К., 1993. №2, 133–134. Правда, номенклатуры этих перечней уже в первых двух ярлыках (1461 и 1472 гг.), сохранившихся в переводах на польский язык, несколько разнятся между собою. Различия вызваны исключительно ошибками переводчика, писаря или копиистов, допускавших пропуск некоторых из наименований или их искажение. Например, в перечне ярлыка Хаджи Гирея (1461 г.), а также в первом ярлыке Менгли Гирея (1472 г.) не указан Черный город (*Czorny horod*), названный в ярлыке от 2 июля 1507 г., искажено наименование города Дашов (*Teskye, Tasska*). В ярлыке 1472 г. слитно и в искаженной форме поданы наименования городов Тошичи и Немиров (*Tusiknemer*), которые вовсе не указаны в ярлыке 1461 г., как, впрочем, и город Ходоров (*Kudar*), обозначенный во всех последующих документах такого рода. Указанные отличия касаются главным образом населенных пунктов, расположенных в бассейне Южного Буга. Они носят локальный характер и, следовательно, не могут существенно повлиять на определение южной границы Великого княжества Литовского по данным ярлыков крымских ханов.

31 В связи с важностью для нашего исследования целостного вида перечня ярлыка Менгли Гирея от 2 июля 1507 г. приводим его здесь полностью:

Ино, што великии цри, дѣди нши, и великии црь, отць ншѣ дали, — по тому ж: Киевскую тму со всеми входы и данми, изъ землѣми, и з водами; Володимирскую тму со всеми входы и данми, изъ землѣми, изъ водами; Великого Луцка тму со всеми входы и данми, изъ землѣми, изъ водами; Смоленскую тму со всеми входы, изъ даньми, изъ землѣми, изъ водами; Подолскую тму со всеми входы, изъ данми, изъ землѣми и водами; Каменецкую тму со всеми выходы, изъ данми, изъ землѣми и водами; Браславскую тму со всеми выходы, изъ данми, изъ землѣми и водами; Сокалскую тму со всеми выходы и данми, изъ землѣми, изъ водами; Зьвинигород з выходы и данми, изъ землѣми, изъ водами; Черькасы зь выходы и данми, изъ землѣми и водами; Хачибеевъ и Маѣк з водами, изъ землями. Ино почоньши от Киева и Днепромъ и до устья. И Снепородъ, и Глинеськ со всеми их людѣми, Жолважъ, Путивль зь землями и з водами; Бирин, Синѣчь, Хотень, Лосичи, Хотмышль, Нитѣны со всеми их землѣми и водами, и выходы, и дами; Черниговскую тму со всеми выходы и данми, и землѣми, и водами; Рылеск з выходы и данми, изъ землѣми и водами; Курскую тму з выходы и даньми, и землѣми, и водами; Сараева сына Сгалтаеву тму, Милолюбъ зь выходы и данми, изъ землѣми и водами; Мужечь, ѡскол и Стародубъ, Брянськ со всеми их выходы и данми, и зь землѣми, и водами; Мченеськ и Люботеськ, Тула городъ со всеми их землѣми и водами, и выходы, и данми; Берестей и Ратунь, и Козелеськ, Пронско, шлконско, Испашъ, Донецъ со всеми их выходы и даньми, изъ землѣми и водами; Ёбу город, Балыклы, Караулъ, Чорный город, Дашовъ городицо, Тошичи, Немирь, Немир, Мушачъ, Ходоровъ со всеми их выходы и данми, изъ землями и водами» (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 8, л. 55–55 об.).

Мценск, Пронск, Козельск. По мнению Ф. Петруня, указанная территория была инкорпорирована в состав Великого княжества Литовского только во второй четверти XV в., наименования ее городов образуют особый абзац, который является вставкой «эпохи Хаджи Гирея» и в перечне разрывает собою звено Курск–Донецк»³². Далее в перечне в последовательном порядке названы населенные пункты и территориальные комплексы Курщины, Черниговщины и Путивльщины. «Границы в[великого] княжества в то время охватывали бассейн [Северского] Донца (*АЗР*, Т. 2, № 199) и доходили до Тихой Сосны на Дону, на котором список Швидригайла упоминает Wronosz ta Gelesz (т[ак] наз[ываемая] Галичья гора на юг от устья Быстрой Сосны), — обобщил свои наблюдения Ф. Петрунь. — На Сосне Воскр[есенская] летопись помещает Коршев, Курщина лежала как раз на углу — на соединении восточного и южного фронтов литовского государства»³³. Не менее важен также вывод исследователя о стабильности юго-восточного пограничья Великого княжества Литовского³⁴. В этом секторе Ф. Петрунь особо выделил Путивльщину, территория которой, по его словам, «тянулась узким сектором от Путивля на юг и на восток к верховьям Сулы, Псла и Ворсклы»³⁵. По его же мнению, находившиеся в ее составе и расположенные в верховье р. Ворскла населенные пункты Хотмышль, Бирин, Лосичи и Ницяны вместе с их волостями образовывали «внешнюю пограничную линию», что подтверждает и позднейший актовъный материал³⁶. В конце группы левобережных городов в перечне назван Донец (Донецк), наиболее южный из них и известный еще с XII в.³⁷ Расположенный на оконечности лесного массива, что тянулся от р. Ворскла в южные степи, он был пограничным населенным пунктом Руси относительно территории Золотой Орды, начиная с середины XIII в.³⁸ Таким

32 Категоричность этого мнения Ф. Петруня объясняется тем, что ему не было известно исследование польского историка С. Кучинского, в котором доказано распространение сферы политического влияния Великого княжества Литовского на территории по Верхнему Дону и среднему течению Оки еще в 30–40-х гг. XIV в. См.: Kuczyński S.M., *Ziemia czernigowska-siewierskie pod rządami Litwy* (Warszawa, 1936).

33 Петрунь Ф. Ханські ярлики на українські землі (до питання про татарську Україну), 137.

34 Петрунь Ф. Ханські ярлики на українські землі (до питання про татарську Україну), 139: «Сравнение описей путивльских разьездов 70-х гг. XVI ст. (*Акты Московского государства*, I, 11) с данными переговоров о Путивльско-Черкасском рубеже в 1638 г. (см. *Дворцовые разряды*, II, 885 или 907) показывает полную устойчивость пограничной полосы (а не линии), этот рубеж достаточно детально очерчен в известной карте Боплана».

35 Петрунь Ф. Ханські ярлики на українські землі (до питання про татарську Україну), 138.

36 Петрунь Ф. Ханські ярлики на українські землі (до питання про татарську Україну), 138.

37 В настоящее время остатки древнерусского городища Донца находятся в пределах городской черты Харькова. Ф. Петрунь упомянул о Донце лишь в связи с возможной принадлежностью его к Курщине, о чем, по его мнению, «намекает список Швидригайла, который дает: Kuresk–Donyesk». Исследователь не указал местонахождение Донецка. В перечнях крымских ярлыков Донецк указан сразу после ряда «верховских» городов на Оке (Берестей — Ратунь — Козельск — Проник — Волконск — Испаш) и перед второй группой южных подольских городов днепровского Правобережья (Ябу-город — Балыклы — Караул — Черный город — Дашев). Ряд «верховских» городов в перечне Ф. Петрунь считал вставкой, сделанной в 1428 г. Если абстрагироваться от нее, то получим связку Тула — Донецк, очерчивающую в ярлыках владения Великого княжества Литовского на юго-востоке ранее 1428 г., а, возможно, и изначально.

38 Егоров В.Л. Граница Руси с Золотой Ордой в XIII—XIV веках. *Вопросы истории*. 1985, №1, 21. Исследователь пришел к выводу о стабильности русско-ордынской границы на Левобережье

образом, рассмотренные Ф. Петрунем историко-географические данные показывают, что на юге днепровского Левобережья граница Великого княжества охватывала верхнее течение Сулы и Псла и доходила до верховья р. Ворскла, вблизи которого, но восточнее, берет начало р. Тихая Сосна.

Сделанный вывод, по нашему мнению, свидетельствует в пользу того мнения, что начиная с 1360-х гг. граница Великого княжества Литовского с ордынской Степью на днепровском Левобережье, вероятнее всего, проходила в основном по руслу р. Ворскла, от ее верховья вплоть до впадения в Днепр. Оно подтверждается архаичной информацией ярлыков крымских ханов, свидетельствующей, что эта граница определенно не изменялась с начала 60-х годов XIV и до 30-х гг. XV в. Более того, согласно этой же законсервированной информации, граница была стабильной на протяжении всего XV и первой половины XVI вв., что уже противоречит сведениям других источников о существенных ее изменениях в ходе продолжительных московско-литовских войн, начавшихся в последней четверти XV в.

На правом берегу Днепра южной границей владений Великого княжества Литовского служило его русло. «Ино почонъши *от* Киева и Днепромъ и до устья», — подчеркнуто по этому поводу во всех текстуально не урезанных перечнях ханских ярлыков. Отсюда следует вывод, что данная фраза присутствовала уже в самом первом из них (архетипе). Далее на юго-запад от устья Днепра граница Великого княжества Литовского обозначена при помощи двух групп городов Южного Подолья, указанных в разных местах перечня. Первую из этих групп составляют городки Хачибеев³⁹ и Маяк⁴⁰. Они названы сразу после ряда

Днепра, поскольку «к востоку от Днепра северная граница Золотой Орды в XIV веке совпадала с распространением степной и лесостепной полос». См.: Егоров В.Л. *Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв.* М., 1985, 52. Этот общий вывод следует откорректировать в соответствии с замечанием Э.С. Кульпина о стремительном наступлении степи на лес под воздействием человеческого фактора в данном регионе в конце XIII–XIV вв. См.: Кульпин Э. Борьба за природные ресурсы в XI–XV вв. *Природа и самоорганизация общества.* М., 2002, 118–137; Кульпин Э.С. *Золотая Орда (Проблемы генезиса Российского государства).* М., 1998, 90–95.

39 Хаджибеев (Хаджибей, Качибей) — один из предшественников современной Одессы, в XIV–XVI вв. укрепленный городок и порт Великого княжества Литовского на Черноморском побережье. Построен в начале 1420-х гг. одновременно с Чернгородом и Маяком подольским старостой Гедигольдом по распоряжению великого князя Витовта. Брун Ф.К. Путешествие Жильбера де Ланнуа по Южной России в 1421 г. *ЗООИД.* Т. 3. Одесса, 1852; Брун Ф. Судьбы местности, занимаемой Одессою. *Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России Ф. Бруна. (1852–1872 г.).* Ч. 1. Одесса, 1879, 179; Górka O. “Zagadnienia czarnomorskie w polityce polskiego średniowiecza, Cz. 1. 1359–1450,” *Przegląd Historyczny.* Т. X, з. 2, 1933, 361; Дашкевич Я.Р. Территория Украины на картах XIII–XVIII ст. *Историчні дослідження.* 7. К., 1981, 88–93; Гончарук Т.Г. *История Хаджибея (Одессы) 1415–1795. Популярный очерк.* Одесса, 1997; *История Хаджибея (Одессы) 1415–1795 гг. в документах,* за ред. Т.Г. Гончарука. Одесса, 2000.

40 Маяк, один из нескольких замков, построенных в начале 1420-х гг. по распоряжению великого князя литовского Витовта на пограничье его степных владений. Находился в устье р. Днестр, на левом берегу напротив Белгорода, при «Маякской переправе». См.: Броневский М. Описание Крыма (*Tartariae Descriptio*). *ЗООИД.* Т. 6. Одесса, 1867, 336. Французский рыцарь Жильбер де Ланнуа оставил свидетельство о том, как в 1421 г. войско подольского старосты Гедигольда построило в степи на берегу Днестра подобный городок. Значится в ряду юго-западных подольских городов в «Списке городов Швидригайла» 1432 г.: “Качакеновъ. Маякъ. Каравуль. Дошау, на границе Каспенъ». См.: *Свитригайло, великий князь литовский, или дополнение к*

городов (Каменец — Брацлав — Сокаль — Звинигород — Черкассы), которые вместе со своими округами отделяли северную часть Подолья от литовских владений на Волыни и Киевщине, и перед определением русла Днепра как подольской границы. Очень похоже, что таким образом в ханских ярлыках были обозначены северные, восточные и южные рубежи собственно ордынского Подолья, каким оно было к моменту его инкорпорации в Великое княжество Литовское⁴¹. Само собой разумеется, что южная часть подольской границы служила одновременно и границей владений Великого княжества Литовского на юге правобережного Поднепровья.

Вторую группу южных подольских городов составляют Ябу-город⁴², Балыклы (Балыклей, Балаклея)⁴³, Караул (Сторожевой город)⁴⁴, Черный город

историям Литовской, Российской, Польской и Прусской. Сочинение Августа Коцебу. Перевод с немецкого. СПб., 1835. Дополн., док. СХХ, 11. Локализацию Маяка см.: Петрунь Ф. Нове про татарську старовину Бозько-Дністрянського степу, 159–160.

- 41 Совершенно очевидно, что Южная Русь составляла первую значительную часть комплекса земель, присоединенного к Литве в 1362 г., а ордынское Подолье — вторую. В перечнях старейших ханских ярлыков наименования подольских городов, хотя и не поданы компактно, но выделены в особую рубрику, обозначенную собственным именем — «Подолье». Указанные обстоятельства позволяют предположить, что уже в первом ярлыке Подолье было представлено в виде территориально-административного комплекса с особым статусом и очерчено специальным образом как историко-территориальная область, составлявшая ранее часть государственной территории Золотой Орды.
- 42 В настоящее время Ябгу-город ханских ярлыков отождествляется с замком XIV–XV вв. Синие Воды и современным пгт Торговица Кировоградской области. Согласно данным «Книги Большому чертежу» замок Синие Воды находился на р. Синюхе, в 70 верстах от впадения ее в Южный Буг. См.: *Книга Большому чертежу или древняя карта Российского государства, поновленная в разряде и списанная в книгу 1627 года.* Изд. 2-е. СПб., 1838, 103. О его локализации см.: Шабульдо Ф. Синьоводська битва 1362 р. у сучасній науковій інтерпретації. *Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях.* К., 2005, 18.
- 43 Локализуется в устье р. Чичаклей, правом притоке Южного Буга. См.: Петрунь Ф. Степове Побужжя в господарськм та військовім укладі українського пограниччя. Замітки до Броневського та Боплана, 99–101. Петрунь Ф. Нове про татарську старовину Бозько-Дністрянського степу, 165–166. Петрунь Ф. Ханські ярлики на українські землі (до питання про татарську Україну), 141.
- 44 Сведения о Карауле содержатся в нескольких разных источниках, что указывает, по-видимому, на одновременное существование под этим наименованием по меньшей мере двух населенных пунктов. Так, например, ханские ярлыки называют Караул всегда в территориальной близости с побужскими городками Ябу-городом, Балаклеей, Чернгородом и Дашевым (Очаковым). Их сведения повторяет т. н. «Список городов Швидригайла» (1432 г.) и жалованная грамота польского короля Владислава III подольскому старосте Теодору Бучацкому на замки Караул, Чернгород и Хаджибей от 1443 г. (см.: Грушевский М.С. Местное управление и шляхетское землевладение в польской Украине в XIV–XV вв. *АЮЗР.* Ч.8. Т.1. К., 1893, 25–27). Польский историк XV в. Ян Длугош, сообщая об объезде королем Владиславом II Ягайлом в сопровождении Витовта (Александра) южных земель ВКЛ летом 1411 г., отметил, что Ягайло «из Киева, оставив в нем Александра, великого князя литовского, сел снова на корабль и поплыл до Черкасс, оттуда через Звинигород, Соколец, Караул и Брацлав прибыл в Каменец». (*Jana Długosza kanonika Krakowskiego Dziejów Polskich, ksiąg dwanaście.* Т. IV, ks. 11,12 (Kraków, 1869), 39). То есть, со слов Длугоша следует, что Караул, как и Соколец, находился в верховье Южного Буга между Звинигородом и Брацлавом. Третий источник — жалованная грамота польского короля Владислава III подольскому старосте Теодору Бучацкому от 1443 г. — называет «Караул на Днестре» рядом с причерноморскими городами Хаджибеем и Дашевым. Расхождение источников в сведениях о Карауле ускользнуло от внимания многих историков, что обусловило наличие в историографии разных результатов локализации этого городка. В. Антонович и М. Грушевский определяют Караул в оклице г. Рашков на Днестре (Грушевський М. *Історія України-Руси.* Т. 4. К., 1993, 502). Ф. Петрунь, присоединился

(Чернь, Чернгород)⁴⁵ и Дашов-городище⁴⁶, некогда находившиеся вблизи Черноморского побережья в бассейне среднего и нижнего течения реки Южный Буг, а также в низовьях Днестра и Днепра. В ярлыках крымских ханов ее замыкают населенные пункты Тошичи, Немир, Мушач и Ходоров, возможно приписанные позднее. Их местонахождение до сих пор не установлено достаточно точно. Вся эта группа из 9 городов названа в самом конце перечня сразу после Донца, после большой группы населенных пунктов днепровского Левобережья, Верхнего Дона и Оки.

Ф. Петрунь обратил внимание на разрыв по Днепру, сделанный составителем первого ярлыка при перечислении городов Подолья. Он, однако, не указал на его причину, поскольку, как представляется, не соотнес русло Днепра ниже Киева с юго-восточной границей Подольской земли⁴⁷. По нашему мнению, специфика перечня городов Подолья была присуща ханским ярлыкам изначально и предназначалась она не только для того, чтобы очертить с юго-востока и юга границы новых владений Великого княжества Литовского в Южной Руси в целом, но и, особенно, пределы бывшего ордынского Подолья. Этот прием давал возможность отделить территории, пожалованные Мамаем великому князю литовскому Ольгерду, от владений Мамаевой Орды и особо зафиксировать на письме территориальный состав и границы уступленной Литве Подольской земли. Современным же историкам он дал достаточно точное описание юго-восточной границы Великого княжества Литовского к исходу 1362 г.

Итак, в распоряжении современного исследователя имеются два одновременных описания южной границы Великого княжества Литовского. Первое из них, составленное на основании данных трех историко-географических источников, датированных 1362, 1396 и 1432 гг., фиксирует ее очертания на середину 30-х гг. XV в., то есть почти к началу истории «Семеновых людей». Второе, датированное в специальной литературе концом 1450-х гг. и представленное актом «обвода» ее черкасским наместником Свирпловом, отражает изменения в этой же границе, возникшие в связи с инкорпорацией Великим княжеством Литовским территории «Семеновых людей». При сравнении этих двух описаний одной и той же границы не трудно заметить расхождение их показаний относительно того ее участка, который начинался от русла р. Ворскла и заканчивался возле русла реки Овечьи

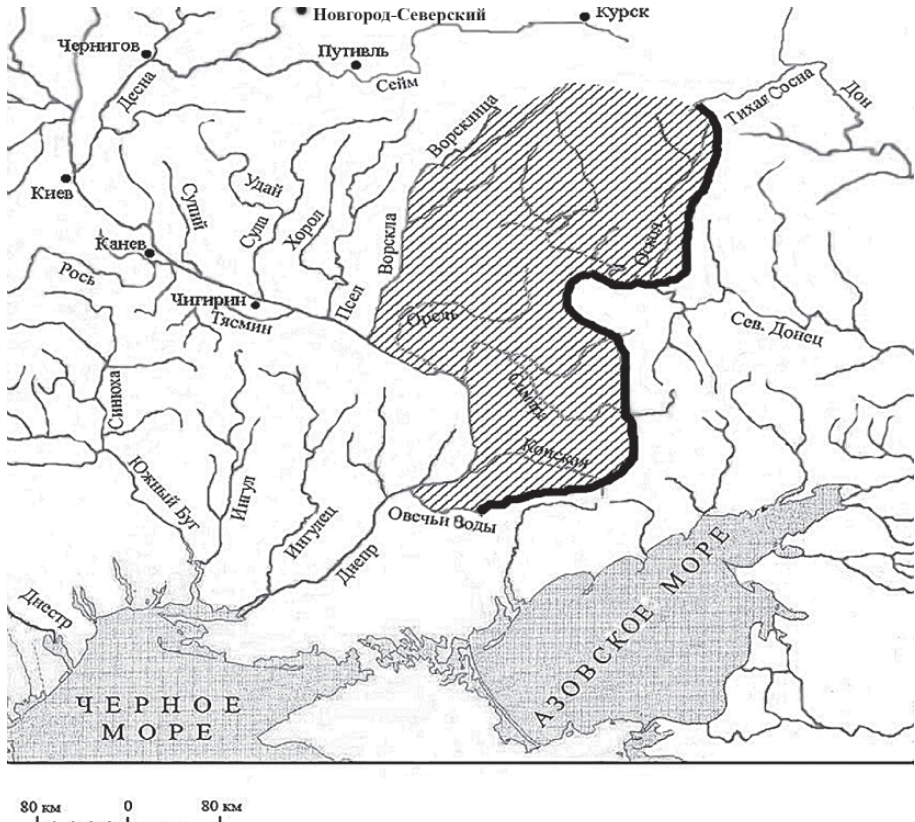

к их мнению, заметив, что это городище находилось «на границі степного і лісостепного району, на важливій переправі». Петрунь Ф. Ханські ярлики на українські землі, 182; Петрунь Ф. Нове про татарську старовину Бозько-Дністрянського степу, 162.

45 По версии Ф. Петруня, находился на левом берегу Днестра несколько выше Маяка. Сведения источников об этом степном городке см.: Петрунь Ф. Нове про татарську старовину Бозько-Дністрянського степу, 158–159.

46 Локализуется в устье Южного Буга на его правом берегу. Назван был Очаковым после того, как его заново построил хан Менгли Гирей в 1494 г. См.: Петрунь Ф. Ханські ярлики на українські землі, 141.

47 На это указывает следующая фраза Ф. Петруня: «В перечне населенных пунктов этого района мы ясно видим линию разрыва. После упоминания о Качибееве и Маяке следует текст, относящийся к Левобережью («ино почонши от Киева» и заканчивая Донецком); далее идет продолжение списка подольских городов – Ябу-городок и др.». См.: Петрунь Ф. Ханські ярлики на українські землі, 140.

Территория «Семеновых людей», присоединенная к Великому княжеству Литовскому в конце 1450-х гг.*

Воды на Нижнем Днепре. Этот участок границы представлен в более позднем документе в виде специальной вставки, которая имеет такой вид:

А по той стороне Тавоня с Перекопскою землею граница вашей милости по Овечу воду и уверх Овечее воды, а от верховъ Овечое воды – уверхъ Сомора и уверхъ Ория ажъ до Донъца, а от Донъца – по Тихую сосну⁴⁸.

Отмеченное расхождение в двух разновременных описаниях южной границы Великого княжества Литовского несомненно свидетельствует о наличии на исходе 1450-х гг. в его составе новой территории, ранее не зафиксированной историческими источниками.

48 LM: 12, 82. Dok.72.

* Искренне благодарю Максима Васильевича Потапенко, коллегу из Нежинского государственного университета имени Николая Гоголя, за существенную помощь в создании этой картосхемы.

Эта территория (приблизительно 85,2 тыс. кв. км) представляет собой степное пространство, прилегающее слева к Днепру от русла Овечьей Воды на юге и до Тихой Сосны на севере, и ограниченное с востока верховьями Овечьей Воды, Самары, Орели и Северского Донца. Она, по всей вероятности, и есть та срединная часть Дешт-и-Кипчака, которая после разгрома Орды Сеид-Ахмета сначала на протяжении двух–трех лет принадлежала Крымскому ханству, а затем была уступлена его основателем и первым правителем Хаджи Гиреем Великому княжеству Литовскому и лишь в конце XV в. в крымско-литовской дипломатической корреспонденции получила наименование «Семеновых людей»⁴⁹. В заключение заметим, что «Семеновы люди» — это последнее крупное территориальное приобретение Великого княжества Литовского в его истории.

---

49 До распада Золотой Орды эта территория находилась в составе ее правого крыла (Ак-Орды). Известно, что в конце XIII в. она была частью владений всеильного временщика Ногая, граница которых на востоке проходила по Дону. После разгрома Ногая в конце 1298 г. степное междуречье Дона и Днепра перешло в собственность ближайших родственников правящих в Сарае ханов. Часть этой территории, прилегавшая к рекам Конские Воды и Овечьи Воды, что ниже Днепровских порогов, принадлежала монгольскому племени кыйят, которое обосновалось в этих местах еще в середине XIII в. Из княжеского рода этого племени происходил темник Мамай, следовательно, в 40–70-х гг. XIV в. именно он владел левобережным Запорожьем по праву наследства (LM: 5, 180. №106. 9; Русов А.А. *Русские тракты в конце XVII и начале XVIII в. и некоторые данные о Днепре из атласа конца прошлого столетия*. Е.(?), 1876, 95, 111–112). От одного из сыновей Мамаю, осевшего после гибели отца в пределах восточной части Киевского княжества, вели свой род князья Глинские, достигшие расцвета могущества и влияния к концу XV в. В середине 1390-х гг. в степях Левобережья, возможно, вблизи или севернее порогов на Днепре находился улус Таш-Тимур-оглана, принадлежавшего к потомкам сына Джучи, Тукай-Тимура. Летом 1395 г. он организовал в этой местности упорное сопротивление войскам Тамерлана (Сафаргалиев М.Г. *Распад Золотой Орды*. Саранск, 1960, 167), а через два года после встречи с войском Витовта в степях Приазовья был вынужден покинуть родные места и поселиться вместе со своей ордой в Литве. После распада Золотой Орды степи Днепровско-Донского междуречья последовательно контролировали наиболее могущественные орды Дешт-и-Кипчака – ханов Улуг-Мухаммеда, Кичи-Мухаммеда и Сеид-Ахмета.

Денис Ёлшин, Глеб Ивакин

Церковь Рождества Богородицы Десятинная митрополита Петра Могилы (история, археология, изобразительные источники)

Десятинная церковь в Киеве X в. — первый памятник древнерусской монументальной архитектуры, внимание к которому не ослабевает в силу его исключительной роли в истории Руси. До нас не дошли изображения первоначального облика храма, разрушенного в ходе нашествия Батгя 1240 г. Археологическая сохранность памятника (часть фундаментов и их следов) чрезвычайно затрудняет реконструкцию его внешнего облика, что, впрочем, не помешало появлению десятков различных версий, выдвинутых археологами, архитекторами и искусствоведами¹. В этих условиях любые сведения письменных и изобразительных источников приобретают значительную ценность. Отметим, однако, что далеко не всегда исследователи уделяют достаточно внимания необходимой научной критике источника².

Сохранилось несколько выполненных в начале XIX в. изображений небольшой церкви, возведенной с использованием древних руин митрополитом Петром Могилой в XVII в. на месте старого Десятинного храма. История строительства этой церкви также имеет много неясных моментов. В 1828 г. постройка Петра

-
- 1 Библиографию см.: Асеев Ю.С. Дослідження архітектури Десятинної церкви. *Церква Богородиці Десятинна в Києві*. К., 1996, 29–31. Из последних работ см. также: Красовский И.С. О плане Десятинной церкви в Киеве. *РА*. 1998, № 3, 149–156; Красовский И.С. Реконструкция архитектурного облика Десятинной церкви. *Археологія*. 2002, № 4, 98–107. Относительно недавно был опубликован еще один популярный обзор реконструкций с предложением новых вариантов на основе студенческих работ: Соченко В.М. Проблеми увічнення пам'яті про церкву Богородиці Десятинну в Києві. *Пам'ятки України*. 2004, №4, 2–27.
  - 2 Ярким примером являются недавние работы О. Рутковской и Н. Шепитько, а также Д.С. Гордиенко, использующих для реконструкции облика Десятинной церкви миниатюры памятника XV в. *Радзивилловской* летописи и ктиторскую фреску в Софии Киевской, содержащую, по субъективному мнению Н.Н. Никитенко, изображение князя Владимира с Десятинной церковью в руках (Рутковська О., Шепітько Н. Об'ємно-просторове вирішення храму Пр. Богородиці Десятинної. За історичними джерелами та дослідженнями. *Вісник УкрНДПроектрестаурація*. 2003, №1, 66–80; Гордієнко Д.С. Десятинна церква на мініатюрах Радзивілівського літопису. *Праці Центру пам'яткознавства*. Вип. 7. К., 2005, 76; Гордієнко Д.С. До хронології побудови Десятинної церкви в Києві. *Праці Центру пам'яткознавства*. Вип. 8. К., 2005, 29–42; Гордієнко Д.С. Малюнок А. ван Вестерфельда як джерело до реконструкції образу Десятинної церкви в Києві. *Софійські читання*. Вип. III. К., 2007, 101–109). Мы здесь не будем обсуждать эти работы, отметив, что, вслед за большинством ученых, считаем, что они находятся уже за гранью научного подхода к изучению исторического источника.

Могилы была разобрана перед строительством нового здания церкви по проекту В.П. Стасова. Некоторые из рисунков могилянської церкви стали буквально хрестоматійними ілюстраціями в історії Києва, да і всій отечественной архітектури. Їх історико-наукова цінність сприймалася досліджувачами по-різному, но комплексного аналізу їх достовірності і інформативності, як ні странно, до сих пор проведено не було. Обращение к первоисточникам этих изображений, новые архивные материалы и археологические открытия 2005–2010 гг. позволяют рассмотреть эту давно назревшую проблему.

Письменные источники

История реконструкции Десятинной церкви в XVII в. может быть весьма достоверно восстановлена по ряду упоминаний в письменных источниках. Так, будущий преемник Петра Могилы на киевской митрополичьей кафедре Сильвестр Коссов сообщал, что митрополит в 1635 г. «приказал Десятинную церковь Пресвятой Девы выкопать из мрака подземного и открыть к свету дневному». В то время там «едва стояла часть стены, выступающей над поверхностью» («ledwo szmat mugu wyniosłego stoi»)³. Такую же картину запустения подтверждает и одновременно, но независимое от *Патерикона* С. Коссова, описание французского инженера-фортификатора Гийома Левассёра де Боплана: «Лишилися самі руїни, як від (церкви) св. Василя, стіни якої заввишки від 5 до 6 стіп [32,5 см — авт.] зберігають грецькі написи на алебастрі, яким понад 1400 років, але вони стерлися від древності». Первое издание работы вышло в Руане в 1651 г.⁴

До 1636 г. на руинах древней Десятинной церкви находился деревянный храм, известный под именем Николы Десятинного. С 1605 г. он пребывал в руках униатов, но после утверждения в 1633 г. Петра Могилы на митрополичьей кафедре был возвращен православной церкви⁵. К 1636 г. относится протестация униатского митрополита Иосифа Рутского о разборке деревянной церкви по указанию Петра Могилы, который 10 марта того года

мощно, кгвалтом, сам особю своєю и с капитулою, з слугами, бояры и поддаными своими [...] наехавшы на церковь светого Миколы, названую Десетинною, з

3 Каргер М.К. *Древний Киев*. Т. 2. М.-Л., 1961, 12, прим. 2, 3.

4 Боплан де Г.-Л. *Опис України, кількох провінцій Королівства Польського, що тягнуться від кордонів Московії до границь Трансільванії, разом з їхніми звичаями, способом життя і ведення воєн*. К., 1990, 27, 123–124, 135. Комментарий данного известия Боплана безусловно ошибается — здесь речь несомненно идет о Десятинной церкви, а не Трехсвятительской. См. также другие переводы: *Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей*. К., 1874. Ч. II, 44; *Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси*. Вып. 2. К., 1896, 298.

5 Голубев С.Т. *Материалы для истории западно-русской церкви*. Вып. I. *Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца*. Кн. V. К., 1891, 58; Вельмин С.П. *Археологические изыскания ИАК в 1908 и 1909 гг. на территории Древнего Киева*. *Военно-исторический вестник*. 1910, №7/8, 8–9. То, что эта церковь была именно деревянной, подтверждается ее противопоставлением в документе 1605 г. «Софийской мурованной» церкви, и прямым указанием в протестации 1633 г. (Голубев С.Т. *Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники (Опыт исторического исследования)*. Т. II. К., 1898, 427).

довечных вековъ пры Метрополите Киевском в унии будучую [...] которую церковь роскидати росказал, а скарбы все и охендства церковные забрал на сто тысячей золотых [...] а его милости отца Руцкого з спокойного держаня и уживаня тое церкви выбил [...]»⁶.

По мнению С.П. Вельмина, Петр Могила специально разобрал деревянную Никольскую церковь в целях отклонения претензий униатской церкви на возвращение храма, а на ее месте возвел новую, каменную⁷. Следует подчеркнуть, что относительно точного места деревянной церкви прямых указаний в источниках не имеется, и тот факт, что Петр Могила произвел раскопки древних руин годом раньше разборки деревянной церкви, возможно, указывает на то, что последняя могла располагаться хотя и в пределах площади древнего храма, но на некотором расстоянии от той части руин, которая была раскопана митрополитом.

При жизни митрополита строительство новой каменной церкви не было завершено. Известно, что в своем завещании в 1646 г. Петр Могила записал предоставить из своего ларца тысячу золотых наличными «для совершенного возобновления» Десятинной церкви. Завершение и освящение церкви в честь Рождества Богородицы произошло, вероятно, вскоре после смерти Петра Могилы, поскольку уже в 1647 г. при церкви было совершено погребение знатного младенца. В 1654 г., после устройства нового престола и обновления утвари, произошло повторное освящение церкви (вероятно, это обновление было связано с результатами захвата Киева гетманом Я. Радзивилом в 1651 г.). Около (во всяком случае, до) 1682 г. с западной стороны церкви пристроили «трапезу деревянную», а к 1700 г. восточную часть надстроили деревянным ярусом, в котором находился придел в честь апостолов Петра и Павла⁸. Вероятно, в эти же годы был построен западный деревянный притвор по образцу русской «трапезы».

В 1758 г. в церкви осуществили серьезный ремонт на средства старицы Флоровского монастыря Нектарии (княгини Натальи Борисовны Долгорукой). Была заделана трещина в алтарной стене и произведены фасадные работы⁹.

В начале XIX в. могилянская церковь, судя по изданию И.И. Фундуклея, представляла собой вытянутый с запада на восток прямоугольник размерами 14,35 x 6,30 м со скошенными восточными углами, образующими трехгранную апсиду¹⁰. Западная часть имела вид башни, покрытой четырехскатной кровлей и

6 Голубев С.Т. Материалы для истории западно-русской церкви. Вып. I, 223–224. С.Т. Голубев справедливо считал, что доверять в этой протестации можно лишь дате разборки церкви.

7 Вельмин С.П. Археологические изыскания ИАК в 1908 и 1909 гг., 9.

8 Голубев С.Т. *Киевский митрополит Петр Могила*, 432; другие варианты хронологии этих пристроек, впрочем, изложенные без опоры на источники, см.: Вельмин С.П. Археологические изыскания ИАК в 1908 и 1909 гг., 10–11; Ернст Ф.Л. *Київська архітектура XVII віку. Київ та його околиця в історії і пам'ятках*. К., 1926, 153; Каргер М.К. *Древний Киев*. Т.2, 14.

9 *Галерея киевских достопримечательных видов и древностей*. К., 1857. Тетрадь VII, 48.

10 По И.И. Фундуклею, размеры: длина 20 аршин 3 вершка и ширина 8 аршин 12 вершков. По опубликованному плану К.А. Лохвицкого, деревянная пристройка имела такую же ширину и длину около 3 сажений (*План первобытной Киевской Десятинной церкви*. Вклейка с планом).

увенчанной фонарем, главой с крестом. С севера к восточной части примыкала небольшая каменная пристройка. К западному фасаду — деревянная пристройка-притвор («трапеза») с трехгранным завершением с запада, симметричным восточной каменной апсиде. Церковь имела вход с юга, оформленный небольшим вестибюлем (рис. 1). В интерьере храма была «видна в южной стороне

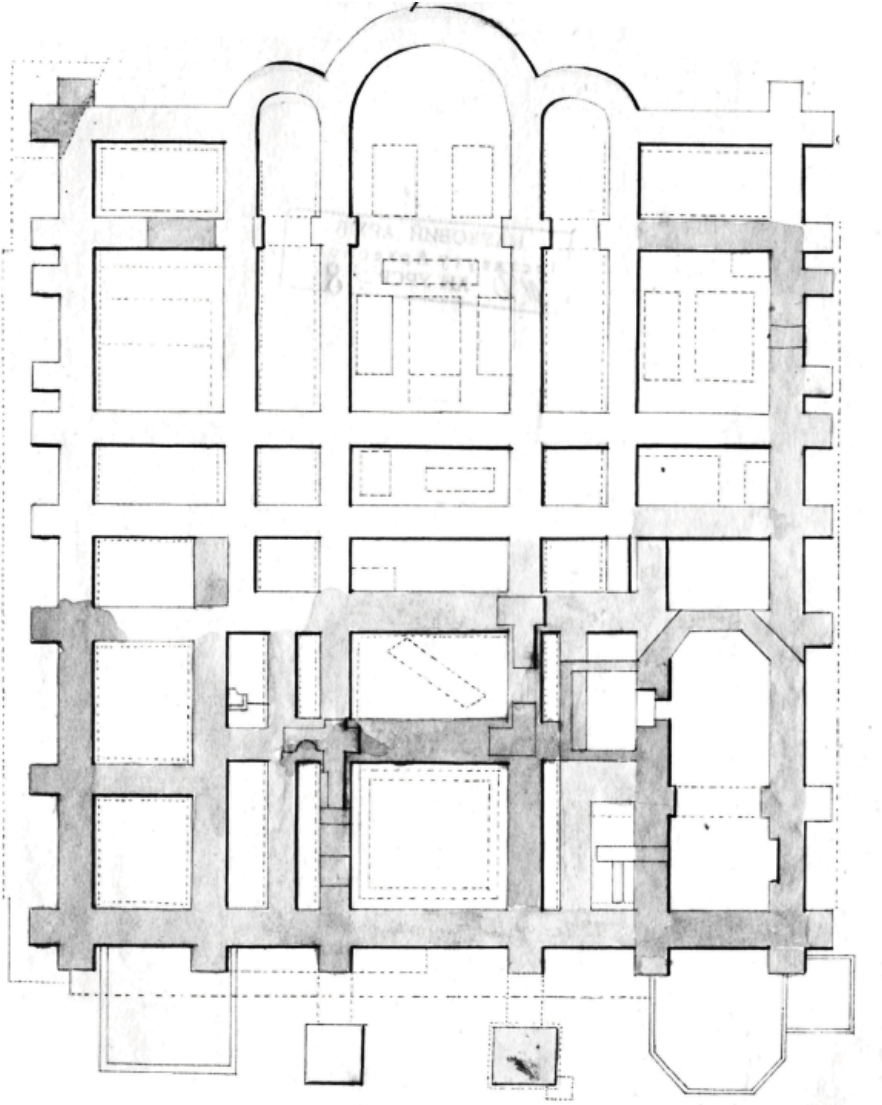

Рис. 1. План фундаментов Десятинной церкви. Н.Е. Ефимов, 1826 г.
(ИА НАНУ. Ф. 13, л. 8)

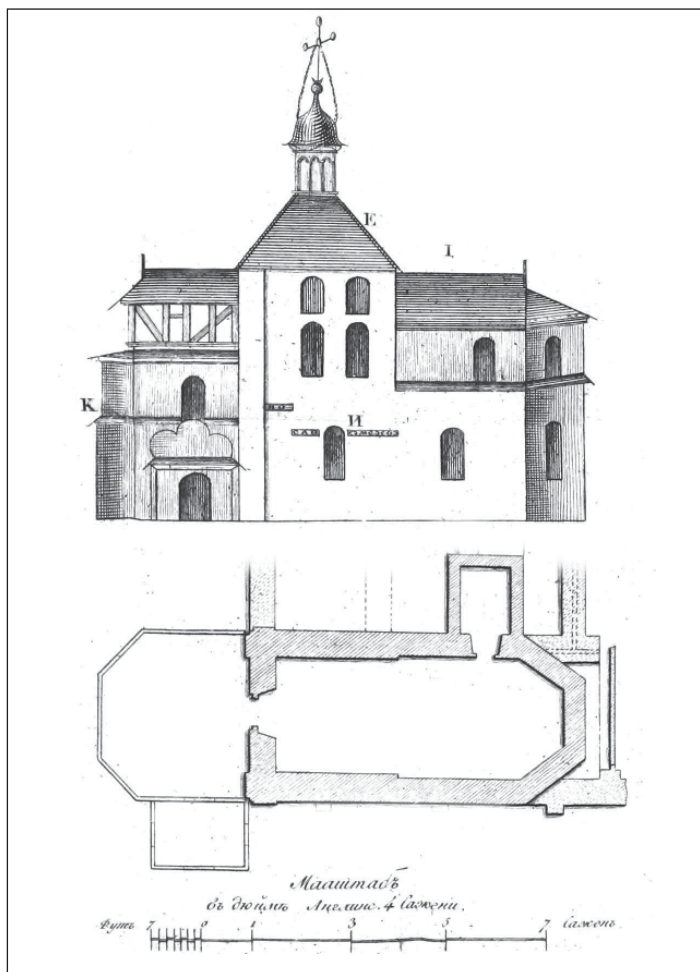

Рис. 2. Южный фасад могильянской церкви и ее план. К.А. Лохвицкий
(План первобытной, вклейка)

впадина по образу киевских лаврских пещер, для мощей приготовленная», по мнению автора «Плана первобытной Киевской Десятинной церкви», устроенная для мощей княгини Ольги, якобы обретенных при раскопках Петра Могилы¹¹.

В описаниях могильянской церкви привлекает внимание упоминание надписи, сложенной из каменных блоков, включенных в кладку южного фасада (рис. 2). Н.В. Закревский пишет, что «...по известию протоиерея Леванды можно догадываться о фасаде этой церкви, что она имела архитрав, украшенный

¹¹ План первобытной. См. также: Голубев С.Т. *Петр Могила и его сподвижники*. Т. II, 435.

греческой надписью и большими круглыми муравлеными розетками, наподобие лепной работы»¹².

Практически все описания греческой надписи констатируют невозможность ее прочтения из-за фрагментарности и вторичного использования блоков¹³. Мнения исследователей о времени попадания этих блоков в кладку разошлись еще в начале XIX в. В анонимном «Кратком историческом описании Десятинной церкви» 1829 г. излагается следующая версия:

...в 1635 году едва остался юго-западный ее [древней Десятинной церкви — авт.] угол, с прилегающими к нему стенками, к сему то остатку, тогдашний Митрополит Киевский Петр Могила, приделав алтарную сторону, устроил небольшую церковь... Около 1771 года из-под штукатурки, извне на южной стене, нечаянно открылись Греческие литеры, высеченные на камнях, в стене вставленных...¹⁴.

В ответной критической публикации, «Замечаниях на краткое описание», авторство которой, скорее всего, принадлежит митрополиту Евгению (Болховитинову), этот тезис поддержан: «Сей кусок в Могилиной церкви замечателен был в южной стороне, по следу упавшегося на нем свода хоров церковных [курсив — авт.], и при сломке кладка его найдена от древности весьма крепка и плошна»¹⁵. Вместе с тем, митрополит Евгений придерживался иного мнения о времени появления надписи:

...вероятнее, что сам Могила, нашедши сии обломки в щелбе от древней Десятинной церкви приказал, как памятник, вмазать их явно на южной стене. И не было приметно около ее обломков штукатурки. ...Вероятно, полная надпись была на западной входной, или какой другой стене древней церкви»¹⁶.

12 Закревский Н.В. *Описание Киева*. Т.1. М., 1868, 280.

13 Митрополит Платон в описании Десятинной церкви, сделанном во время его приезда в Киев в 1804 г., пишет: «на полуденной внешней ее стене... слова есть славенские не соединенные» (Ананьева Т. Десятинна церква: коло витокив археологічних досліджень (1820–1830-ті рр.). *Церква Богородиці Десятинна в Києві*. К., 1996, 18). Примечания к рисунку в альбоме путешествия К.М. Бороздина: «Греческие буквы высеченные на камне и выставленные снаружи на сей стороне, без сомнения, она суть только самой малой остаток какой-нибудь надписи, и потому разобрать смысл их едва ли возможно». РНБ. ОР. ф. 550 (ОСРК) Ф. IV. 204. Рисунки и чертежи к путешествию по России К. Бороздина (1809–1810 гг.), л. 9 об.). «Значения сих букв нельзя узнать для того, что доска не целая, а составлена из трех отломков, отысканных в развалинах старой церкви и вставленных в стену придела», — писал Н.М. Карамзин (*История государства Российского в 12-ти томах*. Т.1. М., 1989, 294). «В середине наружной стены оной вмазаны в двух полосах, вышиною в 5 вершков, пять обломков из серого гранита Греческой какой-то надписи, коей значение, по причине разрыва оной, никто еще отгадать не мог. Вероятно, была она над каким-нибудь входом в церковь и найдена в щелбе» (*План первообытной*, 396). Подробное описание материальных остатков надписи и разбор попыток чтения надписи см.: Архипова Е.И. *Резной камень в архитектуре Древнего Киева (конец X — первая пол. XIII в.)*. К., 2005, 24–28. См. также: Ставицкий В. Грещькі написи з церкви Богородиці Десятинної у Києві. *ЗНТШ*. Том ССXXXI. Львів, 1996, 182–188.

14 *Краткое историческое описание первопрестольной соборной Десятинной церкви в Киеве*. СПб., 1829, 7–8.

15 Замечания на книгу «Краткое историческое описание Десятинной церкви в Киеве». *Московский телеграф*. 1830, № 6, 344.

16 Замечания на книгу «Краткое историческое описание Десятинной церкви в Киеве», 345.

М.Ф. Берлинский также указывал, что Петр Могила «пристроил из оставшихся кирпичей северную и алтарную стороны, соорудил передний деревянный придел»¹⁷. Н.В. Закревский в своем масштабном описании Десятинной церкви, анализируя доступные ему источники, не только настаивал на древности кладок с надписью, включенных в могилянскую церковь, но и обвинял А.С. Анненкова, строителя церкви XIX в., в разрушении этих ценнейших остатков¹⁸.

Сведения Г. Боплана, который упоминал руины Десятинной церкви с греческими надписями еще до завершения реконструкции Петра Могилы, подтверждают версию о том, что в составе могилянской постройки сохранились значительные части более древних кладок¹⁹. Относительно недавно М.Ю. Брайчевский сопоставил упоминание Г. Боплана с сохранившимися рисунками XIX в. Исследователь пришел к неожиданному выводу о том, что первая реконструкция Десятинной церкви произошла почти за два столетия до Петра Могилы — в княжение Симеона Олельковича (1455–1471). В ходе этих предполагаемых восстановительных работ, по мнению М.Ю. Брайчевского, произошел ремонт стеновых кладок юго-западного угла древнего храма, в которые были включены блоки с греческими литерами. Впоследствии эти стены вошли в состав уже могилянской церкви и были зафиксированы на рисунках XIX в.²⁰ Однако, единственным аргументом исследователя для датировки кладок XV в. являлись «готические» стрельчатые завершения окон на одном из этих рисунков, разбор которого мы осуществим ниже.

Археологические материалы

М.К. Каргер в своем большом очерке о Десятинной церкви не сосредотачивал внимание на решении обозначенной проблемы соотношения письменных источников. С одной стороны, исследователь указал, что Петр Могила частично включил древние стены в новую постройку, но обошел вопрос появления греческой надписи²¹. С другой стороны, в ходе полевых исследований 1938–1939 гг. М.К. Каргер определил, что кладки юго-западного угла галерей древнего храма подверглись серьезному ремонту, а сам этот ремонт отнес к перестройке Петра Могилы XVII в.²²

В 1995 г. вышла небольшая работа Ю.Б. Бирюкова, в которой автор скрупулезно проанализировал неопубликованные полевые чертежи и дневники раскопок М.К. Каргера. Обследовав в начале 1990-х гг. открытый зондаж юго-западного угла фундаментов Десятинной церкви, исследователь пришел к выводу, что датировка М.К. Каргером этого массива кладок XVII в. необоснована. Эту

17 Берлинский М.Ф. О Десятинной церкви. *Труды и летописи Общества истории и древностей российских при Московском университете*. Ч. V. Кн. I. М., 1830, 108–109.

18 Закревский Н.В. *Описание Киева*. Т. 1, 283, 289–291.

19 Архипова Е.И. *Резной камень*, 24.

20 *План первобытной*. См. также: Голубев С.Т. *Петр Могила и его сподвижники*. Т. II, 435.

21 Каргер М.К. *Древний Киев*. Т. 2, 13.

22 Каргер М.К. Розкопки на садибі Київського Історичного музею. *АП УРСР*. Т. III. К., 1952, 11; Каргер М.К. *Древний Киев*. Т. 2, 39, 48–49.

кладку из толстой плинфы на домонгольском известково-цемяночном растворе Ю.Б. Бирюков датировал 1240-ми гг. Аргументами послужили убежденность в том, что ремонтные кладки не могли появиться на месте юго-западного угла до разрушения церкви монголами в 1240 г., а главное, — формат толстой плинфы. Последнему он нашел прямые аналогии среди плинфы из ремонтов Успенского собора Киево-Печерского монастыря, которые были связаны автором с реставрацией собора после землетрясения 1230 г. В итоге исследователь предложил интерпретировать указанные кладки как остатки небольшой капеллы, возведенной на месте руин Десятинной церкви уже в XIII в. и просуществовавшей затем до XVII в., когда ее вновь реставрировал митрополит Петр Могила²³.

Эта интересная работа оставалась практически незамеченной до начала новых археологических исследований Десятинной церкви 2005–2009 гг., в ходе которых подтвердилась значительная часть выводов Ю.Б. Бирюкова.

Среди фундаментов галерей Десятинной церкви, сохранившихся *in situ*, есть несколько участков, отличающихся от всего остального массива как по технике кладки, так и по использованным строительным материалам. Эти участки занимают юго-западный угол церкви конца X в., где располагалась церковь, устроенная Петром Могилой. В публикации раскопок М.К. Каргера 1938–1939 гг. они были описаны очень кратко, а на опубликованной аксонометрии фундаментов вообще не были отмечены. Новые археологические исследования храма уже в 2005 г. полностью подтвердили ремонтный характер кладок, было выполнено описание техники кладки и строительных материалов²⁴.

Ремонт затронул фундаменты западного прясла южной стены, южные прясла западной стены галереи: первое целиком и второе — наполовину, частично —

---

23 Бирюков Ю.Б. Церковь Николая в Киеве. *Реставрация и архитектурная археология*. Вып. 2. М., 1995, 77–84. Проницательная работа Ю.Б. Бирюкова наряду с целым рядом ценных и верных замечаний относительно археологических остатков, тем не менее, изобилует досадными фактическими ошибками. Упоминание о разборке Никольской церкви в 1636 г. автор неверно приписывает Сильвестру Косову (сочинение 1635 г.), термин «роскидать» трактуется как очистка руин от строительного мусора, придел Петра и Павла неверно размещен автором над «трапезой» в западной части могилянской церкви. Наконец, рисунок XIX в. без каких-либо сомнений приписан А. ван Вестерфельду в результате ошибочного истолкования упоминания в работе Н.И. Петрова о рисунке западного фасада Софии Киевской, неверно подписанного как рисунок Никольской церкви: (Петров Н.И. Новооткрытый альбом видов и рисунков достопримечательностей Киева 1651 г. *Труды Киевской духовной академии*. 1905. Т. 2, 442–443). Верную интерпретацию см.: Смирнов Я.И. Рисунки Киева 1651 г. по копиям их конца XVIII в. *Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе* (1905 г.). М., 1908. Т. 2, № 7, 418) и т.д. Эти ошибки не были исправлены и в недавней публикации автора: Бирюков Ю.Б. Из истории изучения Десятинной церкви в Киеве. Еще раз о Никольском приделе 1240 годов. *Искусство Древней Руси и стран византийского мира. Материалы научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения В.А. Булкина*. СПб., М., 2007, 219–227.

24 Ивакин Г.Ю., Иоаннисян О.М. О новых раскопках Десятинной церкви (2005–2007 гг.). *Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале*. Т. 1. М., 2008, 13; Ивакин Г.Ю., Иоаннисян О.М. Десятинная церковь: «старый взгляд» в новом освещении (предварительные результаты раскопок 2005–2007 гг.). *Archaeologia Abrahamica*. М., 2009, 186–187; Иоаннисян О.М., Ёлшин Д.Д., Зыков П.Л., Ивакин Г.Ю., Козюба В.К., Комар А.В., Лукомский Ю.В. Десятинная церковь в Киеве (предварительные итоги исследований 2005–2007 гг.). *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Труды Государственного Эрмитажа*. Т. XLVIII. СПб., 2009, 330–366.

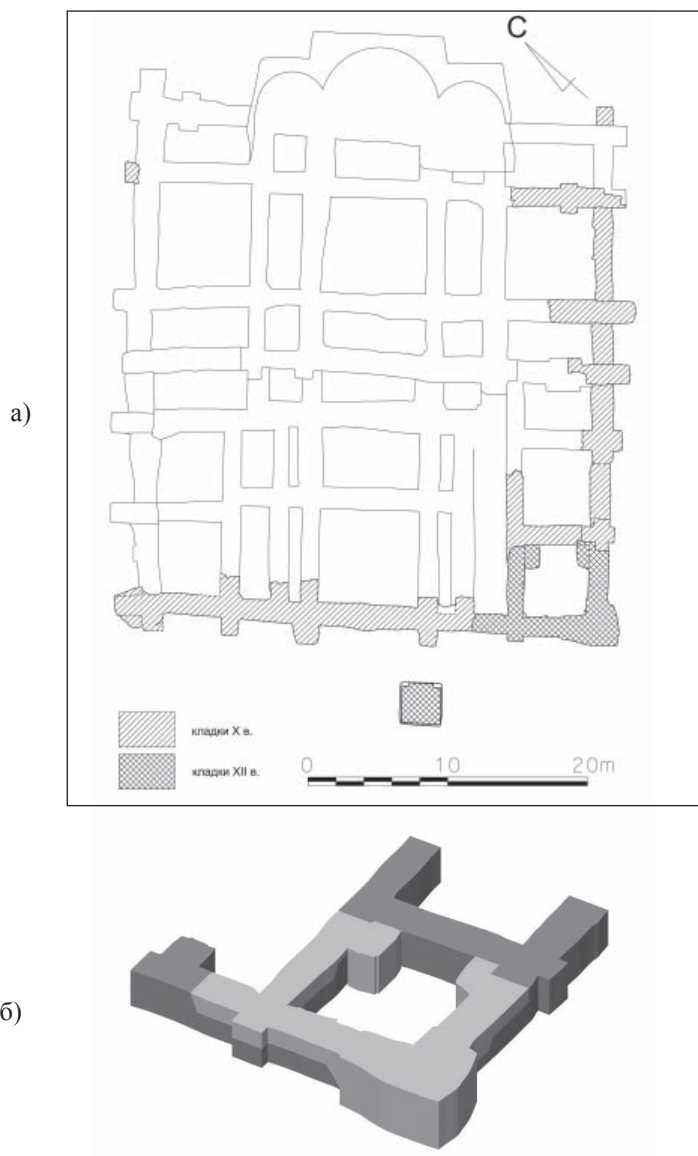

Рис. 3. Ремонт фундаментов Десятинной церкви первой трети XII в.
(по итогам исследований 2005–2010 гг.):

а) план; б) трехмерная модель ремонта юго-западного угла (П.Л. Зыков)

западную часть первой поперечной перемычки западной галереи (рис. 3). При этом самый угол древних галерей, то есть западная часть самого западного прясла южной стены и южная часть самого южного прясла западной стены, не просто

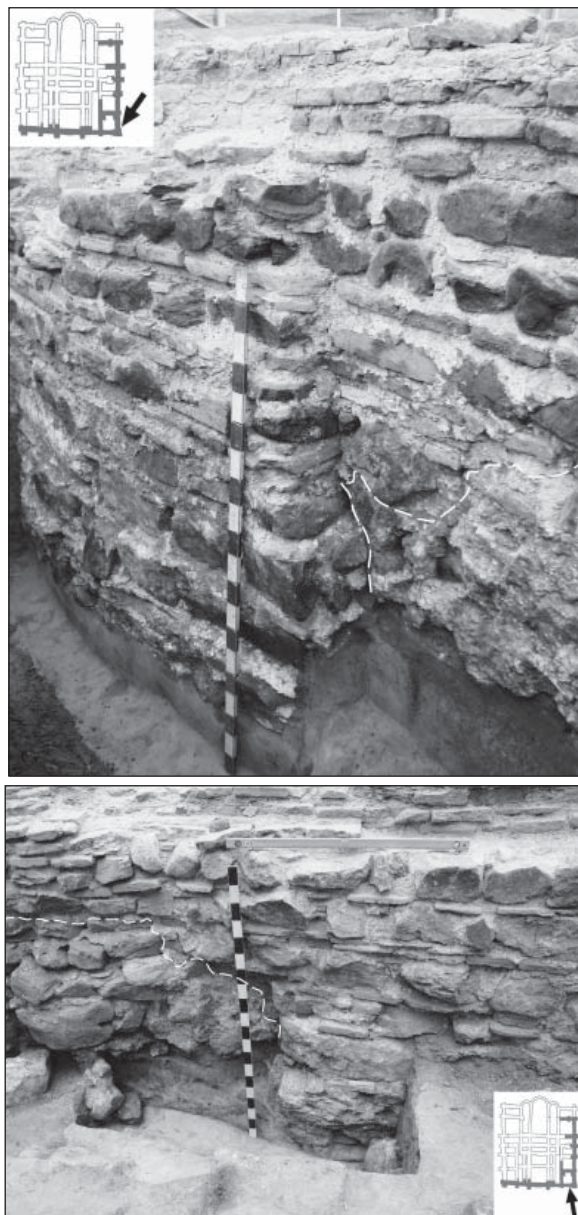

Рис. 4. Десятинная церковь. Юго-западный угол. Вид с юга (2007 г.), вид с запада (2006 г.).

Пунктиром показано место примыкания ремонтных кладок XII в. к кладкам X в.

подвергся починке и небольшим ремонтным вставкам — был возведен новый фундамент, заложённый на 0,5 м глубже первоначального. Общая глубина составила 1,95 м (рис. 4). К ремонтным кладкам относятся и фундаменты прикладок

Рис. 5. Десятинная церковь. 2008 г. Юго-западный компартимент. Южное прясло фундаментов западной стены. Вид с северо-востока. Пунктиром показано место примыкания ремонтных кладок XII в. к кладкам X в.

в юго-восточном и северо-западном углах юго-западного компартимента. Кладка выполнена из рядов камня, чередующегося с рядами плинфы, на известково-цемяночном растворе. Фундаменты устраивались в котловане, а не укладывались сверху в ров (рис. 5). В отличие от фундаментов X в., использовали разный камень: кварцит, песчаник, граниты, а также вторично использованные, фрагментированные блоки известняка и ракушечника, пиррофиллитовые плиты и капители, в том числе резные известняковые и даже мраморные детали²⁵. Характер плинфы, использованной в выравнивающих рядах, разный: фрагментированная тонкая плинфа X в. со скошенными торцами (30 × 30 × 2,5–3 см), изредка встречаются фрагменты плинфы формата, относящегося, вероятно, к XI в. (35–36 × 3,5 см; 22–23,5 × 3,5–4; 25 × 3,5; 34 × 4,5 см). Но основным типом, использованным в кладке, является малоформатная плинфа (28–31 × 24,5–26,5 × 4,5–6 см).

Тесто плинфы крепкое и прочное, в большинстве своем розового цвета (светлое и темное), иногда бежевого, редко — красного, часто с примесями более светлых глин (неоднородное), а также большими кусками кварца (2–3 см, иногда до 5 см в поперечнике). Формовка неаккуратная, в жесткой форме без дна («пролетке»), оставляющей на торцах поперечные борозды при снятии. На нижней постели обычны следы песчаной подсыпки, на верхней — продольные параллельные следы снятия излишка глины специальной дощечкой — правилом. Часто на верхней постели встречаются следы типа вдавленных бортиков вдоль

25 Ёлшин Д.Д., Никитенко И.С. О фундаментах Десятинной церкви в Киеве (по материалам исследований строительного камня). *Записки ИИМК РАН*. 2009, № 4, 138–156; Никитенко И.С., Ёлшин Д.Д. Результати мінералого-петрографічного дослідження будівельного каміння з фундаментів Десятинної церкви у Києві. *Коштовне та декоративне каміння*. 2009, № 2 (56), 22–27.

всех граней (шириной 0,5–1,5 см). Следы дождя и лап животных отмечены на верхней постели. На верхней постели одной из плинф зафиксирована метка, наподобие черниговских, в виде полукруга. Другие же знаки, клейма, рисунки, расчески на постелях и торцах не обнаружены. Из подобной плинфы выполнена и стеновая кладка, сохранившаяся над фундаментами юго-западного угла. Кладка выполнена без использования камня (*opus isodos*), с чередованием ложковых и тычковых рядов плинфы, разделенных узкими швами ярко-розового известково-цемяночного раствора. В 1938 г. участки стеновой кладки ремонта сохранялись на 9–14 рядов выше цоколя, а на начало исследований в 2005 г. осталось лишь 5–6 рядов кладки (рис. 6).

М.К. Каргер основывал свою датировку этих кладок XVII в. на двух предположениях: их местоположении — точно на месте могилянской церкви — и характеристике основного типа использованного кирпича²⁶. Почти квадратная форма кирпича была объяснена самим М.К. Каргером как подражание древней плинфе. В качестве аналогии исследователь привлек строительный материал кирпичеобжигательной печи, раскопанной в 1936 г. Ф.Н. Молчановским на Старокиевской горе и датированной тогда XVII в. М.К. Каргер связал эти строительные материалы по признаку большой толщины, нехарактерной для древнерусской плинфы, и предположил, что Петр Могила организовал специальное производство кирпича, имитирующего формат древнерусской плинфы²⁷. Аналогию, видимо, следует считать ошибочной. Во-первых, строительный материал кирпичеобжигательной печи — сырец, и толщина его 6–8 см, а керамическое тесто полностью отличается. Кроме того, датировка этих печей основывалась лишь на единичной находке фрагмента керамики, и также, скорее всего, является ошибочной²⁸. Помимо этого, ни в одном из киевских памятников XVII в. не было зафиксировано подобных «реставрационных технологий», такого формата кирпича и, конечно же, известково-цемяночного раствора.

Ю.Б. Бирюков, как уже было отмечено, предложил совершенно иную датировку плинфы указанных кладок — 1240-е гг. Он, однако, опирался на датировку ремонтов Успенского собора Киево-Печерского монастыря, предварительно пред-

26 Как точно заметил Ю.Б. Бирюков, в полевых дневниках Г.Ф. Корзухиной (в 1938–1939 гг. именно она вела дневник раскопок и выполняла всю графическую фиксацию) прослеживаются сомнения в этой датировке, дата XVII в. везде снабжена вопросительным знаком (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35. Оп.1. 1938 г., д. 266. Раскопки Киевской экспедиции в 1938 г. (Десятинная церковь). Дневник Г.Ф. Корзухиной). Вероятно, эти сомнения отразились впоследствии и в ее авторском варианте реконструкции храма (Корзухина Г.Ф. К реконструкции Десятинной церкви. СА. 1957, № 2, 78–90). М.К. Каргер, разбирая ее аргументацию, категорически не принимал какие-либо иные варианты датировок этих кладок. Аналогично, на основании характера плинфы он датировал XVII в. и блок кладки, обнаруженный в 1948 г. (Каргер М.К. Розкопки на садибі, 11.). Вслед за М.К. Каргером, так же датировала эту плинфу и Е.И. Архипова (Архипова Е.И. Будівельні матеріали Десятинної церкви, 57).

27 Каргер М.К. Розкопки на садибі, 11.

28 НА ИА НАНУ. Ф. 20, д. 33. Розкопки на Старокиївській горі. 1936. Маневский. Раскоп А. Щоденник, л. 10–12; Кілієвич С.Р. До питання про будівельну справу в Києві в Х ст. *Археологія Києва. Дослідження і матеріали*. К., 1979, 11–18.

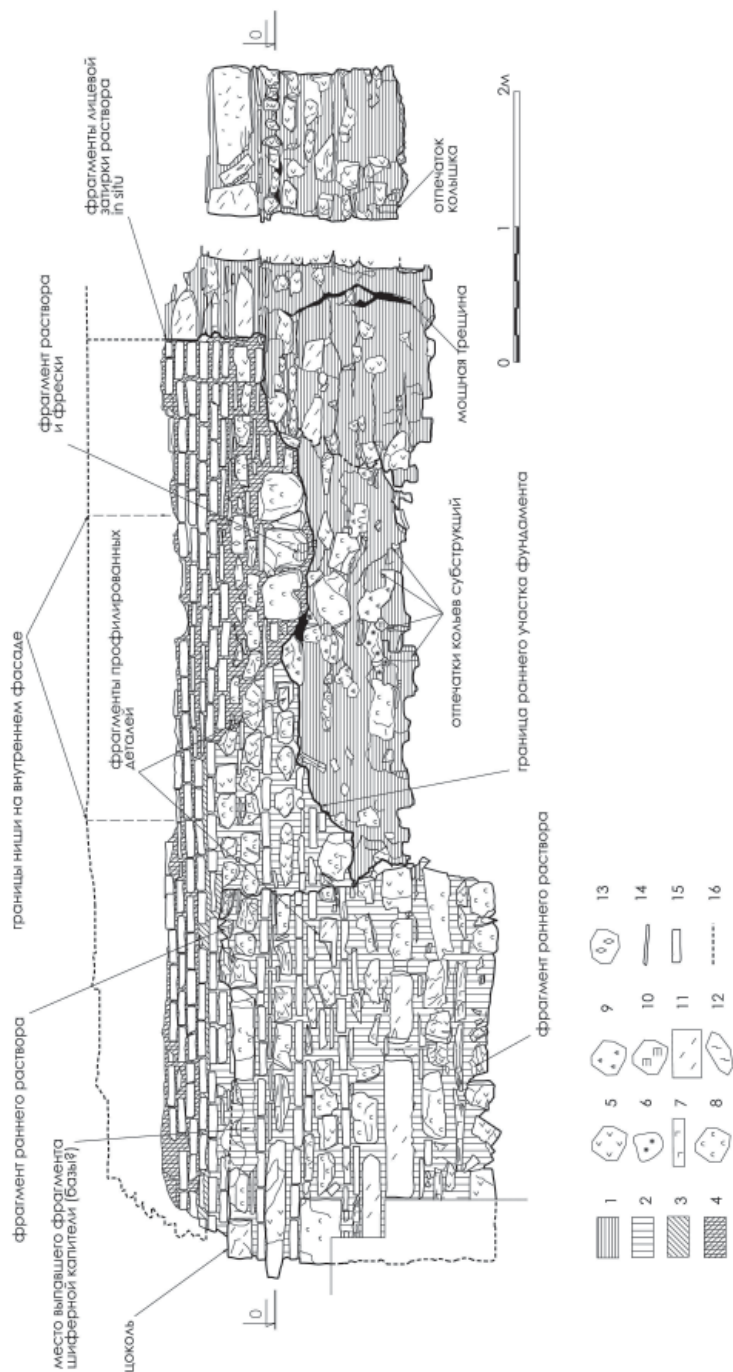

Рис. 6. Десятинная церковь. Южный фасад западного прясла фундаментов южной стены. 2005–2007 гг. (с добавлениями по чертежам 1938 г.). Условные обозначения: 1. кладки X в. (розовый раствор с крупной фракцией цемianки); 2. ремонтные кладки XII в. (белый раствор); 3. ремонтные кладки XII в. (кремовый раствор); 4. ремонтные кладки XII в. (интенсивно розовый раствор); 5. красный кварцит; 6. железистый песчаник; 7. плиты овручского пиррофиллита (шифера); 8. серый песчаник; 9. зеленовато-синий глауконитовый песчаник; 10. шлаковидный серый туф; 11. известняк (ракушечник); 12. родохрозитовая порода; 13. граниты; 14. тонкая плинфа конца X в.; 15. толстая плинфа XII в.; 16. сохранность кладок на момент раскопок М.К.Каргера 1938 г. (по НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35. Оп. 1. 1938 г. Д. 267. Л. 2)

ложенную Н.В. Холостенко еще в 1955 г.²⁹ В более поздней публикации 1975 г. Н.В. Холостенко соотнес этот тип плинфы с плинфой Чернигова и Новгород-Северского рубежа XII—XIII вв., кроме того, отмечал рельефные знаки на торцах³⁰. Сам Ю.Б. Бирюков также справедливо отмечает, что

состав глины плинф в обоих храмах необычен. Если в северной пристройке к Успенскому собору в тесте слишком много песка, то в церкви Николы его практически нет. Песок заменен здесь крупными включениями кварца³¹.

Однако, совпадение формата исследователь посчитал более существенным признаком³². С этим вряд ли можно согласиться. Если в некоторых других древнерусских строительных центрах (Смоленск, Полоцк, Переяславль-Южный) рецептура керамического теста плинфы практически не менялась, то в Киеве на протяжении XI—XII вв. это происходило несколько раз. Существенно менялась и технология ее формовки. Плинфа из ремонта Десятинной церкви не имеет ничего общего с плинфой ремонтов Успенского собора по способу формовки и составу керамического теста³³.

Следует отметить, что еще Д.В. Милеев, не вскрывавший ни одного из перечисленных ремонтных участков храма, где эта плинфа сохранилась *in situ*, тем не менее, отметил плинфу такого формата в полевом дневнике с датировкой XII в. (на неизвестных нам основаниях)³⁴. Также датировала аналогичную плинфу и Д.П. Натансон при описании блока кладки, найденного в 1937 г. в раскопе II, к северу от северо-восточного угла древнего храма³⁵.

По целому ряду особенностей керамического теста (крупные включения кварца) и формовки (неразъемная рамка-пролетка, вдавленные бортики на верхней постели, мощные подтеки теста) эта плинфа находит аналогии среди керамического строительного материала таких памятников, как Михайловский Златоверхий собор (1108 г.) и церковь на усадьбе Художественного института (конец XI — начало XII в.) в Киеве. Однако, формат плинфы этих памятников значительно больше. Сходство обнаруживается и с плинфой конца XI — начала XII в., вторично использованной при строительстве церкви Успения Пирогощи на Подоле — совпадают характеристики теста (свекольный цвет, крупные включения кварца), длина и ширина плинфы больше на 2–3 см (30–32 × 28–29 × 4,7–5 см)³⁶. Формат ремонтной плинфы Десятинной церкви вообще весьма

29 Холостенко Н.В. Исследование руин Успенского собора Киево-Печерской Лавры. *СА*. 1955. Т. XXIII, 353.

30 Холостенко М.В. Успенский собор Печерского монастыря. *Стародавній Київ*. К., 1975, 119–124.

31 Бирюков Ю.Б. Церковь Николы в Киеве, 79.

32 Бирюков Ю.Б. Из истории изучения, 222.

33 Ёлшин Д.Д. Новые исследования древнерусской плинфы: итоги и перспективы. *Проблеми давньоруської археології*. К., 2010 (в печати).

34 Институт рукопису НБУ ім. В. Вернадського. Ф. 152, д. 163. Щоденники Д.В. Мілєєва. 1908–1914 рр. Т. IV, л. 95.

35 НА ИА НАНУ. Ф. 20, д. 54. Розкопки на Старокиївській горі. 1937. Натансон Д.П. Щоденник, л. 20–21.

36 Ивакин Г.Ю. О церкви Успения Богородицы Пирогошей. *Древние славяне и Киевская Русь*. К., 1989, 172.

необычен для Киева, но имеет определенное сходство с плинфой более поздних киевских памятников, например, собора Федоровского монастыря (1128) и Успенской Пирогощей церкви (1131–1135). Учитывая все приведенные аналогии, нам кажется наиболее вероятной ее датировка 1110–1120-ми гг., когда произошло изменение формата киевской плинфы³⁷.

Датировка подтверждается и другими аргументами — техникой кладки фундамента из чередующихся рядов камня и плинфы в сочетании с порядовой техникой кладки стен (ближайший аналог — церковь Успения (Пирогощая), а также формой фундаментов юго-западного угла, которая предполагает оформление угла нераскрепованной пилястрой, перпендикулярные плоскости которой сходятся под прямым углом, не образуя обломов (закрестия). Такая особенность впервые в киевской архитектуре также зафиксирована в церкви Успения Пирогощей³⁸.

На чертежах фасадов и фотографиях раскопок М.К. Каргера хорошо видно, как ремонтная кладка примыкает к массиву кладки крестчатого пилона на пересечении южной стены и поперечной перемычки южной галереи (рис. 7). Пилон сложен исключительно из тонкой квадратной плинфы X в. и, без сомнения, являлся первоначальным. Исследования 2005 г. показали, что внутри шва между западным закрестием пилона и ремонтной кладкой сохранились фрагменты первоначальной штукатурки лицевой поверхности пилона. Таким образом, ремонтная кладка XII в. заполнила пространство к западу от восточного крестчатого пилона западного участка южной галереи, который до этой перестройки представлял собой участок открытой аркады. Восточнее крестчатого пилона следы перестройки XII в. в кладках южной галереи отсутствуют. Перестройка фундаментов углового юго-западного компартимента галереи свидетельствует, очевидно, и о замене его перекрытия. По мнению Ю.Б. Бирюкова, мощные прикладки к фундаментной ленте в его восточной части могли быть связаны с устройством дополнительной подпружной арки для сооружения небольшой главки именно над этим компартиментом³⁹. В уровне стеновых кладок XII в. в южной стене компартимента была выложена широкая ниша, вероятно, аркосолий. Эта ниша шириной 2,16 м отмечена на всех вариантах плана Н.Е. Ефимова 1826 г., ее нижняя часть зафиксирована на полевых чертежах и фотографиях раскопок

37 Иоаннисян О.М. О происхождении черниговской плинфы конца XI–XII веков и равнослойной техники кладки на Руси. *Из истории строительной керамики средневековой Восточной Европы. Архитектурно-археологический семинар*. СПб., 2003, 20–33. Торшин Е.Н. Плинфа архитектурных памятников Киева середины — второй половины XII в. *Из истории строительной керамики средневековой Восточной Европы*, 103–104.

38 Специального выноса в фундаментах Пирогощи, однако, не зафиксировано — двухступчатые нераскрепованные пилястры опирались на общий цокольный выступ фундамента. Нераскрепованная пилястра отмечена на плане И.В. Моргилевского, реконструкции П.А. Раппопорта и воплощена в постройке 1998 г. На плане, опубликованном в 1989 г. (Ивакин Г.Ю. О церкви Успения Богородицы. 169, рис. 1), абрис угловых пилястр показан неверно.

39 Бирюков Ю.Б. Церковь Николая, 81. Нам это объяснение представляется несколько надуманным — нет никаких веских оснований реконструировать устройство светового барабана над этим компартиментом в ходе ремонта. Дополнительные фундаментные прикладки могли быть предназначены для любой другой цели.

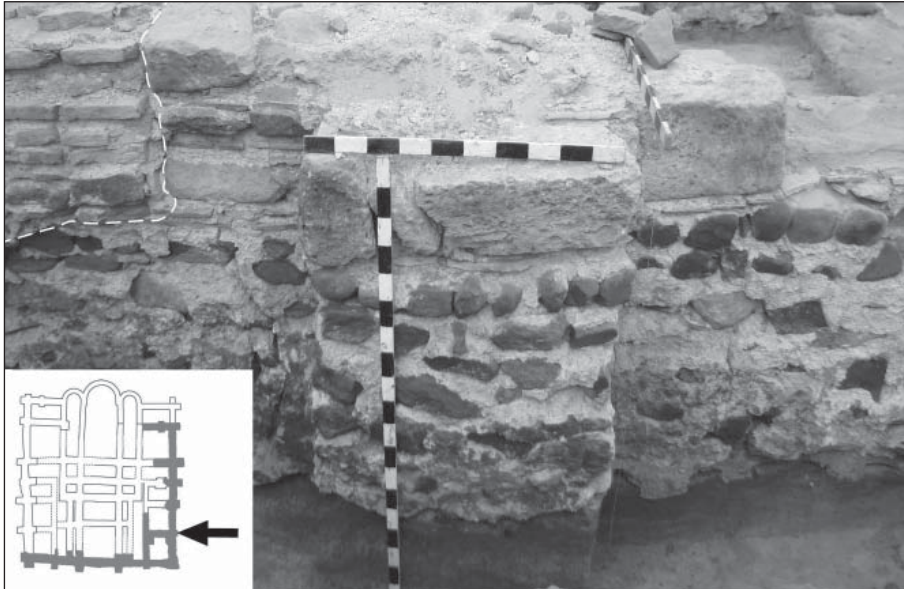

Рис. 7. Десятинная церковь. 2007 г. Крестчатый пилон открытой южной галереи (между 1-м и 2-м западными пряслами фундаментов). Пунктиром показано место при-
мыкания ремонтных кладок XII в. к кладкам X в. Вид с юго-востока

1938 г. (рис. 8)⁴⁰. Несомненно, это и есть та самая «впадина по образу лаврских пещер», упомянутая в описании 1825 г.

Опираясь лишь на данные раскопок 1938–1939 гг., Ю.Б. Бирюков считал, что ремонт коснулся только юго-западного угла обрушившегося храма. Однако, следы этого же ремонта обнаружены и в других частях храма. Как уже отмечалось, большой блок кладки из аналогичной плинфы был обнаружен раскопками Ф.Н. Молчановского 1937 г. к северо-западу от северо-восточного угла Десятинной церкви, а в 1948 г. М.К. Каргер зафиксировал блок кладки парусной конструкции перед центральным пряслем западной стены⁴¹. Здесь же еще в 1824–1826 гг. раскопками К.А. Лохвицкого и Н.Е. Ефимова были зафиксированы остатки двух мощных, квадратных в плане пилонов, расположенных напротив лопаток, обрамляющих центральное прясло западной стены Десятинной церкви. Исследования 2009–2010 гг. показали, что характер кладки и строительные материалы фундаментов и стеновой кладки южного пилона (сохранилось 4 ряда) абсолютно идентичны ремонту юго-западного угла. Фундаменты пилона почти квадратные, $3,0 \times 3,0$ м, размеры кладки $2,87$ (с 3 на В) $\times 2,77$ м

40 См. план Н.Е. Ефимова в *Кратком историческом описании первопрестольной соборной Десятинной церкви в Киеве*. СПб., 1829; Ивакин Г.Ю., Иоаннисян О.М. Десятинная церковь: «старый взгляд» в новом освещении, табл. X, рис. 2; северный фасад южной стены (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35. Оп.1. 1938 г., д. 267, л.8); фотофиксацию участка (НА ИИМК РАН. ФА. О.3312.69, 116, 119, 123; НА ИА НАНУ. Нег. № 8060).

41 Каргер М.К. Розкопки на садибі, 11.

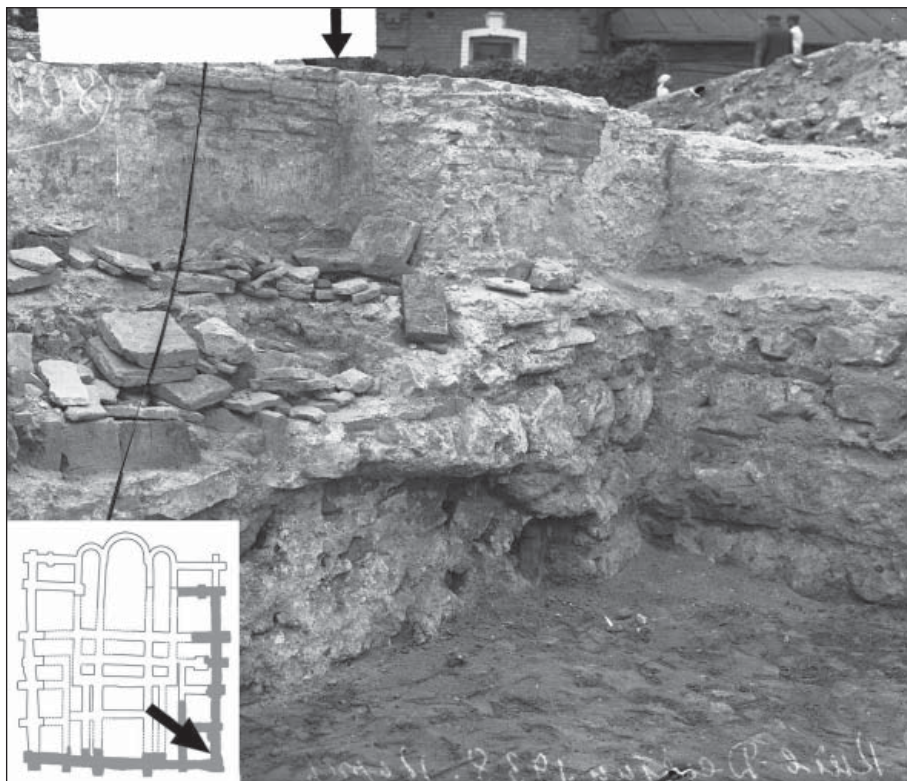

Рис. 8. Десятинная церковь. 1938 г. Аркосольная ниша в южной стене юго-западного компартамента. Стрелкой отмечен внутренний угол ниши. Вид с севера (НА ИА НАНУ. Рег. 8060)

(с С на Ю). Западная его плоскость имела широкую лопатку (шириной 1,7 м, вынос 27–30 см), отвечающую внешней лопатке западной стены храма⁴².

Таким образом, можно достаточно уверенно говорить о неупомянутом в летописи ремонте Десятинной церкви первой трети XII в. Не исключено, что ремонт был связан с одним из многочисленных землетрясений, зафиксированных летописью в это время. В ходе ремонта осуществили починку и дополнительное укрепление фундаментов углового юго-западного компартамента храма, в наземном уровне были заложены его южный и северный (вероятно, и западный) открытые участки. Очевидно, руины именно этих кладок XII в. упомянуты Г. Бопланом и были включены в состав стен новой церкви Петра Могилы.

42 Работы 2010 г. (равно как и документация раскопок Д.В. Милеева 1911 г.) показали полное отсутствие каких-либо следов существования северного пилона. На его предполагаемом месте частично сохранились культурные слои до строительства X в. Вероятно, существовал лишь южный пилон, а северный пилон был нанесен на план Н.Е. Ефимова необоснованно, видимо, для симметрии. Объяснение факту существования лишь одного пилона перед парадным порталом храма еще впереди.

Кроме того, в ходе этого же ремонта XII в. возвели мощный пилон, соединенный кирпичной аркой с южной лопаткой центрального прясла западной стены. Ремонт затронул и северо-восточную часть храма, вероятно, без вмешательства в фундаментные конструкции.

На это указывают и другие археологические находки 2005–2009 гг. В ходе осмотра фундаментов церкви XIX в. обнаружено, что основная масса строительного материала в забутовке — уже упоминавшаяся плинфа XII в., часто в больших блоках стеновой кладки, сложенной на ярко-розовом известково-цемяночном растворе. Отдельные блоки сохранили лицевую поверхность кладки, древний штукатурный слой и до 4 слоев побелки. На одном фрагменте, включенном в фундамент северо-восточной подкупольной опоры церкви XIX в., зафиксированы даже остатки орнаментальной росписи, вероятно, XVII или XVIII вв. Очевидно, что эти материалы попали в фундаменты из разобранных стен могилянської церкви⁴³.

В развалах строительных материалов и в забутовке фундаментов храма XIX в. в небольшом количестве выявлены кирпичи, скорее всего, представляющие реальный строительный материал «реставрации» Петра Могилы. Это красный брусковый кирпич формата 30 × 14–15 × 6–6,5 см, имеющий на верхней постели характерные продольные борозды, сделанные пальцами. Вероятно, именно эти кирпичи и относятся к строительству Петра Могилы. Очень близкие по формату и керамическому тесту кирпичи использовались при перестройке Себастьяна Брачки церкви Успения Пирогощи в 1617 г., строительстве католического кафедрального собора первой трети XVII в. на Подоле, склепа 1664 г. в Михайловском соборе Выдубецкого монастыря, Софийских (Батыевых) ворот 1687 г.⁴⁴

В датировке кладок могилянської церкви остается еще один момент, нуждающийся в особом рассмотрении. На планах XIX в. восточная часть церкви имеет вид трехгранной апсиды. Нет никаких сомнений, что такая апсида не могла появиться ни в XII в., ни даже в XIII в., как это предлагает Ю.Б. Бирюков. Апсиды такой формы известны даже на западных территориях Украины не ранее XV в. После разрушения стасовской церкви на момент раскопок М.К. Каргера южная часть апсиды могилянської церкви сохранялась на высоту 9–10 рядов кладки. Она хорошо видна на многих полевых фотографиях 1938–1939 гг.⁴⁵ (рис. 9).

43 Уже на первый год строительства В.П. Стасовым была запланирована полная разборка стеновых и фундаментных конструкций как небольшой могилянської церкви, так и прочих фундаментов, кроме фундаментов внешних стен южной и западной галерей, оказавшихся по плану под соответствующими стенами нового храма (РНБ ОР. Ф. 737, д. 4. В.П. Стасов. Записка для сооружения Десятинной церкви в Киеве. 1828 г., л. 1).

44 Івакін Г.Ю. До питання про кам'яну архітектуру пізньосередньовічного Києва. *Археологія Києва. Дослідження і матеріали*. К., 1979, 111; Мовчан І.І. Археологічні дослідження на Видубичах. *Стародавній Київ*. К., 1975, 103; Боровський Я.Є., Мовчан І.І. Південні (Софійські) ворота в оборонній системі київського дитинця. *Історія Русі-України (історико-археологічний збірник)*. К., 1998, 86.

45 НА ИИМК РАН. ФА. О.3312.67, 72, 74, 75, 93, 94, 122, 124 (крупное), 126. О.3313.81,82; НА ИА НАНУ, Нег. №№7956, 8050, 8051, 8225, 8227. В действительности, южная стена галереи Десятинной церкви в первый раз была открыта в 1937 г. Ф.Н. Молчановским (участок №3, начальник участка Ф.Б. Копылов), но фиксация этого года была очень неточной и схематичной.

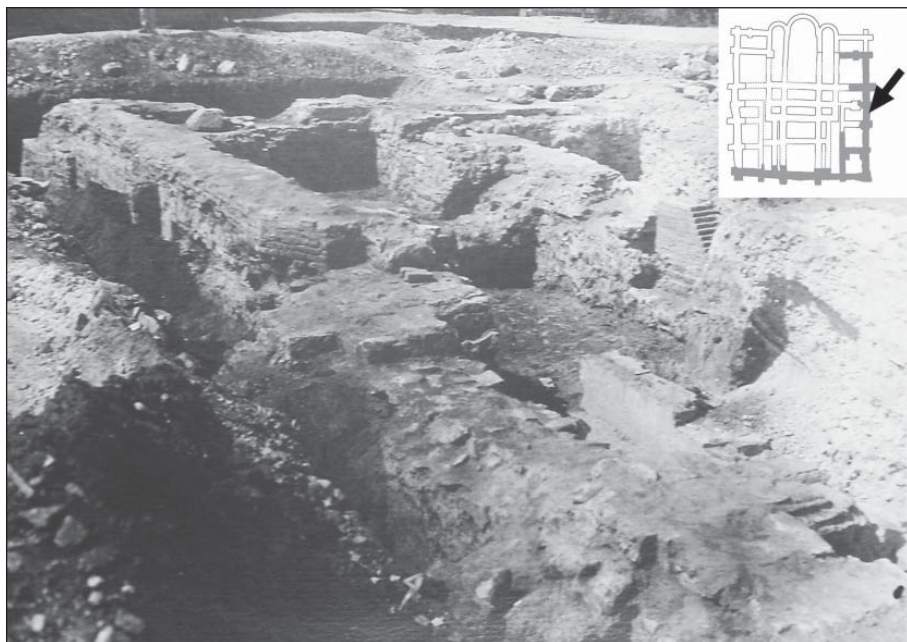

Рис. 9. Десятинная церковь. 1938 г. Остатки апсиды могилянской церкви.
Вид с востока (ФА ИИМК РАН. О 3312–126)

К 2005 г. не только кладки апсиды, но и вся кладка над вторым с запада пряслем внешней стены южной галереи (которое до уровня цоколя сохранило фундаментные кладки X в.) оказались полностью утрачены. На фотографиях и чертеже⁴⁶ восточная часть постройки имеет сложную форму: юго-восточный угол скошен под углом 36° (ширина скошенного участка по оси запад–восток составляет 84 см), далее следует плечико (ширина лицевой поверхности кладки по оси север–юг составляет 45 см), от которого перпендикулярно отходит кладка, ширина этого восточного выступа — 56 см. Плечико и выступ окаймляют сохранившееся закрестие пилона открытой галереи X в. (рис. 10). На чертеже 1938 г. южного фасада стеновая кладка над фундаментами второго с запада прясла и апсида представляют собой гомогенный массив, скошенный угол и восточный выступ кладки отделены ровными вертикальными границами, которые отмечают грани скошенного угла, ряды кирпича сохраняются на всем протяжении массива⁴⁷. Полагаем, что эти кладки относятся к XVII в. Это предположение дополнительно подтверждается другими наблюдениями. На полевых фотографиях и на чертеже 1938 г. южного фасада южной стены галереи хорошо видно, что характер сте-

Тем не менее, фотографии (НА ИА НАНУ. Нег. № 7956) фиксируют лучшую, чем в 1938 г., сохранность пилона X в. и апсиды XVII в.

46 НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35, оп. 1. 1938 г., д. 267, л. 17.

47 НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35, оп. 1. 1938 г., д. 267, л. 2.

Рис. 10. Десятинная церковь. 1937 г. Остатки апсиды моголянской церкви.
Крестчатый пилон открытой южной галереи X в.
(между 2-м и 3-м западными пряслами фундаментов).
Вид с востока (НА ИА НАНУ Нег. 7956)

новой кладки первого и второго прясел южной стены отличаются (рис. 11)⁴⁸. В первом прясле аккуратная порядовая кладка из плинфы начинается от уровня цоколя. Во втором прясле над уровнем цоколя на высоту 60 см уложен колотый камень — известняк и гранит, и только выше начинается кирпичная кладка, причем в ее левой части фиксируются узкие тычки (15–16 см). При натурных обследованиях 2005 г. зафиксировано, что на этом прясле фундаменты X в. пе-

48 НА ИИМК РАН. ФА. О.3312.79, 106, 111, 114.

Рис. 11. Десятинная церковь. 1938 г.
Фундаменты и стены двух западных прясел южной стены.
Вид с юга (ФА ИИМК РАН. О 3312–114)

рекрыты тонкой прослойкой гумусированной супеси мощностью от 5 до 10 см. Поверх этой прослойки был прослежен слой белого известкового раствора без примеси цемьянки, подстилавший, судя по чертежам, кладку из колотого камня⁴⁹. Очевидно, что это и есть остатки утраченных нижних частей кладок XVII в., которые были сложены, как остается догадываться, в основном из вторично употребленной плинфы XII в. на известково-песчаном растворе.

Подводя итог этой части, можно сказать, что комплексный анализ археологических материалов раскопок 1937–1939, 2005–2009 гг. позволяет достаточно точно определить сохранность и границы стеновых кладок X и XII вв. в составе церкви Петра Могилы XVII в. Кладки стен X в. сохранились в составе южной стены могилянской церкви только в виде пилона между западным и восточным объемами, в составе северной — в виде небольшого отрезка кладки⁵⁰. Кладки XII в. составляли значительную часть стен западной части могилянского храма

49 Эта гумусированная прослойка, законсервированная вышележащими кладками, является культурным слоем, который можно датировать между 40-ми годами XIII в. (после запустения храма) и XVII в.

50 НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35, оп. 1. 1938 г., д. 267, л. 18.

на достаточно большую высоту. Восточная часть могилянської церкви, включая апсиду, была возведена в XVII в.

На основе всех этих данных можно утверждать, что рисунки XIX в. отражают облик юго-западного угла древней Десятинной церкви, но не первоначальный, а после полной перестройки в начале XII в. Кроме этого, следует учитывать, что «реставрация» Петра Могилы также внесла существенные изменения в облик этих остатков.

Графические источники

Изображения Десятинной церкви XVII в. хорошо известны и многократно обсуждались. К сожалению, все они являются частями больших панорам Киева и сами по себе чрезвычайно мелки, что иногда с трудом позволяет оценить даже общие архитектурные формы храма. Древнейшим известным достоверным изображением Десятинной церкви является таковое на плане в книге Афанасия Кальнофойского *Тератургима* (1638). Время его создания соответствует порубежному этапу существования храма — деревянная церковь была уже «роскидана», а каменная только начинала перестраиваться. Изображение мелкое, тем не менее, на нем несложно разглядеть невысокую постройку со скатным покрытием, увенчанную крестом. Оно подписано (№ 52, «Церковь пресв. Девы Десятинная»). Слева от постройки отмечено некое более высокое сооружение прямоугольного абриса без каких-либо признаков завершения⁵¹. Даже если оно и является теми руинами, о которых упоминает Г. Боплан, это изображение на плане Кальнофойского мало что дает для реконструкции храма в силу своей схематичности.

Следующим хронологически является изображение на панораме Киева 1651 г. А. ван Вестерфельда, известной по копии конца XVIII в. Знатор исторической топографии древнего Киева Н.И. Петров определял постройку с отчетливо читающимися тремя шатровыми верхами, расположенную справа от Киевских ворот в начале спуска на Подол, как Десятинную церковь после перестройки Петра Могилы⁵². Исследователь рисунков А. ван Вестерфельда Я.И. Смирнов отмечал, что на панораме постройки Верхнего города изображены в сильном ракурсе, и иногда сложно быть уверенным в точной атрибуции той или иной церкви. Тем не менее, Я.И. Смирнов и позже Ф.Л. Эрнст принимали данную атрибуцию Н.И. Петрова⁵³. Ф.Л. Эрнст считал эту трехчастную композицию несомненным подражанием деревянным храмам. Возможно, могилянская церковь и имела подобный вид в 1651 г., но все три верха, в таком случае,

51 *Древнейший план города Киева 1638 года*. К., 1896. Табл. III. См. также: Голубев С.Т. О древнейшем плане города Киева 1638 г. *Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца*. Кн.12. К., 1898, 20–96.

52 Петров Н.И. Новооткрытый альбом видов и рисунков достопримечательностей Киева 1651 г., 444.

53 Смирнов Я.И. Рисунки Киева 1651 г., 434; Эрнст Ф.Л. Київська архітектура XVII віку, 148. Г.В. Алферова и В.А. Харламов, видимо по недоразумению или пользуясь неточной копией (литографией XIX в.), видели в этой постройке лишь два верха — шатровый над основным объемом и глава над притвором или звонницей (Алферова Г.В., Харламов В.А. *Киев во второй половине XVII века*. К., 1982, 20–21, 37).

являлись деревянными и два вскоре (кроме центрального) были утрачены. На гравюре Иннокентия Щирского «Тезис Обидовского» 1688–1691 гг. Десятинная церковь (подписанная) увенчана лишь одним верхом⁵⁴. На плане Ушакова 1695 г. церковь изображена достаточно четко, но с восточного фасада, что не дает возможности оценить количество глав. Хорошо видна граненая апсида храма и низкая северная пристройка, перекрытая на один скат⁵⁵.

На протяжении двух последних столетий рисунки могилянской церкви начала XIX в. репродуцировались множество раз. Мы обратились к первоисточникам, в том числе к недавно обнаруженным архивным рисункам, и попытались выявить оригинальные. Ниже перечислены рисунки фасадов церкви в порядке их появления и публикации (планы церкви не включены в этот список, поскольку различий между ними гораздо меньше).

№1. Чертеж южного фасада. Д.И. Иванов, 1810 г. (из альбома путешествия К.М. Бороздина, не опубликован)⁵⁶.

№2. Чертеж южного фасада. К.А. Лохвицкий, 1824 г.⁵⁷

№3. Чертеж южного фасада. К.А. Лохвицкий, 1824 г. (рис. 2)⁵⁸.

№4. Чертеж южного фасада. Н.Е. Ефимов, 1826 г. (рис. 12)⁵⁹.

№5. Чертеж западного фасада. Н.Е. Ефимов, 1826 г. (рис. 13)⁶⁰.

№6. Рисунок северного фасада (литография 1847 г.) (рис. 14)⁶¹.

№7. Рисунок северного фасада (литография 1857 г.)⁶².

№8. Рисунок греческой надписи. Решетинский, до 1820 г. (рис. 16)⁶³.

№9. «Остаток юго-западной стены, снятый с натуры в 1826 г.» (литография 1857 г.) (рис. 17)⁶⁴.

Отдельная группа рисунков представляет собой фиксацию только греческой надписи на фасаде могилянской церкви. Эти рисунки также важны для сравнительного анализа:

№10. Рисунок греческой надписи. З. Доленга-Ходаковский, 1818(?)⁶⁵.

54 Алфорова Г.В., Харламов В.А. *Киев во второй половине XVII века*, 25.

55 Алфорова Г.В., Харламов В.А. *Киев во второй половине XVII века*. Приложение, л. 13.

56 РНБ ОР. Ф. 550 (ОСРК) F-IV. 204. Рисунки и чертежи к путешествию по России К. Бороздина (1809–1810 гг.) Т. 3, л. 10. Вместе с изображением южного фасада в альбоме изображен план церкви и отдельно изображение частей греческой надписи.

57 НА ИА НАНУ. Ф. 13, д. 8. План фундаментных стен Свято-Десятинной церкви. 1824. Опубликовано: Ивакин Г.Ю., Иоаннисян О.М. Десятинная церковь: «старый взгляд» в новом освещении, таб. X, рис. 1.

58 *План первобытной*, Вклейка.

59 МЗМК. КП 44809. Рис. №45. Опубликовано: Архипова Е.И. Новые данные о резном декоре Десятинной церкви (рисунки Н.Е. Ефимова 1826 г.). *ΣΟΦΙΑ. Сборник статей по искусству Византии и Древней Руси в честь А.И. Комеча*. М., 2006. 38, рис. 4.45.

60 МЗМК. КП 44808. Рис. №36. Опубликовано: *Памятники архитектуры в дореволюционной России. Очерки истории архитектурной реставрации*. Под ред. А.С. Щенкова. М., 2002, 80.

61 Фундуклей И.И. *Обозрение Киева в отношении к древностям*. К., 1847. После 28, табл. 6.

62 *Галерея киевских достопримечательных видов и древностей*. Тетр. VII. К., 1857, табл. 2.

63 Берлинский М.Ф. *Краткое описание Киева, содержащее историческую перечень сего города*. СПб., 1820. Вклейка после с. 156. По Н.В. Закревскому, автором рисунка является Решетинский.

64 *Галерея киевских достопримечательных видов и древностей*. Тетр. VI. К., 1857, табл. 1. Переопубликован: Корзухина Г.Ф. К реконструкции, 79; Каргер М.К. *Древний Киев*. Т. 2, 16.

65 Карамзин Н.М. *История государства Российского в 12-ти томах*. Т. 1. М., 1989, 328.

№11. Рисунок греческой надписи. Н.В. Закревский, до 1836 г.⁶⁶**№12. Рисунок греческой надписи. Н.В. Закревский. 1840 г. (не опубликован)**⁶⁷.

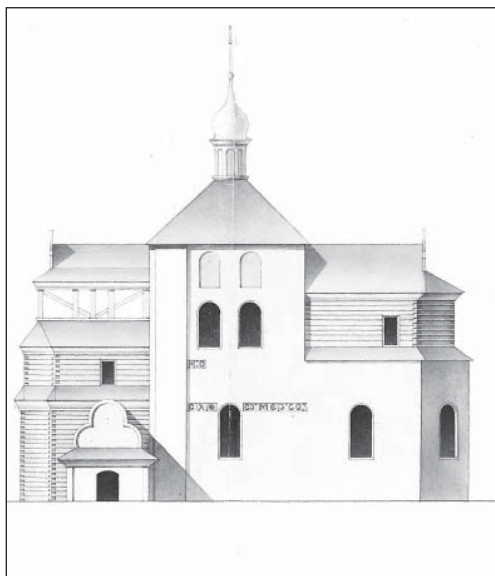
Рисунки южного фасада весьма схожи друг с другом. На них изображена двухъярусная трехчастная каменно-деревянная постройка. Центральная часть перекрыта на четыре ската с луковичной главкой на небольшом барабане. До уровня кровли стены покрыты штукатуркой, то есть состоят из каменной или кирпичной кладки. Западная грань центрального объема на всю высоту до кровли оформлена широкой пилястрой. В нижнем ярусе кладку прорезает один оконный проем с полуциркульным завершением, расположенный по центру объема. По линии зенита арки проема проходит пояс, сложенный из блоков с греческими литерами, 3 буквы слева от проема и 7 или 8 букв справа. Несколько выше располагается блок с еще двумя литерами, впритык к грани пилястры. Еще выше расположены два оконных проема с полуциркульным завершением, симметрично относительно центральной оси окна нижнего яруса. В третьем ярусе аналогично расположены две плоские ниши, несколько меньшие по высоте, тоже с полуциркульным завершением. Оштукатуренная поверхность восточной части вдвое ниже центральной, и прорезана одним оконным проемом с полуциркульным завершением, аналогичным проему центральной части по высоте и завершению. На востоке эта часть оформлена скосом грани апсиды с еще одним таким же по высоте оконным проемом. Во втором ярусе эта часть имеет деревянную надстройку с двускатной кровлей. Небольшой проем расположен восточнее оси оконного проема нижнего яруса. С востока деревянная надстройка завершается апсидой, повторяющей очертания каменной апсиды нижнего яруса. Западная часть представлена полностью деревянной пристройкой, разделенной на три яруса. Скат кровли первого яруса расположен на уровне чуть выше пояса с греческой надписью, второго яруса — на уровне нижнего обреза второго яруса окон центральной части, двускатная кровля третьего, открытого, яруса с балками для колоколов совпадает с кровлей второго яруса восточной части. Входом в деревянную западную часть служит небольшой притвор с юга, оформленный трехлопастным фронтоном.

Рисунки отличаются в изображении мелких деталей, которые позволяют проследить зависимость одних рисунков от других и выявить более достоверные варианты. На рисунке Д.И. Иванова (№ 1) отсутствует западная деревянная пристройка с запада. Однако, известно, что западная деревянная «трапеzia» была возведена уже к 1682 г., а, возможно, и еще раньше⁶⁸. Остается предполагать, что перед художником стояла задача изобразить лишь каменные, древнейшие части. При этом деревянная надстройка восточной части на рисунке представлена, ее отличие от оштукатуренной части подчеркнуто разделкой бревен. Проем в ней

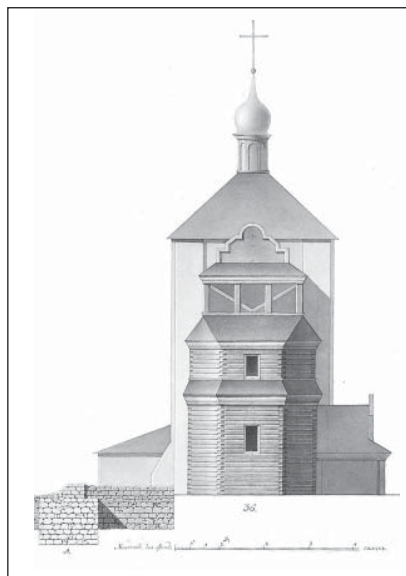
66 Закревский Н.В. *Очерк истории города Киева*. Ревель, 1836, табл. IV.

67 РНБ ОР. Ф. 550 (ОСРК) F-IV. 262. Закревский Н. *Летопись города Киева*. Ревель, 1840 (рукопись), 501, табл. 11, 2. Наконец, еще один рисунок греческих букв был выполнен Н.В. Закревским в 1864 г. со стен новой Десятинной церкви 1828–1842 гг. (Закревский Н.В. *Описание Киева*. Т. 3. *Приложение планов и рисунков*. М., 1868, л. 6.). За ненадобностью, мы его здесь не рассматриваем.

68 Эрнст Ф.Л. *Київська архітектура*, 153.

Рис. 12. Десятинная церковь митрополита Петра Могилы. Южный фасад. Н.Е.Ефимов, 1826 г. (МЗМК. КП 44809. Рис. № 45)

Рис. 13. Десятинная церковь митрополита Петра Могилы. Западный фасад. Н.Е.Ефимов, 1826 г. (МЗМК. КП 44808. Рис. №36)

Рис. 14. Десятинная церковь митрополита Петра Могилы. Северный фасад (Фундуклей, 1847, табл. 6)

показан прямоугольным. Окна второго и ниши третьего яруса, а также левая часть греческой надписи расположены довольно близко к пилястре.

На акварельном рисунке К.А. Лохвицкого 1824 г. (№ 2) западная пристройка и надстройка над восточной частью не имеют разделки бревен, но окрашены светло-серым фоном, в отличие от оштукатуренной части. Главное отличие от рисунка Д.И. Иванова заключается в широком вертикальном поле в центральной части здания, которое отделяет грань пилястры от окон. То же касается и левой части греческой надписи — между ней и пилястрой читается большой промежуток. Сами буквы не прорисованы, части надписи показаны тремя красными прямоугольниками. Проем в деревянной надстройке восточной части показан с полуциркульным завершением, изображен и еще один такой же проем в апсидной стенке надстройки, симметрично проему в первом ярусе. Луковичную главку центрального объема венчает крест, изображенный развернутым в три четверти. Гравюра, опубликованная в 1825 г. (№ 3), до деталей повторяет архивный рисунок 1824 г., и была сделана с его использованием (либо они восходят к общему источнику). Единственное отличие гравюры заключается в прорисовке греческих литер. С несущественными расхождениями это же изображение использовали в своих публикациях М.Ф. Берлинский (1830 г.) и Н.В. Закревский (1868 г.)⁶⁹.

Рисунок Н.Е. Ефимова (№4) имеет некоторые отличия от рисунка К.А. Лохвицкого и ближе к рисунку Д.И. Иванова: на нем изображена широкая пилястра, отсутствует широкое поле между пилястрой и окнами, левая часть греческой надписи расположена впритык к восточной грани лопатки. Деревянные части изображены с разделкой бревен и прямоугольными очертаниями проемов. Перекрестия креста, изображенного в профиль, не видно. Эти черты говорят либо о зависимости этого рисунка Н.Е. Ефимова от рисунка Д.И. Иванова (Н.Е. Ефимов вполне мог быть знаком с этим рисунком, и добавить на его копии недостающую западную часть), либо (что более вероятно) о большей близости обоих к оригиналу (вспомним о гораздо большей точности натурной фиксации памятника профессионального архитектора и художника Н.Е. Ефимова). Кроме этого, на рисунке Н.Е. Ефимова видим другое, более симметричное расположение балок в верхнем ярусе западной пристройки, более строгую трехлопастную форму «кокошника» над южным портиком западной деревянной пристройки и, что очень важно, дополнительный уступ к западу от лопатки (единственный случай изображения, возможно, свидетельствующий в пользу раскрепованной формы угловой лопатки). Интересно наблюдение Н.Е. Ефимова, которого больше нет

---

69 Берлинский М.Ф. О Десятинной церкви в Киеве. *Труды и летописи Общества истории и древностей российских при Московском университете*. Ч. V. Кн. I. М., 1830. Вклейка между с. 112 и 113; Закревский Н.В. *Описание Киева*. Т. 3, 6. Существует еще одна ранняя копия этого рисунка: цветной рисунок из материалов Н.Е. Ефимова (МЗМК. КП №47744) является явной копией чертежа К.А. Лохвицкого или гравюры 1825 г., повторяя их полностью до деталей, включая полумесяц под крестом, канаты от перекрестия креста к куполу и разворот креста в три четверти. Чисто декоративным прибавлением являются колокола в верхнем открытом ярусе деревянной пристройки. Неизвестно, с какого именно источника делался этот рисунок, но учитывая, что гравюра рисунка южного фасада (№3) уже была опубликована в 1825 г., вполне можно предположить, что акварельная копия была снята Н.Е. Ефимовым с публикации для работы.

ни на одном из рисунков — часть греческой надписи слева от окна разделена двумя дополнительными вертикальными штрихами между буквами, показывающими составной характер отрывка. Таким образом, мы имеем два или три независимых изображения южного фасада: Д.И. Иванова, К.А. Лохвицкого и Н.Е. Ефимова (последний мог частично использовать рисунок Д.И. Иванова).

Уникальным является рисунок западного фасада 1826 г. (№5), совмещенный с фасадом исследованных фундаментов древней Десятинной церкви. Разделка бревен западной пристройки и характер нанесения теней идентичен рисунку южного фасада (№4). Обе пилястры показаны раскрепованными, а лопатка на северной стене имеет в нижней части ясно различимый «контрфорс». Хорошо видна низкая северная пристройка к зданию, перекрытая на один скат⁷⁰.

Рисунок северного фасада, самым ранним опубликованным изображением которого является литография в книге И.И. Фундукля (1847 г.) (№6), несмотря на явно искаженные пропорции, в целом соответствует вышеописанным изображениям других фасадов. Привлекают внимание несколько деталей, видимых именно с этого ракурса. Правая, западная грань каменной части имеет выступ, наподобие лопатки, грубой кладки, от земли до самой кровли. Она совсем непохожа на гладкую пилястру на южном фасаде, а имеет вид как будто оборванной кладки. Северная пристройка-будка показана совсем низкой. На западном и восточном коньках хорошо различимы слегка развернутые трехлопастные кокошники. Изображены два дерева, из которых правое, несомненно, знаменитая сохранившаяся поныне липа. На заднем плане виден ряд куполов, которые относятся, очевидно, к Михайловскому Златоверхому монастырю. В комментариях к этому рисунку Я.И. Смирнов отмечал также «деревянную решетку слишком современного типа», доказывающую, по его мнению, что этот рисунок вряд ли относится к серии А. ван Вестерфельда 1651 г.⁷¹ Можно добавить, что и деревянные пристройки церкви, совершенно идентичные изображениям на других чертежах фасадов, появились не ранее второй половины XVII в. Все говорит о большой правдоподобности этого изображения. Вероятнее всего, оно действительно является литографией неизвестного рисунка могилянкой церкви, выполненного до ее разрушения.

Другая литография северного фасада могилянкой церкви опубликована в 1857 г. (№7) с подписью «Fabyainski 1857». Она практически во всех основных моментах повторяет литографию из издания И.И. Фундукля (№6). При этом ее исполнение находится явно на более высоком художественном уровне. Вместо куполов Михайловского монастыря за апсидой показаны заросли молодых деревьев. Липа обрублена и пускает новые побеги. На передний план рисунка помещена фигура женщины перед деревянным крестом. Северная пристройка изображена с прохудившейся крышей. Кокошники на коньках редуцированы до неузнаваемости. Несколько неожиданным является слегка стрельчатое завершение окошка во

70 Эта пристройка, показанная на планах Д.И. Иванова, К.А. Лохвицкого и Н.Е. Ефимова, находилась точно над тайником № 2, возможно, появившемся в XVII в. (исследован в ходе раскопок М.К. Каргера 1939 г. (Каргер М.К. *Археологические исследования древнего Киева. Отчеты и материалы (1938–1947 гг.)*. К., 1950, 112–118).

71 Смирнов Я.И. Рисунки Киева 1651 г., 434, прим. 1.

втором ярусе основного объема. Есть и одна деталь, которая могла бы свидетельствовать о характере каменной кладки — пояса камня в разрезе кладки лопатки и на фасаде стены (на это обратил внимание еще Ю.Б. Бирюков)⁷². Однако, к сожалению, нет никаких данных о том, являлась ли эта литография копией оригинального рисунка начала XIX в., или же была плодом «размышлений» на тему литографии у И.И. Фундукля. Поэтому мы будем осторожны в привлечении этих данных для характеристики архитектуры памятника.

На основании сравнительного анализа рассмотренных выше изображений можно обозначить некоторые важные для реконструкции церкви моменты. Самым существенным является наличие на всех рисунках широкой пилястры на западном крае южного фасада центрального объема, соответствующего западному пряслу внешней южной стены южной галереи церкви X в. Пилястра, следовательно, совпадает с мощным расширением фундамента юго-западного угла, устроенным в XII в. В контексте постройки XVII в. она выглядит достаточно странно. Сохранность ее на всю высоту позволяет предполагать, что в этой части кладки XII в. сохранились до самой кровли могилянской церкви. На это указывает и оборванная кладка с западной стороны северного фасада — остаток внешней западной стены в разрезе, сохранившийся также до самой кровли (№№6–7). Изображение западного и южного фасадов на чертежах Н.Е. Ефимова позволяет предполагать, что угловая лопатка была раскрепованной⁷³.

Оконные проемы первого яруса на южном фасаде одинаковы по оформлению и высоте. Как уже было показано, археологические материалы свидетельствуют о том, что кладки восточной части вместе с апсидой от самого уровня цоколя относятся к XVII в. Оконный проем в центральной части аналогичен по оформлению. Судя по его местоположению, он прорезал южную стену непосредственно над аркосольной нишей XII в. В своей верхней части оконный проем явно прорезает пояс, сложенный из блоков с греческими буквами⁷⁴. Поэтому есть основания предполагать, что этот проем поздний, пробитый уже в XVII в. Оконные проемы во втором ярусе и ниши в третьем ярусе, вероятно, относятся к сохранившемуся декору более раннего времени. Сочетание близко расположенных оконных проемов и плоских ниш можно видеть, например, на южном и северном фасадах нартекса церкви Спаса на Берестове, имеюще-

---

72 Использование поясов камня в кирпичной кладке (кладка *opus mixtum*) характерно для киевской архитектуры XI — начала XII в. (Михайловский собор Выдубецкого монастыря, Успенский собор Печерского монастыря, Михайловский Златоверхий собор). Однако, доверять литографии 1857 г. в этом отношении можно только предполагая, что при создании гравюры для издания И.И. Фундукля 10 годами ранее пользовались тем же оригинальным рисунком, но скопировали его неверно.

73 Это не отмечено на других рисунках фасадов и противоречит высказанному выше предположению о нераскрепованном характере угловой лопатки после ремонта, на который как будто указывает измененная форма углового фундаментного выступа XII в. В то же время, нельзя не доверять Н.Е. Ефимову, чей архитектурный глаз вряд ли мог ошибочно зафиксировать эту деталь. Раскрепованным показан юго-западный угол на всех планах Н.Е. Ефимова, а на планах К.А. Лохвицкого — раскрепованным с одним дополнительным уступом.

74 Если относить этот проем к XII в., надо предполагать декоративное использование блоков с надписью в уровне пят завершения проема. На наш взгляд, такое объяснение менее правдоподобно.

го, кстати, близкую ширину с рассматриваемым пряслем Десятинной церкви⁷⁵. На всех рисунках фасада отсутствует пилястра, которая сохранилась в нижних частях кладок и являлась южным закрестием крестчатого пилона X в. между первым и вторым (с запада) пролетами открытой южной галереи. Очевидно, что при ремонте XII в. эта лопатка должна была сохраниться. Вероятно, в XVII в. ее остатки, видимые над землей, были стесаны. Отсутствие хотя бы намек на эту лопатку (она должна была проходить между окнами первого яруса, приблизительно по оси сохранившейся восточной грани каменной части второго яруса центрального объема) не позволяет нам достоверно оценить композицию расположения оконных проемов на западном прясле стены. Если использовать для реконструкции рисунки Д.И. Иванова и Н.Е. Ефимова, на которых окна слева расположены близко к пилястре, то в правой части прясла остается место для еще одной пары. В таком случае композиция прясла оказывается совсем близкой северному и южному фасадам нартекса церкви Спаса на Берестове. Если же опираться на рисунки К.А. Лохвицкого с широким полем между пилястрой и окнами, для еще одной пары места нет (рис. 15). Греческая надпись, возможно, представляла собой сплошной декоративный фриз под оконными проемами⁷⁶. Вероятно, в XII в. блоки были уложены в этот пояс уже без соблюдения порядка надписи. Части надписи слева и справа от окна имели составной характер (левая часть состояла из трех разных блоков, правая — из двух или трех, причем у второго блока первая половина буквы «омега» была утрачена) и не читаются⁷⁷.

Мы отложили разбор еще нескольких изображений, достоверность которых, на наш взгляд, находится под вопросом. Так, рисунок (по Н.В. Закревскому, выполненный Решетинским), опубликованный М.Ф. Берлинским еще в 1820 г. (№9), имеет целый ряд несоответствий с уже рассмотренными. На рисунке изображены сохранившиеся фрагменты греческой надписи и оконные проемы центральной части южного фасада (рис. 16). Оконный проем нижнего яруса изображен с параболическим или сжатым стрельчатым завершением. Похожее завершение и у ниш третьего яруса, изображенных совсем миниатюрными и неглубокими. Окна второго яруса в 2–2,5 раза меньше нижнего окна и имеют лучковое завершение⁷⁸. Наконец, фрагмент надписи с литерами «Н:О» изображен не с левого края, а по центру, между окнами второго яруса и нижним окном.

Акварельный рисунок, иллюстрирующий рукописную «Летопись города Киева» Н.В. Закревского 1840 г. (№12), представляет собой точную копию рисунка Решетинского. Совпадают не только масштаб и взаиморасположение оконных проемов и

75 В церкви Спаса на Берестове ширина прясла южного фасада нартекса между лопатками — 4,2 м, с лопатками — 7,1 м. В Десятинной церкви (промер по фундаментам) ширина западного прясла южной стены между лопатками — 4,5 м, с лопатками — 8,40 м (с лопатками по реконструкции на период до ремонта XII в. — 7,85 м).

76 Н.В. Закревский указывает, что блоки находились на одной горизонтальной линии (Закревский Н.В. *Описание Киева*. Т.1, 284). Не исключено, что изначально было два фриза, поскольку известно, что часть букв была сбита в 1758 г. при реставрации церкви (Карамзин Н.М. *История государства Российского в 12-ти томах*. Т.1, 299–300, прим. 488).

77 Архипова Е.И. *Резной камень*, 26–28.

78 Впрочем, подобие лучкового завершения имеют окна второго яруса и на рисунке Д.И. Иванова.

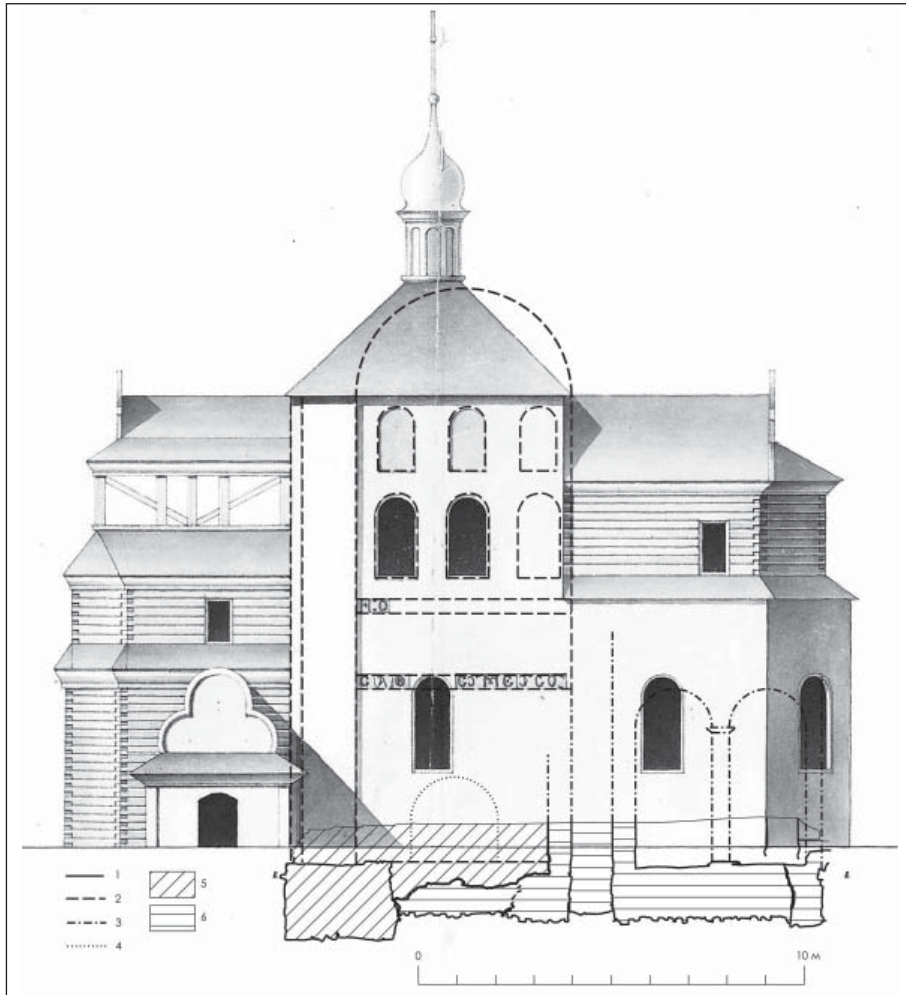

Рис. 15. Десятинная церковь. Гипотетическая реконструкция двух западных прясел южного фасада после ремонта первой трети XII в. (совмещенная с рисунком южного фасада могилянской церкви Н.Е.Ефимова). Условные обозначения: 1. границы объемов сохранившихся кладок фундаментов и стен; 2. реконструкция кладок XII в.; 3. реконструкция первоначальных кладок X в.; 4. контуры аркосольной ниши (в интерьере храма); 5. сохранившиеся кладки XII в.; 6. сохранившиеся кладки X в.

частей надписи, но и форма, характер завершения и откосов, рисунок решетки окон. Однако, по утверждению самого Н.В. Закревского, рисунок сделан им в 1828 г. еще до разрушения могилянской церкви⁷⁹. Вероятно, это утверждение относится лишь к изображению самих литер, которое отличается несколькими мелкими деталями

79 РНБ ОР. Ф. 550 (ОСРК). F-IV. 262. Закревский Н. *Летопись города Киева* (рукопись), 329.

Рис. 16. Рисунок греческой надписи. Решетинский, до 1820 г.

(менее выражены засечки букв, присутствует верхний фрагмент буквы в самом конце надписи, нанесена граница между блоками в правой части надписи), а сам рисунок окон полностью скопирован у М.Ф. Берлинского⁸⁰.

Предполагать, что между 1809 г. (чертеж из альбома Бороздина, №1) и 1820 г. (публикация М.Ф. Берлинского, №9) произошли перестройки могилянской церкви, изменившие местоположение одного из фрагментов надписи, а форму окон на стрельчатую⁸¹, довольно сложно, тем более, что фасадные чертежи К.А. Лохвицкого и Н.Е. Ефимова 1824–1826 гг. (№№2–4), рисунок З. Доленги-Ходаковского 1818(?) г. (№10) фиксируют картину, аналогичную акварели Д.И. Иванова (№1). Скорее всего, несоответствия рисунка Решетинского (№9) объясняются тем, что его автора интересовала, в первую очередь, сама надпись, а ее расположению на фасаде не придавалось особого значения. Поэтому верхний фрагмент надписи оказался симметрично расположенным в центре рисунка, а окна 2-го и ниши 3-го ярусов показаны не в масштабе, сильно уменьшенными и искаженными. Так и в более схематичном графическом рисунке, опубликованном Н.В. Закревским в 1836 г. (№11), ниши 3-го яруса вовсе не показаны, но

80 Существует и еще одна графическая копия, опубликованная Е.И. Архиповой без указания авторства (Архипова Е.И. *Резной камень*, 24, рис. 9). Е.И. Архипова позаимствовала этот рисунок из диссертации Л.Г. Ганзенко (*История реставрации древнерусской монументальной живописи на Украине в XVII–XIX вв. Канд. дисс. К.*, 1990. Т. II, 236, № 11 (НА РАРХ. Ф. II, оп. 1, д. 1251)). Документ, на который ссылается Л.Г. Ганзенко (РНБ ОР. Ф. IV, д. 246. Архитектурные материалы. Десятинная церковь, л. 3–4) при работе в соответствующем фонде не был нами обнаружен. Без сомнения, опубликованный рисунок представляет собой копию акварели Н.В. Закревского. Найдены лишь мелкие отличия: контурная, без засечек, прорисовка литер, более округлая форма «стрельчатого» завершения ниш, меньшее количество перекладин в решетках окон. Вместе с тем, на рисунке, использованном Л.Г. Ганзенко, есть те же мелкие детали надписи, которые отличают акварель Н.В. Закревского от рисунка Решетинского.

81 См.: Архипова Е.И. *Резной камень*, 25.

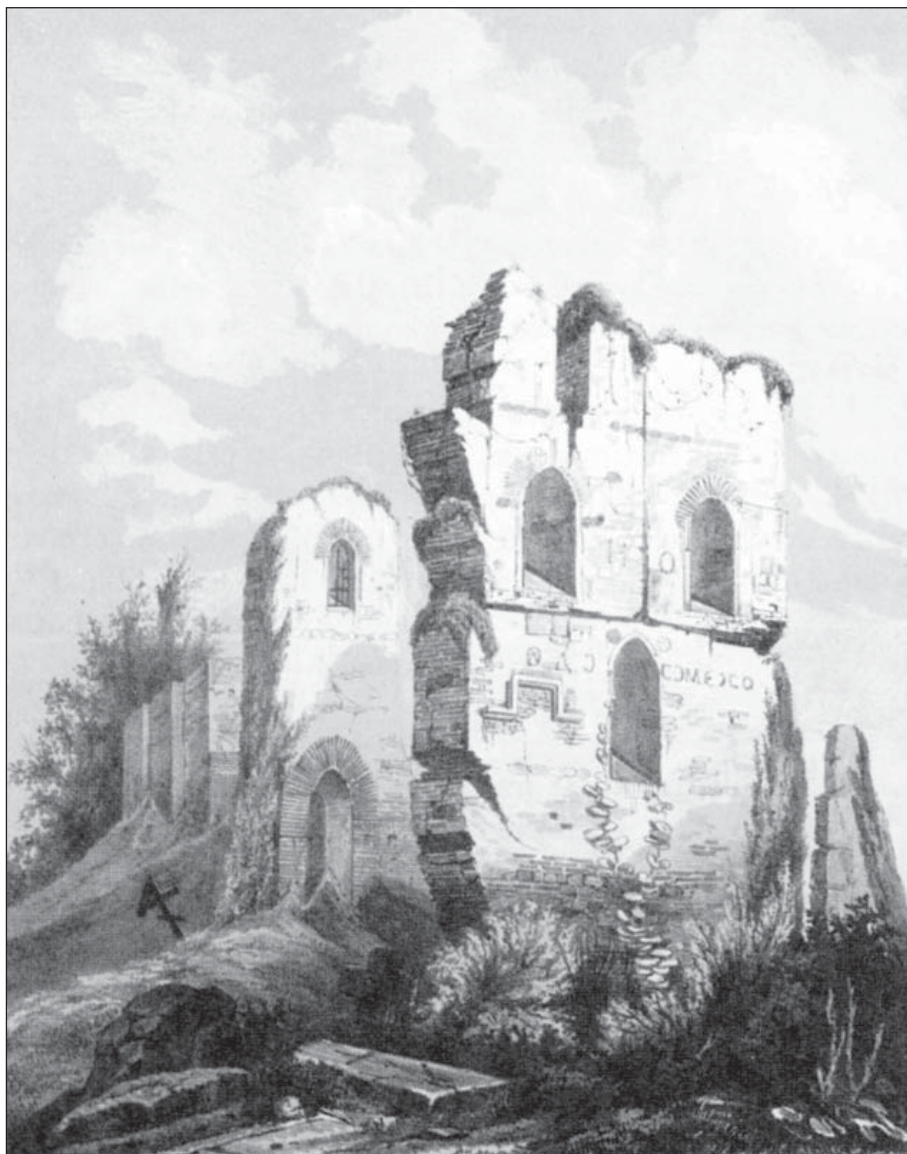

Рис. 17. «Остаток юго-западной стены, снятый с натуры в 1826 г.»
(литография 1857 г.)

фрагмент «Н:О» аналогичным образом размещен в центре, а окна второго яруса также несоразмерно малы и имеют лучковое завершение.

Несмотря на то, что рисунок Решетинского был выполнен еще до 1820 г., мы все-таки считаем более убедительными рисунки Д.И. Иванова, К.А. Лохвицкого

и Н.Е. Ефимова, изобразивших фасад полностью. Однако, рисунок Решетинского необходим нам для анализа еще одного рисунка, наиболее загадочного из всех.

Речь идет о рисунке, опубликованном в 1857 г. в «Галерее киевских достопримечательных видов и древностей» с подписью «Остаток юго-западной стены Десятинной церкви, созданной В.К. Владимиром, снятый с натуры в сентябре 1826 года» (№8, рис. 17). На рисунке изображены руины сооружения, имеющего как минимум две стены, сохранившиеся на большую высоту. Ближняя к зрителю стена имеет один оконный проем в первом ярусе и два во втором, расположенные симметрично относительно центральной оси нижнего окна. Все окна имеют стрельчатое завершение. Есть и нижняя часть окна третьего яруса, несколько смещенная вправо от оси левого окна второго яруса. Фрагменты греческой надписи размещены слева и справа от окна первого яруса, а также сверху от него, точно между окнами второго. Левая сторона этой стены имеет следы разрыва кладки и, возможно, следы начинающейся арки. Стена на втором плане имеет дверной проем в первом ярусе и оконный проем во втором, расположенные на одной оси. За этой стеной на заднем плане видна группа руин стен неясного направления, еще одна руина видна на заднем плане у правого края рисунка. Руины овеяны романтической аурой: покосившиеся кресты, каменные плиты гробниц, плющ, мох, заросли кустарника. На рисунке отмечено большое количество мелких деталей — кирпичи в арочных завершениях окон, трещины, облупившаяся штукатурка.

Достоверность этого рисунка была подвергнута сомнению еще в XIX в. Н.В. Закревский, приводя список известных изображений Десятинной церкви, отмечал, что это «какая-то фантазия»⁸². С.Т. Голубев также писал, что «это какое-то недоразумение: ничего подобного в действительности не было»⁸³. Е.Е. Голубинский считал, что «этот вид есть чье-то простое и не похвальное сочинение»⁸⁴. Наконец, Я.И. Смирнов тоже уделил внимание этому виду и отметил, что ему «не удалось доискаться происхождения рисунка»⁸⁵.

Эти замечания, однако, не помешали использовать «рисунок 1826 г.» для попыток реконструкции древней Десятинной церкви. Так, Г.Ф. Корзухина считала, что на рисунке изображен южный участок внешней западной стены, и пыталась доказать этим рисунком отсутствие открытой аркады с западной стороны древней церкви⁸⁶. В последнем был убежден и А.И. Комеч, считавший, что рисунок доказывает надстройку первоначально одноярусных галерей вторым ярусом⁸⁷.

82 Закревский Н.В. *Описание города Киева*. Т. 2, 921.

83 Голубев С.Т. *Киевский митрополит Петр Могила*, 429, прим. 41.

84 Голубинский Е.Е. *История русской церкви*. Т. 1, вторая половина. *Период киевский, или домонгольский*. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1904, 99.

85 Смирнов Я.И. *Рисунки Киева 1651 г.*, 486.

86 Корзухина Г.Ф. К реконструкции, 84–85.

87 Комеч А.И. *Древнерусское зодчество конца X — начала XII в. Византийское наследие и становление самостоятельной традиции*. М., 1987, 170–172. Комеч А.И. *Архитектура конца X — середины XI века. История русского искусства*. Т. 1: *Искусство Киевской Руси. IX — первая четверть XII века*. М., 2007, 124.

Наиболее подробно рисунок разобран Ю.Б. Бирюковым, считавшим его изображением южной стены.

В действительности же, рисунок имеет гораздо больше различий с уже рассмотренными рисунками южного фасада (не говоря уже о том, что атрибуция его как западного фасада является абсолютно невозможной). Главным отличием является отсутствие следов угловой пилястры. Вместо нее во втором ярусе мы видим начало арочной конструкции. Окна имеют стрельчатое, а не полуциркульное завершение. Гораздо сильнее разнесены относительно центральной оси окна второго яруса. Отсутствует правая ниша третьего яруса (на ее месте показана поверхность стены), а вместо левой показан оконный проем. Блок греческой надписи с буквами «Н:О» изображен не слева у пилястры, а высоко между окнами второго яруса. Часть надписи слева от окна нижнего яруса изображена зеркально.

Много вопросов вызывает сам запущенный облик руин. Предположить момент, когда могилянская церковь действительно выглядела таким образом, достаточно затруднительно. Еще осенью 1826 г. Н.Е. Ефимов тщательно зафиксировал ее в достаточно ухоженном состоянии (рис. 2.4), такой же предстает церковь и на изображении ее северного фасада. Ранее одним из авторов статьи была высказана версия о том, что рисунок отражает процесс разборки могилянской церкви при начале строительства нового храма в 1828 г.⁸⁸, но это все же не согласуется с отображенной сохранностью дополнительных групп руин и дверного проема в «северной» стене. Ю.Б. Бирюков предполагал, что рисунок был выполнен еще до перестройки митрополита Петра Могилы, а автором его является А. ван Вестерфельд⁸⁹. Даже если не учитывать ошибку Ю.Б. Бирюкова источниковедческого плана (о чем речь шла выше — прим. 23), известно, что серия рисунков Киева Вестерфельда была выполнена в 1651 г., когда «реставрация» Петра Могилы уже была завершена. Кроме того, рисунки 1651 г., насколько мы можем судить по их копиям конца XVIII в., имели совершенно другую стилистику и технику исполнения.

Возможны, конечно, и другие интерпретации. Запущенный вид руин и «готическую» форму окон, конечно, можно считать намеренным романтизирующим приемом художника начала XIX в. Зеркальное начертание греческой надписи можно было бы отнести на счет ошибки копииста-литографа. Но несоответствия и расхождения с достоверными чертежами и рисунками южного фасада, на наш взгляд, не дают возможности считать рисунок изображением реальной Десятинной церкви.

При обращении к самой первой публикации рисунка в «Галерее киевских древностей»⁹⁰ выяснилось, что литография сохранила подпись исполнителя, кото-

---

88 Ёлшин Д.Д. О рисунке 1826 г. Десятинной церкви в Киеве. *Искусство Древней Руси и стран византийского мира. Материалы научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения В.А. Булкина*. СПб., М., 2007, 229–231.

89 Бирюков Ю.Б. Из истории изучения, 225.

90 Часто репродуцируется гравюра Паннемокера 1884 г. (*Живописное обозрение*. 1884, №9), которая, без сомнения, является копией литографии из «Галереи киевских древностей» 1857 г. Гравюра Паннемокера выполнена несколько грубее, кроме того, по необъяснимым обстоятельствам, ни

рая теряется на всех последующих воспроизведениях рисунка. Эта подпись содержит фамилию и год: «Fabyanski 1857», почти аналогичную подписи литографии рисунка северного фасада, опубликованной в том же издании. Небольшое исследование позволило установить личность литографа, кратко упомянутую в словарях художников Э. Бенези, а также У. Тиме и Ф. Беккера. Эразм Рудольф Фабианский (1826–1892) был польским художником украинского происхождения, получившим образование в Петербургской академии художеств. В пору пребывания в Петербурге он проиллюстрировал знаменитый анатомический атлас профессора Пирогова. Впоследствии служил директором театров в Житомире и Киеве. В 1876 г. Э. Фабианский исполнил первую настенную роспись собора св. Юра во Львове. Впоследствии был широко известен как мастер городских пейзажей (альбомы акварельных видов Кжешовиц, Тенчина, Кракова)⁹¹. Киевские литографии Десятинной церкви представляют неизвестную донныне страницу деятельности художника⁹².

Мы не осмеливаемся предполагать, что вид «юго-западной стены Десятинной церкви» относится к творчеству самого Эразма Фабианского. Скорее всего, рисунок изображает руины, вообще не имеющие отношения к Десятинной церкви. Схематичное и неверное внесение на фасад греческой надписи скорее выдает желание исполнителя литографии (издателя?) выдать изображенные руины за достоверные древние остатки Десятинной церкви (на это же указывает и специальная подпись к рисунку, слишком настойчиво указывающая, что он «снят с натуры в сентябре 1826 г.»). Предполагаем, что на исходном рисунке греческая надпись просто отсутствовала. Можно попытаться восстановить и конкретный источник заимствования изображения греческой надписи. Только на рисунке Решетинского и его копиях часть надписи «Н:О» размещена точно над окном нижнего яруса.

Таким образом, «рисунок 1826 г.» не дает никакой объективной информации о каком-либо этапе существования Десятинной церкви, представляя при этом большой интерес с историографической точки зрения.

Комплексный анализ археологических материалов 1824, 1826, 1937–1939, 2005–2010 гг. позволил довольно точно определить масштаб и границы реставрационной деятельности Петра Могилы при перестройке руин Десятинной церкви. Большая часть новой церкви состояла из остатков стен юго-западного угла древнего храма, практически полностью перестроенных в ходе ремонта первой трети XII в. Анализ изображений могилянской церкви, выполненных в начале

один из оконных проемов не имеет и намека на стрельчатое завершение.

91 Benezit E., *Dictionnaire des Peintres, Sculpteurs, Dessinateurs et Graveurs*. Paris, 1976. V. 4, 237; *Allgemeines Lexikon der Bildenden Künstler von der Antike bis zur Gegenwart. Begründet von U. Thieme, F. Becker*. Bd. 11. Leipzig, 1915, 162. Благодарим за помощь заведующего Отделом эстампов Российской Национальной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина Е.В. Бархагову и сотрудника сектора гравюр Отдела западноевропейского изобразительного искусства Государственного Эрмитажа А.Н. Конева.

92 Кроме изображений Десятинной церкви, известна еще одна работа, связанная с киевскими древностями — рисунок с натуры гробницы Ярослава Мудрого в «Альбоме памятников и видов Киевской, Подольской и Волынской губерний» 1858 г. (Обольянинов Н. *Каталог русских иллюстрированных изданий 1725–1860 гг.* Т. 2. М., 1914–1915, 6).

XIX в., позволил не только подтвердить выводы, сделанные на археологическом материале, но и развить их. Вполне вероятно, что широкая угловая раскрепованная пилястра, фриз с блоками греческой надписи, окна второго яруса и ниши третьего яруса относятся к декору фасадов юго-западного угла XII в. Восточная часть могилянской церкви вместе с апсидой, а также оконные проемы первого яруса относятся к реставрации XVII в. Проведенный анализ позволяет считать, что анонимный «рисунок с натуры 1826 г.» и рисунок греческой надписи в исполнении Решетинского следует подвергнуть сомнению и не использовать при реконструкции внешнего облика Десятинной церкви.

Государственный Эрмитаж
Институт археології НАН України

ДИСКУСІЇ

Тимур Бобровский

Бреши в корпусе (заметки о монографии В.В. Корниенко «Корпус графіті Софії Київської»)

Граффити Софии Киевской — замечательный комплекс средневековых эпиграфических памятников, многочисленность которых обусловлена исключительной по величине площадью сохранившихся древних фресковых росписей. Софийские граффити изучались Б.А. Рыбаковым и С.А. Высоцким, издавшим во второй половине прошлого столетия свыше 300 надписей и рисунков, происходящих из собора¹. С 2006 г. работу по их выявлению, фиксации и публикации продолжил сотрудник Национального заповедника «София Киевская» В.В. Корниенко. Итогом его исследований стали многочисленные статьи и сообщения в научных и популярных изданиях, а также первая часть «Корпуса граффити Софии Киевской», увидевшая свет весной 2010 г. (далее — *Корпус*)².

Корпус представляет собой монографию объемом 464 стр. (с иллюстрациями), содержащую описание и интерпретации 482 надписей и рисунков, выполненных на стенах Георгиевского придела Софийского собора и зафиксированных В.В. Корниенко в период с 2006 по 2009 гг.³

На фоне гораздо меньшего числа граффити, изданных С.А. Высоцким по результатам двадцатипятилетнего целенаправленного труда, объем работы, осуществленной издателем *Корпуса*, впечатляет⁴. Следовало бы предположить, что исследователь пользовался качественно иной методикой изучения средневековой эпиграфики, нежели его предшественник, что и позволило ему гораздо эф-

---

1 Рыбаков Б.А. *Русские датированные надписи XI–XIV вв.* / Свод археологических источников (вып. Е-144). М., 1964; Высоцкий С.А. *Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв.* К., 1966; Высоцкий С.А. *Средневековые надписи Софии Киевской.* К., 1976; Высоцкий С.А. *Киевские граффити XI–XVII вв.* К., 1985.

2 Корниенко В.В. *Корпус графіті Софії Київської. Частина 1: Приділ св. Георгія Великомученика.* К., 2010.

3 «Корпус» прошел научное рецензирование, причем, рецензентами работы стали три доктора исторических наук и один — филологических. Также монография рекомендована к печати решениями двух ученых советов — Национального заповедника «София Киевская» и Института украинской археографии и источниковедения им. М.С. Грушевского НАН Украины.

4 В интервью, даваемых В.В. Корниенко средствам массовой информации, указывается, что за 4 года исследований в соборе было зафиксировано около 2500 граффити, что в 6 раз больше суммарного количества надписей, обработанных С.А. Высоцким с 1957 по 1985 гг.

фективной фиксировать и обрабатывать софийские граффити. Правда, сам издатель настаивает, что придерживался методики С.А. Высоцкого без какого-либо ее существенного изменения, кроме использования «более совершенных технических средств»⁵. Очевидная несопоставимость объемов исследований, осуществленных С.А. Высоцким и В.В. Корниенко по единой методике, способна породить сомнение в качестве результатов новейших работ. Впрочем, не будем торопиться с выводами, а обратимся к содержанию монографии и попробуем оценить опубликованные материалы, исходя из объективности фиксации эпиграфических памятников, аргументированности их прочтения, интерпретации и датировки, наконец, адекватности и полноты публикации⁶.

Прежде всего, рассмотрим использованную В.В. Корниенко методику натурной фиксации древних надписей и рисунков. Применительно к граффити наиболее объективным методом фиксации вплоть до недавнего времени считалось изготовление эстампажей⁷, но он мало пригоден в случае фиксации эпиграфических памятников, выполненных на фресках, поскольку может привести к повреждению красочного слоя. Осознавая эту опасность, С.А. Высоцкий предложил фиксировать софийские граффити бесконтактно, фотографируя их и выполняя прорисовки по фотоотпечаткам. Именно этот метод в настоящее время получил широкое распространение среди восточноевропейских эпиграфистов⁸. По сути, этим же методом пользуется и В.В. Корниенко, чаще всего прибегаем к нему и мы⁹.

Однако основным недостатком методики изготовления прорисовок по фотографиям является высокая степень риска личностного вмешательства исследователя, приводящая к тому, что еще на стадии документирования проявляются элементы авторской интерпретации, нередко ведущие к субъективным искажениям прорисовок. Очевидно, что сведение этих искажений к минимуму является первоочередной задачей исследователя, располагающего для этого определенными возможностями.

5 Корниенко В.В. *Корпус граффіті*, 4–5. Под «совершенными техническими средствами», надо полагать, подразумеваются цифровая фотоаппаратура и компьютер, которые действительно способны существенно оптимизировать обработку фотоизображений, но никоим образом не могут влиять на результативность исследовательского процесса.

6 Для автора данной критической заметки эпиграфика не является основной областью научных интересов. Однако в ходе археологических исследований древних подземных сооружений Киева и его округа нам неоднократно приходилось фиксировать надписи и рисунки, сохранившиеся на стенах подземелий. Предварительно некоторые из них были опубликованы (Бобровський Т.А. Давньоруські епітафії зі Звіринецьких печер у Києві. *Біографічна некрополістика в контексті сучасної історичної науки: Джерела та результати досліджень*. К., 2002, 58–64; Бобровський Т.А. *Підземні споруди Києва від найдавніших часів до середини XIX ст. (спелеоархеологічний нарис)*. К., 2007, 53, 55, 63–64, 86–87, 175, рис. 58), хотя большая часть находок, ввиду их небольшого числа (например, свод граффити Ближних пещер Киево-Печерской лавры насчитывает свыше 200 надписей), еще только готовится к печати. В ходе натуральных исследований нами накоплен определенный опыт в вопросах фиксации и интерпретации древних надписей, с позиций которого мы и пытаемся здесь анализировать материалы, изданные В.В. Корниенко.

7 Овчаров Н. Рисунки-граффити из Новгорода (XII–XV вв.). *Slavia Antiqua*. Т. XXXVII. 1996, 181.

8 Медынцева А.А., Попконстантинов К.К. *Надписи из Круглой церкви в Преславе*. София, 1985, 8–9.

9 Фиксация граффити на стенах пещер, выполненных в мягких суглинковых породах, сродни фиксации надписей на фресках и требует применения бесконтактного метода документирования.

Прежде всего, важной является организация освещенности поля граффито, мелкие детали которого могут обнаруживаться при изменении угла подсветки¹⁰. Наш опыт показывает, что наиболее полную информацию, касающуюся характера врезанных или процарапанных линий, дает поочередное фотографирование с соответственно изменяющимся угловым освещением надписи (оптимально — с четырех разных сторон). Использование цифровых камер и компьютерных программ по редактированию графики, позволяющих совмещать несколько фотографий, способствует получению наиболее точного изображения надписи со всеми ее деталями и особенностями (характер петель, засечек и т.п.), по которому и следует выполнять прорисовку¹¹.

К сожалению, В.В. Корниенко не указывает, использовался ли им при фиксации софийских граффити данный прием. Похоже, что издатель *Корпуса* выполнял прорисовки лишь по фотографиям с максимально эффектной освещенностью, однако, в этом случае с уверенностью можно прогнозировать существенное искажение их облика уже на стадии фиксации. Кроме того, В.В. Корниенко не разъясняет, какими средствами осуществлялась коррекция неизбежных оптических (линзовых) искажений, что также является необходимым для получения максимально точного отображения надписей на их прорисовках¹².

Следует отметить, что, как правило, прорисовка, выполненная с учетом упомянутых нюансов, получается весьма точной и визуально не отличима от оригинала. С другой стороны, любое вмешательство в прорисовку, выполненное не на основании задокументированного фотографией состояния, зависит от субъективного восприятия надписи и тем самым снижает достоверность самой прорисовки.

Однако В.В. Корниенко утверждает, что

на фотографии не всегда заметны все детали надписи или рисунка, а в некоторых случаях повреждения и рельеф поверхности штукатурки могут исказить внешний вид отдельных знаков. К тому же только по ней трудно отличить мелкие выбоины, царапины или «гнезда» добавленной в штукатурку соломы от прорезей, которые нередко закрыты шпаклевкой или слабо расширены от нее¹³.

10 Об этом см.: Медынцева А.А., Попконстантинов К.К. *Надписи из Круглой церкви*, 9.

11 Для публикации совмещенные снимки, естественно, не подходят. В этом случае выполняется обычная документальная съемка надписи с освещением, наиболее контрастно ее представляющим. Использование В.В. Корниенко источника рассеянного освещения для изготовления публикационных фотографий малоэффективно из-за полиграфических ограничений при репродуцировании слабоконтрастных снимков.

12 Например, нами с этой целью выполняется панорамная съемка надписей с 50% наложением кадров. В ходе монтажа полученных изображений отсекаются края монтируемых кадров, что позволяет избежать оптических искажений. Существуют и другие методы, в частности, специальные компьютерные программы, применяемые в фотометрии. По-видимому, этот аспект никак не учитывался исследователем, а соответственно, в выполненных В.В. Корниенко прорисовках присутствуют некоторые искажения краев изображений (они, как правило, несущественны, но иногда могут влиять на конфигурацию знаков).

13 Корнієнко В.В. *Корпус графіті*, 5. Здесь и далее цитаты из *Корпуса* переведены с украинского языка – подстрочно и с сохранением авторской пунктуации.

В этом случае издателем *Корпуса* предлагается корректировать прорисовку контуров граффито на основании результатов дополнительного натурного обследования оригинала, что, по сути, неизбежно приводит к субъективизации прорисовки.

В этой связи немаловажно и то, что именно следует отображать на прорисовках. В.В. Корниенко полагает, что выщербины и штрихи необходимо прорисовывать лишь в тех случаях, когда они соприкасаются с элементами граффити, которые, как несложно понять, определяются исследователем по собственному разумению. Мы же убеждены, что залогом объективности прорисовки, документирующей состояние граффито, является фиксация всех без исключения элементов рельефа поверхности стены в пределах его поля¹⁴.

Субъективная «очистка» прорисовок, осуществляемая издателем *Корпуса*, приводит к значительным искажениям фиксационного материала, как это видно на примере целого ряда опубликованных граффити:

— в гр. № 2 пропущена плохо сохранившаяся буква под титлом в конце надписи, видимая на фотографии и прорисовке, приведенной С.А. Высоцким¹⁵;

— в гр. № 795 пропущены одна или несколько букв в нижней строке¹⁶;

— в гр. № 969 сомнительной является реконструкция слова *нико[ла]*, поскольку *ко* расположено над *ни*, образуя верхнюю строку, имеющую продолжение в два знака, видимых на фотографии, но не отображенных на прорисовке¹⁷;

— в гр. № 1150 пропущен целый ряд штрихов во второй строке надписи¹⁸.

Кроме того, в ряде случаев наблюдается искажение в прорисовках отдельных букв либо их важных элементов:

— пропущены несомненные точки над *ї* на прорисовке гр. № 2¹⁹;

— на прорисовке гр. № 735 *р* изображена с округлой петлей, хотя на фотографии отчетливо прослеживается форма петли углом вниз, что существенно и с точки зрения полноты фиксации надписи, и с позиций ее палеографической датировки²⁰;

14 По нашему мнению, оптимальным было бы использование в публикациях трех изображений: одной документальной фотографии хорошего качества и двух прорисовок — полной и вычищенной (допустимым является вариант публикации полной прорисовки с выделенной на ней интерпретируемой частью).

15 *Новое в археологии Киева*. К., 1981, 391–392, рис. 165. Ср.: Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 12–13, табл. III-2.

16 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, табл. XXXVIII-3.

17 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 74, табл. CXV-2.

18 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, табл. CCXX-3.

19 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, табл. III-2. Отметим, что В.В. Корниенко вообще считает *ї* «случайным штрихом» (Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 14), несмотря на то, что другие исследователи (С.А. Высоцкий, В.Л. Янин, С.М. Михеев, А.Ю. Виноградов), изучавшие данное граффито, не сомневались в существовании здесь десятиричного «I» с двумя точками (*Новое в археологии*, 391, прим. 32; Михеев С.М., Виноградов А.Ю. Эпиграфические открытия и время строительства киевского Софийского собора. *Заснування Софійського собору в Києві: проблеми норвих датувань. Матеріали Круглого столу*. К., 2010, 19–20).

20 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, табл. IX-1.

— на этой же прорисовке неверно определено начертание а с длинной спинкой (на фотографии видно короткую спинку, накладывающуюся на остатки какого-то более раннего изображения)²¹;

— в гр. № 770 явное на фотографии е на прорисовке без каких-либо пояснений превращено в ь²².

Таким образом, методика, используемая В.В. Корниенко для фиксации граффити²³, предполагающая необходимость исследовательской правки — субъективного вмешательства в процесс документирования, — ставит под сомнение опубликованные им прорисовки, по крайней мере, те, которые не имеют качественного фотодуближа²⁴. Впрочем, произвольность обращения с первоисточниками, отстаиваемая издателем *Корпуса*, прослеживается и на дальнейших этапах исследования — при чтении, интерпретации и датировке софийских надписей.

Сам принцип, по которому исследователь осуществляет чтение зафиксированных граффити, остается загадкой. Поскольку лингвистический анализ вообще не входит в инструментарий издателя *Корпуса*, можно было бы предположить, что их прочтение осуществлялось по наитию, основанному на базовых знаниях и опыте работы. Однако у В.В. Корниенко нет ни того, ни другого: до 2006 г. он никогда не занимался изучением древнерусской эпиграфики, не был даже специалистом в области истории или археологии Древней Руси. Вследствие этого в монографии наблюдается немало неоправданных с лингвистической точки зрения текстовых реконструкций. Оставляя эти ошибки на усмотрение профессионалов, укажем лишь на несколько очевидных примеров.

О недопустимости реконструкции слова *златѣи* в значении прилагательного женского рода в гр. № 1 сообщалось и ранее²⁵, однако, невразумительным в данной надписи является также прочтение слова *дѣни*, ни смыслово, ни падежно не согласующегося с другими членами этого предложения²⁶.

Кроме того, неосведомленность в вопросах церковнославянской грамматики не позволила В.В. Корниенко корректно реконструировать формулу поминальных надписей (в частности, гр. № 155)²⁷: *ѣи помини дѣшѣ раба своего...*, ведь

21 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, табл. IX-1.

22 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, табл. XXV-2.

23 Между прочим, при фиксации группы надписей, находящихся в пределах целостной поверхности, следует не только определять координаты расположения каждого в отдельности граффито, но и составлять схему их взаимного расположения на стене. Координаты надписей необходимо вычислять не от их «условной средней точки», как предлагает В.В. Корниенко (Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 7), а от точки, имеющей реальное физическое воплощение. Это может быть любая крайняя точка первой или последней буквы верхней или нижней строки надписи (либо же — наиболее хорошо сохранившейся строки); в любом случае она должна быть константной и легко находимой на поверхности.

24 В монографии более половины фотографий — низкого качества или абсолютно бракованных, что, соответственно, не дает возможности проверить достоверность прорисовок.

25 Рождественская Т.В. О сомнительных реконструкциях при чтении софийских граффити. *Заснування Софійського собору в Києві: проблеми нових датувань. Матеріали Круглого столу*. К., 2010, 26.

26 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 11, 400. Смысл имело бы: «в день/дни Пасхи», но тогда оно и читалось бы соответственно о *дѣни пасцы* или о *дѣнехъ пасцы*, т.е. согласовывая предложный и родительный падежи.

27 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 359.

именно слово душа в винительном падеже обуславливает родительный падеж связанных с ним имен поминаемых²⁸.

В ряде случаев исследователь читает надписи, игнорируя знаки, присутствующие в их тексте и даже отображенные на прорисовках, например:

— в третьей строке гр. № 861 вместо отчетливо видимого на фотографии и прорисовке слова *когѡуѣк* предлагается читать *когѡуѣк*, безосновательно пропуская *ѣ*²⁹;

— неверно прочитано первое слово гр. № 1013, в прорисовке которого отчетливо прослеживается *терѣтѣи* (т.е. «Терентий») с типичной для позднего средневековья надстрочной *и* и сокращением окончания)³⁰.

Следует отметить еще один аспект чтения древних граффити, предлагаемого В.В. Корниенко: нередко им (произвольно и без необходимых пояснений) объединяются в единые надписи фрагменты граффити, имеющие видимые различия в параметрах начертания — размере букв, наклоне строк и т.п. В частности, существенные (полутора-, двухкратные) отличия в параметрах букв наблюдаются в разных словах гр. №№ 1, 758, 799, 1133, 1143 и др.³¹

Не менее сложная ситуация складывается и с интерпретацией содержания граффити, которую предлагается осуществлять

*в контексте функционального назначения помещения, в котором они возникли, а также средневекового церковно-теологического и символического толкования образных архитектурно-художественных форм, с которыми надписи и рисунки связаны в топографическом и смысловом аспектах*³².

По нашему мнению, в вышеприведенной цитате мотивируется допустимость абсолютно произвольной трактовки содержания и смысла эпиграфических материалов, поскольку и функциональное назначение помещений, и символика средневековых архитектурно-художественных форм могут сами по себе иметь широкий диапазон толкований.

Чрезвычайно субъективным представляется и стремление «установить семантику той или иной надписи или рисунка, определить возможные мотивационные факторы, побуждавшие их авторов оставлять их на стенах храма»³³.

Наглядней всего это прослеживается на примере гр. № 12, которое В.В. Корниенко интерпретирует как «запись 1147 г. о смерти князя Игоря Ольговича»³⁴. О сомнительности предложенной интерпретации этой надписи уже сообща-

28 Наиболее полно такая формула поминальных надписей XII–XIII вв. представлена в эпиграфических памятниках Зверинецких пещер в Киеве (см.: Бобровский Т.А. *Давньоруські епітафії*, 58–64).

29 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, табл. LXVII. Кстати, в этой же надписи, вместо *(в)оскоуѡуѡуѡ* логичней предполагать *(пр)оскоуѡуѡуѡ*, тем более, что на фотографии перекладина не просматривается достаточно отчетливо.

30 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, 89, табл. CXLV.

31 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, табл. III-1, XIX-2, XLI-1, CCXIII-1, CCXVIII-1.

32 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, 4.

33 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, 8.

34 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, 415–419.

лось³⁵, однако, здесь нам хотелось бы подробнее рассмотреть механизм сооружения конструкции, которую издатель *Корпуса* предлагает считать доказательной:

— прежде всего, на основании отклонения от традиционной формулы записи о смерти и погребении делается допущение, что персонаж надписи имел княжеский титул (в качестве аналогии приводится запись о смерти Ярослава Мудрого, где также наблюдается отклонение от традиционной формулы, хотя и совершенно другого характера)³⁶;

— далее допускается, что имя князя в надписи не названо в связи с «осознанием возможного негативного восприятия появления в соборе граффити с именем именно этой личности»³⁷;

— на основании этих двух допущений, а также схожести с числами летописной даты (ср.: 19–20 октября в граффито и 19–20 сентября в летописи), делается вывод о том, что в надписи упомянут Игорь Ольгович, убитый киевлянами в 1147 г.;

— следующее допущение — отнесение к данному граффито приписки с именем Петр, якобы намеренно опущенным автором надписи³⁸;

— поскольку в синодиках указывается, что крестильное и монашеское имена Игоря Ольговича были, соответственно, Георгий и Гавриил, делается очередное допущение, что Петр было «тайным молитвенным именем» князя³⁹;

— на основании всех указанных допущений делается вывод, что летописец намеренно искажил даты смерти и погребения «Петра», дабы, перенеся их с воскресенья–понедельника 19–20 октября на пятницу–субботу 19–20 сентября 1147 г., подчеркнуть мученический характер кончины князя⁴⁰.

Как видим, реальным является лишь совпадение чисел 19 и 20 в эпиграфическом и нарративном источниках; все остальное — крестильное и монашеское имена князя, месяцы и дни недели — разнятся. Однако это отнюдь не мешает В.В. Корниенко даже не предполагать, а утверждать, что «мы имеем все основания для отождествления упомянутого в граффити № 12 Петра с киевским князем Игорем Ольговичем», поскольку «благодаря исследованию надписи удалось уточнить дату смерти князя, определить его крестильное и молитвенное имена, а также четко установить дату выщарапывания самого граффити, отнеся ее к 1147 году»⁴¹. Таким образом, нагромождение допущений превращается в «установленный факт».

Тот же самый принцип, не имеющий ничего общего с научной аргументацией, применен издателем *Корпуса* и по отношению ряда других надписей Георгиевского придела (например, в гр. №№ 1, 11, 758, 861, 1092)⁴². При этом для придания весомости реконструкциям В.В. Корниенко широко использует

35 Жарких М.І. Що можна і чого не можна дізнатись про Київську Русь? *Заснування Софійського собору в Києві: проблеми нових датувань Матеріали Круглого столу*, 68–70.

36 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, 415–416.

37 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, 415.

38 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, 415.

39 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, 417–418.

40 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, 417.

41 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, 418.

42 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, 9–11, 25–26, 55, 105–108, 113.

маловразумительные понятия собственного изобретения, как-то: «эсхатологический календарь», «универсальная и сакраментальная числовые субстанции», «сакральная целостность текста», «мистическая сердцевина граффити» и т.п.⁴³

В частности, по мнению исследователя, «неординарное написание» в гр. № 1 буквы т, якобы образованной слиянием трех букв г, числовая сумма которых дает 9 («предел» в трактовке В.В. Корниенко), «акцентирует скорое наступление Судного дня»⁴⁴. На самом деле (если следовать прорисовке издателя), здесь фиксируется совершенно обычного вида трехмачтовое т, позволяющее отнести данную часть надписи к позднесредневековому времени, что не согласуется с предложенной исследователем датировкой граффито 1022 г. и потому потребовало абсолютно надуманного привлечения «гематрической семантики»⁴⁵.

Не менее произвольной представляется реконструкция 7000 г. от сотворения мира (1492 г. от Р.Х.) в гр. № 758⁴⁶. Как и в случае с гр. № 1, здесь смешаны фрагменты двух различных граффито, для которых с целью их объединения придуман эсхатологический контекст, благодаря чему даже не предполагаются, а «уверенно восстанавливаются» несуществующие элементы надписи⁴⁷.

Также без малейшего сомнения издатель *Корпуса* берет на себя смелость реконструировать текст многострочной надписи (гр. № 746 из 18 букв) всего по шести сохранившимся знакам (точнее, по трем, поскольку остальные восстанавливаются лишь гипотетически): [п]о[м]о[з]и [р]а[б]о[у] [с]в[е]л[ю]т⁴⁸. Следует отметить, что на прилагаемой фотографии отчетливо прослеживается продолжение верхней строки с буквами к и р, а з имеет несоразмерные параметры с остальными буквами граффито⁴⁹.

Аналогично в гр. № 1100 шестистрочная надпись реконструируется по 10 разрозненным буквам: о [а]г[и]и [к]р[о]с [и]д[ан]нос [п]о[м]ил[у]и[т]е⁵⁰. Кроме всего прочего, эта реконструкция является маловероятной из-за смешения в ней двух языковых формул — славянской и греческой, что никак не объяснено издателем.

Кстати, субъективное восприятие граффити В.В. Корниенко, прослеживающееся, как упоминалось выше, еще на стадии их фиксации, приводит, в частности, к совершенно неоправданному прочтению даты на месте очевидного греческого текста в гр. № 720⁵¹. По-видимому, греческим является и гр. № 1160,

43 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 400–414.

44 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 10–11, 403.

45 Тем удивительней, что В.В. Корниенко отказался от чтения и интерпретации безусловно вразумительного гр. № 1072, имеющего явный символический подтекст: «триста и сорок четырежды свят» (Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 102, табл. CLXXVIII-1).

46 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 25–26, 408–409.

47 В то же время В.В. Корниенко называет «маловероятными гипотетическими допущениями» куда более обоснованные интерпретации своих предшественников относительно гр. №№ 15 и 214 (Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 361, 363).

48 В квадратные скобки нами заключены буквы, отсутствующие в прорисовке, а в круглые — реконструируемые по их остаткам.

49 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, табл. XIV-2.

50 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 115, табл. СХСVI.

51 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 15. Критику см.: Михеев С.М., Виноградов А.Ю. *Эпиграфические открытия*, 21.

интерпретированное В.В. Корниенко как кириллическое, хотя видимые на прописке знаки имеют отчетливое минускульное начертание⁵².

Список произвольно интерпретированных издателем граффити можно, увы, продолжать, однако, теперь мы хотели бы детальнее остановиться на вопросе датировки представленного в монографии материала, тем более что именно время создания той или иной надписи нередко играет ключевую роль в авторской интерпретации ее содержания.

Прежде всего, важно отметить, что для всех граффити Софийского собора, равно как и любого другого комплекса эпиграфических памятников, выполненных на фресковой живописи, *terminus ante quem* является время его росписи. В.В. Корниенко *a priori* считает таковыми 1014/1015–1018 гг., основываясь на предположении Н.Н. Никитенко, что собор был основан князем Владимиром Святославичем⁵³. В результате, для целого ряда надписей в качестве нижнего хронологического рубежа возникновения принимаются 10–20-е гг. XI в. Методологическая ошибочность такого подхода очевидна, поскольку во главу угла обоснования концепции Н.Н. Никитенко с недавних пор помещены именно граффити (в частности, гр. №№ 1, 2, 720 из Георгиевского придела)⁵⁴.

В качестве хронологических индикаторов В.В. Корниенко предлагает рассматривать форму каналов «прорезей», «стратиграфию» надписей, их «типологию» и палеографию⁵⁵. По поводу первого из этих признаков заметим, что использование «разорванности» краев штрихов в качестве хронологического признака⁵⁶ является целиком надуманным, поскольку зависит не от времени, а от разновидности инструмента, которым выполнялась та или иная надпись (стило, нож, игла и пр.). Поэтому даже среди древнерусских граффити встречаются надписи как с ровными, так и рваными краями (достаточно для примера сравнить начертания граффити №№ 15 и 724)⁵⁷. С другой стороны, требует объяснения факт сосуществования в пределах одной надписи букв с различными характерами линий, как, например, в гр. № 923, где *m* и частично *a* процарапаны по сухой штукатурке, а *p* — по сырой⁵⁸.

Также не менее проблематичным является использование для датировки т.н. «типологии» надписей, определяемой В.В. Корниенко по языковому признаку (точнее, по использованию различных письменных систем). Категоричное ограничение времени появления в соборе глаголических или латинских надписей,

52 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, 128, табл. ССХХV.

53 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, 7, прим.

54 Никитенко Н. Софії Київській — 1000 років і це не «вчена фікція», а історична реальність. *Час заснування Софії Київської. Пристрасті довкола мілленіума*. К., 2010, 30–31. Группа граффити с т.н. «ранними датами» требует отдельного рассмотрения, здесь же мы ограничимся замечанием, что практически все даты, обнаруженные В.В. Корниенко в соборе, являются сомнительными, однако, именно они и служат «доказательством» новой хронологии памятника, которая, в свою очередь, свидетельствует о «правильности» их прочтения.

55 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, 7–8.

56 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, 7.

57 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, табл. III-3, V-1.

58 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, табл. XCV-1.

граффити на греческом, армянском или каком-либо ином языке, актуальном в средние века, не может быть принято безоговорочно. В частности, глаголические тексты у славян бытовали и после XIII в.⁵⁹; известно также, что представители католического мира посещали Киев задолго до XVI в., а грекоязычное духовенство — много позже XIII в.

Далее, под «стратиграфией надписей» В.В. Корниенко понимает возможность «установить предшествование одного граффити [так в тексте — Т.Б.] другому»⁶⁰. Издатель *Корпуса* не раскрывает методику этого способа, но из контекста описаний отдельных граффити (например, №№ 141 и 141а, 12 и 1116)⁶¹, можно сделать вывод, что речь идет о выявлении «взаимодействия» соседствующих или накладывающихся друг на друга надписей, из чего и следуют выводы об их относительной хронологии. Этот весьма перспективный метод, к сожалению, используется издателем непоследовательно и без должной характеристики замеченного «взаимодействия». В частности, «стратиграфические наблюдения» почему-то не были проведены издателем относительно целого ряда «накладывающихся» граффити (например, гр. №№ 824, 911 и 912, 1089 и 1090, пр.)⁶².

Наконец, действительно важными хронологическими индикаторами для определения времени начертания софийских граффити являются их палеографические особенности. В.В. Корниенко часто и много использует данные кириллической палеографии, беря за основу, как классические труды Е.Ф. Карского и Л.В. Черепнина, так и новейшие разработки А.А. Зализняка⁶³. При этом, однако, издателем *Корпуса* почему-то используются не палеографические матрицы, разработанные на обширнейшем материале новгородских берестяных грамот, а лишь таблицы образцов начертания букв. Это свидетельствует о том, что В.В. Корниенко недостаточно внимательно ознакомился с методикой внестратиграфического датирования берестяных грамот, в основу которой положено не наблюдение за отдельными признаками, а сравнительный анализ всей их совокупности, для чего, собственно, и составляются палеографические матрицы⁶⁴.

59 Например, о глаголической приписке в *Зографской минее* середины XIV в. см.: Иванов И. *Български старини из Македонија*. София, 1970, 237.

60 Корниенко В.В. *Корпус графити*, 7.

61 Корниенко В.В. *Корпус графити*, 29–30, 119.

62 Корниенко В.В. *Корпус графити*, табл. LI-2, XC, CXCI. Для гр. № 824 В.В. Корниенко предложена, на наш взгляд, неверная интерпретация, строящаяся на множестве допущений (Корниенко В.В. *Корпус графити*, 48–49). Очевидно, в данной надписи произошло наложение двух граффити, одно из которых представлено рядом вертикальных черт, аналогичных «записям учета поминаний».

63 Корниенко В.В. *Корпус графити*, 7.

64 Зализняк А.А. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. Янин В.Л., Зализняк А.А. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.)*. Т. X. М., 2000, 134–250. Следует отметить, что «параметрический метод» в палеографическом анализе является достаточно простым в обращении исследовательским инструментом, прекрасно зарекомендовавшим себя не только применительно к новгородской эпиграфике. В частности, этот метод успешно используется специалистами при изучении кириллических граффити за пределами Новгорода: Зализняк А.А. К изучению древнерусских надписей. Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.)*. Т. XI. М., 2004, 233–287; Артамонов Ю., Гиппиус А., Зайцев И. Из древнерусской эпиграфики Константинопольской Софии. *Ruthenica*. Т. VIII. К., 2009, 227–243.

Пренебрежение издателя *Корпуса* указанной методикой, в конечном счете, сказывается на качестве осуществленного им палеографического датирования изданных граффити. Учитывая принципы параметрического метода, нами были проанализированы предложенные В.В. Корниенко датировки первой сотни граффити *Корпуса* (от № 1 до № 802). Обобщающие результаты этого анализа представлены в следующей таблице⁶⁵:

№№ гр.гр.	Датировка В.В. Корниенко	Датировка по палеографическим матрицам	Кол-во букв	Матрица в приложении
Граффити с достаточным количеством букв для палеографического анализа (более 10 знаков)				
1	1022	1120 — 1200	19	+
124	1175 — 1200	1240 — (1260 — 1300) — 1320	34	+
141	1160 — 1200	1140 — 1200	26	+
155	1175 — 1200	1240 — (1280 — 1300)	19	+
214	1170 — 1200	1140 — 1200	22	+
251	1200 — 1225	1280 — 1320	12	+
723	1030 — 1040	1100 — (1140 — 1200) — 1220	28	+
724	1030 — 1040	1280 — 1300	26	+
726	начало 1020-х	1140 — 1180	20	+
735	1125 — 1200	(1280 — 1320) — 1340	11	+
759	1125 — 1350	1320 — 1360	18	+
796	1125 — 1150	1280 — 1320	106	+
800	1125 — 1225	1025 — (1120 — 1240) — 1300	12	+
Граффити с ограниченным количеством букв для палеографического анализа (от 5 до 10 знаков)				
1a	начало 1020-х	1160 — 1260	8	—
2	1036	(1025 — 1220) — 1450	5	— ⁶⁶
15	1025 — 1125	1160 — (1200 — 1260)	9	+
125	1175 — 1200	1100 — (1140 — 1300) — 1450	6	—
126	1125 — 1225	1100 — 1200	10	— ⁶⁷
126a	1025 — 1225	1100 — 1200	5	—
127	1125 — 1225	1100 — 1200	10	+
251a	1025 — 1325	(1160 — 1220) — 1360	5	+
728	начало 1020-х	(1100 — 1200) — 1300	5	—

65 Абсолютные даты в данной таблице носят условный характер и даны для упрощения восприятия хронологических диапазонов (см. также: Зализняк А.А. *К изучению древнерусских надписей*, 239).

66 Палеографическая датировка соответствует текстовой дате данного граффито лишь при условии определения в нем буквы а на месте предполагаемой В.В. Корниенко д, поскольку «дельтаобразные» д появляются только в начале XII в. (Зализняк А.А. *Палеография берестяных грамот*, 221). Соответственно, неверной является и дата 1036 г., — здесь вероятнее следует читать 1033 г., как считают С.М. Михеев и А.Ю. Виноградов (Михеев С.М., Виноградов А.Ю. *Эпиграфические открытия*, 20).

67 Матрицы гр. №№ 126 и 127 аналогичны; отличаются лишь начертания буквы ү, принципиальные для датировки данных надписей. Из матриц обеих надписей исключено начертание ї «с пересечкой и засечками на мачте», имеющее датировку в пределах середины XIII — середины XV вв. (Зализняк А.А. *Палеография берестяных грамот*, 223).

729	начало 1020-х	1025 — 1120	10	— ⁶⁸
730	начало 1020-х	1025 — 1120	6	—
732	1025 — (1275 — 1325) — 1400	(1100 — 1200) — 1300	5	—
746	(1150 — 1325) — 1450	1240 — (1280 — 1340) — 1360	5	+
758	начало 1480-х	1160 — 1200 // 1280 — 1320	8	+
760	1125 — 1350	(1025 — 1280) — 1340	8	—
773	1250 — 1325	1380 — 1420	6	+
783	1025 — (1130 — 1225)	1025 — 1450	5	-
786	1125 — 1200	1100 — 1200	7	-
792	1150 — 1375	1160 — 1200	6	-
795	1325 — 1450	1320 — 1450	5	-
799	1300 — 1325	1320 — 1360	7	-

Граффити с недостаточным количеством букв для палеографического анализа
(менее 5 знаков)

№№ 124а, 141а, 720, 727, 731, 733, 734, 737, 741, 743, 744а, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 761, 762, 764, 767, 769, 770, 771, 772, 775, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 784, 785, 787, 788, 789, 793, 794

Граффити, не имеющие данных для проведения палеографического анализа
(рисунки и греческие надписи)

№№ 721, 722, 725, 736, 738, 739, 740, 742, 744, 745, 763, 765, 766, 768, 774, 776, 790, 791, 797, 798, 801, 802

Как видим, из 100 приведенных выше граффити 22 представлены рисунками и греческими надписями, не подлежащими палеографическому анализу, а 44-м недостает данных для проведения полноценного палеографического анализа. Из оставшихся — 23 датированы В.В. Корниенко неверно, и только для 10-ти предложенная издателем *Корпуса* датировка не противоречит их палеографии. Таким образом, лишь в трети случаев издатель *Корпуса* способен более-менее верно датировать надписи по их палеографическим признакам, что есть следствием использования устаревшего способа датирования «по отдельным выхваченным признакам», от чего особо предостерегает разработчик параметрического метода⁶⁹.

Еще одна характерная деталь — даже опираясь на отдельные признаки, В.В. Корниенко умудряется допускать досадные промахи в их датировании, например:

— в гр. № 757 ρ «с петлей углом вперед» следует датировать в пределах середины XII — середины XV вв., а не середины XII — последней четверти XIII в.⁷⁰;

— м «с провисающей петлей и вертикальными мачтами» получает распространение лишь в последней четверти XIII в., а потому не может обосновывать в гр. №№ 735, 759 датировку, начинающуюся со второй четверти XII в.⁷¹;

68 Решающим датировочным признаком в данном граффито является начертание буквы в «округлой петлей» (Зализняк А.А. *Палеография берестяных грамот*, 220).

69 Зализняк А.А. *К изучению древнерусских надписей*, 238.

70 Зализняк А.А. *Палеография берестяных грамот*, 225; Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 25.

71 Зализняк А.А. *Палеография берестяных грамот*, 224; Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 21, 26.

— в гр. № 770 — ь «с округлой петлей» бытует только до конца XII в., и не является нормой для последней четверти XIII в.⁷²;

— в гр. № 775 — «W-образная» w встречается с первой половины XI в., а не с начала XII в.⁷³;

— в гр. № 784 — ѡ «без боковых засечек» используется до XV в. включительно, а не до первой четверти XIII в.⁷⁴

Наряду с этим нередки случаи, когда в качестве датирующего признака издателем *Корпуса* используются графические модели, которые имеют очень широкие хронологические диапазоны, но одновременно игнорируются те, что существенно сужают датировку граффито. Например, В.В. Корниенко в гр. № 732 выбраны в качестве реперных модели букв м и з, хотя более информативными здесь являются модели буквы ѡ, собственно и определяющие его датировку⁷⁵.

С другой стороны, издатель *Корпуса* нередко использует для палеографической датировки такой признак, как «округлая нижняя петля у в»⁷⁶, совершенно игнорируя замечание А.А. Зализняка о том, что:

*...округлая нижняя петля у в ... не должна приниматься во внимание при установлении даты, поскольку у граффити эта особенность имеет иное хронологическое распределение, чем у берестяных грамот (а именно, она встречается не только в самый ранний период, но и существенно позднее)*⁷⁷.

В итоге, на основе неверно выполненных палеографических расчетов в ряде случаев издатель *Корпуса* осуществляет ошибочную интерпретацию и делает обобщающие выводы, также закономерно оказывающиеся неверными. В первую очередь это касается тех граффити, в которых обнаружены «записи дат», например:

— гр. № 1, якобы имеющее дату 1022 г., по палеографии может быть датировано в пределах второй четверти — конца XII в.⁷⁸;

— несопоставим с датой 1033 г. хронологический диапазон графических моделей в гр. № 720, определяемый в пределах начала XII — серединой XV вв.⁷⁹;

— совершенно казусным выглядит несоответствие палеографической датировки гр. № 758 в пределах второй половины XII в. или рубежа XIII — XIV вв. дате 1492 г., реконструируемой В.В. Корниенко в тексте этой надписи⁸⁰;

72 Зализняк А.А. *Палеография берестяных грамот*, 228; Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 31.

73 Зализняк А.А. *Палеография берестяных грамот*, 227; Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 31.

74 Зализняк А.А. *Палеография берестяных грамот*, 226; Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 34.

75 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 20, табл. VIII.

76 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 25, 40, 43, 45, 51, 60, 66, 113 (Гр. №№ 251, 750, 796, 804, 805, 841, 877, 878, 927, 1091).

77 Зализняк А.А. *К изучению древнерусских надписей*, 269–270.

78 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 9–11, 131, табл. III-1. Матрица этого граффито воспроизведена в приложении.

79 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 15, табл. IV-1. Здесь датирующей является модель буквы а «с выпуклой остроконечной петлей», появляющаяся лишь в начале XII в. (Зализняк А.А. *Палеография берестяных грамот*, 220).

80 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 25–26, табл. XIX-2. Матрица этого граффито воспроизведена в приложении.

— палеографический анализ гр. № 1092 не подтверждает его «контекстную» датировку началом 90-х гг. XI в. и, соответственно, связь с князем Ростиславом Всеволодовичем, поскольку в действительности надпись датируется в пределах середины — третей четверти XII в.⁸¹

То же самое касается и большинства граффити, относимых издателем *Корпуса* по «стратиграфическому принципу» к первой трети XI в. На самом деле, относительно этих надписей В.В. Корниенко вовсе не придерживался принципа «стратиграфии», т.е. наблюдения за реальным «взаимодействием» соседствующих надписей. Для них придуманы субъективные критерии — «явное тяготение» одной надписи к другой или «группировка» надписей вокруг одного граффито⁸². Из восьми таких надписей датировка лишь двух (гр. №№ 729, 730) в принципе не противоречит их палеографическим особенностям, остальные же (гр. №№ 1а, 723, 724, 726, 727, 728) не могут быть отнесены ко времени ранее начала — середины XII в.⁸³:

— для палеографической датировки гр. № 1а (по прорисовкам В.В. Корниенко) определяющими являются буквы «шириной в и» (середина XII — середина XV в.) и «с переломом хвоста» (вторая половина XII — середина XV вв.)⁸⁴;

— в гр. № 727, от которого сохранилось лишь три буквы, датирующими могут быть определены начертания «у» «с маленьким о» (вторая четверть XI — начало XIII вв.) и «У-образного» «у» (начало XII — середина XV вв.)⁸⁵;

— в гр. № 728 датирующими являются «с выступом вверху» и «з», «хвост которой мало выступает из строки» (начало XII — конец XIII вв.)⁸⁶.

Применение параметрического метода позволяет также подтвердить высказанное ранее предположение о спорности использования «форм каналов прорезей» для датировки граффити. По крайней мере, три надписи, отнесенные В.В. Корниенко к 1014–1015/1018 гг. из-за того, что они якобы выполнены по сырой штукатурке⁸⁷, датируются временем значительно более поздним, чем первая четверть XI в.:

— гр. № 970 может быть датировано в пределах первой половины — середины XV в., что определяется начертаниями букв и и н «с высокими перекаладинами» (начало XIV — середина XV вв.), а также «с удлинённой спинкой» (первая половина — середина XV в.)⁸⁸;

— гр. № 977 датируется второй половиной XII в.⁸⁹;

81 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 113, 414, табл. СХСIII-1. Матрица этого граффито воспроизведена в приложении.

82 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 16, 17, 18, 19 и др.

83 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 16–18, табл. IV-4, V-1, VI-1. Матрицы гр. №№ 723, 724 и 726 воспроизведены в приложении.

84 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 11–12, табл. III-1; Зализняк А.А. *Палеография берестяных грамот*, 222, 224.

85 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 18, табл. VI-2; Зализняк А.А. *Палеография берестяных грамот*, 225, 226.

86 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 18–19, табл. VI-3; Зализняк А.А. *Палеография берестяных грамот*, 222, 224.

87 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 74–76, табл. СХVI, СХХ, СХХI.

88 Зализняк А.А. *Палеография берестяных грамот*, 220, 223, 224.

89 Матрица этой надписи представлена в приложении.

— гр. № 978 датируется первой половиной XII в., поскольку в нем присутствует а «с выпуклой петлей» (начало XII — середина XV вв.)⁹⁰.

Кроме того, совершенно необоснованным является утверждение В.В. Корниенко о бытовании «записей учета поминаний» лишь до конца XIV в. со ссылкой на их палеографию⁹¹. Наши наблюдения за начертаниями букв, входящих в состав этих граффити, свидетельствуют, что, по крайней мере, некоторые из них могли возникнуть и позже, в частности:

— в пределах второй четверти XI — середины XV вв. датируются начертания букв в гр. №№ 734, 747, 748, 749, 753, 754, 755, 782, 783⁹²;

— в пределах первой половины XII — середины XV вв. датируются гр. №№ 752, 757, 767, 769, 785⁹³;

— в пределах второй половины XII — середины XV вв. датируются гр. №№ 743, 756⁹⁴;

— в пределах первой половины — середины XV в. датируются гр. №№ 751, 787⁹⁵.

Отслеживание фактологических ошибок В.В. Корниенко можно было бы продолжить и далее, однако, думается, что предложенная выше произвольная выборка красноречиво свидетельствует о степени достоверности результатов эпиграфических исследований издателя *Корпуса*.

Во-первых, мы убедились, что используемая В.В. Корниенко методика фиксации граффити уже на стадии изготовления прорисовки во многом зависит от личностного восприятия надписи исследователем. Это проявляется в изготовлении прорисовки по фотографии с наилучшей (по мнению исследователя) освещенностью граффито, сугубо субъективном «избавлении от лишних элементов» (сколов, трещин и т.п.), располагающихся в поле надписи, последующей визуальной корректировке прорисовки, базирующейся на личном видении ситуации исследователем.

Во-вторых, на стадии прочтения и интерпретации содержания надписи издатель *Корпуса* ориентируется на совершенно абстрактные и маловразумительные критерии, привлекая не столько разработки современных лингвистов, сколько заведомо недоказуемые данные типа «гематрических» расчетов. В виду этого, многие интерпретации носят произвольный и сомнительный характер, зачастую базируются на нагромождении авторских допущений. Более точны они лишь в случаях прочтения устойчивых грамматических формул, таких как «Господи, помоги...», «Господи, помилуй...» и т.п.

90 Зализняк А.А. *Палеография берестяных грамот*, 220.

91 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, 8.

92 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, табл. VIII-4, XV-1, XV-2, XV-3, XVII-2, XVII-3, XVIII-1, XXX-2, XXXI-1.

93 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, табл. XVII-1, XIX-1, XXIV-1, XXV-1, XXXII-1.

94 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, табл. XII-3, XVIII-2.

95 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, табл. XVI-2, XXXII-3. В гр. № 751 датирующими являются графические модели в «с двумя изломами нижней петли» и а «с удлиненной спинкой», а в гр. № 787 — к «с увеличенным верхом и длинной ножкой» (Зализняк А.А. *Палеография берестяных грамот*, 220, 221, 223).

В-третьих, абсолютно не выдерживает критики подход В.В. Корниенко к датировке надписей по их палеографическим признакам. Производя выборочный поиск сходных признаков и пренебрегая возможностями параметрического метода, издатель *Корпуса* добивается успеха лишь в трети случаев: объективные палеографические датировки граффити, полученные в результате составления датирующих матриц, отличаются от большинства предложенных В.В. Корниенко дат на несколько десятилетий и даже столетий.

Из этого, в частности, следуют казусные толкования, предложенные издателем *Корпуса* для группы граффити т.н. «эсхатологического календаря». Как показывает анализ гр. №№ 1, 2, 720 и 758, ни одна из «прочитанных» в них дат (1022, 1033, 1036 и 1492 гг.) в действительности не подтверждается их палеографией.

Далее, ни один из прочих предлагаемых В.В. Корниенко методов датирования граффити не может быть принят безусловно. В частности, «стратиграфический» метод, в случае верного его применения, фиксирует лишь относительную хронологию внутри отдельных групп надписей. Но используется он издателем *Корпуса* крайне бессистемно, а потому преимущественно безрезультатен. Метод же «типологии» представляется совершенно надуманным, поскольку не согласовывается с реальной исторической ситуацией. Кроме того, необъясненными остаются обстоятельства прекращения ведения учета поминальных молитв в соборе в конце XIV в., на чем также настаивает издатель *Корпуса*.

В итоге мы приближаемся к разгадке «феноменальной работоспособности» В.В. Корниенко, о которой речь шла в начале наших заметок. Анализируя вышеизложенные недочеты и несоответствия, мы можем констатировать, что, столкнувшись с большим объемом фактического материала, исследователь стремился зафиксировать и издать «все и сразу», наспех прочитывая, интерпретируя, датируя и поверхностно систематизируя софийские граффити⁹⁶. Именно спешка является одной из основных причин невысокого качества конечного продукта: небрежные (в смысле соответствия оригиналам) прорисовки, скороспелые, порой даже несуразные прочтения и интерпретации, ошибочные датировки и пр. По сути, мы имеем дело с полуфабрикатом, в котором практически все следует еще доводить до ума, а многое даже переделывать заново.

Наконец, та же спешка является причиной многих претензий, возникающих по отношению к подаче материала в монографии. Прежде всего, это касается описаний граффити, которые, в абсолютном своем большинстве, носят тезисный характер. Вкратце объясняя, что именно удалось прочитать в текстах надписей, В.В. Корниенко совершенно не указывает степени их сохранности (затертости, зашпакованности и т.п.), глубины и характера штрихов, размеров букв, ширины строк и, за редким исключением, взаимосвязи с накладывающимися или примыкающими граффити. В комментариях же, претендующих на обобщение изданного материала, мы не находим элементарной аналитики, которая бы

---

96 Благо, более половины изданных граффити – элементарные молитвенные формулы (свыше 50), фрагментированные рисунки (около 70), а также «записи учета поминаний» (около 170).

связала новые эпитафические памятники с опубликованными ранее древнерусскими граффити.

Вообще следует заметить, что, за исключением совершенно «протокольного» историографического раздела объемом менее 1,5 страниц в начале текста, а также кратких полемических заметок по поводу 16 «переизданных» надписей, достижений своих предшественников В.В. Корниенко практически не отображает. Складывается впечатление, что исследователь уверен в своем абсолютном новаторстве. И в этом проявляется еще одна причина неудачи осуществленного издания — его автор, не имея достаточной квалификации для работы с эпитафическими памятниками, практически не прибегал к помощи и консультациям специалистов.

Пренебрежительное отношение В.В. Корниенко к своим коллегам проявилось не только в стремлении любой ценой откорректировать изданное предшественниками, но и в подходе к иллюстрированию своего труда. Подвергая С.А. Высоцкого критике за ретуширование фотографий граффити, издатель настаивает, что «наиболее наглядной для читателя формой публикации иллюстративного материала будет бинарная публикация расположенных рядом фотографии и прорисовки»⁹⁷. На самом деле из 222 таблиц с прорисовками и фотографиями граффити, представленных в *Корпусе*, более половины (113 таблиц) снабжены фотографиями столь низкого качества, что по ним совершенно невозможно проверить точность выполненных прорисовок⁹⁸. И это вовсе не связано с качеством печати, поскольку наряду с явным браком в таблицах присутствуют достаточно четкие и разборчивые изображения.

Подводя итог вышеизложенному, мы вынуждены констатировать, что первая часть «Корпуса граффити Софии Киевской» В.В. Корниенко ни по одному из параметров — документальности данных, системности в обработке материала, обоснованности интерпретаций и датировок — не может рассматриваться как полноценный и достоверный свод источников. Перед нами, безусловно, интересный и перспективный задел для значительного научного исследования, однако, обнаруженные В.В. Корниенко в Софийском соборе эпитафические материалы нуждаются в более тщательной и объективной фиксации, профессиональном анализе и, наконец, повторной публикации с учетом хотя бы того минимума требований, которые сам издатель сформулировал в предисловии к первой части *Корпуса*.

Науково-дослідний інститут
пам'яткоохоронних досліджень

⁹⁷ Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 4.

⁹⁸ Корниенко В.В. *Корпус граффити*, табл. VI–VIII, XI, XII, XIV–XXII, XXVII, XLI–XLIII, LI, LII, LXIV, LXVII, XCV, CXIII, CXVI, CXIX, CXXII–CLXI, CLXIII, CLXIV, CLXXXIV–CLXXXVI, CXCI, CXCVIII–CCV, CCX–CCXXVI.

Приложение

Сокращенные палеографические матрицы некоторых граффити, изданных В.В. Корниенко⁹⁹

№ 1 ¹⁰⁰		1025	1120	1140	1160	1180	1220	1240	1260	1280	1320	1340	1360	1380	1410	1420
а	7	2/2	о	о	о	о	о	о	о	о	)					
з	2б	1/1		((	о		(	о	о	о	о	о	)	о	о	)
и	2б	3/4	о	(											)	+ +
п	1	1/1					)	о	о	о	о	о	)			+ +
т	1	2/2	о	о	(										)	о +

№ 15		1025	1120	1140	1160	1180	1220	1240	1260	1280	1320	1340	1360	1380	1410	1420
ж	1а2	1/1	о	о		о	о		о	)						
яз	Ъ Ъ					((		(								

№ 124		1025	1120	1140	1160	1180	1220	1240	1260	1280	1320	1340	1360	1380	1410	1420
а	1	1/1					о	о		)	о	о	)			
в	IV	1/1	о		о	о	о	о	о	о	о	(			)	+ + +
А	1	1/1								)	+ о	о	о	о	)	+ +
ї	IIIб	1/1	[	-	-]		[	-]		((						[
р	IVб	2/2							((	о	о	о	(			
р	12	2/2					+	+	+	((	о	о	(			
ц	4	1/1			о	+	(							)	+ о	о
а	1	1/1								)				)	+ +	

№ 127		1025	1120	1140	1160	1180	1220	1240	1260	1280	1320	1340	1360	1380	1410	1420
Д	II	1/1	((				)							+		
к	2	1/1	о		о	о	о	о	)							
У	II	1/1	((	о	о	о	о	о	о	о	о	о	о	о	о	о
гр	У		((	о	о	о	о	о	о	(						

99 Матрицы составлены по прорисовкам В.В. Корниенко с учетом некоторых особенностей начертания, прослеживаемых по фотографиям. Матрицы приводятся в сокращенном виде, представляющем лишь наиболее информативные их графы. Условные обозначения к матрицам см. в статье Бобровского Т.А. «Древнерусская надпись-дипинто из Ближних пещер Киево-Печерской лавры» в этом же сборнике (примечание: числа 1/1, 2/2 и т.д. в данных таблицах обозначают количество образцов данной модели по отношению к общему числу определенной графемы в надписи).

100 Из хронологического диапазона, определяемого этой матрицей, мы вынуждены исключить графическую модель «треногого» т, датирующуюся в пределах первой половины XV в. (Зализняк А.А. *Палеография берестяных грамот*, 225).

№ 141		1025	1120	1140	1160	1180	1220	1240	1260	1280	1320	1340	1360	1380	1410	1420			
Δ	7	2/3	o	o	o	o	o		+		+				((				
Δ	3	1/1				o	o			((	o	o							
ρ	III	1/3			((	o	o	o	o	o	o	o		o		+			
§	1	2/2	[	o		o]			o	)					[	o	-]		
ϕ	1	1/1	[	o	-	-]				)		o	o	o		o	[	o	-]

№ 155		1025	1120	1140	1160	1180	1220	1240	1260	1280	1320	1340	1360	1380	1410	1420
π	1	2/2					)	o	o	o	o	)				+
ρ	12	1/1				+	+	+	((	o	o	(				
ΓP	π		o			o			(	o	o					

№ 214		1025	1120	1140	1160	1180	1220	1240	1260	1280	1320	1340	1360	1380	1410	1420			
Δ	7	2/2	o	o	o	o	o		+		+				((				
Δ	3	1/1				o	o			((	o	o							
ï	IIa	1/1	[	-	-]	o			[	o	-]		+	o		+	o	[	o]
ρ	III	1/1			((	o	o	o	o	o	o	o		o		+			
ц	5	1/1					)	+	o	o	o	(							
тЪ	1	½	o	o	+		)								+				

№ 251		1025	1120	1140	1160	1180	1220	1240	1260	1280	1320	1340	1360	1380	1410	1420			
Δ	1	1/1					o	o		)	o	o	)						
Υ	9	1/1								((	o		+	o	o	o	+	o	+

№ 251a		1025	1120	1140	1160	1180	1220	1240	1260	1280	1320	1340	1360	1380	1410	1420
г	3	½	o		(	o	o	)		+		o		+	o	o
o	3	1/1			((	o	o			o	o	+	(			
ρ	Ia	1/1									)	+	o	)		

№ 723		1025	1120	1140	1160	1180	1220	1240	1260	1280	1320	1340	1360	1380	1410	1420	
В	IIa	1/3					)	o	o	o	+	o	)	+	+		
π	1	1/2					)	o	o	o	o	)				+	
Υ	II	1/2	((	o	o	o	o	o			o	o	o		o	o	
Υ	4	1/2	o	o	(					)	o	+	o	o		o	
oΥ	II	1/2					)	o	)		o				[	o	]

№ 724 ¹⁰¹		1025	1120	1140	1160	1180	1220	1240	1260	1280	1320	1340	1360	1380	1410	1420
в	IIa	1/1					)o	o	o	+	o	))+		+	+	
н	4	1/4								((						
п	1	1/1					)o	o	o	o	o	))				+
о	4	1/6		o		o				((	o	o	o	o	o	(
р	II	1/1						o		)+	+	+		o	))+	
р	12	1/1				+	+	+(o	o	o(						
у	4	1/2	o	o	(					)o	+	o	o		o	
у	9	1/2							((	o	+	o	o	o	+	o
оу	1б	1/2								)	o	o		o	[o	o]

№ 726		1025	1120	1140	1160	1180	1220	1240	1260	1280	1320	1340	1360	1380	1410	1420
в	1	1/1	o	o	o	o	))									
г	3	1/1	o		(	o	o	)		+		o	+	o	o	o
з	3	1/1		+	((		o		o	o	o	o	)		+	o
о	3	4/5			((	o	o			o	o	+	(			

№ 735		1025	1120	1140	1160	1180	1220	1240	1260	1280	1320	1340	1360	1380	1410	1420
з	Ia	1/1		)			)		o	o	o	o	+	))		
л	4б	1/1		o			+			((	o	o	o		o	
о	3	1/2			((	o	o			o	o	+	(			
р	Ia	1/1								)+	o	))				

№ 746		1025	1120	1140	1160	1180	1220	1240	1260	1280	1320	1340	1360	1380	1410	1420
з	3	1/1		+	((		o		o	o	o	o	)		+	o
р	12	1/1				+	+	+(o	o	o(						
гр	оу									)	o	))				

№ 758 ¹⁰²		1025	1120	1140	1160	1180	1220	1240	1260	1280	1320	1340	1360	1380	1410	1420
в	IIa	1/2					)o	o	o	+	o	))+		+	+	
л	3	1/1				o	))			((	o	o				
о	3	1/2			((	o	o			o	o	+	(			
т	2	1/1	+	+	(		o	+	o	o	)		o		o	+

101 Начертания о «шириной в и» и н «с высокой перекладиной» в данном случае играют второстепенную роль, поскольку являются исключительными в данной надписи по сравнению с другими начертаниями этих букв.

102 Двойной хронологический диапазон, наблюдающийся в палеографии этой надписи, вероятно, свидетельствует об искусственном соединении тут двух разновременных надписей, на что указывалось выше.

ЗАМІТКИ

«Святошина печать»

Предметом настоящей заметки является редкий тип древнерусской печати, найденной при случайных обстоятельствах в окрестностях Чернигова и находящейся в настоящее время в частной коллекции (табл. 1:1)¹. Речь пойдет о круглом свинцовом диске диаметром 21 мм, толщиной 7 мм и весом 18,4 г. На обеих сторонах диска сохранились отпечатки матриц диаметром 13–15 мм².

На одной стороне печати имеется заключенное в точечном ободке изображение княжеского знака, одна из боковин которого оформлена в виде креста.

На другой — хорошо читается заключенная в точечный обод кириллическая надпись под титлом в четыре строки:

стѣ
шина
печа
ть

Следует отметить тот факт, что рассматриваемый экземпляр иллюстрирует всю условность сложившихся в историографии критериев для различения понятий «печать» и «пломба»³.

Традиционно древнерусские свинцовые печати ассоциируются с актовыми документами, в то время как пломбы — с товарами, грузами и т.д. Формальным различием обычно считают размеры печатей и пломб — последние имеют, как правило, незначительный диаметр и вес. Однако известны и исключения, на некоторые из них хотелось бы обратить внимание в настоящей заметке.

Из села Марковцы Бобровицкого района Черниговской области происходит крупная печать в виде свинцового круглого диска с неровными закругленными краями⁴ диаметром 34 мм, толщиной 6 мм и весом в 43,5 г (табл. 1:2).

На одной, несколько выпуклой стороне, изображен княжеский знак в виде проросшего двузубца. На другой — сохранилось рельефное изображение креста с расширенными лопастями. Печать имеет сквозное отверстие для шнура.

Несмотря на то, что контекст находки неизвестен, нет никаких сомнений, что данный экземпляр принадлежит к древнерусскому времени. В частности, изображение проросшего двузубца зафиксировано на именной печати Изяслава Ярославича⁵.

Аналогичная по форме тамга, изображенная на Святошиной печати, сохранилась на массивной пломбе печати, происходящей из поселка Брусилова Житомирской области⁶. Данный экземпляр представляет собой подпрямоугольный кусок свинца с неровными фасетными краями, размерами 25 × 32 мм, толщиной

Таблиця 1:

1 – окрестности Чернигова; 2 – Марковцы Бобровицкого района Черниговской области;
3 – Брусилы Житомирской области

6 мм и весом 39 г. На двух сторонах печати имеются отпечатки матриц диаметром 25–27 мм (табл. 1:3).

На одной стороне имеется княжеский знак в виде трезубца, один из боковых зубцов оформлен в виде дуперекладинного креста. На другой стороне экземпляра сохранилось заключенное в точечный обод погрудное изображение святого с точечным нимбом, держащего копье у правого и щит у левого плеча. Слева от фигуры заметны нечеткие отпечатки букв.

Оба описанные выше образца — массивные, имеют сквозные отверстия для шнура, но, судя по своим дизайну и весовым характеристикам, скрепляли не документы, а скорее всего товар или иной продукт, которые подлежали пломбированию.

По мнению С.В. Белецкого, пломбы, имеющие изображение княжеской тамги и определенного святого, могут быть связаны с княжескими посадниками. Пломбы, которые сочетают изображения креста и тамги, исследователь связывает с княжеской администрацией, в то время как пломбы с изображениями тамги и буквы — с чиновниками таможенного характера⁷.

«Святошина печать» представляет редкий случай, когда княжеское имя запечатлено вместе с определенным вариантом княжеской тамги. Как нам представляется, эта необычная печать-пломба должна быть связана с именем князя Святослава Давыдовича, известного в письменных источниках под именем Святоша.

Вопреки широкой известности, Святоша весьма скупо упоминается в летописи. По существу, он фигурирует только в одном фрагменте: повести об ослеплении Василька Ростиславича под 1097 г. Здесь мы впервые встречаем его в эпизоде, описывающем поражение Святополка Изяславича от Володаря и Василька⁸. Вторично летопись застаёт его сидящим в Луцке, откуда Святошу изгоняет Давыд Игоревич⁹. Вот, собственно, и вся «историческая» биография Святоши. Следующее упоминание о нем — сообщение о его постриге 17 февраля 6614/1107 г.¹⁰ Об иноческой жизни князя мы узнаем из *Киево-Печерского Патерику*, откуда становится известно и его христианское имя Николай. Согласно *Патерику*, Святоша пребывал в этом монастыре «не исходя» в течение 30 лет до своей смерти¹¹. Однако, из сообщения *Ипатьевской летописи* следует, что Святоша был жив еще в 1142 г., и более того, выступал в роли посредника в конфликте Всеволода Ольговича с его младшими братьями Игорем и Святославом¹².

Существует предположение, что имя Николай было крестильным, а не иноческим¹³. Но гораздо большую проблему, как теперь выясняется, представляет собой имя, под которым князь известен летописям. В литературе «Святоша» единогласно признается прозвищем, то ли ироническим, то ли уважительным. При этом не совсем понятно, когда Святослав Давыдович получил свое прозвище, и прозвище ли это. Высказывалась мысль, что «Святоша» есть своего рода каламбур, намекающий на особое благочестие князя. Прозвище якобы было получено Святославом после принятия им иночества и затем ретроспективно перенесено летописцами в те времена, когда князь жил еще в миру¹⁴. Это, впрочем, не более, чем догадка. Во всех летописях князь упоминается исключительно как «Святоша» (впрочем, в одном случае с уточнением: «Сѣтоша сѣ Дѣвдовъ Сѣтославича») и даже как «Святоша князь», и только в статье о постриге в *Лаврентьевской летописи*, он назван полным именем: «Сѣтославъ . сѣ Дѣвдовъ . внукъ Сѣтославль». Находка «Святошиной печати» теперь позволяет утверждать, что «Святоша» было не прозвищем, но собственно именем князя, сокращенным от Святослав (подобным иным известным «уменьшительным» княжеским именам — «Владимерко», «Василько», «Иванко», «Всеволодко», «Вячко» и др.). Из летописи мы знаем князей преимущественно под их торжественными полными

именами. Но, не исключено, что в обиходе их имена подчинялись обычным для славянских имен сокращениям (в нашем случае, по типу «Ратьша» (Ратьслав), «Судьша» (Судислав) и под.

Вероятно, с именем Святоши следует связать еще три любопытные печати.

Одна из них¹⁵ происходит из Чемерина Киверцицкого района Волынской области. Это слегка деформированная печать-пломба диаметром 20 мм, толщиной 4 мм и весом 6 г; круглой формы с ровными закругленными краями и высоким рельефом изображений (табл. 2:1). На одной стороне печати сохранилось погрудное изображение святого с точечным нимбом. Справа от фигуры читаются буквы:

	N
	H
Слева:	
	Y
	A

На другой стороне печати имеется заключенный в точечный обод трезубец того же типа, как и на «Святошиной печати». Печать имеет вертикальный канал для шнура.

Две другие печати оттиснуты той же парой матриц, что и предыдущая. Одна из них происходит из Брусиловского района Житомирской области (табл. 2:2)¹⁶, место другой печати пока не удалось установить (табл. 2:3)¹⁷.

На основании топографии двух из трех указанных печатей можно предположительно отнести их к концу XI в., т.е. ко времени союза Святослава со Святополком Изяславичем против Володаря и Василька. Судя по сохранившимся колончатым надписям на этих печатях, сопровождающих изображения святого, христианское имя князя было Никула. Это имя встречается также на одной из двух групп печатей Святослава Ярославича¹⁸, выполненных в совершенно другом дизайне.

Представленный на печатях Святоши тип тамги имеет своим прототипом знак, запечатленный на монетах Святополка Владимировича¹⁹. Такая же тамга встречена на некоторых типах пломб в сочетании с заключенной в круг литерой «N/И»²⁰, а также на печати с изображением Кирилла, интерпретируемой как печать двоюродного брата Святоши — князя черниговского и киевского Всеволода Ольговича²¹. Наконец, аналогичный знак с небольшими отклонениями в деталях зафиксирован на описанной выше печати-пломбе из Брусилова, а также печати с изображением на одной стороне святого-воина, держащего копье в правой руке и опирающегося левой на щит²², найденной в селе Кошечках Овручского района Житомирской области (табл. 2:4). К сожалению, по причине отсутствия колончатых пояснительных надписей рядом с изображениями, нет возможности его атрибутировать. Отметим только, что похожие иконографические особенности характерны как для Георгия, Дмитрия Солунского, так и Федора Тирона.

Возвращаясь к печати Святоши, следует отметить, что ее тип не является актовым, и она представляет собой скорее пломбу с товара или дани, которые принадлежали этому князю. Место находки пломбы, кажется, подтверждает та-

Таблица 2:

- 1 – Чемерин Киверцицкого района Волынской области; 2 – Брусиловский район Житомирской области; 3 – место находки не установлено; 4 – Кошечки Овручского района Житомирской области

кую интерпретацию. Следует также отметить, что находки печатей на сельских памятниках в жилищах, совместно с такими находками, как пряслица и ножи²³, указывают на то, что некоторые печати большего диаметра могли служить хозяйственными или товарными пломбами и не всегда скрепляли акты, а скорее всего собранную для князя дань.

Таким образом, можно сделать вывод, что печати и пломбы с изображениями княжеских знаков могут указывать на местонахождение княжеского хозяйства в тех или иных местах. Нет никакого сомнения, что на таких городищах или селищах постоянно находились или периодически бывали представители княжеской администрации, и «Святошина печать», происходящая из Чернигова, может быть хорошим подтверждением этому.

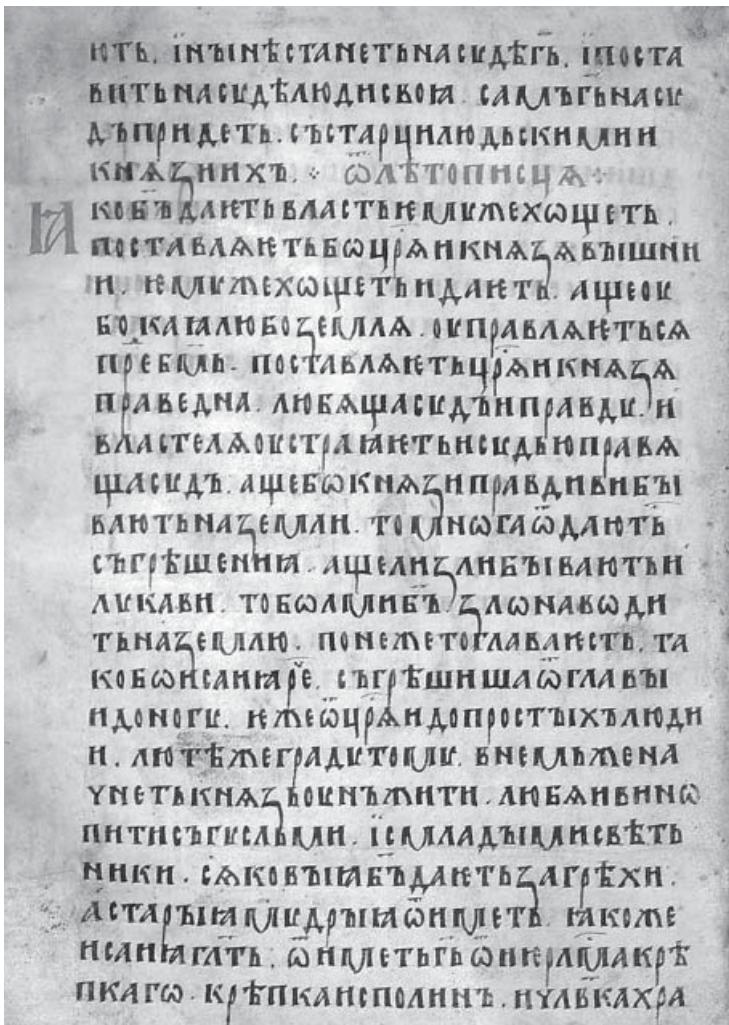
- 1 Автор признателен А.Е. Шереметьеву (Киев) любезно предоставившему материалы своей коллекции для публикации в данной заметке.
- 2 Коллекционный № 721.
- 3 См.: Белецкий С.В. Диаметр и вес актовой печати. *Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней*. М., 1984, 52–53, а также обстоятельный обзор по пломбам: Белецкий С.В. Знаки Рюриковичей на пломбах из Дрогичина (по материалам свода К.В. Болсуновского). *STRATUM*, №6. СПб., Кишинев, Одесса, 1999, 288–330.
- 4 Коллекционный № 1083.
- 5 Янин В.Л. *Актовые печати Древней Руси X–XV вв.* М., 1970, табл. 1:3.
- 6 Коллекционный № 1010.
- 7 Белецкий С.В. Данные сфрагистики о княжеском аппарате домонгольской Руси. *Образование древнерусского государства (спорные вопросы)*. М., 1992, 5–7.
- 8 *ПСРЛ* 1: 270; *ПСРЛ* 2: 245.
- 9 *ПСРЛ* 1: 272; *ПСРЛ* 2: 247–248.
- 10 *ПСРЛ* 1: 281; *НПД*, 19.
- 11 Абрамович Д. *Киево-Печерський Патерик. Вступ, текст, примітки*. К., 1931, 117.
- 12 *ПСРЛ* 2: 312.
- 13 Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.* М., 2006, 607.
- 14 Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. *Выбор имени*, 441 ср. также альтернативную, но неубедительную возможность на с. 442.
- 15 Коллекционный № 624.
- 16 Коллекционный № 618. Диаметр печати — 18 мм, толщина — 4 мм, вес — 4,9 гр.
- 17 Коллекционный № 252. Диаметр печати — 16 мм, толщина — 4 мм, вес — 4,9 гр.
- 18 Янин В.Л., Гайдуков П.Г. *Актовые печати Древней Руси X–XV вв.* М., 1998, 19–20.
- 19 Сотникова М.П., Спасский И.Г. *Тысячелетие древнейших монет России: Сводный каталог русских монет X—XI вв.* Л., 1983.
- 20 Коллекционный № 366.
- 21 Янин В.Л. *Актовые печати*, 135, 138–139, табл. 25:289.
- 22 Коллекционный № 18, Коллекционный № 618.
- 23 Серов О.В. Сільські поселення Середнього Придніпров'я. *Південно-руське село IX–XIII ст.* К., 1997, 99–114, 109.

Федор Андрощук

**Фрагмент Повести временных лет
в Троицком Мериле праведном**

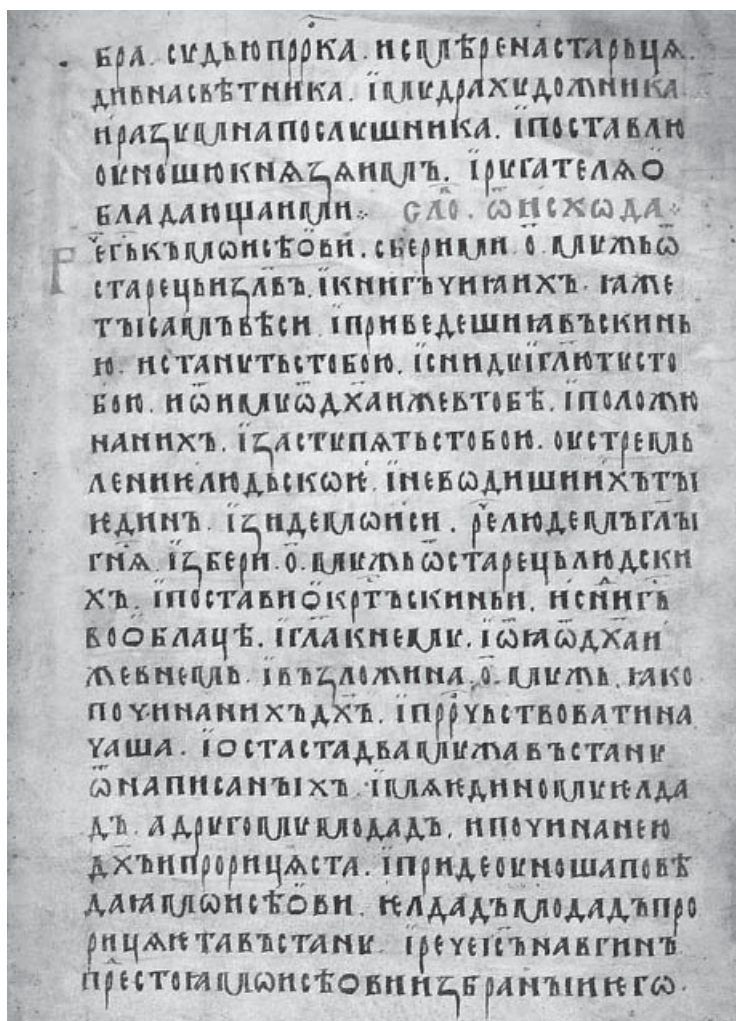
Список *Мерила праведного* бывшего собрания Троице-Сергиевой лавры (№ 15) знаменит тем, что содержит второй по старшинству и наиболее исправный список *Пространной Правды*¹. Рукопись определяется как принадлежащая к XIV или уже — концу XIV в. Первая часть рукописи (иногда определяемая как предисловие) содержит выписки из различных произведений, в основном, трактующих тему праведной власти и справедливого суда. Среди

этих выписок читается небольшой фрагмент из летописи: рассуждения о зависимости между праведностью стран и справедливостью посылаемых им властителей из статьи 1015 г. об убийстве Бориса и Глеба. Вероятно, этот фрагмент (довольно точно выписанный из летописи) и не заслуживал бы специального внимания, если бы не древность рукописи, едва ли не старшей, чем древнейший *Лаврентьевский список ПВЛ*.

Текст содержится на лл. 16 об. — 17. В новейшем издании поучительной части Троицкого *Мерила праведного* фрагмент идентифицирован как заимствованный из «Несторовой летописи» и к нему подведены варианты из I тома ПСРЛ². Впрочем, издатель Рудольф Шнайдер отметил, что сравнение отрывка со списками *Лаврентьевским*, *Радзивиловским* и *Московско-Академическим* не

предоставляет однозначных свидетельств для суждения о том, из какого рода текста сделана выписка³.

Значение отрывка состоит в том, что это, может стать, древнейший случай цитирования *ПВЛ*⁴. Ниже публикуется текст отрывка с подведением вариантов (смысловых) из основных списков *ПВЛ*: *Лаврентьевского*, *Радзивилловского*, *Ипатьевского* и *Хлебниковского*.

⋈ ѿ лѣтописца:

Юко бѣ¹ даіеть² власть юмже хощеть. поставлаіеть бѣ³ цѣрѣ н⁴ князѣ⁵ вшышнн н. юмже хощеть н⁶ даіеть.^{7а} аще он бо⁸ каѣа любо⁹ земаа. оуправлаіетьса¹⁰ прѣ^а бѣмь. поставлаіеть¹¹ цѣрѣ н¹² князѣа правѣднѣа. любаша сѣдѣ н правѣднѣ. н властѣла оустраіаіеть н¹³ сѣдѣю правѣа ца¹⁴ сѣдѣ. аще бѣ¹⁵ князн правѣднѣн бѣа ваютъ⁶ на¹⁶ земаа. то многѣ ѿдаіють сѣгрѣшеннѣа.¹⁷ аще а н¹⁸ зан бѣа ваютъ н лѣкавн^в.¹⁹ то бѣа мнн бѣ злѣ навѣдн ть^г на земаю²⁰. понѣже то²¹ глава іестъ²². та

ко²³ бѣ²⁴ нсана рѣ. сѣгрѣшнша ѿ глабѣ н до ногѣ. іеже²⁵ ѿ цѣрѣ н до простѣхъ людн н. люте же²⁶ грѣдѣ томѣ. в немъ же²⁷ на чнеть князѣ онѣ жнтн^л. любан²⁸ вннв пнтн сѣ гѣсѣмн. і с младѣмн свѣтъ ннкн. сѣковѣнѣ²⁹ ѿ бѣ даіеть^с за грѣхн. а старѣнѣ мѣдрѣнѣ³¹ ѿнметъ³². іакоже нсана глѣть³³. ѿнметъ³⁴ гѣ³⁵ ѿ нѣрѣма³⁶ крѣ пкагѣ крѣпка нсполннѣ^ж. н члѣка хрѣ // брѣ. сѣдѣю³⁷ прѣка. н смѣрѣна старѣца³⁸ днѣна свѣтннка. і мѣдрѣа хѣдожннка³⁹ н⁴⁰ радѣмна послѣшннка^з. і поставлаю онѣшою князѣа нмѣ⁴¹ і рѣгатѣлаа сѣбѣа даіющѣа⁴² нмн⋈

- 1 нет РИХ.
- 2 доб. бѣ РХ.
- 3 нет РИХ.
- 4 нан Р.
- 5 ^а вшышнн дасть И.
- 6 нет ЛРХ.
- 7 дасть ЛРХ.
- 8 бо ЛРИ.
- 9 нет ЛРИ.
- 10 оуправнѣса Л; нсправнѣса Р; оуправнѣ ИХ.
- 11 поставлаеть ен Л; поставлаеть ен Х.
- 12 нан ЛХ.
- 13 оустраіаіють И; оустраіѣ Х.
- 14 правѣаго Л.
- 15 ^в н кнѣзь правѣднѣн бѣа ваетъ Р.
- 16 в Л.
- 17 доб. земаа Р.
- 18 ^в зан н лѣкавн бѣа ваютъ ЛРИХ.
- 19 ^г то болаше злѣ (болаша злѣ Р) навѣднѣтѣ бѣ ЛРИХ.
- 20 земаю тѣ РИХ.
- 21 нет РИ.

- 22 есть земаа РИХ.
- 23 нет Р.
- 24 нет Р.
- 25 еже есть ЛРХ; нет И.
- 26 бо ЛРИХ.
- 27 ^л кнѣзь онѣ ЛРИХ.
- 28 люб И.
- 29 ^с сѣковѣнѣ бо Л; такоѣнѣ Х.
- 30 даеть бѣ Р.
- 31 н мѣдрѣнѣ ЛРХ.
- 32 ѿнметъ РИ.
- 33 рѣчѣ Л.
- 34 ѿнѣ Р.
- 35 бѣ Р.
- 36 ^ж крѣпкаго нсполннѣ Л; крѣпѣсть. н крѣпкаго нсполннѣ РИХ.
- 37 н сѣдѣю н ЛРИХ.
- 38 ^з радѣмна. послѣшннѣа Л.
- 39 хѣтрѣца РИХ.
- 40 нет И.
- 41 нѣ Р.
- 42 сѣбѣа даіѣ И; сѣбѣа даіѣ Р.

Разумеется, объем отрывка таков, что делать сколько-нибудь значимые наблюдения над типом текста *ПВЛ*, из которого он происходит, и сложно, и рискованно. Следует, однако, прежде всего отметить отсутствие в отрывке дефектов двух старших списков — *Лаврентьевского* (пропуск днѣна свѣтннка. і мѣдрѣа хѣтрѣца; послѣшннѣа вместо послѣшннка) и *Ипатьевского* (пропуск вшышннн.

кѣмѹже хѡщѣть); они, впрочем, могут быть индивидуальны именно для этих рукописей. Гораздо больше случаев согласия основных списков против чтений нашего отрывка. В случае же их расхождения, РИХ, как кажется, противопоставлены Л. Показательный пример всего один: крѣпкагѡ крѣпка исполнѣ в нашем отрывке, объясняемого из крѣпость. н крѣпкагѡ исполнѣ РИХ против крѣпкагѡ исполнѣ Л. Впрочем, Р нужно исключить из числа возможных источников *Мерила* (ср. н кнѣзь правднѣвъ бѣваетъ против кнѣн правднѣн бѣвають ЛИХ; глава естъ земан против глава кѣтъ ЛИХ; нсанѣ рече против нсанѣ гѣтъ; кнѣ нхѣ против кнѣ нмѣ ЛИХ; владѣтел нмн против владѣща нмн ЛИХ; ѡнѣ бѣтъ против ѡнметъ гѣ ЛИХ). Случаи же схождения Р и ИХ против Л могут объясняться контаминацией Р списком типа И⁵. Следует отметить несколько характерных чтений, объединяющих наш отрывок с Х: каѣ любо земля против каѣ земля ЛРИ; аще ѡубо против аще во ЛРИ; ѡр нан кнѣ против ѡр н кнѣ ЛИ.

Можно, следовательно, предполагать, что *Мерило праведное* цитирует *ПВЛ* в ее «ипатьевском» облике, т.е., используя уже привычный жаргон, «третью редакцию 1118 г.». Это, вероятно, может стать аргументом в споре о месте создания *Мерила праведного*. Большинство исследователей связывает его составление с Северо-Восточной Русью, но исключительно на основании общих суждений о состоянии культуры и государственности в послемонгольский период⁶. Присутствие в *Мериле праведном* «наказания» тверского епископа Симеона полоцкого князю Константину Безрукому⁷ (1260-е гг.) указывает в противоположном направлении, именно русских земель, позднее вошедших в Великое княжество Литовское. В этом же ареале обращались и списки летописи типа *Ипатьевской*.

- 1 Описание рукописи см.: *Правда русская*. Т. 1. *Тексты*. М., Л., 1940, 89–103.
- 2 *Die moralisch-belehrenden Artikel im altrussischen Sammelband Merilo Pravednoe*, hrsg. von Rudolf Schneider [Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes, tom XXII] (Freiburg i. Br., 1986), 39–40.
- 3 Rudolf Schneider, “Einführung,” *Die moralisch-belehrenden Artikel im altrussischen Sammelband Merilo Pravednoe*, xxv.
- 4 Или один из двух: второй — четыре цитаты из *ПВЛ* в Сильвестровском сборнике. О них см.: Вилкул Татьяна. Летописные вставки из Повести временных лет в Сильвестровско-Минейной редакции Сказания о св. Борисе и Глебе. *Ruthenica* 5 (2006), 37–72. Время составления *Мерила праведного* определяется исследователями различно, но самые консервативные оценки не выходят за пределы второй половины XIII в.
- 5 Гиппиус А.А. О критике текста и новом переводе “Повести временных лет”. *Russian Linguistics* (2002, 26), 79–80, 85–87.
- 6 См.: Rudolf Schneider, “Einführung,” *Die moralisch-belehrenden Artikel im altrussischen Sammelband Merilo Pravednoe*, xxii.
- 7 О нем см.: Анти Селарт, Полацкі князь Канстанцін і гісторыя Інфлянтаў у трэцяй чвэрці XIII ст. *Беларускі гістарычны агляд* (2004, vol. 11, no 1–2), 3–25.

Алексей Толочко

Из биографии Яня Вышатича

Янь Вышатич — один из наиболее востребованных персонажей древнерусской истории не княжеского происхождения. Его деятельность нашла широкое отражение в *Повести временных лет*, одним из источников которой стали рассказы Яня. Благодаря этому о нем мы знаем больше, чем о других княжих мужах его времени, что, впрочем, порождает еще больше вопросов и дискуссий относительно его биографии и родословной. Наиболее разработанной, однако довольно гипотетической, оказалась идея Прозоровского–Шахматова–Лихачева о длинной родословной Яня, уходящей в X век¹. При этом устанавливалась прямая нисходящая связь таких исторических персонажей: Янь–Вышата–Остромир–Коснятин–Добрыня, а далее некий Малк Любечанин, возможно, древлянский Мал и даже Мстиша/Лют Свенельдич, и, соответственно, воевода Свенельд.

Учеными предпринималось немало попыток разорвать эту заманчивую цепь. Не станем сейчас обсуждать век X, а сконцентрируемся на XI столетии. Связь Остромира с Коснятином и впрямь неочевидна и умозрительна. Высказанная Д.И. Прозоровским, эта мысль — лишь одно из объяснений приписки дьякона Григория к *Остромирову Евангелию*, сообщающей о родственных связях Остромира с Изяславом Ярославичем². Б.А. Рыбаков, к примеру, осторожно признавал вероятность родственной связи Остромира и Коснятина, отмечая невозможность судить об этом достоверно³.

Вопросы у исследователей вызывало и следующее поколение этой предполагаемой «династии», а именно связь Вышаты, Остромира и Яня. Так, А. Поппэ вслед за М.Д. Приселковым доказывает, что Вышат было два⁴. Из них один — сын Остромира, новгородец, другой — отец Яня, киянин. Основание для такого вывода дали два летописные сообщения. Под 1064 и 1043 г. Вышата представлен по-разному: как сын Остромира и как отец Яня соответственно. Под 1043 г. рассказано об участии Вышаты в походе Владимира Ярославича на греков, а под 1064 г. — о бегстве Вышаты в Тмутаракань вместе с сыном Владимира Ростиславом. Вышата-киянин, по мнению А. Поппэ, в 1043 г. был ослеплен и вряд ли мог вести активную деятельность после этого, например, бежать с Ростиславом из Новгорода в 1064 г. Кроме того, А. Поппэ придает большое значение политической лояльности Вышаты и Яня. Ученый не допускает, что Янь мог служить Святославу Ярославичу (что зафиксировано в летописной статье 1071 г.), если его отец Вышата в 1064 г. участвовал на стороне Ростислава Владимировича в конфликте с Глебом, сыном Святослава.

Все указанные аргументы, впрочем, отнюдь не убедительны. Недавно С.М. Михеев отметил, что у нас нет прямых указаний на ослепление Вышаты в 1043 г.; тогда ослепили просто «Руси много»⁵. Даже если Вышата пострадал, нет оснований думать, что после этого он стал недееспособным — ведь был дееспособным Василько Теревольский после ослепления. Кроме того, следует представить маловероятную ситуацию: в Новгороде в одно время живут два

Вышаты. Представление о Вышате как коренном киянине спорно. Из статьи 1043 г. ясно, что Вышата на самом деле воевода Владимира, а Ярославов воевода — Иван Творимирич. Следовательно, Вышата пришел с Владимиром из Новгорода, а вот Иван Творимирич — из Киева.

Аргумент о конфликте лояльностей Яня и Вышаты не вполне убедителен. Представление о жесткой, переходящей по наследству, «прикрепленности» бояр к одной конкретной княжеской линии спорно и не имеет достаточных подтверждений. Кроме того, Янь, уроженец Новгорода, мог не участвовать в победе своего отца⁶. Переход на службу к Святославу мог быть связан с появлением Глеба Святославича в Новгороде. Не потому ли Янь выполнял службу в пользу Святослава именно на севере? И не потому ли после рассказа о Яне и волхвах идет рассказ о подавлении Глебом возмущения новгородцев, спровоцированного волхвом? Свидетельства Яня, очевидца событий, как раз могли быть источником летописи.

Интересно, что исходное намерение сделать из Вышаты двух человек могло возникнуть под впечатлением от двух различных летописных характеристик Вышаты: как сына Остромира и как отца Яня. Собственно, одно не исключает другого. Более того, если одно из сообщений было составлено летописцем 1070–1080-х годов, для которого еще не Янь, а Остромир был значительной фигурой, все становится на свои места. Два сообщения составлены разными летописцами.

Не имея целью реабилитировать древнюю гипотетическую генеалогию Яня, надо признать, что прямая связь трех последних поколений — Остромир–Вышата–Янь — представляется вполне справедливой.

Уже давно исследователей интригует запись о походе Яня с Иванком Захарьичем Козарином в 1106 г. на половцев: «Воеваша Половци школо Зарѣчьска . и посла по ни^х Стополкъ . Яна . и Иванка Захарьича Козарина . и оугониша Половцѣ . и полонѣ шташа» (*Лавр.*, л. 94 об.) Еще К.Н. Бестужев-Рюмин сомневался, как мог глубокий старик идти в поход, но предполагал, что имеется ввиду другой Янь⁷. Это чем-то напоминает «раздвоение» Вышаты, предложенное А. Поппэ. О.В. Творогов в комментариях к тексту *ПВЛ* высказал сходное предположение, что указанный в сообщении Янь совсем не Вышатич, а брат Иванка Захарьича⁸.

Интересно, что в *Ипатьевской летописи* имеются приписки, сообщающие дополнительную информацию. Так, у Яня появляется отчество — Вышатич, а также вносится новый герой — «брат его (Яня — В.А.) Путятя». Перед словом «Козарина» стоит союз «и», что вводит еще одного персонажа. «Повоева . Половци школо Зарѣчьска и посла по нихъ . Стополкъ Яна [Вышатича] [и брата его Путятю]. Иванка . Захарьича . и Козарина . и выгонивше Половцѣ . до Дунаѣ . поло^б ѡташа а Половцѣ [исъсѣкоша.]» (*Ипат.*, л. 96 об.). Слова «Вышатича» и «исъсѣкоша» надписаны над строкой, слова «и брата его Путятю» — на нижнем поле. Характерно, что в *Хлебниковском* и *Погодинском* списках союз «и» перед словом «Козарина» отсутствует.

Подобный вид имеет и соответствующее известие *Софийской первой летописи*. На основании этих якобы параллельных сообщений обычно делают вывод

о том, что Вышата имел двух сыновей: не только Яня, но и Путятю. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что база сего утверждения отнюдь не безупречна. Взглянем на сообщение новгородской летописи внимательнее: «[...] посла по нихъ Святополкъ Яня *Вышатича и брата [его] Путятю [и] Иванка Захарьича и Козарина* и угонивши ихъ Янь полон отъяша, *а поганыхъ иссѣкоша*»⁹. Курсивом выделен излишний, по сравнению с *ПВЛ* (по *Лаврентьевскому* списку — тут он выступает как критерий) текст; именно он практически полностью приписан на маргиналиях *Ипатьевского* списка.

В своем исследовании происхождения *Ипатьевской летописи* А.П. Толочко пришел к выводу об использовании ее составителями новгородской летописи типа *Софийской первой* (т.н. «Новгородско-Софийского свода», около 1418 г.)¹⁰. Это открытие многое объясняет в вопросе о формировании летописных текстов про Яня. Теперь понятно, что избыточная информация *Ипатьевского* списка позаимствована из протографа *Софийской первой летописи*. На ее чужеродное происхождение указывает и маргинальное расположение приписок. Следовательно, происхождение подробностей о родственных связях Яня надо искать в творчестве составителей новгородского свода начала XV в.

В отличие от нейтрального сообщения *ПВЛ*, в новгородской летописи главным героем известия о случае с половцами определенно выступает Янь. Именно внимание к его персоне, надо полагать, побудило сводчика внести дополнительную информацию. Он уточнил, что Янь именно Вышатич — из сообщения *ПВЛ* это неочевидно. Кроме того, он увеличил количество персонажей, с помощью одной лишь буквы «и» создав «Козарина». Из текста *ПВЛ* также не явствовало, что Путятя брат Яня. Однако сводчик и тут прибегнул к нехитрым, вполне историческим, методикам. Под 1089 г. в *ПВЛ* он нашел информацию о том, что Янь был тысяцким: «воеводство держащу Къневьскыа тысяща Яневи»¹¹. Следующим известным киевским тысяцким был, упомянутый в статье 1113 г., Путятя: «Китани же разьграбиша дворъ Путатинъ . тысячького»¹². Весьма простые размышления и сопоставления, вероятно, подвигли новгородского сводчика связать двух тысяцких родственными узами.

Примечательно, что сам интерес к особе Яня мог быть вызван наблюдениями новгородских книжников, довольно схожими с теми, которые сделали много позднее ученые. Зная об Остромире новгородском (из той же *ПВЛ*), они также интересовались его родственниками и, как впоследствии историки, установили связь между ним, Вышатай и Янем. Как указывалось в литературе (Т.Л. Вилкул, А.П. Толочко), именно в XV в. просыпается живой интерес новгородских книжников к своей древней истории, что выражается в «домысливании» многих ее эпизодов, объяснении и дополнении важных сюжетов и внесении в летописи разного рода текстов: списков князей, *Краткой правды*¹³. Конечно, не все уникальные сообщения новгородских летописей за XI в. фальшивы, однако то, что многие из них были искусственно созданы или отредактированы книжниками XV в., не вызывает сомнений. И «прагматическое» объяснение, и «синтез» разрозненных исторических фактов, и обогащение/улучшение истории, и увеличение количества действующих лиц — все это типичные черты работы поздних

летописцев со своими источниками. Скорее всего, в контексте этого позднего интереса к местной старине и следует рассматривать конструирование дополнительных биографических подробностей о Яне.

Таким образом, основания считать Путятю братом Вышаты, признавать его участие в походе 1106 г., а данное сообщение в новгородских летописях аутентичным, более чем шаткие.

- 1 Прозоровский Д.И. О родстве св. Владимира по матери. *Записки Императорской академии наук*. Т. 5. СПб., 1864, 17–26; Шахматов А.А. *Разыскания о древнейших русских летописных сводах*. СПб., 1908, 340–377; Лихачев Д.С. «Устные летописи» в составе Повести временных лет. *Исследования по древнерусской литературе*. Л., 1986, 113–136. В общих чертах ее недавно поддержал Т.В. Гимон, см.: Гимон Т.В. Янь Вышатич и его предки: Новые соображения. *Восточная Европа в древности и средневековье: Устная традиция в письменном тексте: XXII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. 14–16 апреля 2010 г., Москва. Мат-лы конф.* М., 2010, 60–66.
- 2 Его критика: Поппэ А. Феофана Новгородская. *Новгородский исторический сборник*, 6(16), СПб., 1997, 107.
- 3 Рыбаков Б.А. *Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи*. М., 1963, 204.
- 4 Поппэ А.В. А.А. Шахматов и спорные начала русского летописания. *Древняя Русь: вопросы медиевистики*, № 33. М., 2008, 80–82. Ср.: Приселков М.Д. *История русского летописания XI–XV вв.* Л., 1940, 18. Также на тему родословной Свенельда: Поппэ А.В. Родословная Мстиши Свенельдича. *Летописи и хроники*. 1973 г. М., 1974, 64–91.
- 5 Михеев С.М. *Разыскания по истории текста «Повести временных лет»* (рукопись), 149–150.
- 6 Кстати, о Вышате после 1064 г. нет никаких известий, из чего можно заключить, что он скончался вскорости после этой даты.
- 7 Бестужев-Рюмин К.Н. *О составе русских летописей до конца XIV века*. СПб., 1868, 21.
- 8 Повесть временных лет (Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова). *БЛДР*. Т.1. СПб.: Наука, 1997, прим. 550. Теоретически, ничего невероятного в том, что Янь в глубокой старости участвовал в походе, нет. Собственно, непосредственно следующее сообщение — о его смерти сразу же после похода. Если бы речь шла о двух различных персонажах — некоем Яне, ходившем в поход, и Яне, близком знакомце автора, умершим после похода — летописец (весьма внимательный к Яню и его семейству) не приминул бы как-то обозначить это обстоятельство.
- 9 *ПСРЛ* 5,1: 157.
- 10 См.: Толочко А.П. Происхождение хронологии Ипатьевского списка Галицко-Волынской летописи. *Palaeoslavica* (XIII, 1, 2005), 94–97.
- 11 *ПСРЛ* 1: 208.
- 12 *ПСРЛ* 2: 275.
- 13 Вилкул Т.Л. Новгородская первая летопись и Начальный свод. *Palaeoslavica* (XI, 2003), 20–34; Толочко А.П. *Краткая редакция «Правды Руской»: происхождение текста*. К., 2009, 69–70.

Вадим Аристов

«Троян» Слова о полку Игореве

Каждое время создает образы, функционирующие в русле его культуры, понятные людям этой культуры. Лексически сформулированные, они становятся достоянием литературного процесса, зачастую создавая сложности в понимании для позднейших читателей. Если разрыв между культурами велик в силу временных или исторических обстоятельств, либо образ имеет узкое применение, его понимание становится весьма затруднительным. Для того же, чтобы его все же

адекватно осмыслить, нужно принять во внимание особенности той культурной среды, в которой он, по нашему предположению, возник. Специалисты как раз и занимаются адаптацией сложно понимаемых образов прошлого к современным представлениям, облегчая их понимание современниками. Бывают, однако, случаи, когда наука «сбоит», превращая процесс научной адаптации литературного текста в хаотический процесс, похожий больше на «броуновское движение», и исследователи как бы соревнуются в неожиданности, а зачастую нелепости предлагаемых объяснений. Я бы даже сказал, что существуют отдельные тексты, которые по каким-то причинам обладают некоей мистической способностью вытягивать в такой бессмысленный процесс не только легко возбудимых дилетантов или профессиональных авантюристов, но и зрелых ученых, в иных случаях не опускающихся до легкомысленных предположений.

К числу таких литературных произведений, к сожалению, относится *Слово о полку Игореве*. В нем, в частности, четырежды употреблено прилагательное «Трояни», которое обычно печатается с заглавной буквы, но в специальной статье «Энциклопедии «Слова о полку Игореве», очевидно, для создания большей правдоподобности оригинальной концепции автора статьи оно представлено с прописной¹. Между тем, большинство ученых считают это прилагательное производным от имени собственного «Троян», а Н.М. Карамзин уже в 1816 г. высказал мнение о том, что речь в *Слове* идет о римском императоре Траяне². Вслед за этим последовало множество других предположений, в большинстве случаев выходящих за рамки научных методов, а иногда и здравого смысла. Их многочисленность и неожиданность даже вынудили автора обзорной статьи из «Энциклопедии» прибегнуть к созданию специальной классификации. Произведенный анализ основных мнений по данному вопросу продемонстрировал, что идея Н.М. Карамзина не может быть признана обоснованной только лишь по причине того, что она никак не объясняет смысла упоминаний о «веках Трояна» и «седьмого века Трояна»³. В данной заметке попытаемся исправить этот недостаток.

Еще раз напомним, что автор *Слова о полку Игореве* с особым вниманием относился к апокалиптическим идеям. Об этом свидетельствует его обращение к тексту св. Ипполита Римского *Слово о Христосѣ и о антихристе*, в славянском переводе известном в рукописи XII в.⁴ Одной из характерных особенностей этого вида литературных текстов был интерес к расчетам, с помощью которых можно было определить близость конца света. С этой точки зрения вызывает интерес единственная хронологическая выкладка в *Слове о полку Игореве* — «унылы голоси, пониче веселие ... на седьмомъ вѣцѣ Трояни». По данному поводу характерно мнение В.Н. Перетца, который считал, что «вираховувати, що визначають ці «7 віків», — річ даремнісінька», хотя и обратил внимание на интерес к цифре 7 со стороны Апокалипсиса (7 чаш гнева, 7 ангелов, 7 печатей и т.д.)⁵.

В *Слове святого Ипполита об антихристе*, в этом самом важном сочинении на апокалиптическую тему во всей патристической литературе, написанном ок. 200 г. и хорошо известном древнерусскому читателю в славянском переводе, дается пояснение на стих пророка Даниила (Дан. 9:27) с хронологическими расчетами конца света:

Покажетъ же намъ даниилъ. предложенаа. Глѣтъ во и положить завѣтъъ многоимѣтъ. ѿдна седмирица. и воудеть въ полу седмирица възметьса мѣнѣ жертва и поинание. единою оубо седмириноу. рекъ послѣднюю. еже на конецъ всего мира. хотѣщюю быти съказалъ есть. иже седмиричѣ полъ прииметъ ова прѣка. еноухъ. и ѿна. Сиа во проповѣдати намат⁶.

Св. Ипполит специально подчеркивает, что «седьморица» будет одна.

Возможно, акцентирование внимания св. Ипполитом на этой детали повлияло на возникновение образа «седьмого века» в *Слове о полку Игоревом*.

Блаженный Августин, анализируя другое пророчество Даниила (Дан. 12:11) об окончании времени, которое настанет после того, как «возьмется жертва», т. е. времени гонений христиан от антихриста, сокрушается о том, что, когда

*речь идет о царстве Антихриста... имеющем продержаться небольшой период времени... год, два года и полгода... На латинском языке выражение «времена» (tempora) представляется ... неопределенным. Но оно употреблено в двойственном числе, которого у Латинян нет, как есть оно у Греков ... Выражение «времена» употреблено следовательно так, как если бы было сказано: два времени (duo tempora)*⁷.

Как мы помним, в *Слове о полку Игореве* Троян как раз и упоминается в этом грамматическом контексте «времен» и «лет»: «были вѣчи Трояни, минула *лѣта* Ярославля». То есть, употребленная автором *Слова* форма двойственного числа существительного *лѣта*, очевидно, восходит к устойчивому фразеологизму, характеризующему «последние времена» в каком-то греческом тексте.

Сверх этого, блаженный Августин утверждает, что ошибаются те, которым кажется

*будто Церковь до времени Антихриста не будет испытывать больше гонений, кроме того числа их, то есть десяти, какие уже испытывала, так что одиннадцатым и последним будет якобы гонение от Антихриста. Ибо первым гонением считают то, которое было от Нерона, второе — от Домициана, третье — от Траяна... десятое — от Диоклетиана и Максимилиана... хотя думающие так с видимой тонкостью и остроумием сопоставляют каждую казнь [имеются в виду египетские казни — В.С.] с каждым из гонений, но не по пророческому духу, а по догадке человеческого ума*⁸.

Первое, что очевидно, что Августин полемизировал со своим оппонентом, опираясь на сочинение св. Ипполита Римского, бывшего и остающегося самым авторитетным толкователем апокалиптической информации. Более того, может быть установлена и формальная связь между двумя текстами. Так, в самом начале *Слова о Христе* автор подробно обосновывает сущность пророческого дара *Сии во дхѣм прѣрчьскимъ вси съвършени. [...] прѣрчь сѧ пророкъ наречеть. развѣ тако дхѣм прозръши воудуща [...] всеѣдоуемъ. не ѿ своего помышления*⁹. Второе, что «*лѣта* Ярославля», о которых говорится в *Слове о полку*, это, очевидно, аллюзия на устойчивое представление о периоде непродолжительного господства антихриста, которое наступит **после** предсказанных св. отцами десяти гонений на

христиан, переданная автором *Слова о полку* в форме, свидетельствующей о его знакомстве с греческим первоисточником. Эта последовательность событий и отражена в *Слове о полку* — «были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля». Следовательно «вѣчи Трояни» — это образ «десяти гонений».

Мнение о том, что «десятое гонение» будет и последним перед приходом антихриста, с чем был не согласен Августин, составляло в его время предмет богословского спора. Во всяком случае с мнением о «десяти гонениях», предшествующих приходу антихриста, с которым полемизировал блаженный Августин, мы и связываем отсылку автора к «веку Трояна», при котором происходило *третье* гонение на христиан. А значит, выражение «на седьмом вѣцѣ Трояни» надо понимать как указание на то, что описываемые события, автором *Слова* соотносятся с седьмым «гонением» *после* гонения при императоре Траяне. То есть, «седьмой век Траяна» является десятым и последним перед гонением от антихриста, насыщенным всевозможными неблагоприятными предзнаменованиями, предвещающими наступление апокалипсиса. «Век» в данном случае надо понимать как обозначение события-вне-времени, т. е. события, в котором обычное время теряет свою форму и привычные земные ориентиры, а выражение «вѣчи Трояни» — как аллегория всех десяти гонений.

Значит, по мнению автора *Слова*, введившего таким образом русскую историю в контекст истории всего человечества, десятое гонение было, когда «на седьмомъ вѣцѣ Трояни врьже Всеславъ жребій о дѣвицу себѣ любу». Одиннадцатое гонение, с которым связывался приход антихриста, — это «лѣта Ярославля» с сопровождавшими их характерными признаками усиления «мързости пагубѣ» («въстона тугою ... тоска разлися ... печаль жирна тече»). В таком случае, следуя апокалиптической хронологии, мы вынуждены будем предположить, что все события, сопутствующие походу князя Игоря, автором *Слова о полку* было предложено рассматривать в свете идеи о Втором Пришествии. Это предположение позволяет нам понять всю художественную систему *Слова о полку Игореве*, но его обоснование выходит за рамки данной заметки.

Итак, выбор эпохи императора Траяна в качестве хронологической точки отсчета начала апокалиптических предзнаменований был сделан автором *Слова* не случайно. Напомним, что в русле широко известной концепции о десяти гонениях только от нее можно было начинать отсчет единственной и «*последней седьморины*» перед пришествием антихриста, авторитетно обоснованной св. Ипполитом в известном древнерусском переводе XII в.

Возможно, что каким-то образом на возникновение образа «седьмого века» повлияло развитие этих событий, описываемых в «Апологетической поэме» Коммодиана, жившего в сер. III в.:

Много знаменій дано для грядущих несчастій,
Но началом конца будет седьмое гонение наше¹⁰.

В поэме имеется в виду общеимперское преследование христиан в 250 г. при императоре Деции, вошедшее под тем же порядковым номером в церков-

ную историю, и ставшее с течением времени некоей литературной формулой не без влияния пророчества Даниила — «сердце зверино, дастся ему и *седмь временъ измѣнятся надъ нимъ*» (Дан. 4: 15). Кстати, это произведение Коммодiana интересно тем, что в нем упомянуты готы, в 251 г. перешедшие Дунай и вторгнувшиеся на Балканы, как предвестники освобождения христиан. Такая их оценка противоречит *Откровению* Иоанна¹¹, но, возможно, объясняет, почему в *Слове о полку Игореве* освобождение князя Игоря из плена ознаменовывается тем, что «дѣвици поють на Дунаи». Небезынтересна и другая аллюзия текста *Слова о полку* на это произведение — «се у Римъ кричать под саблями Половецкими», — место, не имеющее внятного пояснения. У Коммодiana это выглядит так:

*Вот, уж стучится в дверь мечом опоясанный...
Он устремится на Рим со многими тьмами язычников...
Узнают зло те, которые преследовали избранных, —
Пять месяцев будут стонать они под врагом¹².*

Итак, мы не видим оснований и дальше подвергать сомнению гипотезу Н.М. Карамзина о том, что в «Трояне» *Слова о полку* следует видеть римского императора. В *Слове* он упомянут в контексте апокалиптических идей, что позволяет связывать происхождение этого образа с литературой апокалиптического содержания, в число которой несомненно входили труды видного богослова конца II — перв. пол. III ст. св. Ипполита Римского, пользовавшиеся необычайной популярностью у древнерусского читателя.

- 1 Троян в «Слове». *Энциклопедия «Слова о полку Игореве»*. Т. 5. СПб., 1995, 131.
- 2 Карамзин Н.М. *История государства Российского*. Т. 1. Гл. 2. Прим. 69.
- 3 Троян в «Слове», 133.
- 4 Ставиский В. И. Мировоззрение автора «Слова о полку Игореве» и культура его времени. *ТОДРЛ*. Т. 43. Л. 1990, 133–135.
- 5 Перетц Володимир. «Слово о полку Игоревім». *Пам'ятка феодальної України-Русі XII віку. Вступ. Текст. Коментар*. К., 1926, 290.
- 6 *Слово святого Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII в.* Под ред. К. Невоструева. М., 1868, 63.
- 7 Августин Блаженный. О граде Божием. *Учение об антихристе в древности и средневековье*. Сост., вступ. статья, коммент. и указ. Б. Г. Деревенского. СПб., 2000, 352.
- 8 Августин Блаженный. О граде Божием, 345.
- 9 *Слово святого Ипполита*, 4–6.
- 10 Коммодиа. Апологетическая поэма. *Учение об антихристе в древности*, 263.
- 11 Коммодиа. Апологетическая поэма, 263, прим. 199.
- 12 Коммодиа. Апологетическая поэма, 263–264.

Вадим Ставиский

«Буй — Роман»

Галицько-волинський князь Роман Мстиславич (1199–1205 рр.) був одним із наймогутніших і впливових володарів на Русі. Літописець називає його *великим князем, самодержцем Русі та царем в Руській землі*¹. Його переможні походи у Половецький степ, хоробрість і войовнича завзятість сприяли створенню в Україні та Польщі народних переказів, легенд і героїчних пісень, в яких образ князя Романа Мстиславича набув епічних рис народного богатиря і шляхетного рицаря. Таким виявом усно-поетичної народної творчості деякі вчені вважають і літописну похвалу князеві, якою відкривається *Галицько-Волинський літопис*:

удолѣвша всимъ поганьскымъ ѣзыкомъ оума моудростью . ходаша по заповѣдемъ Бѣимъ . оустремил бо са баше на поганьша ѣко и левъ . сердить же бѣ ѣко и рысь . и гоубаше ѣко и коркодиль . и прехожаше землю ихъ ѣко и шрель . храборъ бо бѣ ѣко и тоуръ².

Задумаємося, однак, над питанням, наскільки оригінальною є ця характеристика, що, за словами О.Б. Головка, стала «яскравим проявом виникнення та існування» ідейно-політичної думки Київської Русі, в якій сконцентрована «парадигма ідеального державного володаря — князя Романа Мстиславича»³.

Як відомо, укладач *Галицького літопису* щедро використовував *Хроніку* Георгія Амартола, *Александрію*, *Хроніку* Іоанна Малали та *Історію іудейської війни* Йосифа Флавія, вміщені у складі *Хронографа* 1262 р. Чимало цитат та записи з цих творів розпізнані дослідниками. Характеристика князя-воїтеля Романа Мстиславича, здається, також скроєна галицьким книжником із готових літературних лекал. Свого часу О.С. Орлов звернув увагу на те, що цей панегірик було складено за взірцем характеристики Святослава Ігоревича, вміщеній у складі *Повісті временних літ* під 961 р.⁴

Уславлюючи воєнні походи Святослава, старокиївські літописці вирізняють такі риси особистості князя, як його невибагливість, лицарське ставлення до ворога:

Князю Святославу възрастьшю· и възмужавшю· нача вои совкупляти· многи и храбры, и легько ходя· аки пардусь· войны многы твораше· хода възь по собѣ не возаше· ни котъла ни мась варя· но потонку изрѣзав конину ли· звѣрину ли· или говядину на оуглех испекъ ѣдаху· ни шатра имаше· но подъкладъ пославь и сѣдло в головахъ [...] и посылаше къ странамъ глагола· хочю на вы ити⁵.

Зауважуючи, що ця характеристика Святослава забарвлена фразеологією Георгія Амартола⁶, О.С. Орлов, однак, не проілюстрував це твердження відповідними текстами. Скориставшись його підказкою, не важко виявити в *Хроніці* Амартола фразу, що стала джерелом для літопису. Оповідаючи про воєнні походи Александра, хроніст зауважує, що той «скочи акы пардоус съ многою силою

на вѣсточня страны и грады»⁷. Цим літературним прийомом скористався й укладач *Новгородського третього літопису*. Сповідчаючи про вінчання на царство князя Івана Васильовича він, крім інших епітетів («премудр», «храбосерд», «крепорук»), відзначає, що той був до того ж «легок ногами аки пардус»⁸.

Уподібнення Романа Мстиславича Александру Македонському розвивається через низку, приписуваних йому «звіриних» рис. Так, лев був символом лютої сили. Галицький книжник двічі уподібнює Романа левові — у цитованій вже похвалі 1201 р. і в літописній статті 1251 р. Сповідчаючи про повернення Данила із військового походу, він наголошує на тому, що той, «наследивши поуць вѣща своего великаго Романа . иже бѣ изовстрелса на поганыха . яко левъ»⁹. О.С. Орлов гадав, що порівняння Романа з левом галицький книжник запозичив із першої книги *Хроніки Малали*¹⁰. Сюжет, на який, згодом, вказував дослідник, маловиразний та аж ніяк не пов'язаний з образом Александра Македонського. Уявляється малоімовірним, що він був джерелом запозичення. У пошуках відповідних літературних паралелей уподібненню Романа левові звернімося до текстів інших перекладних візантійських творів. Цікавим у цьому відношенні є опис зовнішнього вигляду Александра Македонського в *Александрії*, вкладений в уста посла перського царя Дарія: «видѣх страхъ Александра и красоту его и ум и образъ... по храброму его дерзновению образъ есть его, по всему убо **левов** образ иматъ»¹¹.

Уподібнення Александра леву є наскрізним мотивом вміщеної у складі *Літописця Єлнського та Римського* повісті «о мужествѣ и доблести умника Александра, храброго царя, иже обыде, аки солнце, всю землю, или рещи, аки зверь неукротимый леопардъ, дръзостию же и умом побѣждая вся страны от промысла вышняго»¹². Образ лева присутній також у вміщеній в *Літописці Єлнському та Римському* легенді про явлення уві сні македонському царю Філіпу провіщення народження Александра. Зображення лев'ячої голови містилося на печатці, якою було скріплене це послання: «Бяше же прѣстень злат с камениемъ, и въ камени бяше изъбражень образъ солнечныйи, и глава лвова, и сулица». Вирізьблені на золотому персні ці зображення знаменували, що «рождаеися отрокъ еллинъ, до вѣстока проидет, аки левъ, бра(ни) творя, и пусты створить грады за знамение суличное»¹³.

Орел — царський птах, який символізує вищу владу, мудрість чи навіть геніальність, героїзм і стан зверхності. Він був символом соціального і духовного підйому, зв'язку з небом, яке забезпечує його максимальною владою і зберігає на цьому рівні¹⁴. У сказаннях про Александра Македонського йдеться про те, як завойовник, намагаючись сягнути неба, запряг для цього орлів. У *Літописці Єлнському та Римському* смерть Александра також пов'язана з образом орла:

Бысть же на въздусъ мъгла и явися велика звѣзда, сходящи с небесъ на море, и с нею орель и кумиръ вавилонскыи, нарицаемыи Дѣи, подвижася. Звѣзда же, оставши орла, паки възыде на небо, и абие успе Александръ вѣчным сном¹⁵.

Знак орла як геральдичний символ влади побутував в емблематиці багатьох володарів середньовічного світу¹⁶. Роман, названий у літописі *царем*, міг вклю-

чити зображення орла до повсякденного геральдичного оснащення княжого двору. Як відомо, поблизу Холма Данило звів «столпъ.. камень, а на нѣмь орель камень изваянь. Высота же камени десяти лакоть с головами же и с подножьяками 12 лакоть»¹⁷. Холмський кам'яний монумент зі скульптурним зображенням орла покликаний був, як уявляється, символічно засвідчити королівську гідність Данила Романовича.

Порівняння Романа з екзотичним крокодиллом галицький книжник, імовірно, запозичив з опису способу життя індійських брахманів, з якими зустрічався під час своїх походів Александр Македонський. У тій країні, йдеться у *Хроніці* Георгія Амартола, «мужи на одиной странѣ окіяна живоуть, жены ихъ обонъполь соуть реки Гала Гаингия, текущи въ окіянь къ странѣ Индистѣи». Подолати цю перепону для тамтешніх чоловіків було непростю справою, «зане звъръ есть в неи, глаголемыи зоуботомитель. [звър же той] вели, въ рѣць живыи, многы слона пожрети цѣла»¹⁸. Цей «зоуботомитель», як стає ясно із подальшого викладу, і є крокодиллом.

На Русі образ Александра Македонського набув особливої популярності в XIII ст., коли грецька *Александрія* була перекладена слов'янською мовою. *Александрія* відома у давньоруській літературі у кількох редакціях. Перша редакція входила до складу хронографічного зводу XIII ст. і збереглася в *Архівському* і *Віленському* хронографах та списках першої редакції *Літописця Єлинського і Римського*¹⁹. Цей історичний персонаж згадується у вміщеній у складі *Повісті временних літ* під 1096 р. етногенетичній легенді про походження половців та інших кочових народів, заклепаних Александром Македонським у пустелі²⁰. *Молитва (Слово)* Даниїла Заточника з-поміж іншого містить побажання руським князям віднайти в собі «храбрость Александрову»²¹. Образ Александра Македонського, певним чином пов'язаний з християнськими канонічними книгами, був вельми популярним не тільки в давньоруській книжності. Він знайшов втілення у багатьох мистецьких пам'ятках. Доволі поширеними у середньовічному мистецтві були зображення «вознесіння» Александра. Ця тріумфальна композиція була, як доводять фахівці, своєрідним гімном, або «апофеозом монархической власти, о чем свидетельствуют его («польоту Александра» — В.Р.) воспроизведения на стенах соборов, на диадемах, наконец, на монетах великого князя тверского Бориса Александровича». Примітно, що образ Александра Македонського «неоднократно встречается в русских магических текстах, связанных с военным делом. При этом ряд заговоров от вражеского оружия (вполне христианского характера) фигурирует в сборниках первой половины XVII и 30-х гг. XVIII в. как «молитва царя Александра Македонского»²².

Таким чином, літописна похвала князя Романа Мстиславича скроєна галицьким книжником із готових літературних лекал. Подибувані ним характеристики Александра Македонського у перекладних візантійських творах були цілеспрямовано перенесені на нашого героя.

Насамкінець, слід зупинитись на питанні про літературне походження літописного звороту «одолѣвша... оума моудростью», його ідейний зміст та зв'язок із характеристикою Романа у *Слові про Ігорів похід*. Сюжет про подолання ро-

зуму мудрістю галицький книжник запозичив, як і підозрював О.С. Орлов²³, із *Хроніки* Малали. У першій її книзі, зокрема, йдеться про

доброродного Иракла, его ж глаголють в яме лвове въживоуща и палицу имуща и три яблока дръжща, я три яблука ему отемшо въ кощуне глаголють им палицею оубившу змя, рекше *одолешиа частым злым похотем ума мудростию* [тут і далі виділено мною — В.Р.] акы палицею ходяща въ котызе, акы въ леви яме въ тверде уме и тако отемше три яблука еже суть трие добрие нравы еже не быти гневливому ни златолюбцу ни блуднику, палицею *трънетливои души язвьномъ буюю мысль уму победим*²⁴.

У *Слові про Ігорів похід* для характеристики його персонажів неодноразово використовуються епітети *буй*, *буй-тур*, *буєсть* тощо. Не уникнув такої «похвали» і князь Роман Мстиславич:

А ты буй Романе и Мстиславе!
Храбрая мысль носить васъ умъ на дѣло.
Высоко плаваеши на дѣло въ буести,
Яко соколь на вѣтрехъ ширяеся,
Хотя птицю въ буйствѣ одолѣти²⁵.

За спостереженнями М.П. Сидорова, у пам'ятках давньоруської літератури, починаючи від *Остромирова Євангелія*, де *буй* означає дурість, безумство, всюди слово *буєсть* виступає тільки в негативному значенні. Навіть Володимир Мономах, звертаючись до Богородиці, скаже: «Избави нас от буести и тленности»²⁶. Якщо у літописі нерозумні помисли Романа долаються мудрістю, то у *Слові про Ігорів похід* навпаки — «буєсть» переважає над розсудливістю. Ця майстерна літературна гра вкотре виказує неабиякий, осяяний іскристою іронією талант *Словотворця*.

- 1 Подібна титулатура не була нормою політичної практики середньовічної Русі. Вона спорадично вживалася давньоруськими книжниками для підкреслення політичного престижу та авторитету того чи іншого князя. (Ширше див.: Vodoff V., "Remarques sur le valeur du terme "tsar" appliqué aux princes russes avant le milieu du XV e siecle," *Oxford Slavonic Papers. New Series* (1978, Vol. XI, 16–20); *Idem*, "La titulature des princes russes du Xe au debut du XIIe siecle et les relations exterieures de la Russie Kievienne," *Revue des Etudes Slaves* (1983, I), 139–150).
- 2 *ПСРЛ* 2: 715–716.
- 3 Головко О.Б. *Князь Роман Мстиславич та його доба*. К., 2001, 206–208.
- 4 Орлов А. К вопросу об Ипатьевской летописи. *ИОРЯС*, 1926. Т. XXXI, 104.
- 5 *ПСРЛ* 1: 64–65.
- 6 Орлов А. К вопросу об Ипатьевской летописи, 104.
- 7 Истрин В.М. *Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь*. Том I: *Текст*. Пг., 1920 [Репринтне відтворення: *Die Chronik des Georgios Hamartolos* (München, 1972)], 42. Порівн.: «И абие устремися Александръ встоку, и оттоль море перскочи, акы пардус, дръзостию воюя землю Сурскую» (*Летописецъ Еллинский и Римский*. Т.1. *Текст*. СПб., 1999, 103).
- 8 *ПСРЛ* 3: 250.
- 9 *ПСРЛ* 2: 813.
- 10 Орлов А. К вопросу об Ипатьевской летописи, 104.
- 11 *Александрия*, л. 53. Порівн.: «Всьм одолѣль Александръ и вся мужескы творя. По храброму

- его дръзновению и образъ убо его по всему лвовъ имѣя, глядаа борзостию подобень звѣри, а храбростью аки огонь» (*Летописецъ Еллинский и Римский*. Т.1:117); «образъ убо имяше чловчьскыи, гриву же лвову, очима же зорокъ, десьное убо око долу зряше, а шуге зекро, зубы же его остры, яко змиеви, подобие же лвово имяше, скоръ и ясенъ же бяше» (*Летописецъ Еллинский и Римский*. Т.1: 92).
- 12 *Летописецъ Еллинский и Римский*. Т.1: 159.
- 13 *Летописецъ Еллинский и Римский*. Т.1: 90. У війнах Александр, «устремляясь на вѣсточныя грады, аки лев, или, рещи, леопардъ, неукротимыи звѣр, лова брашна въсхытити, тако бяше и сии. Но имяше утробу милостиву къ всѣм, мужеством же подобень звѣри» (*Летописецъ Еллинский и Римский*. Т.1: 110). У цьому творі Александр, як і герой *Галицько-Волинського літопису*, уподібнюється риси.
- 14 Ковачев А.Н. Символы власти и их интерпретация в различных культурах. *Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: В 2 т. Сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе*. СПб., 2006, 260.
- 15 *Летописецъ Еллинский и Римский*. Т.1: 177.
- 16 Див.: Kiersnowski R., *Symbol ptaka, Imagines. Potestatis: Rytuaty, symbole i konteksty fabularne władzy zwierzchniej. Polska X–XV w. (z przykładem czeskim i ruskim)*. Pod. red. Jacka Banaszkiwicza (Warszawa, 1994), 106–116.
- 17 *ПСРЛ* 2: 845.
- 18 Истрин В.М. *Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь*. Том I: 49; Порівн.: *Летописецъ Еллинский и Римский*. Т.1: 144, 164: «Коркодили, егоже всякъ звѣрь боится, аще бо ся на что разгньвает и посчит на древо, то все пламенемъ изгорить».
- 19 Истрин В.М. *Александрия русских хронографов: Исследование и текст*. М., 1893, 243–249; Творогов О.В. *Александрия Хронографическая. СлККДР. Вып. I. (XI — первая половина XIV в. Л., 1987, 35–37.*
- 20 *ПСРЛ* 1: 234.
- 21 Зарубин Н.Н. *Слово Даниила Заточника по редакциям XII — XIII вв. и их перделкам*. Л., 1932, 34, 73.
- 22 Чернецов А.В. «Полет Александра Македонского»: новые материалы к иконографии. *Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. К 60-летию Леонида Андреевича Беляева*. М., 2008, 57–58.
- 23 Орлов А. К вопросу об Ипатьевской летописи, 104.
- 24 Истрин В.М. «Хроника» Иоанна Малалы в славянском переводе. *Репринтное издание материалов В.М. Истрина*. Подготовка издания, вступительная статья и приложения М.И. Чернышевой. М., 1994, 17–18.
- 25 *Проическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгород-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие*. М., 1800, 31.
- 26 Сидоров Н.П. К вопросу об авторах «Слова о полку Игореве». *Слово о полку Игореве. Сб. исследований и статей*. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М; Л., 1950, 166. Порівн.: Робинсон А.Н. *Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII вв.* М., 1980, 275.

Володимир Ричка

К тексту описания новгородского пожара 1217 г.

В Синодальном списке I *Новгородской летописи* (лл. 87 об.–88), в части, датируемой 2-й полов. XIII в., о пожаре 1217 г. сказано следующее:

Той веснѣ згорѣ сѧ мѣдѧ • | магна • въ • лѧ • ѿ нвѧна кары|шевнѧ • въ середѣ оуѧра • пеуѧне || н погорѣ до оуѧннѧ вхе поль •¹.

Цитата эта издавна была знаменита в науке написанием **вхе** вм. **всь** или **вьсь**. В Синодальном списке написание **вхе** встречается лишь однажды (во 2-ом почерке), в то время, как написание **вьсь** фигурирует 4 раза и **всь** — 12 раз. Замен конечного **-ь** на **-ѣ** в этом слове (т.е. форм типа ***все = всь**) в Синодальном списке более не встречается². Буква **-х-** в слове **вхе** в рукописи потом была подскоблена и переделана в **-с-**.

В написании **вхе** привыкли видеть след «непрошедшей» так называемой третьей палатализации заднебных согласных, результат несостоявшегося смягчения [x] в [я'] в позиции после **-b-**. Тем самым **вхе**, употребленное вместо нормального **вьсь**, которое, как полагают многие, произошло из праслав. ***vъxъ**, фактически воспроизводило на пергамене его славянскую праформу (!). Впрочем, удивляться тут нечему. Славистика, наука молодая, энтузиастическая, любит подчеркивать необыкновенную славянскую языковую и культурную архаику и не стесняется обнаруживать ее везде, где только ни придется. Всѣ-то ей мерещатся фантастические реликты «детства» языка и культуры: «глубинные» архаизмы, невероятные исключения из общих стеснительных правил и обязательных процессов, завлекательные гапаксы, ну, и тут же: языческие идолы, культы, пантеоны и прочие чудеса...

Правда, с **вхе** вышла небольшая очередная незадача — такие серьезные этимологи, как И.Ю. Миккола и О.Н. Трубачев, отрицают наличие [x] в основе праславянского местоимения, считая [s] здесь исконным звуком, и связывают происхождение ***vъsъ** и литов. уш. *visas* с балто-славянской основой со значением «размножать, выводить», привлекая литов. *veĩsti* «плодиться», *veisklė* «выводок, род». В поддержку этой этимологии предлагаются семасиологические параллели, — указывается на родственные отношения между немецк. *all* «весь» и готск. *alan* «растить», отмечается происхождение латин. *totus* «весь» от индоевроп. **teu* — «увеличиваться, разрастаться»³.

Таким образом, **вхе** в этом летописном эпизоде (как **вхоу** в грамоте Варлаама Хутынского ок. 1192 г. и формы этого местоимения с **-х-** в берестяных грамотах, а также написание **с мѣхнѣ** в берестяной грамоте № 496 XV в.⁴), отражая глухое шепелявое произношение [s'], оказывается довольно рано зафиксированной инновацией, а не праславянским пережитком, как хочется думать романтически настроенным лингвистам. Возможно, что такое произношение [s'], время от времени фиксируемое формами местоимения **вьсь** в новгородских древних текстах, провоцируется близостью согласного звука [v]. Во всяком случае, многие (если не все) диалектные примеры с **-х-** на месте общерусского **-с-** содержат **-в-** в непосредственной близости от мягкого шепелявого согласного: Новгород. *хвистать, захвистал похвистом*⁵ псков. *на хъвете*, etc.⁶ Новгородским формам местоимения **вьсь** с **-х-** известную параллель представляют формы этого местоимения с **-ш-** из псковских памятников XIV–XVI вв.: **вшю, вшѣ, вшѣ, вшн** etc.⁷ И только очевидный инновационный характер славянского звука [ʃ] помешал древнепсковским местоимениям занять почетное место в ряду «архаических» явлений языка рядом с новгородскими. Языковые инновации, иногда — на радость всеядным романтикам — принимающие обманчивый вид архаизмов, т.е.

своего рода «неоархаизмы», вообще свойственны письменности и говорам псковско-новгородского ареала⁸.

Причиной пожара, от которого сгорел **вхе полъ**, т.е. вся торговая часть Новгорода, Синодальный список называет возгорание **пеуъне**. В Комиссионном списке серед. XV в. на этом месте стоит слово **пеуъне**, в Академическом списке 40-х гг. XV в. — **пеуень**, в Толстовском списке 20-х гг. XVIII в. — **пеуень**⁹. Что это такое? Заглянем в словари. Единство во взглядах на эти слова отсутствует. И.И. Срезневский увидел в слове **пеуъне** наречие **пеуънь** со значением «жарко»¹⁰. За ним последовал и *Словарь русского языка XI–XVII вв.*¹¹ Не так поступили составители *Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)*, которые, ориентируясь на Академический и Толстовский списки, реконструировали в качестве исходной форму сущ. м.р. **пеуънь**, приписав ей (впрочем, с вопросом) значение «пекарня (?)»¹². Не уточняя значения, как «пример номинатива на -е» (т.е. в качестве сущ. им. ед. м. р.), — со ссылкой на В.Б. Крысько — слово **пеуъне** в составе летописной цитаты приводила *Древнерусская грамматика XII–XIII вв.*¹³.

Согласимся с теми современными толкователями, которые утверждали, что **загорѣ сѧ [...] пеуъне** в нашей цитате следует понимать как сочетание глагола с существительным, сказуемого с подлежащим, а не глагола с наречием. При этом данные севернорусских говоров дают нам основание предполагать, что др.-новг. **пеуъне** возникло из ***пеуъно**, подвергшись слоговой ассимиляции.

В Боровичском и Поддорском районах Новгородской обл. зафиксировано слово среднего рода *печнó* в значении «русская печь» («*печно* — русская печка»). В Поддорском р-не это слово также значит «печник» («нам бы *печно* пригласить, а то печь совсем не греет»¹⁴). В Пинежском р-не Архангельской обл. отмечено слово *печнó* в значении: «угощение после окончания кладки печи», а в Каргопольском у. Олонецкой губ. известен его синоним — субстантивированное прилагав *печнóе*¹⁵. О былом наличии основы *печн-* в пермских говорах (вероятно, в значении сущ. *печь*) свидетельствует пермская композита *печенлáz* «печник», восходящая к *печнелаз или *печнолáz («я в молодости был хорошим *печенлазом*, и меня приглашали часто то класть печь, то прочищать»)¹⁶.

Что же до значения, то в др.-новг. **пеуъне** (из ***пеуъно**) логично было бы увидеть обозначение близкого, но не вполне тождественного «печи» объекта, а именно: краткое субстантивированное прилагательное среднего рода со значением «деревянное основание печи; место, на котором стоит печь; опечье», своего рода «свертку» термина *печнó(е) место*, представленного в севернорусских говорах:

«А это *печнó мѣсто*, деревянно оно, а на *печнó мѣсто* каменну печь кладут» (Кемский р-н Карелии).

— *Печнóе мѣсто из дерева делают: на пол бруски в лапу запиливают, а внутри выстилку из кирпичика делают*» (Вытегорский р-н Вологодской обл.).

— *Печнóе мѣсто деревянное, на него полагается песок, а потом печь*» (Беломорский р-н Карелии)¹⁷.

Ср. также *пéчно-угол* «угол, противоположный печи» (Петрозаводский и Заонежский уу. Олонецкой губ.) и термины с деаффрикатизацией аффрикаты -ч-: *песнѣ-место* «место, на котором стоит печь» и *пестно́-угол* «угол в избе, где стоит печь» («Я тронулся на лавочку к пестно-углу»), т.е. *печно-место* и *печно-угол*, засвидетельствованные, соответственно, в Онежском р. Карелии в 1-й полов. XX в. и в Пудожском у. Олонецкой губ. во 2-й полов. XIX в.¹⁸ Заметим, что пребывая в составе терминологического словосочетания и в составе композит, атрибутивный элемент *печно́/пéчно́-* явно тяготеет к автономному от них бытию.

Деревянное основание печи скорее могло загореться, чем собственно печь.

Время возгорания указано: **въ середь оутра**. Чтобы понять, какой отрезок времени имелся в виду летописцем, воспользуемся соображениями Н.В. Степанова:

«По-видимому, утро начиналось в период вставания людей, непосредственно перед рассветом, «передь зорями въ нощи». Заканчивалось утро через несколько времени по восходе солнца, в период обеда, может быть перед самым обедом (часов около 10 по нашему счету часов). Утром развертывалась вся деятельность отдохнувшего после сна человека; поэтому ни одна часть суток так не богата описаниями различных последовательно идущих моментов, как утро»¹⁹.

Время, обозначенное как **въ середь оутра**, видимо, соответствовало нашим 6–7 часам утра.

Торговая часть Новгорода с 6–7 часов утра **до оудьннн** сгорела полностью. В вариантах Комиссионного списка серед. XV в. сказано: *до удения/уденья/уденья. Софийская I летопись* по списку М.А. Оболенского 2-й половины 70-х — нач. 80-х гг. XV в. под 1237 г. имеет форму *въ удение*. Цитаты из Синодального списка и *Софийской I летописи* составили основу статьи «**здьнне = ѳдєннє** — полдень» в *Материалах...* И.И. Срезневского, а варианты Академического и Толстовского списков *I Новгородской летописи*, предлагающие вместо *удение* слово *полдни*²⁰, решили проблему определения значения этого слова.

Обратимся к диалектам. Слово *удень* и его формы в значении «полдень», в основном, отмечены в калужском говоре: *удни* (мн.) «полдень, полдни», *удней* «полдень» (из *удень* путем метатезы -e/-n'-), *науденью* «в полдень, пополудни» (из **науденью* с метатезой -j-).²¹ Однако наличие в севернорусских говорах обозначений женских демонов (псков.) *уденица* и (карельск.) *удёлъница* (по диссимиляции -n'n'- > -l'n'- восходит к **уденьници*), чьи появления могли приурочиваться к полдню, т.е. местных аналогов общеславянской *полудницы*²², косвенно указывает на былое наличие производящего слова *удень* в значении «полдень» в севернорусской зоне.

Итак, пожар, начавшийся от возгорания деревянного основания печи около 6–7 часов утра 31 мая 1217 г., к полудню уничтожил всю торговую часть Новгорода.

1 *Новгородская харатейная летопись*. М., 1964, 180–181.

2 Ляпунов Б.М. *Исследование о языке Синодального списка I-ой Новгородской летописи*. Вып. I. СПб., 1899, 61.

- 3 Mikkola J.J. *Urslavische Grammatik*. II. Teil. Konsonantismus. Heidelberg, 1942, 178. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Т. I. М., 1986, 2-е изд., 304–305. Трубачев О.Н. *Труды по этимологии. Слово. История. Культура*. Т. I. М., 2004, 331–332 прим. 19.
- 4 Зализняк А.А. *Древненовгородский диалект*. М., 2004 (2-е изд.), 46, 682.
- 5 Соловьев В.Ф. Особенности говора Новгородского уезда Новгородской губернии. СПб., 1904, 7 [= *Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук*. Т. LXXVII, № 7]. *Словарь русских народных говоров*. Вып. 11. Л., 1976, 146. Ср. также: *выхвистать, выхвистывать, захвистать, похвистывать* в русских говорах Прибалтики (*Словарь русских народных говоров*. Вып. 6 (2-е изд.). СПб., 2002, 48. Вып. 11. Л., 1976, 146. Вып. 30. СПб., 1996, 345); Ленинград. *выхвистнуть* «вышибить» (*Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*. Вып. 1. СПб., 1994, 309), архангел. *захвистнуть* «закинуть» (*Словарь говоров Русского Севера*. Том IV. Екатеринбург, 2009, 227).
- 6 Чернышев В.И. *Сказки и легенды пушкинских мест*. М.;Л., 1950, 40, № 16. К возможному воздействию [v] на свистящий [s] в сторону его «шепелявого» оглушения ср. примеры замены аффрикаты этим [s] при наличии [v] в постпозиции: *святы* (Изборск Псковского у.), *светы* (Валдайский у.), *светики* (Белозерск), смолен. *тварох засвих* «тварог заплесневел, (т.е. *зацвѣл*)»; **въ свѣте** «*èν λείμῳ*») в новгородском *Ирмологии* конца XII в. (адреса примеров см.: Страхов А.Б. Критические заметки по поводу некоторых черт «кривичского» диалектного наследия в интерпретации С.Л. Николаева. *Palaeoslavica II* (1994), 286–287.
- 7 А также старые западнославянские «шепелявые» формы: др.-чеш. *veš*, ж. р. *všě*, ср. р. *vše*; др.-польск. *wszu, wsza, wsze*. Подробнее см.: Страхов А.Б. Критические заметки, 292–296. Как инновационное новгородско-псковское изменение [s/š > x] понимает обсуждаемые факты и Я.И. Бьёрнфлатен в статье: Опыт лингвогеографии Псковской области. *Dialects of the Pskov Area. History and Dialectology of the Russian Language*. Oslo, 1997, 15–18.
- 8 См. мои статьи, специально посвященные рассмотрению несуществующих псковско-новгородские «архаизмов»: Страхов А.Б. Критические заметки, 251–268, 270–301. Страхов А.Б. Новгородские и псковские «переходы» *мл' > н', tl > кл, dl > гл*: альтернативные решения. *Palaeoslavica VII* (1999). С. 275–296; VIII (2000), 273–296.
- 9 *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. М., 2000, 258 (= *ПСРЛ*. Т. III).
- 10 Срезневский И.И. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. Т. 2. М., 1958, 929.
- 11 *Словарь русского языка XI–XVII вв*. Вып. 15. М., 1989, 40.
- 12 *Словарь древнерусского языка*. Т. VI. М., 2000, 389.
- 13 *Древнерусская грамматика XII–XIII вв*. М., 1995, 290.
- 14 *Новгородский областной словарь*. Вып. 7. Новгород, 1994, 136.
- 15 *Словарь русских народных говоров*. Вып. 27. СПб., 1992, 8, 9. Ср. отношения форм субстантивированных прилагательных — севернорусских кратких (*матично́* и *ма́тично* «угощение плотников после подъема и укладки потолочной балки-матицы») к полной (*ма́тичное* «угощение плотников за установку сруба избы»). Сюда же — онежск. *месячно́* «месячная зарплата», костром., архангел. *мѣсячнó* «месячные» (*Словарь русских народных говоров*. Вып. 18. Л., 1982, 30–31, 133).
- 16 *Словарь пермских говоров*. Вып. 2. Пермь, 2002, 97–98.
- 17 *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*. Вып. 4. СПб., 1999, 500.
- 18 *Словарь русских народных говоров*. Вып. 26. Л., 1991, 304, 314. Вып. 27, 9.
- 19 Степанов Н.В. Календарно-хронологические факторы Ипатьевской летописи до XIII в. *Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук*. Т. XX, кн. 2, 1915, 18.
- 20 *ПСРЛ* 3: 258, 285. *ПСРЛ* 6 (1), 288. Срезневский И.И. *Материалы*. Т. III. М., 1958, 1157.
- 21 Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 4. М., 1994, 953, 955–956. Потехина А.А. *Из записок по русской грамматике*. IV. *Глагол. Местоимение. Числительное*. Предлог. М.;Л., 1941, 275. Другие формы и значения см.: Страхов А.Б. Из мифологической (и близкой к ней) лексики: *удельница; кошуна, кошун; лотра; стух*. *Palaeoslavica XV* (2007). No. 2, 329–332.
- 22 Подробнее см. там же, 325–332.

Поговорка Изяслава Мстиславича

Киевский князь Изяслав Мстиславич — бесспорно один из наиболее ярких персонажей *Киевской летописи*, описывающей его деятельность в исключительных подробностях и с несомненным литературным даром. Благодаря этому об Изяславе Мстиславиче мы знаем намного больше, чем об остальных князьях XII в., в том числе кое-что о его нраве. Считается, что он был ироничен и скор на саркастические фразы.

Одну из них (предполагается, что говорил он их больше, чем записано) князь отчеканил, узнав о поражении своего сына Мстислава от галицкого Владимирка Володаревича. В 1151 г. Мстислав был послан отцом привести союзников венгров. Возвращаясь, он стал лагерем у Сапогиня, куда из Дорогобужа Владимир Андреевич выслал обильное угощение. Венгры перепились, бахвалились силой и повадились спать «пьяни јако мртви». Внезапно напал Владимирко и перебил спящих; Мстислав бежал в Луцк. Вот здесь Изяслав и выдал одну из своих острот:

тогда же Изяславу приде вѣсть къ Киеву ѡже снѣ его побѣжень а Оугре избити и ре³ слово то . аоже и пере^ж слышахомъ . не иде^г мѣсто къ головѣ . но голова к мѣсту¹.

Это место летописи привлекало не одного комментатора. При крайней скудости источника на осмысленные политические высказывания, во фразе всегда стремились распознать какой-то глубокий государственный смысл. Так, например, С.М. Соловьев писал:

Поговорка его [Изяслава — А.Т.]: «Не идет место к голове, а голова к месту», показывает его стремление, его положение и, по всем вероятностям, служила для него оправданием этих стремлений и происшедшей от них новизны положения его; поговорка эта оправдывает стремление дать личным достоинствам силу перед правом старшинства².

В том же духе высказывался и В.О. Ключевский:

...Отважный внук Мономаха Изяслав Мстиславич волинский во время усобиц с дядьями брал столы с бою, «головую добывал» их не по очереди старшинства и смотрел на них как на личное приобретение, военную добычу. Этот князь первый и высказал взгляд на порядок княжеского владения, шедший совершенно вразрез с установившимся преданием. Он сказал раз: «Не место идет к голове, а голова к месту», т.е. не место ищет подходящей головы, а голова подходящего места. Таким образом, личное значение князя он поставил выше прав старшинства³.

Эти два почтенных мнения сформировали традицию трактовать фразу Изяслава едва ли не как афористически оформленную программу реформ княжес-

кого владения на Руси: предпочтения личных достоинств при занятии киевского стола праву родового старейшинства⁴.

Голова — частотное слово в близлежащих сообщениях *Inam*. об Изяславе Мстиславиче. Выражения типа *сложить голову* принадлежат, похоже, к излюбленным в арсенале летописца⁵. В нескольких случаях подобные фразы вложены в уста Изяславу (ср.: «любо голову сложю любо нальзу Галичьскую землю»; «то любо свою голову сложю . любо себе мышю»⁶), и также и его противнику Юрию Владимировичу («но любо голову свою сложю . пакы ли щчину свою нальзу»⁷). Но, вероятно, решающим для суждения о политическом смысле поговорки стала фраза Изяслава (сказанная в ответ на предложение примириться с Юрием) «добылъ есмь головою своею Киева . и Переяслава»⁸. Изяслав (или летописец за него) хотел сказать, что добыл Киев с риском для жизни и готов рисковать снова. Исследователи вычитали в ней противопоставление права силы и таланта праву старейшинства Юрия.

Действительно, если кто-либо из князей XII в. и подходит на роль «реформатора», то Изяслав. Но обстоятельства, в которых была сказана его присказка, никак не поддерживают подобного предположения. Повод довольно банальный: Мстислав опростоволосился, и отец иронизирует над несоответствием его способностей порученному делу.

Фразу Изяслава чаще всего полагают поговоркой — его личного изобретения, или традиционной (она приведена, например, в этом качестве в *Словаре Даля*)⁹. В самом деле, летописец утверждает, что эту фразу «и переже слышахомъ». Не ясно только, что он имеет в виду: что современники и раньше слышали подобные издевательства от князя, или что он, летописец, уже вкладывал эту фразу в уста Изяславу. Поскольку ранее в летописи поговорка не приводится, вероятнее, что летописец говорил о привычной манере Изяслава. Но К. Бестужев-Рюмин, автор статьи «Летописи» в *Энциклопедическом Словаре Брокгауза и Ефрона*, усмотрел в этом признак текстуального шва:

Таким же отдельным сказанием должен был быть рассказ о подвигах Изяслава Мстиславича; в одном месте этого рассказа мы читаем: «рече слово то, яко же и переже слышахом; не идет место к голове, но голова к месту». Отсюда можно заключить, что рассказ об этом князе заимствован из записок его соратника и перебит известиями из других источников; к счастью, шивка так неуклюжа, что части легко отделить.

Чем бы ни была фраза Изяслава, политическим манифестом или едким афоризмом, исследователи, как кажется, полагают, что ее сочинил сам князь. Между тем, можно указать на ее источник. Им оказывается высказывание, содержащееся в *Пчеле* и приписываемое там Иоанну Златоусту:

*Не мѣсто добродѣтели, но добродѣтель мѣсто можетъ оукрастити*¹⁰.

Таким образом, остроумие Изяслава — книжного происхождения. Князь, если он действительно любил повторять эту фразу, позаимствовал ее из какого-

то сборника изречений, лишь слегка переделав. Но это, в общем, даже хорошо: в нашей истории появляется еще один князь-книгочей.

- 1 ПСРЛ 2: 442.
- 2 Соловьев С.М. *Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. I. Т. 2. История России с древнейших времен.* М., 1998, 465.
- 3 Ключевский В.О. *Курс русской истории, часть I.* М., 1987, 196
- 4 См., напр.: «Некоторые князья прямо отрицают всякое наследственное право, предоставляя себе свободу добывать волости, им пригодные (поговорка знаменитого Изяслава Мстиславича: «Не голова к месту, а место к голове»)» (Градовский А. Д. *Начала русского государственного права.* Т. I. СПб., 1875, пар. 144); или совсем недавно: «Киевское княжение стало утрачивать значение «золотого стола», и летопись донесла до нас пословицу: «Не идешь место к голове, но голова к месту». Эта паремия приобретает истинно политическое звучание в устах энергичного и способного внука Владимира Мономаха Изяслава Мстиславича, поскольку регистрирует формирование абстрактного понятия высшей государственной должности, не совпадающей ни с личностью, ни с символом власти» (Фалалеева И.Н. *Политико-правовая система Древней Руси IX–XI вв.* Волгоград, 2003). Кажется, только А.Ю. Карпов решил, будто фраза Изяслава есть «давняя присказка русских князей» и относится на самом деле к Юрию Владимировичу Долгорукому (Карпов А.Ю. *Юрий Долгорукий.* М, 2006).
- 5 См., напр.: голову свою сложю; но любо голову свою сложю . пакы ли чѣину свою налѣзу; а нама са тобѣ нѣчимъ ѿкупити сему .толико главою своею; головы своѣ сложити; хочемъ головы своа сложити за та; хочемъ за ѿца твоеѣ чѣть . и за твою головы своа сложити; и головы своа съкладаемъ (ПСРЛ 2: 376, 380, 410; 420–421; 427; 437; 467; 480). См. также: держиши на свою голову (ПСРЛ 2: 372).
- 6 ПСРЛ 2: 452, 462.
- 7 ПСРЛ 2: 410.
- 8 ПСРЛ 2: 380.
- 9 См., напр.: «На основании примеров пословиц, сохранившихся в летописи, мы заключаем, что Киевская Русь знала пословицы разнообразных видов — исторические: «погибоша аки Обри», «беда аки в Родне», «радимичи Волчья Хвоста бегают» и др.; военные: «мир стоит до рати, а рать до мира», «един камень много горньцев избиваетъ», «острый мечю, борзый коню — многа я Руси», «мертви бо сраму не имуть»; политические: «не идеть место к голове, но голова к месту», «не погнетши пчел, меду не едать» (Никифоров А. И. *Фольклор Киевского периода. История русской литературы: В 10 т. Т. I. Литература XI — начала XIII века.* М.; Л., 1941, 237–238); «Некоторые пословицы намекали на политические обстоятельства: “Не идеть место к голове, но голова к месту» (Робинсон А. Н. *Литература раннефеодального периода: [Литература Древней Руси]. История всемирной литературы: В 8 томах. Т. 2. М.: Наука, 1984, 421).*
- 10 Семенов В. *Древняя русская Пчела по пергаменному списку.* СПб., 1893, 3.

Алексей Толочко

Десятинна церква — новини сезону 2010 року

Археологічні дослідження Десятинної церкви в Києві мали бути «остаточно» завершені 30 вересня 2010 р., згідно з розпорядженням Кабінету Міністрів України № 113 від 23.06.2010 р. Далі мали розпочатися роботи з музеєфікації решток унікальної пам'ятки. Проте, на середину вересня ще не було розпочато ані демонтаж та вивіз металево-бетонного брухту від заваленого укриття, ані фінансування археологічних досліджень й попередньої консервації кладок фундаментів пам'ятки. Визначений рубіж розкопчних робіт виявився нереальним.

Осмилення та введення до наукового обігу всього масиву здобутої інформації ще попереду. Тим часом, незважаючи на всі труднощі, польовий сезон 2010 р. поповнив майбутній музей новими унікальними знахідками. Продовжилися розкопки напольного (з боку вул. Володимирської) краю рову Старокиївського городища, який проходив вздовж північної галереї Десятинної церкви. Дослідження цієї ділянки у 2007–2009 рр. продемонстрували наявність у верхній частині заповнення рову цікавої стратиграфічної колонки шарів, пов'язаних з будівництвом, ремонтом та руйнуваннями церкви від кінця X до XVII ст. Особливу увагу привернув потужний шар ремонту середини XI ст. (горизонт В), що складався з унікальних будівельних матеріалів кінця X ст. (блоки кладки з плінфи та цем'яноквого розчину), включаючи елементи оздоблення храму — фрески, мозаїки, пірофілітові плити та карнизи тощо. Серед них знайдено вже відомі дві плінфи X ст. з прорізанним написом ЦН. Фресковий розпис був представлений переважно дрібними уламками фонового розпису (як і решта знахідок фрагментів фресок зі Старокиївської гори).

Однак 2009 р. біля північно-західного рогу храму X ст., в шарі горизонту В, виявлено рештки двох розбитих (вірогідно під час падіння) блоків кладки з фресковим розписом. Після гіпсування вони були взяті монолітом з розкопу. Одна з фресок являла собою фонний розпис червоного кольору. Другий блок являв собою кут цокольної частини пілястри або стовпа із фресковим розписом на двох площинах довжиною 0,42 м й сторонами 0,24 та 0,15 м завширшки. Лицьова площа пілястри мала переважно синій колір й, вірогідно, погрудне зображення. Простежено слабкі сліди супроводжуючого напису. Інша площа прикрашена рослинним орнаментом у вигляді стеблин з пелюстками, виконаним на білому тлі контурним малюнком чорною фарбою. Межа цокольної частини та грані пілястри оформлені червоною рамкою. На минулий рік це був найбільший відомий нам уламок фрески Десятинної церкви.

Проте у сезоні 2010 р. на тому самому місці виявлено ще більший блок кладки X ст. з фрескою та ще й карнизною плитою з овруцького рожевого пірофіліту. Він також постраждав від сильного удару об землю. Блок становив виступаючий кут стовпа або пілястри, був вдавнений своїм ребром у землю, і, як і попередні блоки, лежав фресковим шаром донизу. Залишати його на місці було неможливо. Необхідно було оперативнo закріпити його й вийняти монолітом для переносу на базу експедиції. Проблема полягала в тому, що в Україні реставратори-монументалісти, які займалися пам'ятками давньоруської доби, ніколи не працювали з археологічними знахідками безпосередньо на розкопі. Адже вони реставрували настінну фреску в «живих» пам'ятках — Софійському соборі, Кирилівській церкві, Спасі на Берестові. Враховуючи унікальні розміри і надзвичайно поганий стан збереженості фрески, були організовані термінові наради та консультації. На допомогу прийшли фахівці, які працювали з давньоруською фрескою — Г.А. Марченко, А.М. Остапчук, Ю.О. Коренюк, Ю.М. Стріленко та інші, за що ми безмежно їм вдячні. Було прийняте рішення про поетапне закріплення фрески на місці за допомогою розчинів ПБМА з наступним гіпсуванням. Безпосередньо цю роботу взяла на себе художник-реставратор, науковий співробітник відділу реставрації творів

Рис. 1. Блок з фрескою, який вийняли з ґрунту та перегорнули

Рис. 2. Зображення на іншій грані блоку

художнього мистецтва Національного Києво-Печерського історико-культурного заповідника Ганна Анатоліївна Марченко. Особливу складність становило те, що жоден з учасників процесу не мав відповідного досвіду. А блок із фрескою мав складну конфігурацію, та й за площею, підкреслимо ще раз, багаторазово перевищував найбільші зразки, виявлені раніше в історії археології Києва. Попри всі за-

Рис. 3. Блок з фрескою, який вийняли з ґрунту

Рис. 4. Блок з фрескою, який вийняли з ґрунту. Художник-реставратор Ганна Марченко

Рис. 5. Блок з фресковим розписом

Рис. 6. Фрагменти різьбленої плити з овруцького пірофіліту (шиферу) з засипки рову

стереження, операція завершилася вдало, і фреска була взята з розкопу з мінімально можливими втратами. Розчистка й закріплення фрескового шару триває вже на базі експедиції.

Фрагмент складається з двох площин, з'єднаних під кутом 90 градусів, 0,75 м завдовжки та 0,34 м завширшки кожна. На одній з них — вертикальний декоративний фриз з чорно-білим рослинним орнаментом, на іншій — частина поліхромного квіткового медальйону. До однієї з цих площин підходив теж під прямим кутом ще один трохи менший фрагмент стінки з фресковим розписом. Проте з технологічних причин його довелося виймати окремо.

Важливість цих унікальних останніх знахідок фрескового розпису Десятинної церкви полягає в тому, що ці фрески (на відміну від всіх інших, знайдених на території Старокиївської гори, які можуть походити з різного часу та різних пам'яток) безперечно належать до розписів самого храму, причому на кладці саме X ст.

У 2010 р були отримані нові матеріали й про фрескові розписи Десятинної церкви наступних хронологічних періодів. У розкопі 9, закладеному на місці траси рову біля східного кута північної галереї, простежено ще один потужний шар ремонту, що включав фрески на жовто-гарячій штукатурці з фарбником по-

ганої збереженості. Фрески цього будівельного горизонту помітно відрізняються від фресок на крихкій білій штукатурці X ст. та фресок з яскравими фарбниками на міцному рожевому тиньку XII ст., що попередньо дозволяє датувати їх XI ст., а появу самого горизонту пов'язати з ремонтом XII ст.

Розпочато петрографічні та інші аналізи (Ю.М. Стріленко) тиньку виявлених фрескових розписів. Вже їхні попередні результати вказують на відмінність фрескових розчинів X ст. Десятинної церкви та основного масиву фрескового розпису Софійського собору. Це ще раз свідчить, що обидва храми розписували різні майстри.

Колекція оздоблення церкви з овруцького пірофіліту у 2010 р. поповнилася новими фрагментами декоративних різьблених плит, карнизною плитою, чотирикутною плитою підлоги зі скошеним краєм, а також унікальним фрагментом колонки (можливо, напівколонки) діаметром 21 см. Зібрано також нові деталі зі смальти та каменю від мозаїчної підлоги та мозаїки стін.

Використання будівельних решток у X–XII ст. для нівелювання заповнення рову свідчить про його досить значне вже на той час просідання. На жаль, у 20–30-х рр. XIX ст. територія навколо фундаментів Десятинної церкви була вкрита досить щільною, але безсистемною мережею пошукових траншей О.С. Аненкова. Як показали дослідження 2007–2010 рр., О.С. Аненков закладав траншеї 2 м завширшки з вертикальними стінками, що прокопувалися до материкового ґрунту чи глибше, а над трасою рову — до рівня суглинистої засипки X ст. Верхні шари землі з будівельними рештками при цьому пересіювалися у пошуках знахідок, про що свідчить характерне заповнення траншей. Розкопки дозволяють зняти з О.С. Аненкова підозру у виключному скарбощукацтві — він під час пересівання ретельно відбирав усе, а не лише вартісні чи цікаві речі: і кераміку, і фрагменти фрески, і плінфу з клеймами та відбитками тощо. Проте слід констатувати, що абсолютна більшість матеріалів, імовірно, була спочатку депаспортизована, а потім загинула разом з усім приватним зібранням О.С. Аненкова.

Під час археологічних досліджень садиби Десятинної церкви 1908–1914 рр. Д.В. Мілеєвим та С.П. Вельмінім ділянку траси рову прокопали вже до материкового ґрунту практично по всій довжині північної галереї від західного до східного кута. На цій ділянці могли залишитися лише декілька стратиграфічних бровок шириною до 0,5 м. Практично повністю розкопана й зона на північний схід від апсид, де залишилися недоторканими тільки декілька квадратів. Певний потенціал для виявлення некопаного ґрунту залишається за трасою рову на захід від церкви, де продовжується горизонт зі слідами ремонту XI ст. Щоправда, віддаленість цієї ділянки від стін споруди робить невисокою ймовірність виявлення тут нових великих блоків кладки з фресковим розписом чи з чимось іншим.

Тим унікальнішими видаються здобуті під час польових сезонів 2009–2010 рр. блоки автентичної кладки X ст. з фресковим розписом Десятинної церкви. Це найдавніші достовірно датовані фрески середньовічної доби на території Східної Європи.

Гліб Івакін, Віталій Козюба, Олексій Комар, Ганна Марченко

Тимур Бобровский

Древнерусская надпись-дипинто из Ближних пещер Киево-Печерской лавры

В 1977–79 гг. во время археологических исследований в Ближних пещерах Киево-Печерской лавры на стене одного из подземных помещений была обнаружена выполненная охрой многострочная надпись-дипинто. Надпись была сфотографирована и схематично зарисована, однако, осталась непрочитанной и неопубликованной авторами раскопок¹.

Впервые прочтение первых шести строк этой надписи было предложено нами в 1997 г. на основании материалов фиксации, содержащихся в отчетах 1978–79 гг.² В 2007 г. в ходе мониторингового обследования Ближних пещер дипинто было изучено повторно с выполнением его фотофиксации и прорисовки. При этом надпись оказалась значительно объемнее первоначально прочитанных шести строк, что потребовало ее повторной публикации, которую мы и приводим в этой статье.

Помещение, в котором выполнена надпись, представляет собой пещерную камеру прямоугольной в плане формы, ориентированную стенками по сторонам света, длиной до 2,2 м (по оси запад–восток) и около 2 м (по оси север–юг)³. Камера простенками делится на три части — центральную в виде прохода шириной 0,5–0,55 м и две боковые, выполненные в виде аркосолий шириной по 0,7 м каждая. Высота помещения колеблется от 1,35 м в центре до 1,1 м по бокам. Пол центральной части помещения перекрыт засыпкой, над которой на 5 см возвышаются основания аркосолий, оснащенных материковыми бортиками по

- 1 Мовчан И.И., Авагян А.Б. Отчет об археологических исследованиях в Ближних пещерах Киево-Печерского заповедника, проведенных в 1978–1979 гг. *Научный архив Института археологии НАН Украины*. № 1978/79/16г; 28, рис. 24; Любашенко В.М., Кусок Т.М., Чередниченко Е.Ф., Бойко Т.Д., Воронцова Е.А. Отчет об археологических исследованиях в Ближних пещерах на территории Киево-Печерского государственного историко-культурного заповедника 1977–1978 гг. *Научный архив Национального Киево-Печерского историко-культурного заповедника*. № КПЛ-П 1218, 17–18. В зарисовке надписи, представленной в отчете, были достаточно точно воспроизведены ее 1-я, 2-я, 3-я и 6-я строки: *цвѣла / дѣкочлѣ / колюкѣче / ... / ... / нѣдесноу / ...* (Любашенко В.М. и др. Отчет, 17, рис.).
- 2 Бобровский Т.А. Об одном типе средневековых пещерных сооружений. *Проблемы греческой культуры (материалы Международной научно-практической конференции)*. Симферополь, 1997, 97–100. Нами было предложено следующее прочтение этой надписи: *цв владыко человеколюбче не причѣти наю ошююю но сдесноу (аминь)*.
- 3 В ходе исследований 1977–1979 гг. помещение получило порядковый № 18 (Мовчан И.И., Авагян А.Б. Отчет, 28).

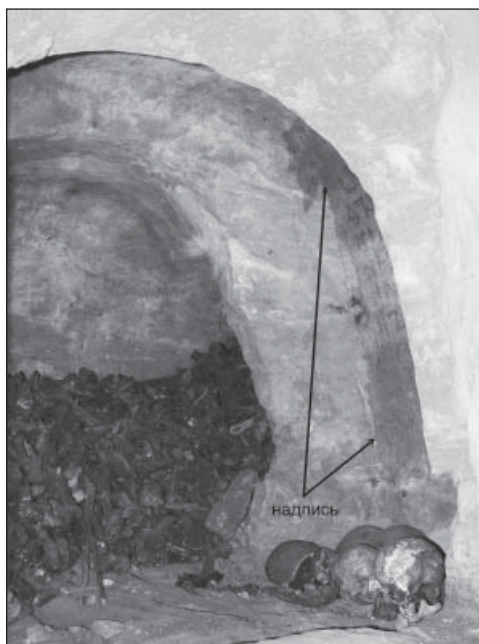

Рис. 1. Общий вид крипты в Ближних пещерах с обозначенным местом расположения надписи-дипинто

краям и уступами-подголовниками в их западных торцах (рис. 1). Исследователями помещение интерпретировано как крипта, предназначавшаяся для парного погребения в боковых аркосолиях⁴. К моменту исследований 1977–1979 гг. помещение было на 2/3 заполнено засыпкой с разрозненными костными останками, среди которых остатки первоначальных погребений в аркосолиях *in situ* не сохранились. В ходе исследований засыпка была удалена только частично.

Надпись выполнена на торцевой стене центрального прохода помещения на высоте 1,1 м от современного уровня его пола (рис. 2)⁵. В результате новейших исследований в надписи зафиксировано 11 строк, десять из которых расположены одна над другой вертикальным столбцом на торцевой (западной) стене помещения. Левый край столбца — достаточно ровный — находится в 5 см от юго-западного угла центрального прохода, правый край — частично наползает на его северо-западный угол⁶. Еще одна строка дипинто приписана на уровне третьей строки надписи на боковой (северной) стене помещения на высоте 0,9 м от уровня пола (рис. 3). Общая высота сохранившихся строк надписи составляет 70 см, наибольшая ширина 46 см (а с учетом приписки — 83 см).

4 Мовчан И.И., Авагян А.Б. Отчет, 28.

5 Высотная отметка взята по верхней точке соединения первых двух букв первой (самой верхней) строки надписи.

6 В частности, в самом углу (с частичным «наползанием» на соседнюю стену) выполнена буква γ в конце девятой строки надписи.

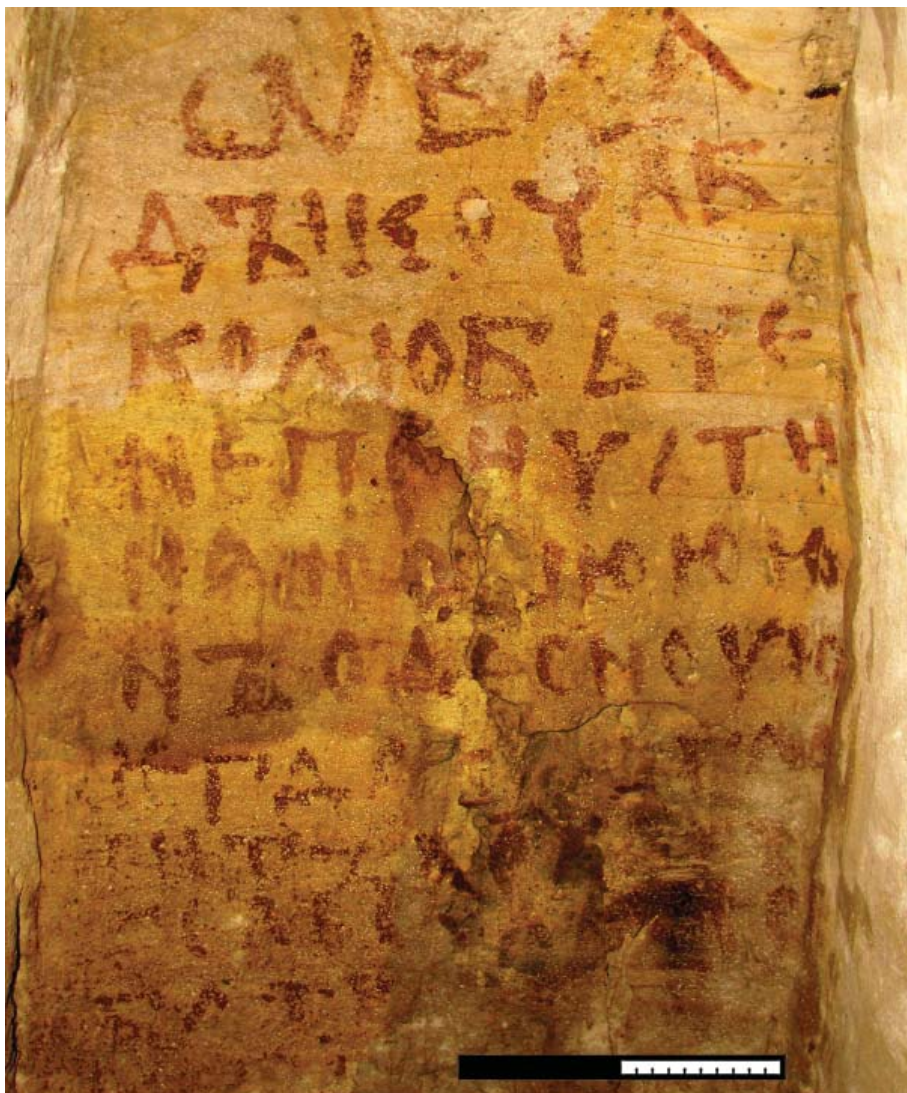

Рис. 2. Общий вид надписи-дипинто из Ближних пещер (строки 1–10)

Дипинто, состоящее из 90 сохранившихся букв, выполнено красно-коричневой охрой по материковой (песчаниковой) поверхности стены⁷. Поверхность стены в месте расположения надписи не имеет существенных повреждений, од-

⁷ Песчаник, в котором проложены Ближние пещеры, неоднороден, в нем фиксируются железистые прослойки и включения красного и коричневого цвета, несколько усложняющие прочтение надписи в местах ее фрагментарной сохранности. Впрочем, за исключением отдельных букв в нижних строках дипинто, большинство знаков прочитывается достаточно отчетливо.

Рис. 3. Общий вид написанной строки 3а в надписи-дипинто из Ближних пещер

нако в самой надписи наблюдаются некоторые утраты, связанные с локальными осыпаниями красочного слоя. Худшая сохранность нижней части надписи объясняется тем, что до начала исследований ее покрывал слой засыпки с костями, способствовавший активному отслоению краски. Именно это обстоятельство и могло привести к скорейшему разрушению самых нижних строк дипинто (десятой и одиннадцатой), от которых сохранились лишь фрагменты на высоте 35–40 см над уровнем пола крипты.

По характеру начертания букв можно предположить, что надпись была выполнена неширокой малярной кистью, оставившей красочные линии шириной от 5 до 15 мм. Другие параметрические данные дипинто представлены в следующей таблице:

№ строки	Ширина строки	Количество букв в строке	Высота букв (максимальная)	Высота букв (минимальная)
1	35,5 см	5	8 см (v)	5 см (a)
2	42 см	7	6,5 см (ч)	5 см (a)
3	42,5 см	8	6,5 см (к)	5 см (е)
3а	38 см	8	8 см (и)	4,5 см (γ)
4	44,5 см	9	7 см (р)	4,5 см (и)
5	44 см	8	5,5 см (н)	4 см (ю)
6	46 см	10	6,5 см (н)	4,5 см (е)
7	45 см	10	5,5 см (р)	4 см (a)
8	43,5 см	10	5,5 см (х)	3,5 см (e)
9	45,5 см	11	5 см (л)	3,5 см (к)
10	> 37 см	> 4	5 см (в)	3,5 см (т)

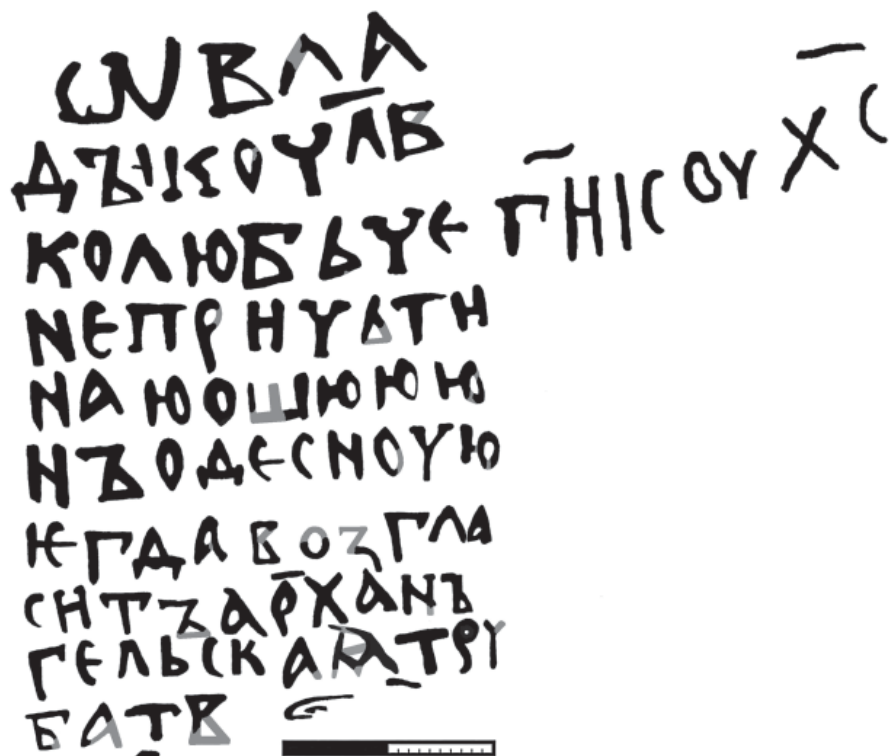

Рис. 4. Прорисовка надписи-дипинто из Ближних пещер

Несложно заметить, что в дипинто прослеживается общее последовательное уменьшение букв от верхних строк к нижним. Это обстоятельство, наравне с «загибанием» кверху окончаний большинства верхних строк и «уплотнением» букв в нижних строках, свидетельствует о желании писца вместить большую надпись в достаточно ограниченное пространство стены.

Разбивка текста надписи на слова и их прочтение не представляют особой сложности (рис. 4):

— начало первой строки — *wv* — лигатура-сокращение от греческого $\omega\ \omicron\upsilon\tau\omicron\varsigma$ («Сый» или «Суший») в качестве обозначения «Предвечного Бога»⁸;

— конец первой, вторая и третья строки — *владѣко члѣвколюбѣче* — распространенное обращение к Господу в значении «человеколюбивый правитель»⁹;

8 Срезневский И.И. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, СПб., 1893–1903, I, 209.

9 Ср.: *ѣко члѣвколюбѣче* в *Служебнике* преп. Варлаама XII в. или *ѣ тебе · члѣвколюбѣче · весъмьртнѣ въспричато* в *Служебной минее* 1097 г. (Срезневский И.И. *Материалы*, III, 1535). Идентичное сокращение *члѣвколюк-* см. в *Клоцовой сборнике* гомилий XI в. (*Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*). Под редакцией Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994, 781).

— приписка к третьей строке — $\tilde{г}\tilde{н}$ $\tilde{исоу}$ $\tilde{хс}$ — сокращение от «Господи» и имени Иисуса Христа¹⁰;

— начало четвертой строки — $\tilde{нѣ}$ — частица, обозначающая отрицание¹¹;

— конец четвертой строки — $\tilde{прич}<\tilde{ь}>\tilde{ти}$ — глагол 2-го лица единственного числа повелительного наклонения от $\tilde{причисти}$ (в значении «причислить») ¹²;

— начало пятой строки — $\tilde{наю}$ — местоимение 1-го лица двойственного числа в родительном падеже, в значении «нас двоих (обоих)» ¹³;

— конец пятой строки — $\tilde{о}$ $<\tilde{ш}>\tilde{юю}$ — прилагательное с предлогом, обозначающим пространственное отношение, в значении «по левую сторону» ¹⁴;

— начало шестой строки — $\tilde{нъ}$ — противительный союз в значении «но» (или «а») ¹⁵;

— конец шестой строки — $\tilde{о}$ $\tilde{дясноюю}$ — прилагательное с предлогом, обозначающим пространственное отношение, в значении «по правую сторону» ¹⁶;

— начало седьмой строки — $\tilde{югда}$ — временной союз в значении «когда» ¹⁷;

— конец седьмой и начало восьмой строк — $\tilde{в}<\tilde{оз}>\tilde{гласит}<\tilde{ь}>$ — глагол 3-го лица единственного числа будущего времени в значении «возгласит» ¹⁸;

— конец восьмой и начало девятой строк — $\tilde{архан}^{\tilde{ь}}\tilde{гельска}<\tilde{а}>$ — прилагательное женского рода единственного числа, производное от «архангела» ¹⁹;

— конец девятой и начало десятой строк — $\tilde{тр}<\tilde{ь}>\tilde{в}<\tilde{а}>$ — существительное женского рода единственного числа, обозначающее духовой музыкальный инструмент ²⁰.

В средней части десятой строки фиксируется продолжение надписи с началом следующего слова, представленного двумя буквами, — $\tilde{т(в)}$ — вероятно, сокращение от «Твое» или «Твоего». От остальных букв этой строки сохранились маловразумительные фрагменты, не позволяющие восстановить характер представленных ими буквенных знаков. Также крохотные фрагменты охры фиксируются и ниже десятой строки, свидетельствуя, что дипинто имело, как минимум, 11 строк.

10 Напр.: $\tilde{с}^{\tilde{ь}}\tilde{ч}^{\tilde{ь}}\tilde{т}^{\tilde{о}}\tilde{х}^{\tilde{ь}}$ $\tilde{п}^{\tilde{а}}\tilde{т}^{\tilde{ь}}$ $\tilde{с}^{\tilde{ь}}\tilde{т}^{\tilde{ь}}$ $\tilde{г}\tilde{н}$ $\tilde{п}^{\tilde{о}}\tilde{л}^{\tilde{н}$ оуи в *Синайском патерике* XI в. (Срезневский И.И. *Материалы*, I, 565). Сокращение $\tilde{исоу}$ $\tilde{хс}$ четырежды встречено в *Супрасльской минее* XI в. (*Старославянский словарь*, 273).

11 *Старославянский словарь*, 358; Срезневский И.И. *Материалы*, II, 354–355.

12 Срезневский И.И. *Материалы*, II, 1495. См. также: $\tilde{и}$ $\tilde{прич}^{\tilde{ь}}\tilde{ти}$ и $\tilde{с}^{\tilde{ь}}$ $\tilde{в}^{\tilde{ь}}\tilde{с}^{\tilde{ь}}\tilde{м}$ и ($\tilde{в}^{\tilde{а}}$) $\tilde{т}^{\tilde{ь}}$ $\tilde{м}$ и $\tilde{т}^{\tilde{ь}}$ $\tilde{м}$ и в *Синайском ехологии* XI в. (*Старославянский словарь*, 514–515).

13 Ср.: $\tilde{не}$ $\tilde{осрали}$ $\tilde{наю}$ $\tilde{от}^{\tilde{ь}}$ $\tilde{л}$ ица $\tilde{т}^{\tilde{во}}$ его в *Супрасльской минее* (*Старославянский словарь*, 164).

14 Напр.: и $\tilde{п}^{\tilde{о}}$ стави $\tilde{т}$ $\tilde{о}$ вцѣ $\tilde{о}$ $\tilde{д}$ еснѣж $\tilde{с$ ебѣ $\tilde{а}$ $\tilde{к}$ озьлицѣ $\tilde{о}$ $\tilde{ш}$ оу $\tilde{ж}$ ѣ в *Остромировом евангелии* XI в. (Срезневский И.И. *Материалы*, III, 1599) или $\tilde{т}^{\tilde{ь}}$ $\tilde{г}$ да $\tilde{р}$ аспѣша $\tilde{с}^{\tilde{ь}}$ $\tilde{н}$ и $\tilde{а}$ гъ $\tilde{д}$ ва $\tilde{р}$ аз $\tilde{в}$ о $\tilde{н}$ и $\tilde{к}$ а $\tilde{о}$ $\tilde{д}$ е $\tilde{с}$ нѣж $\tilde{о}$ $\tilde{д}$ е $\tilde{с}$ нѣж $\tilde{о}$ $\tilde{ш}$ оу $\tilde{ж}$ ѣ в *Зографском четвероевангелии* X–XI вв. (*Старославянский словарь*, 790).

15 Ср.: $\tilde{не}$ $\tilde{на}$ гъ $\tilde{н}^{\tilde{ь}}$ $\tilde{и}$ е $\tilde{н}$ и $\tilde{т}^{\tilde{во}}$ е $\tilde{ю}$ ю $\tilde{д}$ ждь $\tilde{сл}$ е $\tilde{ж}$ в *Синайском ехологии* (*Старославянский словарь*, 384).

16 См. прим. 13.

17 Ср.: $\tilde{а}$ зъ $\tilde{ю}$ гда $\tilde{в}^{\tilde{ь}}$ з $\tilde{в}$ ра $\tilde{щ}$ е $\tilde{с}$ я $\tilde{в}^{\tilde{ь}}$ з $\tilde{д}$ а $\tilde{л}$ ѣ $\tilde{т}$ и в *Остромировом евангелии* (Срезневский И.И. *Материалы*, I, 807).

18 Ср.: и $\tilde{в}^{\tilde{ь}}$ з $\tilde{г}$ л $\tilde{а}$ с($\tilde{и}$ т $\tilde{ь}$) $\tilde{н}$ ер $\tilde{к}$ и $\tilde{и}$ $\tilde{р}$ ечет($\tilde{ь}$) $\tilde{л}$ ир($\tilde{ь}$) $\tilde{в}$ с $\tilde{ь}$ м($\tilde{ь}$) в *Синайском ехологии* (*Старославянский словарь*, 133).

19 Ср.: $\tilde{в}$ о $\tilde{н}$ ств $\tilde{а}$ $\tilde{а}$ н $\tilde{г}$ л $\tilde{ь}$ ска и $\tilde{а}$ р $\tilde{х}$ ан $\tilde{г}$ л $\tilde{ь}$ ска в *Служебнике* преп. Варлаама (Срезневский И.И. *Материалы*, I, 28).

20 Напр.: $\tilde{в}$ остру $\tilde{в}$ ил $\tilde{ь}$ $\tilde{в}$ рат $\tilde{і}$ е $\tilde{и}$ $\tilde{т}$ ак $\tilde{о}$ $\tilde{в}$ о $\tilde{з}$ лат $\tilde{о}$ к $\tilde{о}$ ван $\tilde{н}$ ы $\tilde{х}$ $\tilde{т}$ ру $\tilde{в}$ ы $\tilde{в}^{\tilde{ь}}$ $\tilde{р}$ аз $\tilde{у}$ м $\tilde{ь}$ $\tilde{у}$ ма $\tilde{с$ во $\tilde{е}$ го в *Слове Даниила Заточника* XII в. (Срезневский И.И. *Материалы*, III, 1004).

Содержание двух нижних строк возможно реконструировать лишь гипотетически по общему смысловому контексту надписи, носящей несомненно молитвенный характер. В связи с этим, ключевым в надписи является прошение о причислении к находящимся по правую сторону. В христианской традиции разделение «одесную» и «ошуюю» является прямым указанием на определение посмертной судьбы в ходе Страшного Суда, который должен состояться в результате второго Христового пришествия: на Суде место по правую сторону от Престола предназначено для праведников, а по левую — для грешников²¹. Соответственно, знаменем Пришествия и призывом к Страшному Суду должен стать «глас» архангельской трубы, также упоминающийся в надписи²². Таким образом, можно предположить, что в несохранившейся части дипинто речь шла именно о Христовом пришествии, а сама молитва завершалась традиционным междометием «аминь»²³.

В итоге, текст надписи может быть реконструирован следующим образом:

ѿвѣдѣ
 дѣтѣ члѣвѣ
 колюбѣчѣ ꙗко ꙗкоу хс
 не причѣти
 наю о шююю
 нѣ о десноую
 югда возглас
 ситѣ арханѣ
 гельскаѣ труѣ
 ва те[ое прише
 ствие аминь]

Сущий Владыко Человеколюбец, Господи, Иисус Христос, не причисли нас (обоих) по левую руку (к грешным), но по правую (к праведным), когда провозгласит Архангельская труба (Твое Пришествие. Аминь)

Таким образом, дипинто представляет собой запись молитвы, произносимой от первого лица, с прошением о посмертном помиловании на Страшном Суде. Подобную формулу можно нередко встретить в святоотеческих молитвах, в частности, у св. Иоанна Златоуста и преп. Ефрема Сирина²⁴, однако, ближайшую

21 Напр.: «Тогда сядет Сын Божий, и поставит овцы одесную, а козлища ошуюю» (Мф. XXV, 31–33); «Одни одесную, другие ошуюю станут на Суде» (Ефрем Сирий преп. *Творения*, IV, 140, 24 молитва); «И поставят добрых одесную, а грешных ошуюю» (Сказания пророка Исаяи о грядущих летах и об Антихристе, болгарское сказание XI в. *Родник златострунный. Памятники болгарской литературы IX–XVIII веков*, М., 1990, 271).

22 Напр.: «Егда вострубит Архангельская труба, егда сам Господь в повелении, во гласе Архангелове, и в трубе Божии снидет с небес, и мертвии о Христе воскреснут первее; потом же Мы живущие оставшие» (1 Сол., IV, 16–17).

23 Напр.: «что естъ знамение твоего пришествиѣ (пришествиѣ); тако вждетъ ѣ въ пришествие (пришествие) с(ы)на ч(ловѣч)скаго; съ нимъ же тебѣ слава... въ вѣкы вѣкомъ аминь (аминь) в рукописях XI в. (*Старославянский словарь*, 69, 516). См. также: Срезневский И.И. *Материалы*, I, 21.

24 «Удостой меня стояния одесную Тебя, со святыми Твоими» (Иоанн Златоустый св. *Творения*, 2-я молитва); «Не поставь меня ошуюю, вместе с отрекшимися от имени Твоего, но поставь одесную Тебя вместе со всеми, поклонившимися Кресту Твоему» (Ефрем Сирий преп. *Творения*, 57-я молитва).

аналогию (и смыслово, и буквально, в географическом отношении) находим в молитве, записанной во второй половине XI в. преп. Феодосием Печерским для варяга Симона и его сына Георгия:

помани мѧ, господи, егда прїидеши въ царствїи си и въздати хотѧ комуждо по дѣломъ его, тогда ѹбо, владыко, и раба своего симона и георгіа сподоби одеснїю тебе стати въ славу твою и слышати благын твои глас: прїидете благословенїи отца моего, наследуйте ѹготованное вамъ царство искони мира²⁵.

Несмотря на то, что молитва, согласно сказанию *Патерика*, была произнесена и записана преп. Феодосием при жизни Симона, предназначалась она для использования при погребении последнего в качестве *разрешительной молитвы*²⁶.

Применение такой формулы в нашем случае вполне оправданно, поскольку дипинто выполнено в помещении несомненно погребального характера. Более того, поскольку в помещении располагалось парное монашеское погребение, соответственно, и надпись сделана от лица двух человек. Существенным ее отличием от известных текстов *разрешительных молитв* является то, что она выполнена от первого лица, в то время как все известные нам образцы, включая вышеприведенный Феодосиев, поданы от имени священника, просящего за третье лицо²⁷. Поэтому здесь мы можем лишь предположить, что текст дипинто был записан на стене погребального помещения в качестве своеобразной (от первого лица) версии традиционной *разрешительной молитвы*, выполненной для двух человек, захороненных в данной крипте.

К сожалению, в тексте дипинто отсутствуют какие-либо указания на время его создания. Не способствуют установлению его хронологии и археологические материалы из раскопок данной крипты. Ввиду этого, палеографические особенности рассматриваемой надписи остаются единственным ключом к ее объективной датировке.

Как уже указывалось, дипинто состоит из 90 букв (рис. 4). Для анализа с использованием параметрического метода нами отобрано 89 букв²⁸, представленных 29 графемами и 69 графическими моделями²⁹.

25 Абрамович Дм. *Кисво-Печерський Патерик (вступ, текст, примітки)*. К., 1931, 4.

26 В тексте на это дано прямое указание: иже и донынѣ възлагають ѹмершимъ в руку такуюю молитву... и отголѣ ѹтвердїеи такое написанїе полагаи ѹмершимъ, прежде ко сего нїгъ не сътвори ницевыя вещи в руси (Абрамович Дм. *Кисво-Печерський патерик. Вступ, текст, примітки*. К., 1931, 4). Современная церковная практика вкладывания молитвы в виде свитка в гроб (или в руку покойного) рассматривается историками церкви как следование древней печерской традиции (Абрамович Дм. *Кисво-Печерський патерик*, 212, прим. 4; Дебольский Г.С. прот. *Православная церковь в ее таинствах богослужения, обрядах и требах*. М., 1994, 522).

27 Дебольский Г.С. прот. *Православная церковь*, 522, прим. 2; Соколов И.И. *Состояние монашества в Византийской церкви с середины IX до начала XIII века (842–1204). Опыт церковно-исторического исследования*. СПб., 2003, 95.

28 Начертание буквы *v* не анализировалось нами, поскольку для нее не определены графические модели с установленными хронологическими диапазонами.

29 О параметрическом методе, его принципах и терминологии см.: Зализняк А.А. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. Янин В.Л., Зализняк А.А. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.)*. Т. X. М., 2000, 134–250. Графемы —

В 16 случаях, в виду различных обстоятельств, определение графических моделей сделано не вполне уверенно. Из-за фрагментарности букв некоторые признаки фиксируются лишь предположительно, в частности: во второй строке — развилка на стыке петель у *в*, в четвертой строке — округлая петля у *р*, в седьмой строке — перелом при мачте у *в*, конфигурация *о* и короткий хвост у *з*, в девятой строке — уменьшенный верх *к*, S-образная мачта *р*, V-образный язычок и покрытие у *л*, в десятой строке — перелом при мачте у *в*, в строке-приписке — верхние засечки у *и*. Из-за специфики начертания отдельных букв некоторые признаки также определяются приблизительно: в третьей строке — засечка на язычке у *е*, в седьмой строке — плосковерхность *а*, в девятой строке — верхняя засечка у *л* и маленькая головка *у*, в строке-приписке — конфигурация *о*. Из-за неровности и наклонности строк проблематичным является твердое определение таких признаков, как: выступающая под строку петля у *в* в первой, второй и седьмой строках, начертание *ь* с петлей углом вперед в третьей строке. В соответствии с методикой, эти признаки при определении хронологического диапазона в палеографической матрице нами рассматривались как «ослабленные»³⁰.

В итоге, результаты нашего анализа, представленные в Приложении 1, позволяют датировать дипинто предельно узко — последней четвертью XII в. Датировка эта обусловлена двумя безупречными графическими моделями: начертаниями *в* с высокой петлей (появляется в последней четверти XII в.) и вертикального *ь* с округлой петлей (исчезает на рубеже XII–XIII вв.) (рис. 5: 3/5, 9/4). Кроме указанных, в пользу данной датировки свидетельствуют и более слабые признаки, также исчезающие или существенно сокращающиеся на рубеже XII–XIII вв.: *а* с удлиненной спинкой, *р* с S-образной мачтой, *ь* с петлей углом вперед, *в* и *п* с выступами сверху, *у* с маленькой головкой и др., а также *о* шириной в «И» и

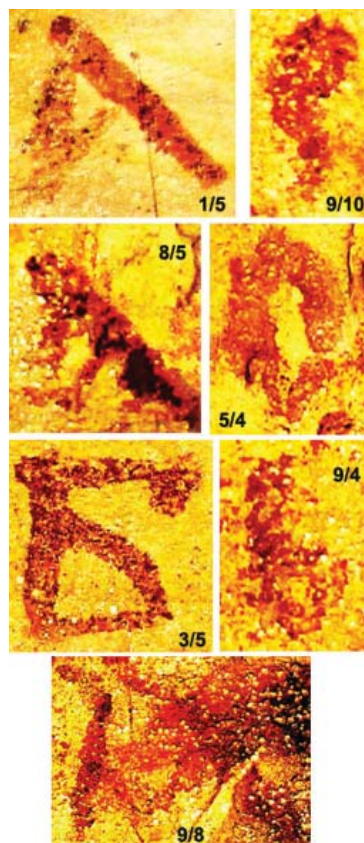

Рис. 5. Детали надписи-дипинто из Ближних пещер (образцы изображений некоторых букв, существенных для палеографического анализа)

абстрактные письменные знаки, из которых любые два в силу культурно-исторической традиции в данную эпоху в данном социуме признаются различными и, соответственно, имеют разные наименования (Зализняк А.А. *Палеография*, 134–135).

³⁰ Зализняк А.А. *Палеография*, 286.

«Н», появляющаяся во второй половине XII в. (рис. 5: 1/5, 5/4, 8/5, 9/10). Указанной датировке не противоречат и начертания всех остальных графических моделей дипинто, а также его языковые особенности: двоякое использование редуцированных ъ/ь, графика ю, написания ҃ после согласной и о в начале слога.

Исключение составляет лишь начертание V-образного язычка у ѡ, который в новгородской эпиграфике появляется лишь в последней четверти XIII в. (рис. 5: 9/8). Однако, схожее решение малого юса неоднократно встречено в кириллических рукописях XI–XII вв., а в киевской эпиграфике известно по софийскому граффито 1076–78 гг. с именем князя Святослава Ярославича³¹. Исходя из этого, время бытования данной модели, зафиксированное по новгородским образцам, нами не учитывалось при определении хронологического диапазона киевской надписи, тем более, что сохранность самой буквы не позволяет уверенно реконструировать ее начертание.

Безусловно, полученная на основании палеографической матрицы датировка рассматриваемого дипинто в пределах 1180–1200 гг. является в некоторой степени формальной. С учетом высказанного А.А.Зализняком замечания об изредка наблюдающихся 10–20-летних «разрывах» между внестратиграфическими и текстовыми датами в эпиграфических памятниках³², время возникновения надписи из Ближних пещер следует определять в пределах последней трети XII — начала XIII вв.

Прежде чем подытожить вышеизложенное, хотелось бы остановиться еще на одной, быть может, неочевидной, но, на наш взгляд, немаловажной особенности надписи. Речь пойдет о некоторых отличиях в выполнении ее разных частей.

Как уже упоминалось, при первичной фиксации дипинто нами и нашими предшественниками более-менее отчетливо были прочитаны лишь первые шесть строк надписи. Безусловно, в первую очередь это связано с их лучшей сохранностью, однако, нельзя не заметить, что буквы остальных строк (с седьмой по десятую, а также строки-приписки) выполнены более тонкими линиями. Кроме того, первые шесть строк надписи имеют более аккуратный вид, достаточно ровны, хотя слегка и загибаются кверху. В то же время в нижних строках надписи, равно, как и в строке-приписке, буквы расположены неровно по отношению друг к другу. Эта некоторая небрежность, в сочетании с заметным пробелом между шестой и седьмой строками, как бы маркирует границу двух различных частей надписи. Еще одну отдельную часть дипинто составляет строка-приписка, также выполненная небрежно и состоящая из букв различной высоты. Таким образом, в пределах надписи мы имеем три участка, имеющие некоторые морфологические и параметрические отличия: 1) строки 1 — 6, 2) строки 7 — 10, 3) строка 3а.

Если сравнить начертания графем, одинаковых в пределах всех трех частей дипинто, заметим, что они имеют существенные отличия (рис. 6):

31 Черепнин Л.В. *Русская палеография*. М., 1956, 154–155, табл. 2; Высоцкий С.А. *Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв.* К., 1966, 41–45, табл. XII. Не исключено, что в данном случае мы имеем дело с определенной региональной особенностью в древнерусской письменности, впрочем, этот вопрос требует отдельного исследования.

32 Зализняк А.А. К изучению древнерусских надписей. Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.)*. Т. XI. М., 2004, 239.

— а на первом участке снабжена исключительно петлями с изломом, тогда как на втором — отмечены два случая округлых петель;

— к на первом участке отличается начертанием высокой петли; ниже она представлена моделью с удлиненной, заметно выступающей перекладиной;

— в на первом участке характеризуется выпуклыми нижними петлями, тогда как на втором фиксируются прямые наклонные;

— д на первом участке отличается от обычного начертания, представленного во второй части, характерными изображениями ножек в виде т.н. «щечек»;

— и и н второго и третьего участков характеризуются начертаниями верхних засечек на мачтах;

— о на первом участке везде начертана остроконечной, тогда как в других частях она имеет округлые начертания;

— р на втором участке вписана в строку, в отличие от первого, где она существенно выступает за ее нижнюю кромку;

— ү на первом участке снабжена верхними засечками, не наблюдаемыми у аналогичных графем второго и третьего участков;

— для ъ и ь второго участка характерны начертания вертикальных мачт, тогда как на первом участке их мачты исключительно наклонные.

Таким образом, указанные участки надписи характеризуются существенными расхождениями в начертаниях большинства графем³³. По нашему мнению, это дает веские основания предположить, что различные участки дипинто выполнены разными почерками, а, следовательно, могут быть соотнесены с разными писцами.

Интересно, что первый и второй участки дипинто имеют также некоторые языковые различия, связанные, например, с «прояснением» редуцированных при общем двухъеровом письме³⁴. Замена ъ на о в слове *возгласитъ* во второй части надписи явно контрастирует с сохранением ъ/ь в словах *причьти* и *нъ* ее начала. Это также свидетельствует в пользу гипотезы о двух исполнителях надписи, последовательно начертавших: один — с первой по шестую строки, другой — с седьмой по десятую (одиннадцатую).

Строки 1-6	Строки 7-10	Строка 3а
АА	ААААА	
Б	Б	
ВВ	В	
	ГГГ	Г
ДД	Д	
ЕЕЕ	ЕЕ	
НН	Н	Н
КК	К	
ЛЛЛ	ЛЛ	
ММММ	М	
ООООО	О	О
Р	РР	
С	С	С
Т	ТТТ	
У	У	У
	Х	Х
ЪЪ	ЪЪ	
ЬА	Ь	

Рис. 6. Таблица взаимовстречаемости графических моделей в различных строках надписи-дипинто из Ближних пещер

33 Всего 11 из 16 взаимовстречающихся графем. Сходные начертания е, к, л, с, т из разных участков дипинто вызваны, вероятно, тем, что данные графемы представлены в надписи широко распространенными графическими моделями.

34 Зализняк А.А. *Палеография*, 279

Со вторым писцом, вероятнее всего, следует связывать и создание третьей части дипинто — строки-приписки, которая смыслово продолжает содержание третьей строки, но не вписана в общий текстовый столбец. С автором второй части строку-приписку позволяют соотнести уже упоминавшаяся небрежность ее исполнения, а также сходные начертания отдельных букв, в частности, и с верхними засечками, округлой *o* или *у* в виде расщепления без верхних засечек.

На близость почерка во второй и третьей частях дипинто, а также на его отличие от начертаний букв первых шести строк указывают и результаты построения палеографических матриц для каждого из фрагментов в отдельности (Приложение 2). В этом случае хронологический диапазон первых шести строк дипинто полностью соответствует датировке, определяемой общей матрицей надписи (последняя четверть XII в.), но от него несколько отличаются совпадающие между собой временные рамки второй и третьей части дипинто (вторая половина XII в.), что, вероятно, также указывает на их родственность³⁵.

Подведем итоги. Дипинто на стене погребального помещения в Ближних пещерах было выполнено в последней трети XII — начале XIII вв. (формально — в последней четверти XII в.). Оно представляет собой запись молитвенного прошения о посмертном спасении двух имяреков, очевидно, похороненных в данной крипте. Текст надписи, вероятно, может рассматриваться как одна из редакций *разрешительной молитвы*, сложившихся в Киево-Печерском монастыре в контексте традиции, заложенной преп. Феодосием Печерским.

Есть основания полагать, что данное дипинто было выполнено двумя писцами, первый из которых начертал верхние шесть строк (*ѿ владыко члѣвколюбче не причѣти наю о шююю нъ о десноую*), а второй дописал еще четыре—пять снизу (*егда возгласитъ архангелская труба тв[ое] пришествіе аминь*) и одну — в качестве уточняющего продолжения первых трех строк надписи (*гѣ ісоу хѣ*).

В связи с этим весьма соблазнительным было бы предположить, что авторами данной надписи являлись те самые два имярека, впоследствии погребенные в указанном помещении. В принципе, в этом нет ничего невозможного, если учесть существовавшую в Печерском монастыре практику заблаговременного попечения о месте погребения³⁶. В таком случае датировка надписи позволила бы установить время обустройства самого помещения в пределах последней трети XII — начала XIII вв. Впрочем, ввиду целого ряда обстоятельств³⁷, архи-

35 Отличие в 20 лет, на первый взгляд, незначительно. Однако, для второй и третьей части надписи определяются, помимо узких, и широкие хронологические диапазоны, начало которых совпадает с рубежом XI–XII вв. Данное наблюдение вовсе не означает, что почерк второго писца был архаичнее почерка первого: в распоряжении обоих мы наблюдаем достаточное количество как устаревающих, так и инновационных приемов графики. Наоборот, в языковом отношении продолжатель, по-видимому, более прогрессивен, учитывая его обращение с редуцированными *ч/ь*.

36 См., например, в *Патерике*: два врата вѣста в... монастыри печерьском... сн ѹюлиста влаженнаго марка, да нагъ устроить мѣсто ошче, и тѹ агіе положена вѹдѣта, егда господь повелитъ (Абрамович Дм. *Киево-Печерський Патерик*, 157).

37 В ходе спелеоархеологических исследований Ближних пещер в 2005–2008 гг. были получены данные, позволяющие соотносить сооружение этой и аналогичных ей крипт с деятельностью монастырской братии по прославлению «печерских отцов». На основании результатов первичной обработки данных, рассматриваемое здесь дипинто, а также связанное с ним

тектурно-археологический контекст данного эпитафического памятника требует отдельного рассмотрения, а также дополнительных исследований участка древнейшего монастырского некрополя Киево-Печерской лавры.

Приложения

Приложение 1

Полная палеографическая матрица надписи-дипинто из Ближних пещер

	1025	1120	1140	1160	1180	1220	1240	1260	1280	1320	1340	1360	1380	1410	1450
о	2/4 3/2 5/4 6/3 6/8 7/6 3a/5	I >													
с	6/6 8/1 9/5 3a/4 3a/8	I >													
т	4/8 8/3 9/9 10/3	I >													
и	4/5 4/9 8/2 3a/2	I >													
г	7/2 7/8 9/1 3a/1	I >													
л	1/4 3/3 7/9	Ia >													
лъ	2/2 6/2 8/4	IIa >													
в	3/5 10/1	II >													
к	2/3	Iб =													
п	4/3	I =													
ш	5/5	I =													
к	3/1 9/6	Ia >													
н	5/1	Iб <													
р	4/4 8/6 9/10	Iб >	о	о	о	о	о	о			о	о	о	о	о
х	3a/7	I =													
х	8/7	II =													
ь	9/4	IIб =													
д	7/3	Ia =													

помещение, были ошибочно нами датированы XIII–XIV вв. (Бобровский Т.А. «Место идеже и всю братию погребают» (древнейший некрополь Киево-Печерского монастыря в свете новых данных). *Труды Государственного Эрмитажа. Материалы международного научного семинара «Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII вв.»* (в печати)).

В	1/3 2/7 7/5	2 >?													)				+			+				
W	1/1	16 =		o		o	o			+		o	)													
д	8/5 8/8	IVa <		o	o	+	o	o	o	o	o	o	o	)					+					o		
п	4/3	1 =									)o	o	o	o	o	)										
В	1/3 7/5 10/4	IIa >									)o	o	o	+	o	)	+	+	+							
А	9/8	1 =?											)			)	+	+								
Ы	2/2	Ia =										)o		o	o	o	o	)								
Д	2/1 6/4	IIIa >	o	o		o							)o		o	o		o	)							
Ы	2/2	1 =										)o		+	o											o
Ч	2/5 3/7 4/6	Ia >														)o	o	)								
Ь	3/6 4/7	IIa >																					)o	)	+	
Г	3a/1	1 <									)o	o	o	o	o	o		o		o						
І	3a/3	IIa =	[o	-	-	o				[o	)-		+	o		+	o			o				o	[o]	
Л	9/3	2 <~														)o							o	+		
Л	2/6 9/3	16 =																				)o	o	o		
И	8/2, 3a/2	16 =																				)+	+	o		
И	8/9	16 <																				)+	+	o		
У	6/8-9 3a/5-6	Ia >																						[o	o]	
д	1/5	Ia <																								
є	3/8 4/2 6/5 9/2	II >																								
Ю	3/4 5/3 5/6 5/7 5/8 6/10	I >																								
Гр	У после согласной		((	o	o	o	o	o	o	o	(															
Гр	Ф в начале слога																					)	+		o	
Гр	Графика Ю		o	o			o	o	o	(																
ЯЗ	Редуцирован- ные двойко		o	o	(					o	o	o	o	)	+											

Примечание:

Перечень графем и графических моделей, а также условные обозначения к матрицам представлены в Приложении 3.

Приложение 2

**Выборочные палеографические матрицы отдельных частей
надписи-дипинто из Ближних пещер**

стр. 1-6:		1025	1120	1140	1160	1180	1220	1240	1260	1280	1320	1340	1360	1380	1410	1450
Б	3/5	4 =				((о	о	о	о	о	о	о	+	(		
Д	1/5	7 =	о	о	о	о	о	о	)		+		+		((	
ЯЗ	ъ к без прояснения	?					)		+							
К	3/6	1 =?	о	о	+	о	о	)		о					+	
П	4/3	1 =					)о	о	о	о	о	)				
стр. 7-10:																
Д	7/10 9/7 10/2	Па =	+(													
Х	8/7	6 =	((	о	(						)о	о	о		о	о
Гр	у после согласной		((	о	о	о	о	о	о	(						
У	9/11	П =	((	о	о	о	о	о	о			о	о	о		о
ЯЗ	ъ к с про- яснением	?			((	(										
К	9/4	1 =		о			о	)								
Д	8/5	7 <	о	о	о	о	о	о	)		+		+		((	
Р	9/10	6 =~		о	о	о	о	о	)							о
В	10/1	3 =					)	+		+	о	о	о		о	+
стр. 3а:																
У	3а/6	П =	((	о	о	о	о	о	о			о	о	о		о
О	3а/5	3 =~			((	о	о				о	о	+	(		
Г	3а/1	1 =					)о	о	о	о	о	о			о	

Примечание:

В данных матрицах представлены лишь модели, непосредственно определяющие хронологические диапазоны. Остальные позиции матриц не приводятся, поскольку характеризуют более широкие временные рамки. Обращаем также внимание, что при разделении дипинто на самостоятельные участки мы внесли некоторые коррективы в справочные графы матриц, связанные со статистическими изменениями при дроблении надписи на фрагменты.

Приложение 3
Условные обозначения к палеографическим матрицам статьи

Признаки графических моделей

#	Модель	Краткое описание модели	#	Модель	Краткое описание модели
а	Ia	острый верх и прямая петля с изломом*	п	I	основной вид*
а	IIa	острый верх и выпуклая петля с изломом*	п	1	выступ перекладки*
а	IIб	плоский верх и выпуклая петля с изломом*	п	2	нижние засечки*
а	III	петля с двумя изломами	р	Ia	округлая петля с прямой мачтой*
а	IVa	простая округлая петля*	р	Iб	округлая петля с изогнутой мачтой*
а	IVб	каплевидная округлая петля	р	II	петля углом вверх
а	1	покрытие	р	III	петля углом вперед
а	2	верхняя засечка	р	IVб	петля углом вниз с прямой мачтой
а	7	удлиненная спинка (выступает из строки)*	р	6	S-образная мачта*
в	II	петля с изломом*	р	7	сильный изгиб мачты в «Iб»*
в	III	петля с двумя изломами	р	11	буква целиком в строке*
в	3	выступ сверху влево*	р	12	не округлая петля во всю строку
в	4	высокая петля*	с	I	основной вид*
в	IIa	перелом соединения петель при мачте*	т	I	основной вид*
в	IV	развилка в месте соединения петель*	т	1	нижняя засечка на мачте
в	1	нижняя петля углом вперед	т	2	без боковых засечек на перекладке*
в	2	нижняя петля выступает под строку*	у	II	У-образные*
в	3б	верхняя петля шире нижней	у	2	маленькая головка*
г	I	основной вид (с боковой засечкой)*	у	4	буква целиком в строке*
г	1	выступ сверху влево*	у	9	Ч-образные
г	3	без боковой засечки на перекладке	оу	Ia	обычное «О» («О» и «У» не сближены)*
д	Ia	основной вид (островершие)*	оу	Iб	обычное «О» («О» и «У» сближены)
д	II	Δ- и Λ-образные	оу	II	уменьшенное «О»
д	IIIa	островершие с ножками в виде «щечек»*	§	1	длинные «усы» сверху
д	1	покрытие	ф	1	без боковых засечек на перекладке
д	3	обычные длинные ножки	х	1	прямолинейные*
е	1	правонаклонные (кроме модели 4)	х	II	криволинейные*
е	II	вертикальные*	х	4	без засечек*
е	3	засечка на язычке*	х	6	буква целиком в строке*
е	4	язычок направлен вниз	ω	Iб	дуга из частей*

є	5	язычок направлен вверх	ѡ	Па	округлые (без перемычки)
ж	1а2	извитая звезда (выполнена в 3 взмаха)	Ѣ	4	буква целиком в строке
з	1а	правонаклонные с переломом посередине	Ѥ	5	платформа по низу строки
з	2б	вертикальные и левонаклонные Ъ-образные	ч	1а	чаша/бокальчик*
з	3	перелом хвоста	ш	І	платформа по низу строки*
з	4	хвост мало выступает из строки*	ш	ІІ	платформа приподнята
и	І	основной вид*	Ѧ	Па	наклонная мачта*
и	1б	с короткими верхними засечками на мачтах*	Ѧ	Пб	вертикальная мачта*
и	2б	с короткими нижними засечками на мачтах	Ѧ	1	петля углом вперед
и	4	высокая перекладина	Ѩ	1а	высокая перемычка*
ї	Па	простые без засечек на мачте*	Ѩ	1	«молоточек» в «1а» и «1б»*
ї	Пб	с пересечкой и засечками на мачте	Ѩ	І	округлая петля*
к	1а	сомкнутые основного вида*	Ѩ	Па	наклонная мачта*
к	1б	разомкнутые основного вида*	Ѩ	Пб	вертикальная мачта*
к	2	отворот влево вверх справа	Ѩ	1	петля углом вперед*
к	4б	с короткими нижними засечками*	Ѩ	1	петля углом вперед
к	5	уменьшенный верх*	ю	І	основной вид*
л	1а	островершие основного вида*	Ѫ	І	основной вид*
л	1б	плосковерхие основного вида*	Ѫ	Пб	плосковерхие с V-образным язычком*
л	2	верхняя засечка*	Ѫ	1	покрытис*
л	4б	провисающая петля с вертикальными мачтами	гр	о	графика: «О» в начале слога*
н	1б	основной вид с полудиagonalью*	гр	у	графика: «У» после согласной*
н	1в	основной вид с перемычкой*	гр	оу	графика: «ОУ» после согласной
н	1б	с короткими верхними засечками*	гр	ю	графика: «Ю»*
н	3	высокая перекладина	гр	га	графика: «ИИ»
о	1	основной вид*	ЯЗ	Ѧ/Ѩ	язык: редуцированные «Ѧ» и «Ѩ» двойко*
о	3	шириной с «И» и «Н»*	ЯЗ	Ѧ Ѩ	язык: стандартное прояснение «Ѧ» и «Ѩ»*
о	4	вместо правой дуги прямая (не плосковерхие)	ЯЗ	(Ѧ Ѩ)	язык: без прояснения «Ѧ» и «Ѩ»*

Примечания:

1. Таблица составлена по материалам, приведенным в: Зализняк А.А. *Палеография берестяных грамот*, 220–230, 275–279.
2. * — графические модели, встреченные в надписи-дипинто из Ближних пещер.

Экспликация для таблиц палеографических матриц

Признак	Значение
	данная модель в указанный период встречается очень часто
	данная модель в указанный период встречается часто
	данная модель в указанный период встречается нечасто
o	данная модель в указанный период встречается редко
+	данная модель в указанный период почти не встречается
-	данная модель в указанный период не встречается
(( ))	границы периода встречаемости данной модели
( )	границы периода наибольшего распространения данной модели
[ ]	границы периода, когда данная модель встречается редко
	вероятный хронологический диапазон возникновения надписи
	наиболее вероятный хронологический диапазон возникновения надписи
1/1	расположение буквы в надписи (порядковый номер строки / порядковый номер буквы в строке)
<	графическая модель в данной надписи встречается редко (1/4, 1/5 и реже)
=	графическая модель в данной надписи встречается нередко (1/1, 1/2, 1/3, 2/4)
>	графическая модель в данной надписи встречается часто (2/3 и чаще)
~	графическая модель устанавливается приблизительно
?	графическая модель спорна
!	графическая модель — исключение в данной надписи

Примечания:

1. Экспликация составлена в соответствии с материалами, приведенными в: Зализняк А.А. *Палеография берестяных грамот*, 218–219, 275.
2. При определении границ хронологического диапазона знак «двойная скобка» служит для обозначения внешних временных границ бытования той или иной модели, а «единичная скобка» отмечает интервал наибольшей ее встречаемости (действительны при соответствии знакам «норма» и «часто»). При наличии в строке знаков «редко», «приблизительно», «под вопросом» действие знака «двойная скобка» ослабевает до «единичной скобки», а действие «единичной скобки» аннулируется.

РЕЦЕНЗИИ

«Тайны Русского каганата» и другие проблемы научной графомании (заметки по поводу работ Е.С. Галкиной)

Рецензия — далеко не самый благодарный жанр. О хорошей книге жаль портить впечатление невольно замеченными ошибками, оплошностями или недоработками, на плохую же просто не хочется тратить ни времени, ни эмоций. Гораздо удобнее выделять по-настоящему важные позитивные и негативные моменты уже в историографических обзорах или в конкретной работе, что автор и предпочитал делать до недавнего времени. Нарушить «политику невмешательства» заставило событие весьма экстраординарное, оказавшееся при более детальном рассмотрении лишь верхушкой айсберга проблем отечественной исторической науки. Впрочем, «рецензией» настоящую реакцию назвать трудно, учитывая, что речь пойдет в целом о деятельности «звезды интернета», «романиста» и «подпольщика-революционера от науки» в одном лице — Е.С. Галкиной, а точнее, о факторах, обеспечивающих «жизненную среду» для существования подобных «феноменов».

Признаюсь сразу — настоящий текст был написан давно, «по горячим следам» событий, но отложен «в стол» по причине отсутствия в нем какого-либо практического значения собственно для исторической науки. Но по прошествии нескольких лет пришлось с ужасом констатировать, что явление, о котором шла речь в рецензии, становится системным — оно динамично расширяется и разрастается метастазами, охватывая все новые и новые области. Непосредственно Е.С. Галкина — лишь повод для разговора, каждый же из исследователей наверняка сможет персонифицировать данный пример в виде более знакомых личностей и более «злободневного» произведения.

С творчеством Е.С. Галкиной впервые довелось столкнуться при рецензировании одной из кандидатских диссертаций, автор которой попытался оспаривать идеи, изложенные в книге Е.С. Галкиной *Тайны Русского каганата* (М.: Вече, 2002, 432 с.). Предъявленное для ознакомления откровенно аматорское научно-популярное издание, даже без намека на формальные признаки «научности» (т.е. научный редактор, рецензенты, учреждение), в характерном для дилетантов высокопарном стиле «громило» современные научные представления о Хазарии, салтово-маяцкой культуре и ранних фазах истории Руси в противостоянии с некой демонизированной «нормано-хазарской концепцией».

Смысл последней автор кратко определял как «норманизм и версию о господстве над югом Восточной Европы Хазарского каганата», которые, разумеется, «разбиваются при первом же серьезном взгляде на проблему». Дальнейшее вопрошание: «Но как же им удалось завладеть умами ученых?», плавно переводило текст в поиск врагов «истинной концепции», утверждавших неспособность славян к государственному строительству. Таковые в результате «расследования» в области историографии действительно «обнаружились» — это

«норманисты» и «хазарофилы», противостоящие «историкам патриотического направления». Правда, вместо традиционной «патриотической» риторики современных антинорманистов, в книге под влиянием славянофильской историографии XIX в. делалась очередная попытка реанимировать «сармато-аланскую» версию «южного» происхождения Руси.

Алгоритм поиска «Русского каганата» начинался стопами Б.А. Рыбакова и его разысканий о представлениях арабо-персидской географии о Восточной Европе. Особую ценность именно работ археолога Б.А. Рыбакова, в противовес «априорно норманистским» недавним востоковедческим работам по данной проблеме, «вызывающим скорее недоумение», придавали привлечение «археологических данных и исторической логики, чего так недостает большинству наших исследователей». Адресованное Б.А. Рыбакову замечание А.П. Новосельцева о необходимости анализировать источники в оригинале также парировалось с примечательным апломбом, значение которого станет понятным ниже: «Если исследователь не понимает эпохи, следует неверной методологии, рассматривает источник сам по себе, а не в контексте событий его времени, то даже знание сотни языков не поможет ему приблизиться к истине».

Вооружившись «исторической логикой» и «археологией», Е.С. Галкина произвела собственную ревизию восточных письменных данных о локализации русов IX–X вв., остановившись в результате на области Подонья. Но при взгляде на археологическую карту автора ожидал неприятный сюрприз — именно здесь располагались памятники салтово-маяцкой культурно-исторической общности (КИО), относимые археологами к Северо-Западной Хазарии. Впрочем, и эта проблема с легкостью пала под напором пера отважного борца с историческими мифами. И «миф о Великой Хазарии», и «миф о хазарской салтовской культуре», развенчивались на этот раз не менее пафосным «доказательством» профессиональной несостоятельности всех археологов-салтоведов.

Единственным «светлым пятном» историографии, разумеется, опять выступил Б.А. Рыбаков, но и ему, по мнению автора, не хватило фантазии «предложить взамен хазарской теории менее спорную концепцию». Таковой Е.С. Галкина сочла лишь тезисное предположение археолога Д.Т. Березовца о принадлежности названия «русов» во главе с хаканом именно населению салтовской КИО. Собственно аргументацию Д.Т. Березовца автор тоже сочла вздорной, «но все-таки главный шаг был сделан — лесостепь салтовской культуры и этноним „рус“ соединились». Обсуждать что-либо дальше после такого торжественного момента, вероятно, было бы кощунством, поэтому характеристику образованного «Русского каганата» Е.С. Галкина банально заменила не вполне грамотной компиляцией сведений о населении салтовской КИО из археологических работ.

Только после этого на помощь была призвана древняя «роксолано-аорская» гипотеза происхождения этнонима «русь», разбавленная вновь «историко-археологическими» воззрениями автора о Восточной Европе I тыс. н.э. Но если подобными версиями историография пестрела и раньше, любопытство вызывал только один вопрос: как же автор выкрутится, чтобы все же связать «салтовских русов» с самой Русью?

Поворот, действительно, оказался интригующим. Е.С. Галкина «обнаружила» не замеченный археологами разгром салтовской культуры сер. IX в. союзниками хазар венграми, после чего направила остатки «Русского каганата»... в Прибалтику. «Убийственный» для норманизма источник обнаружился в трудах М.В. Ломоносова, писавшего о том, что «аланы были смешаны с курляндцами». Добавив сюда иранскую этимологию «русских» названий порогов у Костантина Багрянородного, предложенную археологом М.Ю. Брайчевским, автор, разумеется, сделала «предельно ясным» аланское происхождение Руси. Правда, так последовательно поощряя археологов в областях разысканий о письменных источниках и лингвистике, их собственно археологическим выкладкам Е.С. Галкина не менее последовательно не доверилась и тут: «Определить же, как и откуда вернулась в Поднепровье русская элита, пока археологии не под силу»!

Осталось также загадкой, поняла ли сама автор, что так яростно защищая славян от «народов господ» — норманов и хазар, она не только не доказала существование собственно восточнославянской государственной традиции, но и создала собственный «народ господ» — «алан-русов»?

Как это ни странно прозвучит, но столь экстравагантная работа Е.С. Галкиной именно в тот момент показалась ничем не примечательной — о древних славянах или скифах подобных любительских книг накопилось уже сотни, почему бы и хазарской и раннедревнерусской тематике не разделить печальную сторону популярности темы? Соискатель закономерно получил замечание за использование «ненаучной» литературы, но история на этом, к сожалению, не закончилась. Идеи Е.С. Галкиной перекочевали в бездонное море интернета, а сама автор с завидной постоянностью радовала своих виртуальных поклонников порцией новых «опровержений», становившихся, к тому же, все более «начитанными». Наконец, несколько лет спустя в руки попала уже вполне наукообразная по форме статья Е.С. Галкиной, которая заставила поинтересоваться у московских коллег, не имела ли она какое-либо отношение к научным организациям? Ответ задержался ещё на несколько лет, но превзошел все возможные ожидания.

Научный мир тесен. Специалистов в каждой теме немного, поэтому естественная необходимость научного обмена и общения заставляет искать контакты с коллегами, обмениваться новыми материалами, литературой и отслеживать даже случайные имена и работы. Но когда коллеги из Института археологии РАН спустя полтора года после защиты передали украинским хазароведам копию автореферата диссертации на соискание степени доктора исторических наук (!) по специальности «отечественная история» той самой Е.С. Галкиной с очередным парадоксальным названием *Кочевая периферия восточных славян и Древней Руси: этносоциальные процессы и политогенез* (Москва, 2006), это событие стало настоящим сюрпризом.

Автореферат свидетельствовал, что работа выполнена на кафедре истории факультета социологии, экономики и права Московского педагогического государственного университета. Фамилии научных консультантов и оппонентов, к сожалению, ничего не скажут исследователю раннесредневековых номадов, равно как и ведущая организация — Российский университет дружбы народов.

Внимание же русистов привлечет лишь имя главного научного консультанта, личности весьма неординарной — А.Г. Кузьмина. «Докторский» список публикаций в качестве монографии включал все те же *Тайны Русского каганата*, а в списке научных статей по теме диссертации красовались не только экзотические статьи «Катар» и «Оман» из учебника по истории Азии и Африки или заметки из популярной энциклопедии, но и, пожалуй, даже более экстравагантные для авторефератов статьи из *Нашего современника* и *Роман-журнала XXI век*. Но судя по тому, что диссертация была успешно защищена, эти удивительные подробности ничуть не смутили ВАК Российской Федерации и совет по защитах МПГУ. Оставалось только предполагать, что у автора, незаметно для номадистов и русистов завершившего путь от первой публикации до докторской степени всего за 9 лет, в активе содержалось серьёзное открытие, сравнимое с расшифровкой клинописи или письменности майя, на фоне которого вся экстравагантность могла быть благосклонно прощенной.

Судя по автореферату, в качестве диссертации была предъявлена книга с более соответствующим содержанию названием: Галкина Е.С. *Номады Восточной Европы: этносы, социум, власть (I тыс. н.э.)*. М.: Прометей, 2006, 564 с. Причем, переоформляя книгу в диссертацию, автора ничуть не смутило начать повествование о «периферии восточных славян и Руси» с миграции сарматов в Европу. Отличается диссертация от книги также и введением, в котором, согласно формальным требованиям к диссертационному исследованию, Е.С. Галкина вынужденно кратко излагает основные тенденции историографии в изучении общих закономерностей этнического и социально-политического развития кочевых обществ. В книге этот «балласт» с легкостью отброшен, и автор с места в карьер начинает «решать» все проблемы истории и археологии кочевых народов Восточной Европы от сарматов до печенегов (с III в. до н.э. до X в. н.э.).

Увы, открытия, сравнимого с расшифровкой клинописи, в книге мы так и не обнаружим. Е.С. Галкина пошла более простым экстенсивным путем расширения хронологии и географии исследования, существенно переписав и дополнив уже знакомые нам *Тайны Русского каганата* за счет «ранних» разделов. Из текста, правда, исчезла «патриотическая» риторика, но не риторика как таковая — апломб и амбиции автора только выросли пропорционально размеру книги.

Первые её два раздела откровенно компилятивны, но стиль этой компиляции очень необычен для представителя преподавательского корпуса. Автор напряженно пытается изложить в ограниченном объеме текста именно свое видение истории и археологии сарматов, алан, готов, гуннов, болгар, авар, тюрков, древних славян, делая это в характерной остро дискуссионной манере, вместо анализа историографии и выделения основных направлений, с «профессорской небрежностью» раздавая оплеухи ведущим специалистам в каждой из затронутой областей. Но ещё более пугающим по сравнению со стилем изложения выглядит его фактическое содержание. Отбор литературы совершенно хаотичен: автору не известен или она намеренно не использует целый ряд ключевых обобщающих работ, зато постоянно мелькают ссылки на тезисы и на статьи, разбирающие частные вопросы; очень фрагментарно представлены новейшие

исследования; зарубежные издания практически проигнорированы, но, что удивительно, ещё более серьёзные пробои в книге с несомненно доступной автору украинской литературой.

Отсутствие системных знаний приводит к невозможности правильно выделить главные историографические линии и, как одно из следствий, к характерному для дилетантов отбору наиболее неординарных, резких и рискованных мнений, из которых автор и строит «собственное видение». На ходу придумываются новые «проблемы», а давно решенные неожиданно оказываются «неисследованными», поскольку автору попросту не известны соответствующие работы. Взгляды ведущих специалистов зачастую «опровергаются» ссылками на гипотезы любителей или же на предположения специалистов из других областей, выводы новейших работ — мнениями полувековой давности. Многие ссылки удивляют отсутствием какой-либо связи с предложением, но это в лучшем случае — в худшем исследователям просто приписываются ошибочные или же совершенно нелепые утверждения. Неспособность Е.С. Галкиной к внимательному чтению иллюстрируется и просто невероятным количеством фактических ошибок, перечисление и разъяснение которых заняло бы больше объема, чем сам рецензируемый текст!

Если после первого раздела рецензент ещё будет полон решимости писать полноценную «разгромную» рецензию, то уже после второго несомненно поймет полную утопичность такой затеи, а после третьего просто обессиленно опустит руки. Но после четвертого и пятого разделов, где автор, наконец почувствовав себя «в своей тарелке» и перейдя к любимой проблеме «Русского каганата» в салтовской культуре, накрывает читателя очередным «девятым валом» фактологической безграмотности, необходимость хоть какой-то реакции становится неотвратимо очевидной. Ведь новоиспеченный «доктор исторических наук», несомненно претендующий или уже получивший ещё и звание «профессора» одного из главных педагогических вузов России, автор «научных» монографий, учебников и хрестоматий для школы и вузов, увы, в сознании неискушенного читателя начинает репрезентировать уже не «паранормальную», а именно «нормальную» науку, более того, имея теперь все возможности воспитать целую «школу» продолжателей А.Г. Кузьмина. И что самое парадоксальное, как довелось неоднократно услышать, «виновниками» этого в глазах коллег оказываются именно специалисты по раннедревнерусской и хазарской проблематике, не желающие тратить время и нервы на подобные «феномены»!

Проблема конкретной диссертации и книги Е.С. Галкиной состоит не только в самонадеянной попытке «кавалерийским наскоком» разобраться в нескольких десятках сложнейших проблем, над каждой (!) из которой работают целые группы специалистов. Она лежит гораздо глубже и заключается, прежде всего, в методологических аспектах. Если в *Тайнах Русского каганата* автор заявляла, что «единственной методологией историка была и остается диалектика, а точнее — диалектический материализм», то в автореферате докторской диссертации акцент несколько смещен: «Базой для выработки методологии и методики исследования послужили историософские и теоретические работы отечествен-

ных и зарубежных философов, этнологов и специалистов в области социальной антропологии, историков, археологов». Так что же перед нами: историософия или наука?

Похоже, для автора это диалектически единые понятия, поскольку после объяснения «историософской методологии» и очередных размышлений о «диамате», неожиданно находим вполне «научную» декларацию «комплексного подхода, который заключается в широком использовании всех данных об историческом явлении, в том числе письменных источников, археологических материалов, данных вспомогательных исторических дисциплин, лингвистики, этнографии, палеоантропологии». Все выглядит внешне правильно, пока автор не пытается дать разъяснения: «данные археологии используются «на стыке наук», т.е. на основании опубликованных материалов, прошедших через значительный объем «внутренних» исследований, проведенных специалистами-археологами, в результате которых первичные наблюдения археологических памятников становятся непосредственно источником фактов». Следует полагать, что аналогичным образом Е.С. Галкина собралась добывать «факты» и из других исторических дисциплин.

Проблема «факта» в теории археологии — одна из сложнейших. Археологическое исследование последовательно проходит целый ряд процедур, каждая из которых сопряжена с правильным использованием соответствующего набора методов. Раскопки, фиксация, составление отчета — эти этапы определяют достоверность археологического комплекса как источника; группировка артефактов и комплексов, их интерпретация, датировка, определение культурной принадлежности — следующий, аналитический этап исследования; этнические же, социальные, исторические и т.п. реконструкции — заключительная, преимущественно гипотетическая и, как это не парадоксально звучит для историка, наименее значимая часть археологического исследования.

Причина последнего состоит не только в очень высокой доли реконструкции в выводах, но также и самом характере археологии как постоянно динамично развивающейся науки. Накопление новых данных, новых методов исследования делают любые аналитические работы устаревшими уже через 20–30 лет, а нуждающимися в значительных корректировках — уже через 5–10 лет. Этот естественный процесс заставляет многих археологов ограничиваться только наиболее важными процедурными моментами первичной атрибуции памятников, уделяя максимальное внимание корректности формирования базы археологических данных. На выходе, доступная для чтения историку «обобщающая» археологическая литература пестрит аналитическими конструкциями, авторскими реконструкциями и, в противовес, скептическими замечаниями.

Е.С. Галкина — конечно, крайний вариант примера, но и многие более взвешенные историки часто не могут избежать соблазна в этой ситуации выступить к качеству «судьи» при разборе мнений археологов или вообще предложить свой вариант решения. И только у самодостаточных историков-источниковедов заметна «граница благоразумия», позволяющая не касаться напрямую самого археологического материала и не строить на нем собственных выводов. Научная гипотеза не может быть построена на гипотезах!

Акцентировать внимание на явных фактических ошибках Е.С. Галкиной нет особого смысла — их легко заметят специалисты и даже просто внимательные читатели. Полезнее будет показать несколько примеров-моделей, казалось бы, совершенно «безобидных» ситуаций, которые могут послужить предостережением и другим историкам.

В 1986 г. в Москве произошла защита докторской диссертации Л.М. Рутковской, одним из главных тезисов которой была аргументация существования «центра оседлости» кочевников в Среднем Поднепровье в III–VIII вв. Публикации материала и аналитические статьи исследователя не блистали эрудицией, но и не вызывали подозрений. Вызывало удивление только странное избегание использовать материалы Л.М. Рутковской наиболее, казалось бы, заинтересованными в них украинскими специалистами. Ответ лежал в полевой отчетной документации Л.М. Рутковской, которая свидетельствовала, что «аланские» и «гуннские» элементы в культуре «ключевого» черняховского поселения Капуловка появились на самом деле вследствие сбора из размывов водохранилища материалов разрушенного курганного могильника, совершенно непонятным образом отнесенных в интерпретации к слою поселения. Абсолютное непонимание особенностей фиксации раскопок в различных условиях лежит и в основе интерпретации Л.М. Рутковской размывных котлованов славянских жилищ поселения Стецовка как «юртообразных», которую повторяет Е.С. Галкина. Интересно, какие ещё «факты» сможет извлечь из подобных работ «специалистов-археологов» неподготовленный читатель?

Обратным примером может быть концепция «пастырской культуры» одной из самых влиятельных фигур в советской археологии XX в. — М.И. Артамонова, к слову, достаточно популярная в различных вариациях и сегодня. Е.С. Галкина полностью повторяет и идею о салтовских истоках пастырской гончарной посуды, и мнение о синхронности городища пеньковской культуре, отбрасывая работы основного исследователя проблемы О.М. Приходнюка. Апеллировать к статусу «классика» М.И. Артамонова именно здесь оказывается совершенно неуместным, поскольку исследователь никогда в реальности не видел ни материалов Пастырского, ни пеньковской культуры, родив классическую «гипотезу у письменного стола». Дискуссию с последователями М.И. Артамонова собственно «дискуссией» назвать сложно — это скорее попытки отвести научные ошибки, которые загадочным образом каждый раз рождают новые «модификации» и, опять-таки, без непосредственной опоры на материал.

Третий пример — новая концепция «гунно-сарматской культуры» Южного Приуралья С.Г. Боталова и С.Г. Гуцалова, которую немедленно подняла на щит Е.С. Галкина как одну из основных моделей этнокультурной характеристики гуннских племен Европы. Интересная, но достаточно рискованная концепция к моменту выхода книги Е.С. Галкиной ещё не прошла никакой серьёзной апробации. А уже после публикации, в № 3 *Российской археологии* за 2007 г., подверглась шквальной атаке сарматологов. Не факт, что все положения концепции С.Г. Боталова и С.Г. Гуцалова будут опровергнуты, дальнейшая дискуссия отсечет «рациональное зерно». Но ведь Е.С. Галкина успела построить на её ос-

новании, как на «факте», свою собственную модель миграции гуннов в Европу, вынесенную как один из краеугольных камней докторской диссертации!

И, наконец, последний пример. Е.С. Галкина потратила немало времени на чтение археологической литературы по проблеме салтово-маяцкой культуры Подонья и, судя по бесцеремонному тону суждений, даже сочла себя самым информированным «специалистом». Боюсь, что студента-дипломника с подобным списком литературы по теме пришлось бы отправить назад в библиотеку, но даже прочти он все имеющиеся публикации, полученное «печатное» представление о салтово-маяцкой культуре будет весьма и весьма приблизительным. Реалии выглядят разочаровывающее для историка — нет ни одного (!) крупного салтовского памятника Подонья, полностью, до последнего артефакта, введенного в научный оборот публикациями. Более того, соотношение опубликованного и неопубликованного материала явно на стороне последнего. Совсем плачевная ситуация в книге Е.С. Галкиной и со знакомством с кочевническими комплексами Восточной Европы VI–IX вв.

Чтобы понять значение этого факта, достаточно для примера представить ситуацию формирования научного представления о летописях только лишь на основании летописных цитат из работ классиков! Каким образом к информации имеют доступ археологи? Это, прежде всего, архивы научных отчетов академических институтов Киева (ИА НАНУ), Москвы (ИА РАН) и Санкт-Петербурга (ИИМК РАН), а также непосредственно коллекции археологических материалов, находящиеся в нескольких десятках городов. Разумеется, значительная часть информации остается недоступной даже для самых крупных специалистов, вследствие чего без научных контактов и неформального научного обмена представить полную картину салтово-маяцкой проблематики (как, впрочем, и большинства других проблем археологии) просто невозможно.

Приведенные выше четыре модели ошибок: «специалист-дилетант», «магия имени», «идея без апробации» и «знание вне книги», способны в общих чертах описать лишь некоторые опасности, подстерегающие историка при чтении археологической литературы. В большинстве же случаев ошибочные заключения делаются как историками, так и археологами, при обычном нарушении иерархии признаков в анализе.

Читая «археологические» пассажи книги Е.С. Галкиной, вновь вспоминается первое занятие по логике, когда для иллюстрации нарушения правила достаточного основания преподаватель предложил «логическую» цепочку: «Сократ смертен; кот тоже смертен, следовательно, Сократ — кот». Увы, археология сталкивается с огромным количеством признаков, используемых в анализе, и построение их иерархии — постоянный процесс прогресса науки, достигаемый множеством конкретно-предметных дискуссий. Полноценно следить за этим процессом, а тем более участвовать в нем, могут лишь специалисты в каждой конкретной узкой области, попытки же вмешаться коллег из «соседних областей» обычно приводят только к продуцированию слабых или ошибочных гипотез.

Читатель вправе спросить: зачем столько внимания уделено вопросу использования археологической литературы историками, если и так заведомо ясно, что

Е.С. Галкина не в состоянии конкурировать с археологами в знании и понимании археологического материала? Да проблема как раз и состоит в том, что из пяти глав книги и семи разделов докторской диссертации лишь одна глава и раздел соответственно посвящены собственно анализу письменных источников, остальные же наполнены безобразно скомпилированными сюжетами из археологических работ и обобщающих исторических!

Этот единственный раздел, посвященный сведениям арабо-персидской географической литературы о Восточной Европе VIII–XII вв., в автореферате максимально подчеркнут как авторский вклад, и, следует полагать, именно в нем и сокрыт тот самый «докторский» вклад Е.С. Галкиной в историческую науку. Но... не будем спешить с такой оценкой.

В 2001 г. Е.С. Галкина защитила кандидатскую диссертацию *Русский каганат и салтовская культура*, почти полностью включенную в уже упоминавшуюся книгу *Тайны Русского каганата* (2002). В 2003 г. востоковед И.Г. Коновалова отреагировала на *Тайны Русского каганата* иронической газетной рецензией, порекомендовав молодому автору между прочим читать источники в оригинале и научиться азам их научной критики. Судя по результатам, именно в этом направлении и работала последующие три года Е.С. Галкина. Список использованных источников резко увеличился, в т. ч. и за счёт арабоязычных текстов. Поразительный скачок с нуля всего за несколько лет!

Оценить качество анализа письменных источников Е.С. Галкиной мы предоставим востоковедам, отметить же следует другое. Только в России, не считая других стран, школа исследования арабо-персидской географической книжной традиции о Восточной Европе насчитывает более полутора столетия истории. Книге Е.С. Галкиной предшествовали классические работы Б.Н. Заходера, А.П. Ковалевского, А.П. Новосельцева, в настоящее время этими же проблемами активно занимаются Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова и др. Что же кардинально нового внесла в проблему Е.С. Галкина по сравнению с предшественниками? Первое, что бросается в глаза — археологические данные! Каждый раз, когда локализация тех или иных географических ориентиров источника проблематична, Е.С. Галкина обращается не к источнику, а к своим «археологическим» представлениям о расселении народов. Поначалу скромно, но когда дело доходит до «русских» сюжетов, письменные источники начинают объясняться целиком через призму весьма специфических «археологических» наблюдений автора.

Интересно, что если в *Тайнах Русского каганата*, а следовательно, и в кандидатской диссертации, Е.С. Галкина акцентировала внимание на «убедительной» локализации «Русского каганата» в лесостепном Подонье именно на основании письменных источников, в докторской акцент плавно меняется, и уже археологические данные якобы неопровержимо свидетельствуют о «русско-асской» принадлежности салтовских памятников лесостепного Подонья. Не менее остроумный «финт» нас ожидает и на самом щекотливом месте о миграции «алано-русов» в Прибалтику. Вместо ожидаемых новостей о результатах поиска загадочного источника М.В. Ломоносова об «алано-курляндцах», автор прос-

то отправляет читателя назад к *Тайнам Русского каганата*, где, разумеется, все давно уже установлено.

Несмотря на частоту упоминания слов «русы» и «русский», классифицировать творчество Е.С. Галкиной как «русистику» весьма сложно. В хаотическом наборе сюжетов об ираноязычных и тюркоязычных номадах, германцах, славянах и т.д. довольно трудно уловить и саму базовую линию дедуктивного конструкта Е.С. Галкиной. Единственное, что может реально ощутить читатель — это искреннюю гордость автора за отождествление «Русского каганата» с археологическими памятниками салтовской КИО, уверенность в истинности которого подогревается полным отсутствием какой-либо реакции со стороны археологов на столь «выдающееся открытие».

Салтовская и хазароведческая проблематика в целом в настоящее время действительно переживают острые проблемы: это смена поколений и переход источниковой базы на новый количественный и качественный уровень. Кропотливая работа по введению в научный оборот огромного массива археологического материала, полученного раскопками второй половины XX в., ещё только начата, и до её завершения ни один серьезный исследователь не рискнет строить новые обобщающие модели. Образовавшийся «вакуум» стремятся мозаично заполнить в основном молодые исследователи-археологи, но, одновременно, он со стремительной силой привлекает внимание историков.

На попроще синтеза археологии и истории в отношении лесостепного варианта салтовской КИО Е.С. Галкина далеко не одинока, хотя работы своих «главных конкурентов» — О.Б. Бубенка и А.А. Тортики использует минимально или вообще не знает, впрочем, как и последние не замечают существования Е.С. Галкиной. Все трое практически синхронно в 2006–2007 гг. выпустили монографии и защитили докторские диссертации. Результат, правда, обескураживающий неискушенного читателя: в видении О.Б. Бубенка лесостепное Подонье — это «аланы-буртасы» в составе Хазарского каганата, у Е.С. Галкиной — это независимый аланский «Русский каганат», а у А.А. Тортики — полиэтничная «северо-западная Хазария» с преобладанием «праболгарского» этнического элемента. Можно, конечно, много говорить о толерантности гуманитарной науки и исторической в частности, но, кажется, по законам логики, из трех взаимоисключающих мнений может быть правильным либо одно, либо ошибочны все три!

Почему именно хазарская и раннесредневековая кочевническая проблематика так привлекает «синтезаторов»? Как уже неоднократно приходилось подчеркивать, наиболее вероятный «корень проблемы» ведет к действительно капитальной для своего времени монографии археолога М.И. Артамонова *История хазар* (1962), впервые предложившей комплексный анализ письменных и археологических источников (применявшийся до этого только представителями «греко-римской» археологии) в исследовании раннесредневековых номадов Восточной Европы. С.А. Плетнева в рецензии на книгу справедливо заметила, что все письменные источники использованы исследователем только в переводах, но для «хазарской» тематики это оправдывалось невозможностью для историка охватить в оригиналах весь спектр источников на арабском, персидском, гре-

ческом, армянском, грузинском, еврейском, сирийском, латинском, китайском, тюркских языках. Параллельно в славяно-русской тематике комплексный подход практиковал Б.А. Рыбаков — ещё одна важнейшая фигура отечественной археологии XX в. Следующий шаг совершил ученик и друг М.И. Артамонова — историк Л.Н. Гумилев. Наделенный несомненным литературным талантом, но не лингвистическими способностями, Л.Н. Гумилев избрал для исторического изложения легкий лекционный стиль профессоров XIX в., не перегруженный ни дискуссиями, ни цитированием источников, привлекающий читателя авторским оригинальным видением проблем, бесцеремонной уверенностью во всем, но не представляющим никакого анализа. И, разумеется, опять никаких источников в оригинале!

М.И. Артамонов, Б.А. Рыбаков и целый ряд других ярких исследователей сер. XX в. оказали серьёзное влияние на все последующие поколения археологов, воспринявших как норму обязательное сопровождение выводов археологического исследования анализом письменных источников. В полной мере это касается и автора настоящих строк, слишком часто злоупотребляющего подобными историческими сюжетами. Но если в археологии письменные данные воспринимались лишь как дополнение к собственно археологическому анализу, сохраняя в любом случае опору на археологические источники (и горе переходящему эту границу!), «школа Л.Н. Гумилева» породила целую «плеяду» историков (преимущественно преподавателей вузов), сконцентрировавшихся на описании этнополитических, социальных, культурных и т.п. общих аспектах, и полностью оставивших изучение самих источников «источниковедам». Задачи подобных работ обычно предполагают «реконструировать», «смоделировать», «предложить новый авторский взгляд», «опровергнуть схемы» и т.д. От мысли объявить все «дедуктивные» теоретические исследования пустой тратой времени, я, разумеется, далек, но все же позволю себе усомниться в практической ценности работ авторов, не прошедших на практике серьёзной школы эмпирических исследований, не понявших ни самого источника, ни его эпохи «изнутри». Ведь какая бы ни была яркая и красивая упаковка у пластикового яблока — съесть его все равно невозможно!

Настоящий герой нашего очерка многолик и имеет множество имен, а его послужной список часто украшают должности и звания. Пожалуй, одна из главных причин спокойной жизни подобных «синтезаторов» — это равнодушие к ним специалистов-источниковедов, готовых подчас высечь коллегу лишь за неверно поставленную запятую, но не находящих для себя равным счетом никакого предмета для анализа в высокопарных «синтезных» работах. Ответственны ли мы за такое равнодушие в условиях, когда именно «синтезаторы» активно формируют представления общества о нашем предмете через систему образования, популярные издания, телевидение, интернет? Боюсь, что да. И дело ведь не в войне с «ветряными мельницами» — иногда просто стоит проявить принципиальность там, где хочется побережь нервы...

Алексей Комар

Бибиков М.В. *BYZANTINOROSSICA. Свод византийских свидетельств о Руси. Нарративные памятники*. Т. II. М.: Рукописные памятники Древней Руси = (Языки славянской культуры) [*Studia philologica*], 2009, 528 с.

Рецензоване видання є другим томом праці М.В. Бібікова «Свод византийских свидетельств о Руси» (перший побачив світ наприкінці 2004 р.). Дотримуючись свого вибору тримати інтригу щодо її загального задуму (кількості томів, структури та принципів видання), автор зазначає лише на звороті обкладинки другого тому (!) про можливе продовження видання: «Планируется продолжение издание нарративных текстов и публикация переводов актов и других источников». На жаль, дослідник не уточнює, які саме «акти» чи «інші джерела» він має на меті вмістити у наступному томі. Це ставить перед нами вкрай непросте завдання, а саме: з'ясувати причини вибору автором того чи іншого твору та підстави його включення до *Свода*. У передмові до першого тому автор доволі чітко сформулював ідею праці наступним чином:

Данный свод впервые на современном уровне обобщает все свидетельства византийских источников IX–XV вв. по истории Руси, вводит в научный оборот неопубликованные материалы византийских рукописей, актов, эпиграфических памятников.

Реалізація автором цього задуму досягається, на його погляд, завдяки розподілу всього наявного матеріалу на три структури: ономастикон, джерелознавчий розділ та переклад. Зміст перших двох полягає у наступному:

... ономастикон (часть 3) содержит все выявленные в византийских письменных памятниках этнические, личные, географические имена и названия, социально-политические термины, хозяйственно-экономические и правовые реалии, имеющие отношение к Руси. Источниковедческий раздел (часть 2) представляет краткую характеристику всех используемых источников, обоснование датировок и атрибуций, указание на объем и содержание их свидетельств о Руси.

Натомість переклад усіх без винятку даних ономастикону зарезервованій для наступного тому (томів?). Саме від нього ми в праві були очікувати хоча б частини представленого ономастикону. Сподівання при читанні рецензованого видання обертаються легким розчаруванням, спричиненим змінами у структурі *Свода*, які жодним чином автором не прокоментовані. Так, замість ономастикону ми отримуємо підбірку із перекладів (переважно вже відомих до *Свода*) близько двадцяти творів візантійської історичної традиції, вибраних без будь-якого пояснення та контексту. Більш того, у праці знайдемо також великий розділ «*Раннеславянская «предыстория»: скифы, готы, анты, склавины»* (5–134), в якому вміщено фрагменти творів Прокопія Кесарійського, Іоанна Малали, Менандра, Феофілакта, Пасхальної хроніки та ін. Доцільність включення

цього розділу до *Свода* неочевидна. Усі наведені М.В. Бібіковим фрагменти перекладів ранньовізантійських авторів свого часу увійшли до двотомного *Свода древнейших письменных известий о славянах*, який і став головним джерелом для автора при підготовці цього розділу. Можливо, у автора були на те свої резони (наприклад, ідея «передісторії» Русі), проте без спеціальних пояснень збагнути їх читачеві буде непросто.

Переїдімо до, власне, основних розділів праці. Їх зручна структура, а саме — стаття, список літератури та переклад, надають нам добру можливість саме у такому порядку розглянути кожен із творів візантійської історіографії, дбайливо обраний автором для *Свода*. Оскільки праця М.В. Бібікова має яскраво виражений довідковий характер, таке ж забарвлення матимуть і наші критичні зауваження.

Житіє Георгія Амастридського (ВНГ 668). Фрагмент тексту *Житія* автор наводить у перекладі В.Г. Васильєвського із двома власними коментарями, які виконують радше функцію приміток, наприклад: «Амастриды, важного города в Пафлагонии...» (136). У статті М.В. Бібіков без зайвих вагань пристає на бік В.Г. Васильєвського, Г.Г. Літаврину та Ігоря Шевченка, котрі вважали, що автором *Житія* був Ігнатій Диякон¹. Звідки само собою слідує висновок, що це повідомлення є «первым упоминанием «росов» в византийских источниках» (135). До честі автора, він вказує й на точку зору «скептиків» — Елен Арвейлер та особливо Атанасія Маркопулоса. Висновки останнього зводяться до наступного: *Житіє* написане Ігнатієм, але у ньому є вставки значно пізнішого часу, зроблені, ймовірно, за вказівкою Фотія². На жаль, поза увагою М.В. Бібікова опинилася блискуча праця А.П. Каждана «*История византийской литературы (650–850 pp.)*», у якій видатний візантиніст навів низку вагомих аргументів на користь погляду, що *Житіє* було написане не раніше початку X ст.³ Спостереження А.П. Каждана настільки важливі, що повертають проблему датування й авторства *Житія* до розряду дискусійних. На жаль, коментар не відбиває цієї обставини.

De administrando imperio (далі — *DAI*). Переклад 9-ї та фрагментів 1–12 та 37 книги *DAI* чи не єдиний (поряд із *Історією* Іоанна Кіннама), здійснений самим автором (чи, точніше, у випадку із *DAI* — спільно з Г.Г. Літаврним у

1 Васильевский В.Г. Русско-византийские исследования. Жития Георгия Трапезундского и Стефана Сурожского, *Труды*. Петроград, 1915. Т.3; Литаврин Г.Г. *Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.)*. СПб., 2000, 24–28; Ihor Ševčenko, “Hagiography of Iconoclast Period,” *Iconoclasm. Papers given on the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies. 1975. University of Birmingham*, ed. Anthony Bryer, Judith Herrin (Birmingham, 1977), 113–133 (див. також репринт: Ihor Ševčenko, *Ideology, Letters and Culture in the Byzantine World* (London, 1982), V. [Variorum Rerpints, Collected Studies series], CS 155.

2 Athanasios Markopoulos, “La Vie de Saint Georges d’Amastri et Photius,” *Jahrbuch der Österreichischer Byzantinistik* 28 (1979), 75–82.

3 Каждан А.П. *История византийской литературы (650–850 гг.)*. СПб., 2002, 464–465 [Византийская библиотека. Исследования].

1989 р.)⁴. Забігаючи наперед: схоже, що М.В. Бібіков так і не «повертався» до тексту після видання двадцятилітньої давності. З нього до *Своду* увійшли не лише фрагменти перекладу, але й коментарі, здійснені окрім М.В. Бібікова також О.О. Мельниковою, В.Я. Петрухіним, А.А. Залізником, Г.Г. Літаврним та Б.М. Флорею⁵. Доцільність передруку у *Своді* частини видання, добре знаного читачу, неочевидна. З огляду на вузьку тематичну спрямованість *Своду* зайвим, на наш погляд, є включення до перекладів частини повідомлень про печенігів (208, 210–211) та угрів (209). Усі вони без винятку включені Дьолою Моравчиком до його зводу *Byzantinoturcica*, видання, що у багатьох відношеннях, особливо щодо структури, стало для М.В. Бібікова добрим прикладом реалізації подібного компендіуму. Не обнадіює також стаття до *DAI*. Подібно до видання 1989 р., автор цілковито слідує колись блискуче накресленій Ромілі Дженкінсом та Дьолою Моравчиком схемі виникнення трактату⁶. Після праць Клаудії Соде та особливо Джеймса Говарда-Джонстона ця приваблива теорія, схоже, переживає не найкращі часи⁷. Втім, сучасна історіографія *DAI* взагалі не відзначена у списку літератури й не позначилася на коментарях. Однак проблема, порушена Джеймсом Говардом-Джонстоном, надто важлива, щоб її можна було ігнорувати, особливо автору *Своду*. Передатування першопочаткового варіанту 9-ї глави *DAI* часом Лева VI Мудрого суттєво змінює наші уявлення про ранню історію Русі. Від вирішення цієї важливої проблеми залежить і відповідність наведених М.В. Бібіковим коментарів до 9-ї книги.

De ceremoniis (далі — *DC*). На відміну від *DAI*, тут автор максимально лаконічний. Стаття про *DC* займає заледве півсторінки тексту. Втім, лаконічність пояснюється автором тією обставиною, що «для истории Руси первостепенное значение имеет описание приема Константином в византийской столице посольства княгини Ольги» (248). Після такої характеристики ми, справді, отримуємо текст прийомів княгині Ольги у перекладі Г.Г. Літаврнина із чомусь дуже скороченими коментарями. Про інші повідомлення *DC* про русів М.В. Бібіков умовчує. Так, не увійшли до *Свода* переклади повідомлень *DC* про руських найманців на візантійській службі у першій половині X ст., у тому числі й про групу «хрещених росів», згадку про яких читаємо у тому ж 15-му розділі, де вміщено й протоколи

4 Константин Багрянородный. *Об управлении империей. Текст. Перевод. Комментарий*, под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1989.

5 Константин Багрянородный. *Об управлении империей*, 291–332.

6 Constantine Porphyrogenitus, *De administrando imperio*, ed. by Gyula Moravcsik and Romilly J. Jenkins (Washington, 1967), Vol.1, 7–15.

7 Sode C. *Untersuchungen zu De administrando imperio Kaiser Konstantins VII Porphyrogenetos*, *Поискла Вуѡантѡва*. (Varia, V). 13 (Bonn, 1994), 147–291; Howard-Johnston J. The *De administrando imperio*: a Re-examination of the Text and a Re-evaluation of its Evidence about the Rus, *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient*, ed. M.Kazanski, A.Neccessian et C.Zuckerman (Paris, 2000) [Réalités Byzantines, 7], 301–336; Howard-Johnston J. Byzantine Sources for Khazar History. *The World of the Khazars. New Perspectives. Selected Papers from the Jerusalem 1999 International Khazar Colloquium hosted by the Ben Zvi Institute*, ed. Peter B. Golden, Haggai Ben-Shammai and András Róna-Tas (Leiden, Boston, 2007) [Handbook of Oriental Studies, Vol. 17], 163–195.

прийому княгині Ольги. Навіть заголовок грамоти до «архонта Русі» із 48-го розділу *DC*, залишився не зауваженим і не перекладеним. Подібна вражаюча вибірковість неабияк насторожує. Для ранньої історії Русі *DC* є джерелом такої інформативної насиченості, що його можна порівняти хіба що з *DAI*. Через вказані недогляди значення, яке визначає автор для *DC*, є, на наш погляд, суттєво заниженим. Не позбавлені важливих недоліків та недоречностей стаття і список літератури. Так, праці Жильбера Дагрона не знайшлося місця ні серед «видань», ані серед «літератури»⁸. Така ж нещаслива доля спіткала й роботи Джона Галдона, Отто Крестена⁹. Врешті, новий переклад 15-го розділу *DC*, підготовлений Майклом Джефрі Фезерстоуном на основі виправленого Лейпцизького списку *DC* (*cod. Lipsiensis Bibl. Univ. Rep. I.17, graec.28*) та із залученням різночитань з іншого списку *cod. 133 Chalcensis S. Trinitatis — cod. 1003 Athous Vatopedensis*, також автор оминув¹⁰. Щодо княгині Ольги, то дослідник не приділяє щонайменшої уваги проблемі датування поїздки, хрещення, обставин прийому та дарів. У списку літератури пропущено працю А.В. Назаренка, присвячену цій важливій проблемі¹¹, а також Франца Тінефельда, у роботі якого здійснено спробу узагальнити дискусію між Г.Г. Літаврним, А.В. Назаренком, Анджеем Поппе та Дмитрієм Оболенським¹². Подібні приклади вибіркової обізнаності щодо *DC* можна множити.

«Восний трактат». Реалізація даного розділу, здається, найбільш разуче суперечить ідеї *Свода*. З невідомих причин аналізується лише один із трактатів, а саме — *Про облаштування табору (De castrametatione)*. Чому саме вибір М.В. Бібікова зупинився на цій пам'ятці візантійської полемології, збагнути важко. *Praecepta militaria* та *Про бойовий супровід (De velitatione bellisca)*, які небезпідставно приписують імператорові Никифору II Фоці, заслуговували б на увагу не меншою мірою. Їх інформаційний ресурс ще далеко

8 Dagron G. "L'organisation et le déroulement des courses d'après le *Livre des Cérémonies*". *Travaux et Mémoires* 13 (Paris, 2000), 3–175.

9 Haldon J. "Theory and Practice in Tenth-Century military administration. Chapters II, 44 and 45 of the Book of Ceremonies," *Travaux et Mémoires* 13 (Paris, 2000), 201–352; Kresten O. "Staatsempfänge" im Kaiserpalast von Konstantinopel um die Mitte des 10. Jahrhunderts. *Beobachtungen zu Kapitel II 15 des sogenannten "Zeremonienbuches"* (Wien, 2000) [Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien, philosophisch-historische Klasse. 2000, Bd.670]; Kresten O. "Sprachliche und Inhaltliche Beobachtungen zu Kapitel I 96 des sogenannten „Zeremonienbuches“." *BZ* 93 (2000), 474–489.

10 Featherstone J. "ΔΙ' ΕΝΔΕΙΞΙΝ: Display in Court Ceremonial (De Cerimoniis II, 15)". *The Material and the Ideal: Essays in Mediaeval Art and Archaeology in Honour of Jean-Michel Spieser*, ed. Anthony Cutler, et Arietta Papaconstantinou (Leiden, 2008), 75–112; Featherstone J. "Olga's Visit to Constantinople in De cerimoniis". *Revue des études byzantines* 61 (2003), 241–251; також див.: "Preliminary Remarks on the Leipzig Manuscript of De cerimoniis". *BZ* 95 (2002), 457–480; "Further Remarks on the Leipzig Manuscript of DE CERIMONIIS". *BZ* 97 (2004), 113–121; Featherstone J., Grusková J., Kresten O. "Palimpsestfragmenten". *BZ* 98/2 (2005), 426–427.

11 Назаренко А.В. *Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв.* М., 2001, 219–311.

12 Tinnefeld F. "Zum Stand der Olga-Diskussion". *Zwischen Polis und Peripherie. Beiträge zur byzantinischen Kulturgeschichte. Mainzer Veröffentlichungen zur Byzantinistik*, ed. L. Hoffmann (Wiesbaden, 2005), 531–567.

не вичерпаний, саме вони слугують чи не найважливішим нашим джерелом про тактику використання найманців та союзників у візантійській армії, їх озброєння, функції на марші та у таборі, розташування на полі бою тощо¹³. Переклад *De castrametatione* запозичено М.В. Бібіковим із недавнього видання візантійських воєнних трактатів В.В. Кучми¹⁴. Звідти також узято нечисленні коментарі. На жаль, список літератури до статті, як і сама стаття, є застарілими. Автор не вказує на видання трактатів Еріком Макгіром, Денісом Саліваном, Таксіархом Колліасом¹⁵. У цьому випадку уважний до етнонімів та антропонімів М.В. Бібіков чомусь не аналізує *Наυμαχικη* Лева VI Мудрого (яка у першому томі виокремлена в статтю), де його б увагу привернули численні «скіфи» та їх «судна». Нам важко повірити у те, що автору невідомі видання трактатів, здійснені не на російській мові, втім, нехтування ними очевидно збіднює ресурси *Свода*.

«Окружне послання» та гомілії Фотія, «Житіє Ігнатія» Никити Давида Пафлагона, «Хронографія» Продовжувача Феофана, «Хроніка» Псевдо-Симеона. Переклад (чи фрагменти перекладу) вказаних візантійських авторів, разом із коментарями, М.В. Бібіков знаходить у роботі П.В. Кузенкова *«Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках»*¹⁶. Така ситуація не дає жодної поживи для рецензента. Важко відповісти, чим, власне, керувався автор у своєму намірі ще раз передрукувати фрагменти перекладу та коментарів П.В. Кузенкова, адже його праця (видана десять років тому достатнім тиражем) зовсім не є бібліографічною рідкістю. На цьому фоні дивує, що М.В. Бібіков не помітив нового видання хроніки Симеона Логофета, здійсненого Штефаном Вальгреном¹⁷. Без цього тексту *Свод* суттєво втрачає.

«Малі візантійські хроніки» (Die byzantinischen Kleinchroniken). Серед близько 120-ти текстів так званих «малих хронік», свого часу виданих Петером Шрайнером, інтерес для *Свода* мають фрагменти *Vat. gr. 840*. Як і у випадку з гоміліями Фотія, М.В. Бібіков «творчо» використовує переклади П.В. Кузенкова, щоправда вже забуваючи вказати джерело. Поспіх автора призводить до певного казусу. Так, пишучи про те, що *Vat. gr. 840* містить «свідетельство о крещении

13 *Стратегика императора Никифора*, подг. текста Ю. Кулаковского. СПб., 1908 [Записки Императорской академии наук. Серия VIII. Историко-филологическое отделение. Т. VIII. № 9]; *Three Byzantine Military Treatises*, Text, Translation, and Notes by George T. Dennis (Washington, 1985) [Dumbarton Oaks Texts 9, CFHB, 25. Series Washingtoniensis].

14 *Два византийских военных трактата конца X в.*, изд. подг. В.В. Кучма. СПб., 2002 [Византийская библиотека].

15 Eric McGeer, *Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century* (Washington, 1995) [Dumbarton Oaks Studies XXXIII]; *Siegecraft: Two Tenth-Century Instructional Manuals by "Heron of Byzantium"*, ed. and transl. by D. Sullivan (Washington, 2000); *Ναυμαχικά: Βυζαντινά στρατιωτικά εγχειρίδια* (Αθήνα, 2005) [Βυζαντινά Στρατιωτικά Εγχειρίδια, 1].

16 Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках. *Древнейшие государства Восточной Европы. 2000. Проблемы источникововедения*. М., 2003, 3–173.

17 *Symeonis magistri et logothetae chronicon*, ed. Staffan Wahlgren (Berlin-New York, 2006) [CFHB, 44/1].

князя Владимира и всей Руси при нем осенью 989 г. — редчайшее в византийской традиции» (271), дослідник не наводить самого цього тексту (988/6498 τὸ δὲ ,ςυ+ς' ἔτος ἐβαπτίσθη ὁ Βολοντίμηρος, ὃς ἐβάπτισεν πᾶσαν Ῥωσίαν) серед перекладів¹⁸. Додана М.В. Бібіковим література справляє дещо хаотичне враження, оскільки тут трапляються праці, присвячені зовсім іншому твору, а саме, так званому *Аноніму Бандурі* (*Сказання про хрещення Русі*). Натомість пропущено важливу статтю Петера Шрайнера, яка може служити добрим путівником по цих складних проблемах¹⁹.

Іоанн Геометр. Тут М.В. Бібіков чомусь ігнорує ту обставину, що певна кількість поем та епіграм, які приписуються візантійському поету Іоанну Геометру, взята зі списків *Синописиса* Іоанна Скілиці, особливо із *Codex Matritensis graecus Vitr. 26-2*. Значна їх частина була відшукана завдяки майстерності Ігоря Шевченка²⁰. Важко збагнути мотиви автора, коли замість інвективи *Проти болгар* (Εἰς τοὺς Βουλγάρους), він пропонує *На апостасію*. Схоже, єдиною підставою для такого вибору став добрий переклад С.А. Іванова²¹. Відзначимо прикру відсутність епітафії імператору Никифору Фоці:

ὄρμᾶ καθ' ἡμῶν Ῥωσικὴ πανοπλία,
Σκυθῶν ἔθνη σφύζουσιν εἰς φονουργίας,
ληηλατοῦσι πᾶν ἔθνος τὴν σὺν πόλιν,
οὕς ἐπτόει πρὶν καὶ γεγραμμένος τύπος
πρὸ τῶν πυλῶν σὸς ἐν πόλει Βυζαντίου.

Значення цього тексту саме і полягає у тому, що тут міститься єдина згадка про росів з-поміж усього корпусу поем та епіграм, які пов'язуються з Іоанном Геометром. М.В. Бібіков, на жаль, умовчує про цікаву дискусію навколо цього твору, спричинену працями Анджея Поппе та А.В. Назаренка²². Автор чомусь вважає, ніби єдине повне видання текстів Іоанна Геометра — все ще 106-й том *Patrologiae* (грецька серія) абата Ж.-П. Міня, у той час, як стараннями Емілі ван Општаль у 2008 р. видано твори Іоанна Геометра з перекладом та коментарями²³. Усі тексти тут виправлено на основі збережених рукописів, і саме це видання слід було б узяти за основу при підготовці *Свода*. Сама стаття, як і література до неї, суттєво застаріли. Наприклад, жодна праця Марка Лейкстермана не потрапила до бібліографії²⁴.

18 *Die Byzantinischen Kleinchroniken*, ed. Peter Schreiner (Wien, 1975) [CFHB, 12/1], 678.

19 Шрайнер П. "Miscellanea Byzantino-Russica." *BB*. Т. 52 (1991), 151–161.

20 Ševčenko I., "Poems on the Deaths of Leo VI and Constantine VII in the Madrid Manuscript of Skylitzes". *Dumbarton Oaks Papers* 23–24 (1969–70), 185–228.

21 Иванов С.А. Из Иоанна Геометра. *Лев Диакон. История*. М., 1988, 133–135.

22 Poppe A. "The Political Background to the Baptism of Rus': Byzantine-Russian Relations between 986–89". *Dumbarton Oaks Papers* 30 (1976), 195–244; Назаренко А.В. *Древняя Русь на международных путях*, 424–428.

23 *Jean Géomètre. Poèmes en hexamètres et en distiques élégiaques*, ed., traduction, commentaire par Emilie Marlène van Opstall (Leiden, Boston, 2008) [The Medieval Mediterranean, Vol. 75].

24 Lauxtermann M. "John Geometres — Poet and Scholar." *Byzantion* 58 (1999), 356–380;

«Історія» Лева Диякона. Переклад твору автор, не вагаючись, запозичує із видання М.М. Копиленка, М.Я. Сюзюмова та С.А. Іванова, здійсненого під редакцією Г.Г. Літавіна у 1988 р., жертвуючи, проте, його численними та ґрунтовними коментарями. Обравши для публікації фрагменти із п'ятої, шостої, сьомої та майже всієї восьмої та дев'ятої книг *Історії*, М.В. Бібіков лише зрідка наважується їх коментувати. Утім, навіть такі розкидані по тексту коментарі (на зразок: «київський князь Святослав» чи «г. Дристра на Дунає, совр. Силистра» (285)), абсолютно не рятують ситуацію.

Переклад 1988 р., який став «протографом» для дослідника, мав у своїй основі *editio* Карла Бенедикта Газе. Видатний учений видав *Історію* лише за одним із двох відомих списків, а саме *Parisin. gr. 1712*. Інший список твору (*Escorial gr. Y-2-4*), хоча значно пізніший від паризького, зміг дослідити на початку 1960-х рр. Нікос Панайотакес, який і підготував його попереднє критичне видання, що, на жаль, так і не побачило світ. Усе ж на основі тексту Газе та підготовленого варіанту Панайотакеса група американських візантиністів з *Dumbarton Oaks* на чолі з Еліс-Мері Телбот та Денісом Саліваном опублікувала у 2005 р. коментоване видання Лева Диякона на основі двох рукописів²⁵. Тому при читанні сумнівних місць, а таких в *Історії* щодо русів багато (наприклад, «коментон», «германці» та ін.), вказана праця має першочергове значення. Важко збагнути, чому автор вирішив проігнорувати це новітнє видання, як і студії Нікоса Панайотакеса, Атанасія Маркопулоса та А.П. Каждана²⁶, знайшовши натомість місце для М.В. Левченка та А.Н. Сахарова. Навряд чи праці цих авторів принесуть читачеві більше користі. На жаль, «коло читання» автора відобразилось і на статті до *Історії*, де натрапляємо на гіпотетичні джерела *Історії* (як, наприклад, так звана «Історія Фок», що, радше, належить до історіографічних міражів, ніж реальних хронографій).

«Синopsis» Іоанна Скілиці. Фрагменти перекладів текстів цього твору візантійського історика зібрані автором звідусіль. Якщо повідомлення про похід русі на Константинополь у 860 р. та хрещення русів узяті із недавньої роботи П.В. Кузенкова, то війни Святослава з Іоанном Цимісхієм послідовно залучені з того ж таки видання Лева Диякона 1988 р.; переклад останнього повідомлення Скілиці про смерть «архонтів росів», здається, виконано самим М.В. Бібіковим (хоч ця обставина спеціально не обумовлюється). Варто зазначити, що дослідник наводить лише ті повідомлення, які раніше вже були перекладені. Натомість не додає (хоча, звісно, добре знає про них (316–317)) фрагменти про похід русі

Lauxtermann M. "Byzantine Poetry and the Paradox of Basil II's Reign." *Byzantium in the Year 1000*, ed. Paul Magdalino (Leiden, 2002), 199–216; також див. перший том його підсумкової праці: *Byzantine Poetry from Pisides to Geometres: Texts and Contexts* (Vienna, 2003).

25 *The History of Leo the Deacon. Byzantine Military Expansion in the Tenth Century*, intr., transl. and annotations by Alice-Mary Talbot and Denis F. Sullivan with the assistance of George T. Dennis and Stamatina McGrath (Washington, 2005) [Dumbarton Oaks Studies, 41].

26 Panagiotakes N. "Λέων Διάκωνος," *EEBS* 34 (1965), 1–138; Markopoulos A. "Byzantine History Writing at the End of the First Millennium." *Byzantium in the Year 1000*, ed. Paul Magdalino (Leiden, 2002), 183–198; Kazhdan A., *A History of Byzantine Literature (850–1000)* (Athens, 2006), 281–294.

на Візантію у 941 р., про візит княгині Ольги до Константинополя, про союз Володимира та Василя II, про Сфенга, брата Володимира, про смерть Анни та похід Хрізохіра (як казус, спричинений, хотілося б думати, поспіхом, — «поход-де хрисохиров» (316) у множині!), а також численних повідомлень про русів на візантійській службі. На жаль, узагалі не перекладено важливі замітки Скілиці про русько-візантійську війну 1043 р. Впадає в око хаотичність роботи автора із текстами Скілиці. Так, повідомлення про «смерть архонтів» росів Несислава, Ієрослава та Зініслава під 1036 р. слідує одразу після фрагменту про укладення договору між Святославом та Іоанном Цимісієм, створюючи ілюзію такого ж розташування у тексті. У нечисленних коментарях це ніяк не відзначено. Більш того, для М.В. Бібікова ці «архонти росів» є «неизвестные русские князья» (323), хоча, існує велика, щоправда, дуже суперечлива література, представлена працями Джонатана Шепарда, Омеляна Пріцака, А.В. Назаренка і С.М. Міхеєва, варта того, щоб бути занотованою у коментарі²⁷.

Стаття також не позбавлена помилок. Так, Іоанн Скілиця у *prooimion* згадує про ὁ Ἀσιανὸς Λέων, ототожнювати якого із Левом Дияконом все ж не варто. Незбагненою помилкою є датування *Codex Matritensis graecus Vitr. 26–2 XVI* ст. (!). У сучасних дослідженнях Найджела Вілсона та Васілікі Цамакди створення цього шедевра середньовічної книжної справи відносять до XII–XIII ст.²⁸ На жаль, у списку літератури не відзначено жодного із перекладів праці Іоанна Скілиці, у тому числі й недавнього французького видання²⁹. Також залишилася без уваги практично вся сучасна історіографія, яка в автора завершується статтею Елен Арвелер 1971 р. Нам залишається лише пошкодувати, що М.В. Бібіков вирішив настільки обмежити знання читача про *Синописис*.

«Хронографія» Михаїла Пселла. Як й у випадку з *Продовжувачем Феофана*, М.В. Бібіков подає фрагменти *Хронографії* у чудовому перекладі Я.С. Любарського, який, проте, не позбавлений дрібних хиб, на які нам уже доводилося вказувати³⁰. На жаль, література до *Хронографії* переобтяжена працями, в яких розглядаються листи, риторичні вправи, енкомії Пселла, натомість сама *Хронографія* відправлена на маргінес. Вірогідно, пошук автором літератури до статті завершився у 1978 р., оскільки до бібліографії не увійшло нове критичне видання *Хронографії*, збірники, спеціально присвячені студіям над Пселлом, важлива

27 Shepard J. "Byzantinorussica". *Revue des études byzantines* 33 (1975), 211–225; Пріцак О.Й. Походження Русі. Т. II, 919; Назаренко А.В. *Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков: Тексты. Перевод. Комментарий*. М., 2003, 167; Міхеєв С.М. *Святополк седе в Києве по отци. Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках*. М., 2009, 75.

28 Tsamakda V., *The illustrated chronicle of Ioannes Skylitzes in Madrid* (Leiden, 2002), 15–18.

29 *Jean Scylitzès. Empereurs de Constantinople*, Texte traduit par B. Flusin, J.-C. Cheynet (Paris, 2003) [Réalités Byzantines, 8].

30 Филипчук А.М. Имущество варяго-русского наемника в Византии в XI в. *Восточная Европа в древности и средневековье. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. XX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т.Паушто. Москва, 16–18 апреля 2008 г. Материалы конференции*. М., 2008, 235–242.

монографія Ентоні Калделіса та багато іншого³¹. Поспіх автора призвів до того, що обрані для публікації фрагменти тексту Пселла залишилися не прокоментованими. Натомість читачеві пропонується література, додана до статті, в якій зяють суттєві пробіли. Так, ми не бачимо тут праць Анджея Поппе, автора цікавих та оригінальних гіпотез довкола подій русько-візантійської війни 1043 р.; відсутні важливі студії Джонатана Шепарда та Дасн Сміт, де коментується участь росів у повстанні Ісаака Комніна проти Михаїла VI у 1057 р.³² Не обійшлося й без фактологічних помилок: автор зазначає, ніби «тавроскіфів» було «не более четырехсот» (327); насправді Пселл пише всього про чотирьох з них, які мало не вбили Ісаака Комніна.

«Поради і розповіді» Кекавмена. Поспіх автора, на жаль, відобразився як у статті, так і в тексті твору. Зокрема, класичне дослідження Поля Лемерля побачило світ у 1960 р., а не у 1956 р., як помилково вважає дослідник. Під V. Sernstedt слід розуміти В.К. Ернштедта, який разом із В.Г. Васильєвським у 1896 р. вперше видав твір Кекавмена.

Праця Лемерля є останнім дослідженням *Порад та розповідей*, яке відоме автору, окрім хіба що нового видання тексту, здійсненого Г.Г. Літаврним у 2003 р. Марно шукати у літературі праці Франца Тінненфельда, А.П. Каждана, Д. Цукаракіса та, особливо, Шарлотти Руше, автора, чий статті безпосередньо стосуються проблеми, заторкуваної М. В.Бібіковим — русів та варягів у тексті Кекавмена³³. Щодо самого тексту, то тут подаються два епізоди — присутність русів та варягів серед гарнізону Ідрунта, а також знаменита розповідь Кекавмена про Гаральда Гардраду. Як перший, так і другий тексти являють собою фрагменти, вирвані з контексту наративу, що не сприяє розумінню цих «історій». Так, автор, на жаль, не знаходить місця, щоб повністю навести розповідь Кекавмена про Гаральда, обмежуючись лише словами про його втечу із Константинополя. Для читача, втім, подається пояснення, що «Гаральд — норвежский принц (1015–1066), служивший в Византии во главе варяго-русского воинского корпуса в 40-е гг. XI в.» (348). Насправді ж прихід Гаральда на візантійську службу стався під час правління Михаїла IV, скоріше за все, після 12 квітня 1034 р. До того ж, Гаральд навіть у 40-х рр. не був командиром «кор-

31 *Michele Psello, Imperatori di Bisanzio (Cronografia)*, introduzione di Dario Del Corno. Testo critico a cura di Salvatore Impellizzeri. Commento di Ugo Criscuolo. Traduzione di Silvia Ronchey (Vicenza 1984) I–II; Kaldellis A., *The Argument of Psellos' Chronographia* (Leiden, 1999), там і докладна бібліографія.

32 Shepard J. “The Uses of the Franks in Eleventh-Century Byzantium.” *Anglo-Norman Studies 15. The Proceedings of the Battle Conference 1992* (Ipswich, 1992), 275–305 (reprint. *Byzantine Warfare*, ed. John Haldon (Aldershot, Burlington, 2007). №8 [The International Library of Essays on Military History]; D.S. Smythe. “Why do Barbarians Stand Round the Emperor at Diplomatic Perceptions.” *Byzantine Diplomacy. Papers from the Twenty-fourth Spring Symposium of Byzantine Studies, Cambridge, 1990*, ed. Jonathan Shepard and Simon Franklin (Aldershot, Burlington, 1992), 305–312.

33 *Κεκαυμένο. Στρατηγικόν, μετάφραση Δημήτρης Τσουγκαράκης* (Αθήνα, 1996) [Κείμενα Βυζαντινής Ιστοριογραφίας, 2] Roueché C. “Defining the Foreign in Kekaumenos.” *From Strangers to Themselves: The Byzantine Outsider. Paper from Thirty-second Symposium of Byzantine Studies, University of Sussex, Brighton, March 1998*, ed. Dion Smythe (Aldershot, 2000) [Society for the Promotion of Byzantine Studies. Publications 8], 203–214.

пусу», як це проникливо зазначив свого часу ще В.Г. Васильєвський. Автору незбагненим чином вдалося оминати велику літературу про образ Гаральда у творі Кекавмена, а саме праці Сігвуса Блендаля, Адольфа Стендер-Петерсена, Джонатана Шепарда та ін. Зауважимо, що не всі ресурси тексту Кекавмена використані М.В. Бібіковим. Так, не згадано пораду Кекавмена щодо небезпеки возвеличення варяга чи франка³⁴.

«**Notitae episcopatum**». Тут М.В. Бібіков максимально лаконічний; годі шукати бодай якийсь коментар до списків митрополій та єпархій. Самі списки (свого часу видані о. Дарузесом), на жаль, дуже спрощено подаються у книзі. Очевидно, їх повний виклад зі збереженням діакронії не входив до завдань автора. А шкода, оскільки публікація в такому вигляді мало що може надати читачу. До статті додано чималий список праць, утім, далеко не рівнозначних за науковою вартістю. Не без лакун і тут: так, звертаючись до праць Анджея Поппе, М.В. Бібіков не згадує недавню статтю А.В. Назаренка, де детально розібрано гіпотези польського вченого, а також наведено спектр думок сучасної літератури щодо проблеми³⁵.

«**Алексіада**» **Анни Комнін**. Не може не дивувати включення автором цього шедевра середньовічної літератури до пропонованих текстів, хоча, як справедливо відзначає він сам, «Анна нигде прямо не говорит о Руси и русских» (356). Чим же тоді керувався М.В. Бібіков, віддавши майже 60 сторінок своєї книжки під повідомлення Анни про бунт Никифора Врієннія та війни Алексія з печенігами? Тим більше, що зацікавлений читач завжди може їх знайти у доступному перекладі Я.С. Любарського, що його автор без зайвих сумнівів та вагань «копіює» та розміщує у власній праці. У той же час, нове видання тексту *Алексіади*, підготовлене Дітером Райншем та Атанасієм Камбілісом, а також і численні доповнення, зроблені ними пізніше, повністю ігноруються М.В. Бібіковим³⁶. Читач повсякчас потрапляє в якесь зачароване бібліографічне коло: йому повідомляють про критичне видання твору, натомість «стаття», література й, особливо, переклад відповідають зовсім іншій рукописній та історіографічній традиції.

У переліку рекомендованої літератури до *Алексіади* особливо помітна відсутність матеріалів колоквиуму, присвяченого добі Алексія Комніна, де праці його доньки приділено левову частку уваги³⁷. Так само відсутня чи не єдина

---

34 Кекавмен. *Советы и рассказы*, 296.6.

35 Назаренко А.В. Митрополии Ярославичей во второй половине XI века. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2007. № 1 (передруковано із виправленнями у: Назаренко А.В. *Древняя Русь и славяне (историко-филологическое исследование)*. *Древнейшие государства Восточной Европы*, 2007 год. М., 2009, 207–245).

36 *Annae Comnenae Alexias*, ed. prolegomena et textus Diether R. Reinsch and Athanasios Kambylis. Pars altera: Indices, digesserunt Foteini Kolovou et Diether R. Reinsch (Berlin, New York, 2001) [Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Series Berolinensis, 40/1–2].

37 *Alexios I Komnenos. Papers of the Second Belfast Byzantine International Colloquium, 14–14 April 1989*, ed. by Margaret Mullet and Dion Smythe (Belfast, 1996) [Belfast Byzantine Texts and Translations, 4/1].

збірка статей, що безпосередньо стосується *Алексіади*³⁸. Натомість М.В. Бібіков орієнтує читача на ряд уже повністю чи частково застарілих праць Ніколає Йорги (у тексті помилково — *Sorga N.*), Карла Дітера, Шарля Діля. Поза увагою автора залишилися дослідження, присвячені обраному ним для *Алексіади* контексту — *byzantinoturcica*, а саме праці Елізабет Маламю, Пола Стефенсона та ін. Як серед текстів, вибраних з *Алексіади*, так і літератури, марно шукати хоча б якісь моменти, пов'язані з найманцями, союзниками русами та варягами. Студії над ними, нагадаю, входять до першочергових завдань, які поставив перед собою автор. Залишається дивуватися, чому тексти з описом колоритної смерті варягів у битві при Діррахіумі у 1081 р., чи, наприклад, повідомлення Анни про Намбіта (і велика література про нього, важлива для розуміння взаємин Візантії із варварським світом), залишилися без уваги М.В. Бібікова. Натомість автор (в руслі малообгрунтованих гіпотез В.Г. Васильєвського та Г.Г. Літаврину) пропонує читачу шукати русів серед «скіфів» (союзників маніхея Травла у 1084 р. чи «скіфських племен» у війні Алексія із печенігами у 1086 р.). Важко погодитись з автором, що під поневоленням «таврами та скіфами» Філіппополя Анна мала на увазі не що інше, як походи князя Святослава! М.В. Бібіков конструює тут етнонім «тавроскіфи», втім, схоже, Анна хотіла лише вказати на захоплення різними групами печенігів колись квітучих міст.

«Історія» Никифора Врієннія. Никифор, як і Анна, жодного разу не згадує про русів. Це змушує М.В. Бібікова припускати, що «в сообщениях о дружинах наемников (Никифора — О.Ф.) можно видеть возможное указание на контингент наемного корпуса росов...» (422). Можливо, і так. У такому разі читач очікував би, що цей висновок є наслідком систематичного розгляду всіх без винятку згадок *Історії* про наймані та союзні групи на візантійській службі. Однак такого аналізу автор не провадить. Натомість він обирає, так би мовити, «полегшений» варіант, а саме: наводить фрагменти про напади печенігів у 1073 р. та про повстання Никифора Врієннія у 1078 р. із дореволюційного перекладу твору (вади якого були відомі вже для сучасників і відзначалися російсько-візантійською комісією 1920-х рр.). Як й у випадку з *Алексіадою*, М.В. Бібіков не виявив бажання перекласти навіть ці невеличкі за обсягом фрагменти. Пильніша увага до перекладу дозволила б уникнути, власне, інтерпретацій: так, замість «дружин (наемных)» (423) варто було б вжити «*етерії*»³⁹. Також варто було б не залишати без коментаря згадки про групи воїнів, набраних Георгієм Маніаком в «Італії», «*маніакітів*». Вирваний із контексту *Історії*, фрагмент про повстання Никифора Врієннія ніяк не прокоментований, ні у статті, ані у коментарях. У читача може скластися враження, ніби участь найманих загонів у повстаннях проти імператорської влади обмежувалася лише цим особливим випадком. Насправді, їх підтримка того чи іншого претендента — явище, доволі часте у політичній

38 *Anna Komnene and Her Times*, ed. Thalia Guoma-Peterson (New York, 2000).

39 *Bryennius, Libri Quattuor*, IV.2., 261.10–11.

історії XI ст. На жаль, вже традиційно для автора відсутня сучасна література з *Історії* Никифора Врєннія⁴⁰.

«Історія» Іоанна Кіннама. Цей розділ являє собою передрук відомої праці автора *«Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы»*, підготовленої у рамках серії *«Древнейшие источники по истории Восточной Европы»* у 1997 р. Таке рішення можна підтримати, адже саме видання вже втигло стати бібліографічною рідкістю.

«Тімаріон». Включення цього сатиричного діалогу до *Своду*, на наш погляд, невиправдане. Немає достатніх підстав вважати, слідом за автором, ніби текст свідчить про торгівлю у Візантії «южно-руських купцов» (489). М.В.Бібіков гадає, що вони не хто інші, як літописні «гости-сурожане»! Однак у тексті знаходимо лише: «города Эвксинского Понта, посылая сначала свои товары в Византий...» (490). На жаль, більше нічого ми про ці міста не дізнаємося, тому простір для фантазій залишається відкритий. Зауважимо лише, що текст подається у перекладі С.В. Полякової та Т.В. Феленковської.

«Історія» Никити Хоніата. Подібно до Никифора Врєннія, автор воліє передрукувати дореволюційний переклад цієї перлини візантійської літератури за редакцією В.В. Долоцького і Н.В. Ченцова, ніж запропонувати власний. Новий переклад вкрай необхідний, оскільки ще з 1975 р. існує критичне видання твору, підготовлене Яном ван Дігеном.

Однак навіть у такому вигляді текст украй лаконічно та нерівномірно прокоментований. Без пояснення залишилися фрагменти твору Хоніата, що мають прямий стосунок до проблеми: втеча Андроніка Комніна на Русь, похід Романа Мстиславича на половців, міжусобиця між Романом та Рюриком. Ці проблеми також не відобразились у бібліографії, де відсутні праці М.Ф. Котляра, Нільса Гола⁴¹. На цьому фоні дивним виглядає вміщення дослідником детальних розповідей Хоніата про війни Візантії із половцями, сербами, уграми.

Підсумуємо наші спостереження. Видання чергового тому *Свода* було доброю нагодою для того, щоб уточнити існуючі переклади чи зробити нові, скласти до них ґрунтовні коментарі та бібліографії, які б ураховували сучасний стан знань про тексти. На жаль, цього не сталося, а *Свод* має тенденцію до перетворення на чергову «хрестоматію». Звісно, це не завдало помітної шкоди *byzantinorossica*, але й не додало їй якихось важливих дослідницьких імпульсів. Було б передчасним з нашого боку пророкувати загальну наукову долю *Свода* (наступні томи можуть виявитися інакшими), однак уже зараз можна ствердити, що попри загальний чудовий задум праці, її реалізація розчаровує.

Олександр Филипчук

40 Jeffreys E. "Nikephoros Bryennios reconsidered." *The Empire in Crisis (?) Byzantium in the 11th Century (1025–1081)*. National Hellenic Research Foundation, Institute for Byzantine Research, International Symposium, 11 (Athens 2003), 201–214, там і бібліографія.

41 Котляр Н.Ф. *Дипломатия Южной Руси*. СПб., 2003; Gaul N. "Andronikos Komnenos, Prinz Belthandros und der Zyklop. Zwei Glossen zu Niketas Choniates". *BZ* 96/2 (2003), 623–660.

Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. *Траектории традиции. Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI — начала XIII века.* М.: Языки славянской культуры, 2010, 208 с.

Книжка А.Ф. Литвиної та Ф.Б. Успенського являє собою збірку з п'яти статей, самостійні сюжети яких згодом об'єднуються винесеною в заголовок метафорою, смисл якої, на жаль, автори не роз'яснюють. Більшість цих статей цілком або ж у фрагментах вже публікувалися. У вступі («От авторов») вони пропонують вважати зібрані в книжці етюди «главами» з історії XII ст. Опонуючи російській історіографічній традиції, автори вважають це століття не часом «угасания и дробления начинаний XI века», але «эпохой цветения и развития» (5), що українському читачеві не здається епатажною думкою. Рамки «філологічного» XII ст. автори визначають від 1096 р. (під цією датою у *Лаврентіївському* літописі вміщено *Повчання* Мономаха) до 1199 р., під яким в *Іпатіївському* списку вміщено панегірик ігумена Мойсея Рюрику Ростиславичу. Як і інші подібні бар'єри, ці також умовні: *Повчання* потрапило у статтю 1096 р. цілком випадково, а панегірик Мойсея насправді читався у *Київському літописі* під 1198. Очевидно, усвідомлюючи це, автори не вважають для себе обов'язковим їх дотримуватися: перший («Монастырь св. Симеона в Киеве и русско-немецкие связи второй половины XI в.», 9–20) і останній («Христос Пантократор на печати Мстиславовой грамоты», 152–166) нариси переступають відведені XII ст. межі. Свою методологічну позицію автори формулюють з ясністю і прозорістю, якої відчайдушно прагнуть історики: «Наиболее рациональным исследовательским подходом к большей части показаний древнейших русских летописных памятников относительно событий XII столетия нам представляется «презумпция невиновности» источника. Иными словами, мы полагаем, что составитель памятника стремился, если не доказано обратное, поведать истину и что его понимание истины, вовсе не обязательно тождественное нашему, все же доступно для современного понимания» (7).

Перший нарис книжки трактує обставини заснування й можливі мотиви посвячення київського монастиря св. Симеона. Цей монастир, як свідчить літопис, було засновано Святославом Ярославичем, чие хресне ім'я, не виключено, було Симеон. Утім, автори, подібно до багатьох їх попередників, вважають, що Святослава було названо Миколою, і, отже, для посвячення монастиря шукають інших спонук. У 1075 р. до Святослава прибуло німецьке посольство, яке очолював Бурхарт, брат Святославої дружини Оди. Цей Бурхард був настоятелем соборного храму св. Симеона в Трірі, посвяченого на честь св. Симеона нового Стопника (помер 1035 р.). Справедливо припускаючи особливу вагу для Оди і Бурхарда нещодавно канонізованого Симеона Трірського, автори саме з ним пов'язують вибір посвячення патронального монастиря Святослава. При цьому вони не наполягають, ніби монастир було освячено саме на честь трірського святого: «Пожалуй, более правдоподобным выглядит предположение, что киевский монастырь был возведен прежде всего в честь того древнего святого, чей

подвиг мог служити образцом для самого Симеона Трірського, — св. Симеона Столпника» (18). Постать молодшого стовпника із Тріра, як гадають автори, була «потаємною пружиною» дій ктиторів і залишилася в тіні. Гіпотеза про посвячення київського монастиря саме на честь нового трірського святого, хоча й ризикована, проте прямо впливала б із логіки їхніх міркувань. Відмова від цього висновку суттєво послаблює конструкцію, адже, якщо й не скасовує всі попередні спостереження, то робить їх, по суті, необов'язковими. Якої б ваги фігурою не був трірський Симеон для Оди та Бурхарда, і яким би не був вплив Оди на чоловіка, монастир усе ж освятили на честь іншого святого, добре відомого у східній церкві й без «трірського сліду». Це змушує повернутися до проблеми хресного імені Святослава. Здається, автори дещо поспішно відмовилися від можливості того, що ним було саме Симеон. Вибір на користь імені Микола роблять під впливом відомостей т.зв. *Любецького синодика*. З легкої руки Р.В. Зотова (який увів його у науковий обіг і за працею якого він відомий сучасним дослідникам), *Любецький синодик* вважають пам'яткою, хоча й непевною, але глибокої древності, цілком доброякісною для домонгольських часів. Насправді, це надзвичайно проблематичне джерело із неясним статусом. Навіть не заторкуючи загальної проблеми джерелозначної цінності синодиків, варто відзначити, що у своєму нинішньому вигляді *Любецький синодик* сформувався у самому кінці XVII ст. (1694 р.), а його єдина збережена копія походить із XVIII ст. Між тим, як справедливо відзначають автори, зберігся список XV ст. *Ізборника Святослава 1073 р.*, де ім'я замовника подане як Симеон, що — за усіх можливих варіантів тлумачення (копія для московського князя Симеона Гордого; відображення давнього болгарського оригіналу царя Симеона) — має все ж братися до уваги. Може так статися, що саме посвячення монастиря св. Симеону і є вирішальним свідченням про хресне ім'я князя. Хоча, як справедливо зазначають автори, князі засновували монастирі не виключно на честь своїх небесних патронів, в поколінні Ярославичів саме так і було. Ізяслав Ярославич заснував у Києві монастир св. Димитрія, Всеволод — св. Андрія. Отже, серед кількох фундацій таки мала бути одна на честь небесного тезки. За все своє життя Святослав достовірно заснував лише один монастир — св. Симеона в Києві, і було б дещо дивним, коли б у виборі посвячення він керувався можливістю потішити честолюбство свого швагра.

Другий нарис — «Князь и митрополит: штрихи к портрету Климента Смолятича» (21–79) — досліджує символізм у стосунках двох знаменитих персонажів XII ст.: київського князя Ізяслава Мстиславича та поставленого з його волі київського митрополита Кліма (Климента) Смолятича. І якщо, переважно, автори пропонують тонкий і вдумливий аналіз, загалом, відомих фактів та обставин, нове прочитання єдиного достовірно вцілілого (хоча, ймовірно, не у початковому вигляді) твору Кліма, *Послання до смоленського пресвітера Фоми*, пропонує цілковито несподівану його інтерпретацію із потенційно далекосяжними наслідками для розуміння матримоніальної поведінки в князівській родині. Як відомо, послання має доволі складну структуру, і для сучасного читача не так легко розпізнати, що саме світська публіка могла вважати для себе цікавим чи важливим

у, за висловом авторів, доволі туманній екзегетиці Кліма. Автори вважають, що «такої очевидно актуальної темой, в сколь бы символично-аллегорическом духе она не разрабатывалась, оказываются библейские аналогии. Вопросы генеалогии, степеней родства, законности происхождения, первородства, допустимости браков, права наследования — это именно та область знания, которая сама по себе была весьма важной и, в известном смысле, предельно занимательной для всех членов стремительно разраставшейся в каждом поколении русской княжеской династии» (46). Перечитуючи у цьому світлі *Послання* Кліма, автори виділяють пасажі, пов'язані із трактовкою митрополитом так званих левіратних шлюбів у *Ветхому Завіті* і легітимності потомства від них. Зокрема, Клим коментує біблейську історію народження Зари і Фареса від Іуди та його невістки Фамари і пригадує, що ветхозавітний «закон» передбачав одруження з удовою померлого брата. Діти від такого шлюбу «по естеству» будуть вважатися від другого чоловіка, «по закону» ж — належати до роду померлого.

Ця проблема, як відзначають автори, для Русі могла бути актуальною через пам'ять про єдиний, але знаменитий, випадок подібного роду: шлюб Володимира з вагітною удовою брата Ярополка і народження нею Святополка. Про останнього говорили, ніби він «від двох отців». Безумовно, ситуація виглядає цілком життєвою, а не літературною, і траплялася не лише на Русі, і не тільки із Володимиром. Серед ілюстрацій можна було б навести відому історію з *Анналів* Тацита: Август «відібрав дружину у Нерона й знущально запитав жерців, чи дозволено, зачавши й не народивши, вступати у новий шлюб» (*Аннали*, I: 10). Та ж історія ще ближче до нашого випадку у Светонія: «Батьком Клавдія Цезаря був Друз... Лівія була вагітна ним, коли виходила заміж за Августа, й народила його через три місяці: через те була підозра, що його народжено через перелюби із вітчимою» (*Клавдій*, 1). Отож, сумніви виникали однакові, інша річ, якої їм надавали ідеологічної обробки. Нещодавно біблейські контексти літописного образу Святополка як «сина двох отців» детально розібрав С.Ю. Темчин у спеціальній праці (Темчин С.Ю. Сын двух отцов: киевский князь Святополк Окаянный как второй Каин. *Forma formans. Studi in onore di Boris Uspenskij*, a cura di Sergio Bertolissi e Roberta Salvatore, vol. 2 (Napoli, 2010), 177–186). Він також звернув увагу на відому літописцеві біблейську заповідь (Втор. 25, 5–6), у світлі якої сюжет із подвійним батьківством Святополка слід розуміти в тому смислі, що Володимир, наслідуючи ветхозавітну традицію, узяв за дружину вдову свого брата. Святополк, будучи рідним сином Володимира, виявляється одночасно й законним сином Ярополка.

Авторів рецензованої праці, однак, ця тема цікавить дещо в іншій перспективі, а саме: з погляду можливого впливу на матримоніальну поведінку Рюриковичів. За всю історію домонгольської Русі жодний князь не одружився з удовою. Так само й жодна із княгинь, овдовівши, не вступила у повторний шлюб. Автори вгадують тут якусь негласну заборону, і саме із «прецедентом Володимира» пов'язують виникнення табу. Святополк, як відомо, виявився братовбивцею і емблематичним лиходієм, що літописець пов'язував з обставинами його народження. Це, як гадають автори, лише одна із причин, і не основна. Головними вони вважають одну

із двох взаємовиключних можливостей: або на Русі гадали, що припустимий для ветхозавітних євреїв шлюб з удовою брата не личить доброму християнину, або навпаки — цілковито поділяли біблейську заповідь і гадали, ніби народжений від шлюбу з удовою стає спадкоємцем її колишнього чоловіка, а не свого справжнього батька. Це надзвичайно дотепне й привабливе пояснення, все ж, видається дещо штучним (про що, між іншим, сигналізує й надмірна кількість тлумачень) і для реального життя занадто «літературним».

Важко позбутися враження, що для Клима тема ветхозавітних шлюбів із братовою удовою мала виключно академічний смисл. Його *Послання* до Фоми являє собою, так би мовити, «філософське» (хоча саме звинувачення у «філософії» Клим відкидає) фехтування з адресатом (і його учителем), в якому Клим відверто хизується недосяжною для Фоми здатністю «потонку питати» темні й малозрозумілі місця Писання. Іншими словами, його послання — демонстрація уміння вправлятися у цілком абстрактних матеріях, максимально далеких від буденності. Тема левіратних шлюбів розвивається Климом для того, аби продемонструвати, що з обох боків — Йосифа та Марії — родина Ісуса є «Давидова племені». Але якщо із родоводом Йосифа в цьому сенсі не виникало проблем, то походження Богородиці від племені Давидова можна було обґрунтувати лише взявши до уваги левіратний шлюб одного з її предків:

Умре же Илий без дѣтища, и поять Иаков, братъ его, иже от колѣна Соломонова, жену его, ти вѣставит сѣмя брату своему, и роди Иосифа, да Иосифъ есть естеством сынъ Ияковль, по закону же — Ильинъ, иже от Нафы. Иаким же чистую и хвалы достойну Анну поять женѣ, от неяже родися пречистаа девица, владычице наша Богородица и присно деваа Мариа, от Давыда племене сводима, от неяже родися истинный Христос Богъ наш. То аще Мариа от Давыда, явѣ и Христос от Давыда племене есть.

Генеалогія Христа — тема, здається, достатньо важлива для середньовічної аудиторії й без будь-яких додаткових «актуалізацій». Слідуючи методологічному принципу авторів — презумпції невинуватості джерела, — за яким автор хотів сказати те, що сказав, варто таки повірити Климу, що саме про родоводи Христа йому йшлося.

Третій нарис — «Смерть в Чернигове: духовная грамота митрополита киевского Константина» (80–137) — чи не найбільший у книзі. Його сюжетом є, за висловом пізнішого агіографа, «повѣсть дивна и ужасна» про незвичні обставини смерті київського митрополита Константина (1159 р.). Митрополит заповідав не ховати його, але, прив'язавши мотуззям за ноги, виволокти за місто й кинути там на з'їдання собакам. Літопис наполягає, що так і було вчинено, але тіло пролежало три дні недоторканим, після чого митрополита таки поховали. Нечисленні інтерпретації цього сюжету, запропоновані в літературі, можна поділити на два розряди: ті, що сприймають оповідь як відображення реальної події і ті, що трактують її як літературний епізод. До перших належать здогади про збентежений душевний стан митрополита, через який він не вважав себе вартим

гідного поховання. Константин був наступником Кліма Смолятича на київській кафедрі й жорстоким гонителем «Климової схизми». У вигнанні, зневірений і розчарований, він міг — на знак смирення чи протесту — вчинити подібну демонстрацію. Інший тип пояснення вчинку Константина відштовхується від дивовижного збігу між його заповітом та обставинами вбивства в Києві чернігівського князя Ігоря Ольговича (1147 р.) Його тіло, як відомо, також тягали по місту, прив'язавши мотузкам за ноги, і, врешті, кинули без поховання на три дні. Враховуючи, що митрополит Константин знайшов притулок у Чернігові у рідного брата Ігоря, Святослава Ольговича, а також враховуючи, що митрополит Константин був гонителем одного із винуватців трагедії — Кліма — зв'язок між літературними обробками двох смертей не видавався цілковито безпідставним.

І все ж, учинок Константина (чи вчинок над його тілом) залишався доволі загадковим. Авторам рецензованої книги, як здається, вдалося нарешті позитивно «розгадати» його, вказавши на безпосередній взірць, якому слідував митрополит. З точки зору обсягу залученого матеріалу, як і за витонченістю аналізу, це найповніше, якщо не вичерпне дослідження даного сюжету.

Як вказують автори, прижиттєві прохання монахів, подібні до заповіту митрополита Константина, відомі, наприклад, з Іоанна Лествичника (VI–VII ст.), а також добре представлені в патериковій літературі. Так, Арсеній Великий (IV–V ст.) заповідав «прив'язати до ноги мотузку й витягти його на гору»; Ігнатій Богоносець (пом. бл. 107 р.) писав, щоб його тіло віддали на з'їдання звірам, аби ті «стали гробом моїм». Автори вбачають джерела такого звичаю добровільної відмови від поховання у ранньохристиянській традиції аскези як імітації мучеництва. Але традиція не припинилася з кінцем епохи переслідувань християн. Автори простежують її видозміни в пізніші часи, як на Заході, так і на Сході християнського світу, де знаходять напрочуд близькі аналогії вчинку Константина, а також сліди — в аскетичній практиці Русі й Московії (XIV–XVII ст.). Водночас, надто поширеною така традиція аскези, схоже, не була (заповіді поодинокі, ще рідше їх наважувалися виконувати), та й за природою не могла бути, адже подібна поведінка передбачала виключність, винятковість, заперечення правила. Очевидно, останній відгомін цієї традиції можна вбачати у заповіді св. Димитрія Ростовського (пом. 1709): «Да отвлекут мое грешное тело во убогий дом и тамо между трупиями да повергнут е».

Отже, смерть митрополита Константина вкладається у відому на християнському Сході і збережену у візантійській традиції манеру крайнього аскетизму, за якої тіло померлого з його власної волі піддавалося «ритуальному поруганню», що й служило ознакою та доказом вищого смирення. Випадок Константина, безумовно, перший такого роду на Русі. Автори при цьому, схоже, схиляються до думки, що у літописній оповіді ми маємо справу із дійсною подією, з описом того, як все відбувалося насправді. Як же сприймали вчинок митрополита сучасники? Або, словами авторів, «можно ли... рассматривать его поступок как коммуникативный акт, обращенный не только к Богу, но и хотя бы в какой-то мере — к современникам?» (128). Однозначної відповіді на це запитання автори не дають, як не пропонують і єдиного «адресата» «комунікативного акту»:

чернігівський єпископ Антоній, грек, свідомий візантійської традиції, прочитав його належним чином як рідкісний, але відомий аскетичний вчинок; наївні чернігівці — як дивовижний і страхітливий своєю незбагненністю; суперник Константина Клим Смолятич — як докір за гоніння.

Будь-який зв'язок із поруганням тіла Ігоря Ольговича автори відкидають, вважаючи схожість двох епізодів мінімальною і несуттєвою, а подробиці — й зовсім відмінними. Це, однак, позбавляє вчинок Константина початкового мотиву. Що саме подвигло його обрати настільки екзотичний, а на Русі просто невідомий спосіб смерті? Адже він не був ні аскетом, ні самотником, якому природно спадала б думка увінчати свої подвиги ще й таким шокуючим вчинком. У відриві від епізоду з Ігорем Ольговичем «комунікативність» вчиненого митрополитом практично зникає: подія стає спектаклем для єдиного глядача, грека Антонія, здатного вірно відчитати її смисл. Між тим, автори передбачають ширшу публіку, яка включає й Кліма Смолятича. У такому разі, Клим мусив прочитати вчинок Константина як спрямований проти нього особисто (як докір? звинувачення? засудження? нагадування?). А, між тим, якщо вчинок Константина був просто ізольованим випадком крайньої аскези (навіть якщо Клим міг знати про традицію), нічого з переліченого Клим у ньому не зміг би побачити.

Звичайно, обставини вбивства князя і наруги над його тілом та смерті й поругання тіла митрополита не можуть бути цілковито подібними (тим більше, що автори схильні трактувати літописні описи «реалістично»). Але для уподібнення двох смертей цього й не вимагається (як не вимагалося, скажімо, від страстотерпця, який імітує Христові муки, бути дійсно розіп'ятим на хресті). Такий зв'язок завжди *символічний* і встановлюється не за принципом абсолютної тотожності перебігу подій. (Так, Клавдій, король данський, упізнає свій злочин у розіграній перед ним п'єсі «Убивство Гонзаго», звичайно ж, не за цілковитою тотожністю деталей. «П'єса зображує вбивство, вчинене у Відні. Гонзаго — ім'я герцога, його дружина — Баптіста. Зараз побачите. Мерзенна історія. Та що нам з того? Вашої величності і нас, у кого сумління чисте, це не стосується», — запевняє його Гамлет).

Клим був не лише свідком смерті Ігоря, але одним з учасників і мало не винуватцем убивства. Клим, крім того, був причиною вигнання Константина з митрополії. Смерть застає Константина в Чернігові, де княжить рідний брат убитого Ігоря Святослав Ольгович, який трепетно ставився до пам'яті брата, тривалий час воював з Ізяславом, ледве примирився, а 1150 р. переніс мощі Ігоря до Чернігова.

Як вважають автори, шукати зв'язок між смертями Ігоря й Константина дослідників спонукало приурочення їх пам'ятей до того самого дня, вочевидь пізніше. Це не так. (Хоча свідчить, що мотив лежить на поверхні і легко був розпізнаний пізніми агіографами). На те були інші підстави.

У літописному описі смерті Константина є один мотив, необов'язковий і, здається, прямо чужий для традиції добровільного поругання тіла покійника. Як можна судити із наведеного авторами матеріалу, смисл заповітів завжди полягав у тому, щоб тіло дійсно віддали на поталу звірам і, таким чином, від нього не ли-

шилося й сліду. Між тим, як запевняє нас літопис, тіло Константина пролежало три дні й звіри не доторкнулися до нього. Це, звичайно, мотив агіографічний, по суті, стандартне перше чудо святого (про його можливе джерело, житійне, див. статтю П.П. Толочка у цьому випуску *Рутеніки*). Ця обставина змусила свого часу автора цих рядків припустити, що у варіанті *Лаврентіївського* літопису ми маємо справу з уламком агіографічного тексту, повний варіант якого представлений, наприклад, у *Московському літописному зводі XV ст.* В цьому останньому смерть супроводжується більшою кількістю чудес, серед них і землетрусом у Києві, від якого загинули мешканці. Ця подробиця робить досить заманливим зближення з *Одкровенням* Іоанна Богослова 11: 1–13, а саме фрагментом про двох свідків, убитих Антихристом і кинутих серед міста на три дні (і трѣпы ѣхъ ѡгтѣвѣтъ на стѣгнахъ града великаго... И зрѣти имѣтъ ѡ людїи и племѣнъ, и ѡ ѣзыкъ и колѣнъ, тѣлесѣ ѣхъ днїи трїи и полъ, и трѣпы ѣхъ не ѡгтѣвѣтъ положити во гробѣхъ, Йоан, 11: 7-8). У третій же день буде землетрус (И въз часъ тои трѣхъ бѣгѣтъ вѣлїи, и десѣтаа часть града падѣ, и погнѣе трѣгомъ имѣнъ человекѣскихъ едѣмъ тысащѣ: и пробѣи прїстрѣши бѣша и дѣша слава бѣѣ немѡ, Йоан, 11: 13). Звичайно, древнє походження варіанту *Московського літописного зводу* довести важко. Воно може бути (як і гадають автори) подальшою розробкою теми, але, важливо, по-перше, що в агіографічному ключі, а, по-друге, автор обробки (залучаючи *Апокаліпсис*) має на увазі ще одну смерть, на яку мали натякати знамення. З іншого боку, виникнення житійної повісті саме у XV ст. в Москві доволі сумнівне. У цьому столітті важко уявити, кого б цікавив маловідомий князь та його смерть у «литовському» Києві, як, зрештою, і смерть Константина у «литовському» Чернігові.

Як би там не було, варіант *Лаврентіївського* літопису свідчить, що від самого початку смерті Константина (до якої б традиції насправді не апелювала його «духовна») було надано житійного характеру. Його смерть подано як різновид мучеництва. Тут, очевидно, немає суперечності. Зрештою, й автори рецензованої книги зазначають, що «добровольное желание отдать свое тело на поругание является частью более общей практики аскезы как имитации мученичества» (90).

Четвертий нарис — «Время жить и время умирать: Текстология древнейших русских летописей или княжеская семейная традиция?» (138–151) — присвячено обставинам смерті, а, вірніше, літописним інтерпретаціям цих обставин, київського князя Святослава Всеволодовича. Починаючи з Юрійового дня князь тяжко хворів, їздив на поклоніння до різних церков у сподіванні зцілення. Центральним сюжетом для авторів є діалог, що відбувся напередодні смерті між князем та його дружиною. Князь нібито спитав: коли буде день св. Маковеїв? Княгиня відповіла: у понеділок. Князь сказав: я вже не дждусь того. Чому для Святослава таким важливим був цей день, 1 серпня? Літописець зазначив причину — у той день помер батько Святослава, Всеволод Ольгович. І справді, *Інатіївський* літопис датує його смерть 1 серпня. Більше того, 1 серпня помер також і дід Святослава, Олег Святославич. Отже, виходило б, що для трьох поколінь родини то був фатальний день. Автори, однак, зазначають, що згідно із *Лаврентіївським* літописом Всеволод Ольгович помер 30 липня (що вони вважають більш вір-

ним). Це близько, але не цілком збігається із стрункою картиною, змальованою у Київському літописі.

Эти противоречия, — зазначають автори, *—* *невольно заставляют нас заподозрить, что совпадения дат кончины различных лиц в пределах Ипатьевского свода — дело рук одного из его составителей или переписчиков, а вся фактографическая последовательность, подкрепляющая рассказ под 1194 г., оказывается искусственной. Стало быть, весьма шаткими становятся и предположения о том, что князь Святослав верил в неизбежное совпадение собственной смерти с днем свв. Маккавеев. Реплика же составителя Ипатьевской летописи, помещенная под 1194 г., в таком случае являет собой исключительно продукт представлений и воображения самого летописца, под который он или позднейшие сводчики задним числом подгоняют даты (145–146).*

Ці спостереження, які ведуть до висновків про літописну статтю як передусім майстерно написаний літературний текст, можна дещо розвинути, підкріпивши також і спостереженнями над внутрішньою хронологією оповіді. Для авторів це, зрозуміло, тема бічна, вони лише відзначають, що «отсчет времени в рассказе... начинается с Юрьева дня» (140) та що «действия князя следует понимать как подготовку к празднованию их [Бориса і Гліба — О.Т.] памяти 24 июля» (141).

Між тим, здається, маніпуляція із хронологією — ще один прийом автора оповіді. З неї, строго кажучи, не зразу стає ясно, про яке із борисоглібських свят ідеться. Події починаються невдовзі після Юрієва дня (23 квітня) («возвратиса Сѣтослав ис Карачева съ Юрьева дни . и ѣхаша [...] и поиде в насадѣхъ по Деснѣ Сѣтослав же пришедь в Къевъ . и еха к Вышегороду в патницу»). Далі у статті 1194 р. подано лише вказівки на дні тижня, так, що може скластися враження, ніби події розвиваються стрімко. У такому разі, здається, ніби «празникъ стоую моученикоу» — це 2 травня, перенесення мощей Бориса і Гліба. Прикметно, що 1072, 1115 та 1194 рр. свято припадало на неділю. Крім того, поклоніння саме в цей день для Святослава Всеволодовича було б важливе й родинною традицією: під час перенесення мощей у 1072 р. прадід і тезка Святослава, Святослав Ярославич, намагався зцілитися від «вреда» (від якого, зрештою і помре), прикладаючи руку св. Гліба до недужого місця: *дръжацию стаго роукоу прилагаше къ вредоу. нмъже болаше на шни н къ очнма н къ теменн* (Бугославський С. *Україно-руські пам'ятки XI–XVIII ст. про князів Бориса і Гліба (Розвідка й тексти)*. К., 1928, 161). Таким чином, з опису подальшого виходило б, що князь питав про св. Маковеїв у понеділок, 3 травня. Але в такому випадку відповідь княгині — «в понеділок» — звучить дещо дивно, адже Маковеї відзначаються 1 серпня й до них, отже, залишалося ще повних три місяці. Судячи з того, що Святослав помер у липні, його діалог із дружиною відбувався після іншого борисоглібського свята — 24 липня (від якого до Маковеїв, дійсно, залишався б один тиждень). 24 липня у 1194 р. також припадало на неділю. У літописі лише одне із борисоглібських свят марковане якоюсь родинною (для Святослава Всеволодовича) подією, перенесення 1072 р. Схоже, отже, що літописець, свідомо затуманюю-

чи дійсну хронологію прощ князя, спокусився можливістю створити у читача враження ще однієї родинної традиції. Те, що літописець відверто грається із борисоглібською символікою, очевидно: князя везуть спочатку на санях, потім в «насаде» (на санях несли св. Бориса, в «насаде» — св. Гліба).

П'ятий, останній, нарис книжки — «Христос Пантократор на печаті Мстиславової грамоты» (152–166) — присвячений печатці Ярослава Всеволодовича, привішений до знаменитої Мстиславової грамоти. Із цією печаткою пов'язано декілька загадок. Головну із них — чому грамота, видана Мстиславом Володимировичем на початку XII ст. скріплена печаткою його далекого нащадка з XIII ст. — нещодавно блискуче розв'язав О.О. Гіппіус (Гиппиус А.А. Загадки Мстиславової грамоты. *Miscellanea slavica. Сборник к 70-летию Бориса Андреевича Успенского* [Труды по филологии и истории]. Сост. Ф.Б. Успенский. М., 2008, 109–129). Спроба розгадки ще однієї «тайни» — чому на печатці Ярослава Всеволодовича, всупереч традиції зображати патрональних святих власника та його батька, міститься зображення Христа-Пантократора — запропонована в даній статті. Ключ до розгадки автори знаходять у «слов'яно-грецькому семантичному комплексі «Пантократор/Вседержитель» (162). Як гадають дослідники, князь не збирався відмовлятися від звичаю. «Эпитет *Пантократор / Вседержитель* чрезвычайно эффектно передает здесь славянское династическое имя *Всеволод*, символическим образом усиливая и обобщая его внутреннюю форму, смысл и значение» (163).

На жаль, рецензія, навіть багатослівна, не може вірно відтворити усього змісту книжки, що залишається складнішим і цікавішим за будь-який переказ. Інший читач знайде в книжці роздуми і спостереження, які, можливо, пройшли повз увагу рецензента. На те немає ради. Можна лише сподіватися, що запропоновані тут коментарі стануть йому в пригоді.

Олексій Толочко

ОГЛЯДИ

Милютенко Н.И. *Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники* [Библиотека христианской мысли. Исследования]. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2008, 576 с.

Монографія Н.І. Мілютенко присвячена історії утвердження християнства на Русі за Володимира Святославича, становленню і розвитку літературної традиції про життя та діяльність святого київського князя.

Біографічну частину книги відкриває її друга глава «Биография св. Владимира от рождения до поисков веры». Переконана у псковському походженні княгині Ольги, дослідниця, здається без належних на те підстав, вважає місцем народження Володимира не Київ, а сільце (весь) Будутіно під Псковом. Там, на думку дослідниці, близько 960 р. ключниця Малуша і народила майбутнього хрестителя Русі. Характеризуючи нововведення Володимира після утвердження його влади у Києві 978 р., авторка відносить до головних його заслуг тієї пори оновлення язичницьких капищ у головних центрах Русі — Києві та Новгороді. У цих рішучих діях київського князя вона добачає не спробу трансформувати язичництво і пристосувати його до нових умов та зміцнити свою владу шляхом посилення її сакралізації. Більш правильною їй уявляється інша постановка питання: «Владимир искал истину о Боге и мироздании. На Севере язычество традиционно было наиболее сильным — последнее выступление волхва было в Новгороде в 1071 г. Именно здесь прошла юность Владимира, и для него естественно было сначала обратиться к языческой вере отцов» (141).

У наступних розділах (Гл. 4: «Крещение Руси: летопись, Проложное и Обычное жития св. Владимира», 213–271; Гл.5: «Корсунский поход», 272–320; Гл.6: «Церковь и государство при св. Владимире», 321–379; Гл.7: «Скандинавы и крещение Руси», 380–398) дослідниця досить детально переповідає, загалом, добре відомі історичні події і явища, пов'язані із плином християнізації Русі, становленням та розвитком церковної організації та інститутів державної влади. Перше хрещення Русі й канонічне її підпорядкування Константинополю, як і багато хто із її попередників, вона відносить до 60-х рр. IX ст. Авторка стверджує, ніби Володимир хрестився 6495 р. (вересень 986 — серпень 987), найвірогідніше, «еще до начала переговоров с Василием летом 987 г. Его крещение никак не было связано с кризисом в Империи. В русских источниках поэтому нет вообще никаких сведений о военной помощи, без которой будущий шурин русского князя никогда бы не сохранил императорскую власть» (273). До того ж року вона відносить й охрещення киян, стверджуючи при цьому, що «обряд совершали простые пресвитеры и не в Днепре, а в Почайне» (266). Ще однією творчою знахідкою авторки є твердження про те, що літописна Туровська божниця на давньокиївському Подолі, зведена здогадно туровськими купцями, то і є Борисоглібський храм (262–263).

Корсунський похід Володимира був, на думку Н.І. Мілютенко, ворожою для Візантійської імперії акцією. Захопивши Херсонес у червні 989 р., київський князь тим самим «нанес очередной удар по престижу Василия и Константина. В этой ситуации замужество Анны получило религиозно-миссионерскую окраску, как и само вторжение в Херсонскую фему. Такое решение устраивало обе стороны: царица выходила замуж за христианина, хотя и несовершенно в вере, и отправлялась утверждать христианство в варварскую страну. Владимир не отнимал земли у союзника будущего шурина, а действовал исключительно из желания просветить свой народ с помощью «истинных христиан» (282).

Оригінальність авторських міркувань демонструють і її судження щодо дати та обставин заснування київської митрополичої кафедри. На думку Н.І. Мілютенко, «дата 989 г. не обозначает реального времени поставления митрополита для Руси» (322). Натомість вона скомпонувала наступну версію: «Уже при патриархе (Николае Мистике (901–907, 912–925) Херсонской архиепископии придавались миссионерские обязанности. Если Анну действительно сопровождал митрополит эфесский Феодор, то он мог рукоположить епископа для Новгорода. В таком случае херсонский епископ мог действовать как миссионерский в Южной Руси, а Иоаким, как его собрат, на севере. На первых порах такая ситуация должна была вполне устраивать св. Владимира, который пытался включить Корсунь в состав своих владений в качестве центра христианского просвещения Руси. Херсонес пришлось очень скоро вернуть, и стране теперь был нужен самостоятельный митрополит. Вероятнее всего, им стал после 995 г., но до 997 г., Феофилакт, бывший митрополит Севасты» (328).

Заключна частина книги присвячена пошуку відповіді на sacramентальне питання: «Когда князь Владимир причислен к лику святых»? Н.І. Мілютенко, звертаючи увагу на ту обставину, що найдавніші списки повної служби св. Володимиру датуються серединою — другою половиною XIV ст., зауважує: «Разнообразие службы уже в XIV в. противоречит представлению о поздней канонизации св. Владимира. Его культ прошел довольно сложный путь от почитания святым при его сыне Ярославе до полного к нему равнодушия в конце XI в. В середине — конце XII в. намечается новый подъем интереса к памяти и деяниям св. крестителя Руси. Тогда в Прологе появляется его житие. В течение всего XIII в., несмотря на общее тяжелое положение и татаро-монгольское завоевание, поклонение св. Владимиру все больше расширяется географически. Цикл посвященных ему призываний пополняется, видимо, новыми гимнографическими памятниками» (405).

Джерелознавчі аспекти проблеми розглядаються у першій і третій главах монографії (Гл.1: «Древнейшие произведения о св. Владимире», 13–103); Гл. 3: «Развитие житийной традиции о св. Владимире и крещение Руси», 149–212). Дослідниця доводить: «Почитание князя Владимира как святого крестителя Руси стало складываться при жизни первого поколения русских христиан. «Слово о законе и благодати... и похвала кагану нашему Владимиру» было написано будущим митрополитом Иларионом около 1046 г., во всяком случае, до 1051 г. Биография князя была хорошо всем известна, и никто не пытался ее по-

догнать под агиографические клише. Единственным сочинением, в котором она излагалась полностью, была «Память и похвала» Иакова Мниха. Он работал в 1050–70-х гг., и вслед за Иларионом обосновал святость крестителя Руси. Уже в эпоху Ярослава Иларионом был сформулирован тезис о том, что главная заслуга св. Владимира, которая перечеркивает все остальные его грехи — это крещение Руси. Соответственно с этим все последующие жития Владимира оказываются рассказами исключительно о крещении» (149). Відтак, основна традиція Володимирової агіографії XII — XVII ст. розвивалася в рамках оповіді про хрещення Русі. При цьому Н.І. Мілютенко, слідом за А. Поппе, відносить до першої половини XIV ст. остаточний перелом у сприйнятті історії хрещення Русі. Тоді, стверджує дослідниця, «появляється Краткий вид Обычного жития св. Владимира, а за ним и различные редакции Распространенного вида. Создаются все новые и новые варианты службы св. Владимиру в рамках существующих двух основных редакций» (409–410).

Опубліковані у монографії тексти покликані, за задумом Н.І. Мілютенко, «прежде всего помочь определить тип жития Владимира при описании рукописей и изданиях памятников» (411). «Память и похвала» Якова Мніха публікується за списком «Минеи новым чудотворцам» 1494 р. (РНБ, ОР, Сол. 518/537, л. 340–348 об. (Сол.1.) із різночитаннями. В основу публікації «*Проложного жития 1-го и 2-го видов*» покладено, відповідно, старший список РНБ, ОР, ПДА А 1/264, Прилуцький Пролог, л. 190–194 із різночитаннями та список РНБ, ОР, Ф. п. 1. 47, л. 78–80 об. (Пролог першої редакції середини XIV ст.). «*Обычное житие св. Владимира*» опубліковано за списком РНБ, ОР, Пог. 805, л. 157–160 із різночитаннями. У монографії також вміщено «*Распространенное житие*» третьої та четвертої редакцій, «*Особое житие*» (текст видано за єдиним списком XVII ст. БАН 21.5. 20: л. 431 об. — 434 об), «*Служба св. Владимиру*» у двох старших редакціях.

В.Р.

Именослов: История языка, история культуры, отв. ред. Ф.Б. Успенский. СПб.: Алетейя, 2010 [*Труды Центра славяно-германских исследований*, I], 240 с.

Новий, ошатно оформлений і виданий *Именослов*, розпочинається статтями Вяч. Вс. Иванова «Славяно-балто-германская диалектная общность как северо-западно-индоевропейская языковая зона в соотношении с другими диалектами» (5–41) та Н.А. Ганіної «Готские имена: проблемы и интерпретации» (42–63). В останній, попри здійснений автором копійкий аналіз повідомлень Прокопія про просопографію готів, усе ж відзначимо неухвагу автора до рукописної традиції твору візантійського історика; орієнтир для праці Н. Ганіної — добрий переклад С. Кондратьєва, здійснений, однак, до важливих відкриттів у вказаній галузі.

Серед матеріалів то́му звернемо увагу читача на дослідження І.С. Філіппова «От раба к работнику: история слова manserium и имени manser в средние века»

(64–98) та А.С. Данилова «*Scörjapr* «темные волосы», *japrskammr* «темный заморыш»: цветовые атрибуты инородцев в контексте эддических «Речей Хамдира»» (99–139), О.І. Тогоєвої «Жанна Д'Арк, Афина Паллада и Дева Мария: девственница на защите города» (110–139); особливо цікава та оригінальна стаття А.Ф. Литвиної та Ф.Б. Успенського «Гаральд Суровый и Наполеон Бонапарт: рост правителя в жизни и нарративе» (140–153). У дослідженні А.М. Введенського «Предание об основании Киева и предание о Кие» (154–168), насамперед, дивує, що серед огляду розмаїття гіпотез та припущень довкола етимології Києва ми не зустрічаємо імені Г. Шрамма, автора, праці якого на ниві історичної лінгвістики все ж заслуговують на повагу.

С.М. Міхєєв у статті «Легенда о Владимире и Рогнеде и скандинавская традиция (к параллели с легендой о сыновьях Хейдрека)» (169–179), зроблено спробу довести побутування розповіді чи якоїсь її частини про Володимира та Рогніду у скандинавській літературі. Автор з успіхом, як йому здається, відшуковує «отголоски русских событий конца X века» у піснях Едди, не особливо переймаючись особливостями трансляції популярного середньовічного літературного сюжету. Русько-скандинавські матримоніальні союзи дослідив Крістіан Раффеншпергер «Династичний шлюб у дії: як дві руські княжни змінили Скандинавію» (193–205). Також важливою для розуміння *realpolitik* Константина Мономаха є стаття С.Ю. Темчина «О реакции Константинополя на поставление киевского митрополита Иллариона» (180–192). Збірник завершується «культурологічною» працею Ю.Б. Кагарлицького «Мужество как историко-семантическая и историко-культурная проблема» (206–227).

Наприкінці збірника вкладено одну рецензію, тематику доповідей на семінарі Центру слов'яно-германських досліджень за 2007–2008 рр., конференцій та круглих столів за 2006–2009 рр., а також уміщено перелік видань центру.

О.Ф.

Шинаков Е.А. *Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект*. 2-е изд., исправленное и дополненное. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2009, 477 с.

Перше видання монографії Є.О. Шинакова з'явилося у Брянську 2002 р. Потребу її перевидання автор вмотивує тим, що, мовляв, нині «интерес к книге возрос, тираж ее уже давно разошелся. Это, а также отсутствие выявленных внимательными и профессиональными критиками и широким кругом читателей ошибок принципиального характера (не считая тех положений автора, которые явились и будут представлять в будущем повод и для дискуссий, и для дальнейших исследований в этих направлениях) побуждает к переизданию текста в почти нетронутым виде. Проведена лишь корректировка опечаток, фактических неточностей, дополнены историографический обзор и список литературы,

внесены некоторые изменения в состав приложений к книге. Уточнены и заменены некоторые карты» (3).

Дистанціюючись від розгляду змісту та оцінки нагромаджених автором термінів («предгосударственное образование этапа «сложных вожеств», «социально-потестарная» структура русов», «двухуровневое государство», «сложносоставное» государство» і т.п.), зупинимося на вузлових положеннях, сформульованих у монографії.

Так, часом, коли остаточно завершується створення ранньої держави на Русі, Є.О. Шинаков вважає рубіж X–XI ст. (епоху Володимира). Розпочавшись за правління Олега, її генезис, на думку автора, «заключався в «толчкообразном» переходе от «двухуровневости» «варварской» империи, если не конгломерата потестарно-политических организмов, к достаточно унитарному организму раннегосударственного этапа под названием Русь» (212).

Оцінюючи реформаторську діяльність княгині Ольги, Є.О. Шинаков наголошує на тому, що її реформи, хоч і не ліквідували «двухуровневости, но наметили пути и механизмы этого, положили начало руководимым сверху интегративным процессам» (225). За правління Святослава суспільство і держава, на його думку, перебували у достатній гармонії. Характеризуючи соціальну сутність держави Святослава, автор зазначає, що остання «стадиально предшествовала формированию ранней государственности на Руси, хотя и обладала некоторыми вторичными, характерными не только для нее, признаками последней: гетерогенностью и военно-завоевательной экспансией с целью расширения «налогового поля» (244).

Розглядаючи основні тенденції розвитку ранньодержавної організації, зокрема, формування дружинної державності на Русі в порівняльно-історичному аспекті, Є.О. Шинаков стверджує: «Дружинное государство» в строгом смысле слова — достаточно редкое и узколокальное явление, в наиболее полном виде представлено в Чехии и Польше, возможно, в Дании, отчасти на короткий период и только как инструмент политогенеза в Венгрии. Суть понятия, нашедшего наиболее полное отражение на определенном этапе становления и развития так называемой средневековой модели государственности — полное сосредоточение всей власти в руках князя и дружины, четкое разделение общества на «воинов» и налогоплательщиков (в разных формах, в том числе «служебной организации»); представление о территории государства как собственности князя или династии (рода), а через их посредство — и преданной лично им дружины; комплектация госаппарата исключительно из ее состава; формирование двух полярных ментальностей в обществе, иногда оформляющихся и религиозно-идеологически» (288–289).

На Русі дружинний апарат, на думку автора, посідав значно скромніше місце ніж деінде. «Дружинное государство» на Русі, — доводить Є.О. Шинаков, — не имеет не только четко выраженного характера, но и хронологических рамок, как в Польше. Оно зарождалось как бы «рывками» при Олеге и Святославе, пережило расцвет при Владимире, а затем медленно трансформировалось в иные структуры при Ярославе и его наследниках. Идеологические обоснования

необходимости его существования исчезли после возврата червенских градов, смерти политического оппонента Ярослава — Мстислава Храброго и разгрома печенегов под Киевом, произошедших почти одновременно в середине 30-х годов» (295). «Для Руси конца X — середины XI в., — підсумовує дослідник, — основой являлась корпоративно-дружинная форма ранней государственности с элементами (в регионально- или структурно-политическом плане) линий развития к городам-государствам (не только Новгород, Псков и Полоцк, но и такой институт, как вече, во многих городах, а также боярско-аристократические тенденции в Ростове, Галиче и др.). Эта основа дополнялась некоторыми элементами «политарной» (всеобщность государственной налоговой эксплуатации) и феодально-иерархической (система кормлений — «ярлств») форм государственности. Даже не зная заранее итоговых форм «зрелой» государственности Руси в разных ее частях, можно предположить линии развития от исходного раннегосударственного материала к аристократическим республикам смешанной между земледельческими, торговыми и общинными (полицейскими) городами-государствами формы; неклассической, но все же феодально-иерархической и чиновничье-бюрократической государственности» (307).

У «Додатках» вміщено ряд таблиц («Сравнительная таблица признаков и видов источников по разным этапам древнерусского политогенеза» (422–431); «Взаимосвязь терминов «славяне» и «русь» у восточных авторов, описывающих реалии середины IX в.» (432); «Развитие термина «русы» с середины IX по середину X в.» (433); «Таблица коэффициентов сопряженности между литературно-фольклорными образами» (434)) та серії карт: «Восточная Европа в процессе образования ранней государственности на Руси» (435–445); «Потестарно-политические процессы IX — начала XI в. в Юго-Восточном регионе и их археолого-нумизматическое отражение» (446–451).

В.Р.

Древнейшие государства Восточной Европы. 2009 год. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М.: Индрик, 2010, 496 с.

Черговий щорічник Центру «Восточная Европа в древности и средневековье» Інституту загальної історії РАН розпочинається із сумної звістки про смерть відомого російського візантиніста І.С. Чичурова (1946–2008), праці якого, без сумніву, не дозволили повністю обміліти джерелу російської візантиністики у складні для дисципліни часи. Збірник складається з трьох розділів: «Пути в трансконтинентальной и локальной перспективе» (15–166), «Социокультурное значение путей» (167–263), «Путь как феномен общественного сознания» (264–476). Цікавою є стаття Джонатана Шепарда «Від Боспору до Британських островів: шлях із грек до варягів» (15–43). Автора слід повністю підтримати у намаганні розглядати цей шлях у панорамному контексті. Важливі спостереження Дж. Шепарда над русько-візантійськими договорами, найманством та переселенням англосаксів до Візан-

тії, проникненням візантійської морської термінології до англосаксів (щоправда, без порівняння та врахування такого ж проникнення до «мови» русів). Продовжують проблему «шляху із варяг у греки» статті О.О. Мельникової «Балтийская система коммуникаций в I тысячелетии н.э.» (43–58), Є.В. Пчелова «Путь «из варяг в греки» и принципы землеописания в начальной части «Повести временных лет» (66–77), В.Я. Петрухіна «Путь «из варяг в греки»: летописная конструкция и трансконтинентальные магистрали» (58–66) та Є.А. Шмідта «Кривичи и варяги на волоках пути «из варяг в греки» (78–87).

У дослідженні І.Г. Коновалової «Русы на трансконтинентальных торговых путях IX в.» (88–99) детально проаналізовано текст Ібн-Хордадбеха про маршрути русів. Важлива вказівка автора про те, що *Румійське* море у праці Ібн-Хордадбеха означає виключно Середземне море. У світлі цієї критики тексту повинні бути переглянуті більшість гіпотез про торгівельні маршрути русів у IX ст. Праця Т.М. Калініної «Печенеги и путь к ним из Утгенча (по данным арабских географов)» (153–166) може бути цікавою не лише для сходознавців, але й для дослідників Русі. Зібрані та компактно викладені автором витяги із праць арабських географів та істориків, таких, як Гардізі, ал-Марвазі, ал-Бакрі, ал-Усфурі та ін., дозволяють у порівнянні із *DAI* переглянути розміщення «фем» печенігів.

Варто виокремити статті Джона Лінда «Проблема етнічності при інтерпретації писемних джерел по ранній Русі» (184–196) і Генріка Янсона «Християнізація Скандинавії та кінець Скіфії» (197–210). В останній особливо цікавими є порівняльні спостереження автора над проблемою сприйняття християнізації Скандинавії (від Адама Бременського до сучасних студій над націоналізмом). Особливо слід звернути увагу читачів на підрозділ «Русь з Рослагена», де Г. Янсон блискуче розвіяв міраж над цією псевдопроблемою. Не менш важливими є статті Ф.Б. Успенського «Заметки о топонимике в поэтическом мире скальдов. Кто был «страж Греции и Гардов» в глазах поэта XI в.?» (211–219), О.О. Мельникової «Пути в структуре ментальной карты составителя «Повести временных лет» (318–344), Т.М. Джаксон «Пути» на ментальной карте средневековых скандинавов (Путь как способ освоения пространства)» (300–318), Г.В. Глазиріної «Путь на Восток — путь к христианскому спасению. Сюжеты исландских саг о скандинавах-путешественниках» (384–404), Т.В. Гімона «Упоминание неновгородских топонимов и описание путей в новгородском летописании XII–XIII вв.» (412–435), М.Ф. Котляра «Странствующие двory галицких князей» (445–462).

Як додаток уміщено продовження праці Л.В. Столярової «Заказчики древнерусских кодексов XI–XIV вв. Ч. 4. Заказчики XIV в., упомянутые в записях на книгах (продолжение)» (477–489).

О.Ф.

Древнейшие государства Восточной Европы. 2006 год: Пространство и время в средневековых текстах. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010, 552 с.

Новий том щорічника присвячено популярній у сучасній медієвістиці проблемі, а саме — простору та часу. Будучи дитям структуралізму, вказаний напрям потребує витонченого антропологічного інструментарію, без реалізації якого проблема швидше наближається до «традиційної». Тому витримати тематичну спрямованість, на жаль, повністю не вдалося. Однак такий несподіваний методологічний синтез також має свою привабливість для читача.

Варто все ж зважити на праці О.О. Мельникової «Пространственная ориентация в Повести временных лет» (73–94), П.П. Толочка «Древний Киев в представлениях современников» (95–103), Т.Л. Вілкул «Сторона / страна: словоупотребление и географические представления летописцев» (115–134), М.Ф. Котляра «Изменчивость представлений о Русской земле в летописных источниках XI–XIII вв.» (с. 104–114). Цікаво, що автор не відмовляється від колись популярної думки про вплив «удільної (феодалної) роздробленості» на виокремлення поняття *Руська земля* як у «широкому», так і «вузькому» його сенсі. У статті І.Г. Коновалової «Образы Ойкумены в средневековой мусульманской географии» (135–141) дослідниця звертається до одного зі стереотипних сюжетів мусульманської географії, а саме — «острова русів». Автор цілком справедливо вказує, що історик нерідко «оказывается в плену своих собственных географических ассоциаций». Продовжує тему мусульманської географії дослідження Т.М. Калініної «Восприятие времени и пространства арабским ученым X в. ал-Мас'уди» (396–417). Оригінальна стаття Сверра Якобсона «Народы Аустрвега и исландская картина мира: Прощание с историческим мифом» (142–171), де автор спробував реконструювати уявлення не лише про церковний розкол 1054 р. у скандинавській літературі, але й про образ візантійського імператора та Константинополя. Втім, нерідко автор шукає релігійний підтекст там, де його, скоріше, не було. Так, *latinoi* — група воїнів, які вирішили перебувати радше з Гаральдом Суворим, ніж з «Гюргіром» (швидше за все, Георгій Маніак), були норманнами, отже їх об'єднання не виглядає дивним. Також цікавими є дослідження А.Ф. Литвиної, Ф.Б. Успенського «Панегирические формулы щедрости правителя на пути из варяг в греки» (172–187), М.Ф. Котляра «Событийная хронология Галицко-Волинского свода» (281–296), А.Р. Гущина «В поисках начала суточного круга в домонгольской Руси: к постановке проблемы (По произведениям Кирилла Туровского)» (297–308), В.Я. Петрухіна «Пространство и время киевской легенды» (381–395). Особливо важливою є праця С.М. Каштанова «О земельных владениях белозерских князей в Пошехонье». Приложение. «Документы копийной книги Павло-Обнорского монастыря» (230–280) та чергове продовження роботи Л.В. Стоярової «Заказчики древнерусских кодексов XI–XIV вв. Ч.4.

Заказчики XIV в., упомянутые в записях на книгах». Викликає інтерес також рецензія І.Г. Коновалової на працю І.К. Фоменка «Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII–XVII в.».

О.Ф.

Назаренко А.В. *Древняя Русь и славяне (историко-филологическое исследование)* [Древнейшие государства Восточной Европы, 2007 год]. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009, 528 с.

До збірки статей російського історика і філолога Олександра Васильовича Назаренка увійшли лише ті, які прямо присвячені Давній Русі, виключаючи її зовнішньополітичні зв'язки (підсумовані автором в об'ємній монографії у 2001 р.). Варто зауважити, що всі без винятку статті свого часу публікувалися О.В. Назаренком та тією чи іншою мірою, маємо надію, відомі читачам. Утім, до честі автора, більшість з них подані до книги у виправленому та доповненому варіанті, часто із врахуванням критики та, що цікаво, містять тут же відповідь на критику. До книги увійшло 20 статей, які відповідають науковим зацікавленням автора від 1970-х рр. до сьогодні.

Серед них найбільш важливими є «Древнерусское династическое старейшинство по «ряду» Ярослава Мудрого и его типологические параллели — реальные и мнимые» (7–28), «Ряд» Ярослава Мудрого в свете европейской типологии» (29–46), «Династический строй Рюриковичей X–XII веков в сравнительно-историческом освещении» (47–87), «Династический проект Владимира Мономаха: попытка реформы киевского столонаследия в 30-е годы XII века» (88–102), «Была ли столица в Древней Руси? Некоторые сравнительно-исторические и терминологические наблюдения» (103–113), «Черниговская земля в киевское княжение Святослава Ярославича (1073–1076 годы)» (114–123), «Городенское княжество и городенские князья в XII веке» (124–161), «Немцы в окружении святителя Мефодия, архиепископа моравского?» (162–171), «Территориально-политическая организация государства и епархиальная структура церкви в Древней Руси (конец X–XII веках) (172–206), «Митрополии Ярославичей во второй половине XI века» (207–245), «Новороссия», «Великороссия» и «вся Русь» в XII веке: церковные истоки этнополитической терминологии» (246–268), «Зело неподобно правоверным»: межконфессиональные браки на Руси в XI–XII веках» (269–284), «У истоков русского паломничества (исторические, богословские, дисциплинарные и правовые аспекты)» (284–297), «О язычестве славян» (298–314), «1054 и 1204 годы как вехи русской истории» (315–325), «Нагиск на Восток» или «свет с Востока»? История русско-немецких отношений в кругу стереотипов» (326–348), «Два лица одной России: В.Т. Пашуто как русский историк» (349–360), «*Gno-suot genot «Знай свой род»: размышления историка на междисциплинарном пограничье» (памяти О.Н. Трубачева) (361–372), «К спорам о происхождении названия Киев, или о важности источниковеде-

ния для этимологии» (373–390), «К этимологии самоназвания скифов Σκολοτοι (Herod. IV, 6) (391–398). Зібрання всіх цих статей автором у збірці, без сумніву, сприятиме подальшим студіям над вказаними проблемами.

О.Ф.

Зайцев А.К. *Черниговское княжество X–XIII вв.: избранные труды* [Историко-географические исследования]. М.: Квадрига, 2009, 226 с.

Основний зміст книги знаного фахівця з історичної географії Київської Русі складає його раніше неопублікована кандидатська дисертація «Черниговское княжество X–XIII вв. Историко-географическое исследование», захищена ним в Інституті історії СРСР АН СРСР в 1976 р. Головні її положення були оприлюднені у серії статей 1974–1975 та 1981 рр. Чи не найбільш помітною з них стала стаття «До питання про формування території давньоруських князівств у XII ст.», що з'явилася на сторінках *Українського історичного журналу* (1974, № 5, 4–53) та доволі об'ємний нарис «Черниговское княжество», вміщений у відомому збірнику «Древнерусские княжества X–XIII вв.» (М., 1975, 57–117). Ці публікації викликали тоді жвавий інтерес серед науковців, залишившись на довгі роки своєрідною лоцією і зразком для студіювання цієї проблематики на матеріалах інших давньоруських земель-князівств.

У нинішньому виданні праці О.К. Зайцева містяться свого часу впорядковані ним у «Додатках» до дисертації й частково доповнені нині результати авторського аналізу локалізації більше сотні географічних назв Чернігівської землі («Поселення, реки и урочища Черниговской земли», 135–174), які раніше не були опубліковані.

Картографічний блок книги представлено шістьма картами. Відкривається він давньою картою А.М. Насонова («Киевская земля (включая волости Берестейскую и Турово-Пинскую), Черниговская земля и Переяславская земля»). Далі вміщено чотири карти, укладені свого часу самим О.К. Зайцевим: «Племенные и государственные границы Черниговской земли», «Черниговская земля в XII — первой половине XIII вв.», «Границы «Вятичей». Ход военных действий в Черниговской земле (декабрь 1146 — лето 1147 гг.)», «Курское княжество». I, насамкінець, зведена підсумкову карту, підготовлену В.М. Тьомушевим «Черниговская земля и ее соседи в XII в. (историко-географическая реконструкция)».

У виданні вміщено також дослідження О.К. Зайцева з історії формування поселенської структури Чернігівського князівства на далекій його східній периферії: «Подмосковные Уполозы 1231 г.» (190–198), «О малоизвестных поселениях Подмоскovie первой трети XIII в. (Голобино, Волочок и Уполозы)» (199–205), «Где находились владения князя Липовичского, упоминаемого в летописях под 1283–1284 гг.?» (206–216). Оpubліковані свого часу у нетиражних виданнях, вони були досі малодоступні широкому колу фахівців. До книги включено повну бібліографію праць О.К. Зайцева.

За десятиліття, що минули з часу написання цих робіт, наукою нагромаджено великий комплекс нових матеріалів, передусім археологічних, досліджено чимало міст та поселень Чернігівської землі, уточнено їх локалізацію. Отож, упорядникам варто було б, на мій погляд, ширше доповнити видання відповідними коментарями та посиланнями на сучасну літературу, як і додати до книги географічний та іменний покажчики.

В.Р.

Средневековая Русь. Вып. 8, отв. ред. А.А. Горский. М.: Индрик, 2009, 248 с.

Восьмий випуск збірника «*Средневековая Русь*» (далі — *СР*), на жаль, повернувся до свого першопочаткового формату, який встигли вже призабути читачі 4–7-х томів. Однак все це не стало на заваді традиційному стилю видання — публікації великих за обсягом статей. Так, П.С. Стефанович у статті «Дружина» в древнейшем русском летописании» (с. 6–51), вважає, що його дослідження виокремлює «методологический подход». Як з'ясує читач, «підхід» полягає лише у тому, що вчені, на думку П.С. Стефановича, «не учитывали в должной мере достижения летописной текстологии». Як панацею від усіх цих бід, автор намагається розглядати соціальну термінологію давньоруського літописання на прикладі *НПЛ мл.*, текст якої він, слідом за О.О. Шахматовим, вважає давнішим за *ПВЛ*. На наш погляд, це саме той випадок, коли текстологія, за влучним висловом Саймона Франкліна, мало у чому допомагає історичу. Важливою є праця О.С. Щавелева «Формы мести и наказания в междукняжеских отношениях Рюриковичей» (52–63). Автор відмовляється вбачати в осліпленні «візантійській слід»; та все ж поширення специфічно візантійської форми покарання серед країн *візантійського співтовариства* залишає мало сумнівів щодо походження, всупереч думці автора. Дивує також, що О.С. Щавелев розглядає вигнання чи заслання руських князів у Візантію поза будь-яким контекстом. Для нього, на жаль, залишилася невідомою чи не єдина розвідка (Halina Evert-Kappesowa, «Formy zesłania w państwie bizantyńskim»), яка присвячена цій складній проблемі. Праця Д. Домбровського «К вопросу о датах рождения Даниила и Василька Романовичей (заметки к статье А.П. Толочко)» (85–100), викликана статтею О.П. Толочка у попередньому, 7-му, випуску *СР*, дезавує декілька його аргументів. Нам залишається лише сподіватися, що ця цікава дискусія матиме своє продовження. Не менш важливими є статті Б.М. Флорі «Правитель и знать в древнерусском летописании XII века» (64–84), В.А. Кучкіна «Договор 1348 г. великого князя Симеона Ивановича с братьями Иваном Звенигородским и Андреем Серпуховским» (101–175), А.С. Усачева «Источники Степенной книги по русской истории XIII–XV вв.» (176–216). Випуск завершується рецензією П.В. Лукіна «Терминологический анализ: плюсы и минусы (по поводу монографии Юнаса Гранберга о древнерусском вече)» (217–243).

О.Ф.

Pre-Modern Russia and its World. Essays in Honor of Thomas S. Noonan, ed. by Kathryn L. Reyerson, Theofanis G. Stavrou and James D. Tracy (Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006) (*Schriften zur Geistesgeschichte des östlichen Europa*, Band 29), 180 pp.

Збірник присвячено пам'яті відомого вченого Томаса Нунена (1938–2000), автора великої кількості праць з економічної історії ранньої Русі, Скандинавії та Хозарії. На жаль, Томас Нунен так і не встиг завершити свою підсумкову працю — “*Dirham Hoards from Medieval Western Eurasia, c. 700 — c. 1000*”. На щастя, є сподівання, що робота буде належно завершена його учнями та колегами (Roman K. Kovalev, Gert Rispling, “Thomas S. Noonan in memoriam”, *Revue Numismatique*. Année 2002. Vol. 6. Numéro 158, 375–383, там же часткова бібліографія, 380–383). Не позбавлений оптимізму щодо вказаної видавничої справи нарис Теофаніса Ставру «Томас Нунен: колега і друг». Серед 7-ми статей, які увійшли до збірника, виокремлюється не лише за значним обсягом (64 с.) дослідження Джонатана Шепарда, предметом якого є «зустрічі русів із візантійським світом», на прикладі проблеми «Русь біля Керченської протоки» (15–78). Автор послідовно студіює різні аспекти теми: війни русів із хозарами, місцеві еліти та Візантія, початки становлення русів на Тамані та повернення їх, князь Мстислав Володимирович та його союзні взаємини із Візантією, храми Мстислава у Чернігові й Тмуторокані, походи русів на Східний Кавказ на початку 1030-х рр., печатки Мстислава-Костянтина та його сина Євстафія, церковні та політичні контакти між Тмутороканню, Аланією та Константинополем у XI ст., Олег Святославич у Тмуторокані, три аспекти кар'єри Олега (перша зустріч із Тмутороканню, повернення Олега до Тмуторокані та символи його влади), руська єпархія у Тмуторокані, практичні зауваження до печаток і писемних свідчень та ін.

Не менш цікавими є й інші, вміщені у збірнику, праці. Так, Пітер Гольден продовжує серію своїх досліджень щодо сакральної природи влади у Хозарії (79–102). М. Макаров у статті «Торговці у лісі: північна периферія Русі у середньовічній торговій мережі» (115–135) представив нові можливості археології при студіях над ранньою історією Русі. Цікавою та оригінальною є стаття Томаса Альсена «Соколи та обмінна мережа середньовічної Євразії» (135–154) й спільна праця Анни Стальсберг та Берна Лебо про корабельні цвяхи доби вікінгів, їх ідентифікацію та ін. (103–114). Частиною статті є «лабораторне дослідження». Важливими є праці Річарда Геллі про відображення (рефлексії) московського суспільства у другій половині XV ст. (155–160) та Джанет Мартін «Монета, торгівля і концептуалізація Київської Русі» (161–172). В останній статті проведено цікаве узагальнення досліджень Т. Нунена.

О.Ф.

Археологія і давня історія України. Вип. I. Проблеми давньої та середньовічної археології. К.: Інститут археології НАН України. 2010, 586 с.: 125 рис., 14 табл.; 2 с. вкл.

Підготовлений з нагоди 25-річчя сектору давньоруської та середньовічної археології, який у 1996 р. був перетворений на відділ, і 60-річчя члена-кореспондента НАН України, д.і.н. О.П. Моці, котрий 15 років очолює даний підрозділ, цей збірник наукових праць започатковує нову серію видань Інституту археології НАН України — «Археологія і давня історія України».

У вступних розділах збірника вміщено привітання О.П. Моці з нагоди його 60-річчя, список наукових праць ювіляра, а також матеріали, що висвітлюють результати науково-експедиційної діяльності очолюваного ним відділу.

У наступному тематичному блоці представлено статті-дослідження співробітників цього наукового підрозділу. С.О. Біляєва підсумовує результати та перспективи досліджень османських пам'яток Північного Причорномор'я (67–72), А.В. Борисов — давньоруського Поросся (73–78), В.К. Козюба — давньоруської садиби Південної Русі (124–129). У публікації І.А. Готуна та О.М. Казимира «Ходосівський археологічний комплекс» (100–108) висвітлюються результати досліджень та музеєфікації пам'яток археології, розташованих поблизу с. Ходосівка Києво-Святошинського району. В статті А.Л. Казакова «Літописна «сівера» і літописні міста Чернігово-Сіверщини» (109–115) йдеться про формування етнічної території сіверян та виникнення племенних центрів, що мали, на думку автора, характерну міську структуру. Одним із найдавніших серед них був, як доводить А.Л. Казаков, Радичів на правому високому корінному березі Десни. Він певний час залишався головним містом Сіверщини, аж поки не поступився першістю в кінці XI ст. Новгороду-Сіверському (111). У роботі О.В. Колибенко (130–136) узагальнюються результати історико-археологічного вивчення Переяслава та Переяславщини. Історії дослідження давньоруського Білгорода присвячено статтю В.Ю. Непомнящих (144–150), де розглядаються результати, проблеми та перспективи подальшого вивчення історії й археології середньовічного міста.

Вельми насичений цікавим і різноманітним матеріалом розділ «Дослідження проблем середньовічної археології та історії», де представлено понад 40 статей. Рамки короткої замітки унеможливають відобразити всю підняту фахівцями тематику та віддати належне її змістовому наповненню. У статті О.М. Веремейчик «Результати та перспективи археологічних досліджень сільських поселень Чернігівського Полісся» (209–215) детально охарактеризовано потужний археологічний матеріал із сільських поселень, накопичений протягом ХХ — початку ХХІ ст. Про стан дослідження та проблеми охорони пам'яток археології межиріччя Горини — Дністра йдеться у статті С.Ю. Демидка (245–250). Л.П. Михайлина на основі аналізу писемних та археологічних джерел розглянув роль обштинних центрів як опорних пунктів полюддя у літописних княжіннях східних слов'ян (261–265). Стаття Т.Д. Позивай «Проблеми вивчення пам'яток Золотої

Орди» (273–277) є спробою систематизації відомостей про вивчення золотоординських пам'яток в Україні й виокремлення важливих проблем і напрямів їх подальшого археологічного дослідження. Автор вважає актуальним створення чіткої методики відбору за ознаками датування пізньокочівницьких поховальних комплексів і виділення з-поміж них саме золотоординських та необхідність систематизації керамічних комплексів поселенських пам'яток. У статті В.К. Козюби порушено важливе питання про створення нового Національного каталогу слов'яно-руських городищ VIII–XIII ст. на основі каталогів М.П. Кучери і А.В. Кузи та нових пам'яток, виявлених на території України (292–298).

Цікавою є здійснена К.О. Михайловим спроба реконструкції дерево-земляних укріплень Старокиївського городища (308–315). На його думку, перші його укріплення функціонували на дуже короткому проміжку часу. «Так как в заполнении рва и городней была найдена гончарная керамика, можно предполагать, — пише автор, — что укрепления функционировали на рубеже IX–X — первой четверти X столетия. Затем они были разобраны, а ров частично засыпан. Вплоть до строительства монументального княжеского комплекса в конце X в., на краю полузасыпанного рва городища располагался языческий некрополь. Если Старокиевское городище и использовалось в качестве княжеской резиденции, то очень недолго» (314). Найближчу аналогію укріпленням на Старокиївській горі автор додає у конструкції ранніх укріплень Новгородського (Рюрикового) городища. Такою ж є й здійснена у статті Б.П. Томенчука «Фортифікація давнього Галича» (335–344) спроба реконструкції укріплень долітописного, літописного і пізньосередньовічного Галича. В оборонній архітектурі міста X–XVII ст. автор простежує впливи традицій «як місцевого хорватського (?), так і сусіднього великоболгарського (візантійського), киево-руського, угорського оборонного будівництва. В пізньосередньовічному Галичі-Крилосі це впливи традицій тогочасних українського та польського фортифікаційного будівництва» (343).

Висвітленню результатів архітектурно-археологічних досліджень середньовічних пам'яток київського зодчества присвячено статті Г.Ю. Івакіна, О.М. Іоннісіяна, Д.Д. Йолшина і Ю.В. Лукомського «Архітектурно-археологічні дослідження Десятинної церкви 2008–2009 рр.» (388–394) та М.А. Сагайдака «Дмитріївський монастир XI ст. у Києві: версії інтерпретацій та нові дослідження» (408–412). Вельми пізнавальний і науковий інтерес становлять спостереження й узагальнення Д.Д. Йолшина новітніх досліджень давньоруської плінфи (395–407) та міркування Є.І. Архипової щодо стану та проблем вивчення кам'яних іконок домонгольської Русі (419–425). Не залишить байдужим читача й стаття О.В. Чернецова «Перстень-печать с библейской цитатой» (426–430), де автор запропонував оригінальну спробу прочитання цієї цитати (428) та навіть ряд аналогій до неї у середньовічних літописних текстах.

Сучасні тенденції історіографії дослідження духовної культури Київської Русі ґрунтовно проаналізовано у статті Н.В. Хамайко «Від язичництва до християнства крізь призму археології: сучасні тенденції археології» (431–442). Дослідниця цілком справедливо наполягає на неправомірності використання терміну «двовір'я» для означення язичницько-християнського синкретизму, що є, на її думку, самодостатнім

і науково коректним терміном (439). У статті О.П. Толочка «Софийские граффити и дата поставления митрополита Иллариона» (513–516) розглядаються опубліковані раніше С.О. Висоцьким і В.В. Корнієнком графіті з Софії Київської, в яких йдеться про можливі дати поставлення митрополита Іларіона. На основі скрупульозного аналізу літописних джерел автор обґрунтував висновок про поставлення митрополитів і єпископів переважно в недільний день, або в дні, суміжні до нього (субота та понеділок). Висловлені міркування переконливо спростовують опубліковану інтерпретацію розглянутих графіті. В.М. Ричка («Про федеративні засади державно-політичного устрою Київської Русі», 517–521) розглядає дискусійні питання суспільно-політичного ладу і форми Давньоруської держави. В.Я. Петрухін («Трансконтинентальные связи Древней Руси и поход Святослава на хазар», 522–526) на підставі археологічних і писемних джерел розглядає трансконтинентальні комунікації, які були, на його думку, основою формування території Давньоруської держави. Дослідник також розмірковує над питаннями хронології походу князя Святослава на хозар та напрямками розгортання бойових дій.

У заключному розділі збірника (MEMORIA) видавці, вшановуючи пам'ять співробітників відділу, які відійшли у Вічність, помістили спеціально зібрані та опрацьовані їхні наукові праці, раніше неопубліковані. В статті М.Ю. Брайчевського «Маленький астрономічний трактат XI ст.» (529–533) подано український переклад уміщеного в *Ізборнику* 1073 р. тексту шести параграфів (184–189), присвячених знакам зодіаку з коментарями автора. У статті Б.А. Звіздецького «Малинське городище древлян» (534–540) аналізуються матеріали розкопок городища у м. Малин на Житомирщині. Результати багаторічних археологічних досліджень замчища-садиби Б. Хмельницького у Суботові оприлюднюються в статті М.П. Кучери (541–554). Вміщено також дві статті В.О. Петрашенко («Заповідники Канівщини очима археолога», 555–558; «Соціальна та етнічна характеристика південно-руських неукріплених поселень», 559–562). Завершує збірник дослідження О.В. Сухобокова «Северяне посульського пограниччя Древней Руси IX–XI вв.» (563–571), присвячене осягненню соціокультурних процесів «одержавлення» населення сіверянського племінного союзу Дніпровського Лівобережжя в IX–XI ст. «Анализ полученных в результате многолетних раскопок материалов дает основания, — доводит автор, — говорить об определенном периоде культурного синкретизма северянского общества XI и на протяжении значительной части XII века, характерной чертой которого было диалектическое сосуществование племенной и общедревнерусской культур, но без острого противоборства, ведущего, по мнению некоторых авторов, к физическому исчезновению носителей роменской культуры. При этом историческая обреченность традиций племенной культуры по мере развития феодальных отношений, и культурная нивеляция в рамках государственного организма, усугубленная насильственной христианизацией подвластного населения, вряд ли могут подвергаться сомнению» (570).

Безперечно, фахівцям стануть у великій пригоді й інші матеріали, що містяться у цьому вельми представницькому збірнику наукових праць.

В.Р.

СКРОЧЕННЯ

АЗР	Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб.
АП	Археологічні пам'ятки УРСР. К.
АЮЗР	Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссиею для разбора древних актов
БАН	Библиотека Российской академии наук. СПб.
БЛДР	Библиотека литературы Древней Руси. СПб.
ВВ	Византийский временник. М.
ГИМ	Государственный исторический музей. М.
Записки	
ИИМК РАН	Записки Института истории материальной культуры РАН
ЗНТШ	Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей
ІР НБУВ	Институт рукопису Національної бібліотеки України ім. В.І. Вернадського
ИАК	Императорская археологическая комиссия. СПб.
ИОРЯС	Известия Отделения русского языка и словесности АН. СПб.; Пг.; Л.
МАИЭТ	Материалы по истории, этнографии и археологии Таврии
МЗМК	Музей-заповедник «Московский Кремль»
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
НА ИА НАНУ	Науковий архів Інституту археології НАН України. К.
НА ИИМК РАН	Научный архив Института истории материальной культуры РАН. СПб.
НА РАХ	Научный архив Российской Академии художеств
НПЛ	Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов /А.Н. Насонов. М.; Л., 1950.
ПВЛ	Повесть временных лет / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Ст. и комм. Д.С. Лихачева. М.; Л., Ч. 1–2; 2-е изд., испр. и доп. / М.Б. Свердлов. СПб., 1996
ПЛДР	Памятники литературы Древней Руси. М.
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей. СПб.; М.
РА	Российская археология. М.
РГАДА	Российский государственный архив древних актов. М.
РИБ	Русская историческая библиотека. СПб.
РНБ	Российская национальная библиотека — Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. СПб.
РНБ ОР	Отдел рукописей РНБ
СА	Советская археология. М.

Сб. РИО	Сборник Русского исторического общества. СПб.
СлККДР	Словарь книжников и книжности Древней Руси, в 3 вып., Л./СПб., 1987–2004
ТОДРЛ	Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук (Пушкинского Дома). Л./СПб.
Труды СНО	Труды студенческого научного общества
ЧОИДР	Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.
AGAD	Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie
BZ	Byzantinische Zeitschrift. München
EEBS	Epeteris Hetaireias Byzantinon Spoudon
LM: 4	Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4 (1479–1491). Užrašymų knyga 4. Vilnius, 2004
LM: 5	Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 5. (1427–1506). Užrašymų knyga 5. Vilnius, 1993
LM: 12	Lietuvos Metrika (1540–1543). 12-oji Teismų bylų knyga. 12. (XVI a. pabaigos kopija). Vilnius, 2007

Наукове видання

RUTHENICA

ТОМ ІХ

Наукові редактори:
Володимир Ричка, Олексій Толочко

УДК [(367)+(477)] 08

RUTHENICA. Альманах середньовічної історії та археології Східної Європи. Том ІХ. — К.: Інститут історії України НАН України, 2010. — 234 с.

Оригінал-макет підготувала
Анжела Корженівська
Коректура
В'ячеслав Григор'єв

Підписано до друку ??????. Формат 70×108 1/16
Ум. друк. арк. ????. Обл.-вид. арк. 17,41.
Наклад ??? прим. Зам   Ціна договірна
Поліграфічна дільниця Інституту історії України НАН України
Київ-1, вул. Грушевського, 4